РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. VII, part 2

Edited by N. N. Kazansky

Volume editor V. F. Vydrin

St. Petersburg
Nauka
2011

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том VII, часть 2

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Ответственный редактор выпуска В. Ф. Выдрин

Санкт-Петербург
Наука
2011

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Mandeica Petropolitana II / Ред. В. Ф. Выдрин. СПб.: Изд-во «Наука», 2011. — 460 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VII. Ч. 2).
ISBN

РЕДКОЛЛЕГИЯ
«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,
д. филол. наук М. Д. Воейкова, д. филол. наук Е. В. Головко,
к. филол. наук С. Ю. Дмитренко, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),
д. филол. наук, проф. С. А. Мызников,
к. филол. наук А. П. Сытов, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский

РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

В. Ф. Выдрин

Исследование осуществлено в рамках проекта «Разработка автоматического глоссирования текстов языков с грамматическими тонами: семья манде» (Программа фундаментальных исследований ОИФН РАН “Текст во взаимодействии с социокультурной средой: Уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации”).

Оригинал-макет: В. Ф. Выдрин

ISBN

© Коллектив авторов, 2011
© ИЛИ РАН, 2011
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2011

MANDEICA PETROPOLITANA

II

РОССИЙСКАЯ МАНДЕИСТИКА В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

За пять лет, прошедших с момента выхода в свет первого сборника Mandeica Petropolitana (Труды ИЛИ, Том II, часть 2), завершилось становление российской мандеистики в её новом качестве:

– как направления, порвавшего с былой традицией изучения живых языков как мёртвых и игнорирования тональных систем;

– как ведущего раздела отечественной лингвистической африканистики: на языковедческих секциях российских африканистических конференций последних лет доклады по языкам манде неизменно составляют от четверти до половины всей программы;

– как международного лидера в изучении языков манде: достаточно сказать, что в парижском журнале Mandenkan, специализирующемся на мандеистической проблематике, за последние девять лет (т. е. с тех пор, как туда начали поступать материалы коллективных российских экспедиций в Кот-д'Ивуар) ровно две трети всех публикаций принадлежат российским авторам.

Признанием этого последнего факта стало проведение Второй Международной конференции по языкам манде (15–17 сентября 2008 года) в Санкт-Петербурге. Можно сказать, что в ходе подготовки и проведения этой конференции произошло формирование ядра международного мандеистического сообщества лингвистов.

Несомненно, главным механизмом, сделавшим возможным такое быстрое движение вперёд, стали регулярные экспедиции в страны Западной Африки, о которых стоит сказать особо.

Российские лингвистические экспедиции в Западную Африку

Идея коллективных экспедиций в Кот-д'Ивуар отталкивалась, в первую очередь, от модели экспедиций А. Е. Кибрика по изучению языков России и бывших республик СССР, история которых изложена, в частности, в статьях А. Е. Кибрика [2007, 2008, 2010]. Можно назвать следующие элементы полевого опыта, которые были нами заимствованы:

– прямой опрос носителей изучаемого языка по анкетам, особенно на начальном этапе работы. В дальнейшем постепенно увеличивается удельный вес работы с естественными текстами;

– большая роль семинаров в экспедиционной работе, свободный обмен собранными данными;

– проживание всех участников экспедиции в одном месте, что способствует более интенсивному обмену идеями между экспедиционерами и уменьшает психологическую нагрузку на каждого из них. Недостатком такого решения оказывается некоторая оторванность исследователей от естественной жизни народов, говорящих на изучаемых языках. Во время сеансов работы с информантами метаязыком оказывается французский, и необходимости общения на изучаемом языке фактически не возникает, с чем связаны трудности его практического освоения. Однако опыт первых двух экспедиций (в 2001 и 2002 годах), когда экспедиционеры жили дисперсно, показал, что преимущества сосредоточения экспедиции в одном месте (с краткими выездами в деревни) более весомы, чем недостатки.

Африканская специфика заставила внести в экспедиционную модель и весьма существенные изменения. Самой кардинальной инновацией стал принцип «один исследователь – один язык». Если в экспедициях А. Е. Кибрика (а также его многочисленных последователей из Москвы и Петербурга, изучающих языки России) все участники, как правило, занимаются одним языком – при этом каждый получает в качестве объекта исследования одну более или менее узкую тему, – то жёсткие требования проекта, финансируемого Швейцарским национальным фондом научных исследований, поставили перед каждым исследователем гораздо более объёмные задачи: полное описание одного языка, в том числе составление словаря и написание очерка грамматики. Этот принцип сохранился и в дальнейшем, когда финансирование экспедиций стало осуществляться за счёт грантов РГНФ.

Естественным результатом этой новации стала более высокая требовательность к отбору кандидатов: понятно, что вверять целостное описание языка студенту с недостаточной лингвистической подготовкой или исследователю немало мотивированному, желающему просто съездить в экзотическую Африку, – слишком дорогое удовольствие. В африканскую экспедицию включались люди, уже имевшие опыт «ближних» экспедиций и хорошо себя в них проявившие. При этом они нацеливались на быстрое дости-

жение ощутимых результатов (выступления на конференциях, написание как минимум одной статьи уже после первой поездки).

Если окинуть взором десятилетнюю историю российских экспедиций по языкам манде, то можно отметить постоянное расширение числа изучаемых языков, их географии, а также числа исследователей. Многие, присоединившись к экспедиции, стали её постоянными участниками; другие ограничились одной–тремя поездками. Но и они продолжают обрабатывать собранные несколько лет назад материалы и публиковать их – примером чего может служить очерк грамматики бен в данном сборнике.

Приведём краткую хронику экспедиций.

Первая состоялась в январе–марте 2001 в следующем составе: Валентин Феодосьевич Выдрин (общее руководство; диалектология дан), Дмитрий Игоревич Идиатов (язык тура), Ирина Олеговна Жук (язык гуро), Алёна Евгеньевна Чердынцева (язык дан-гуэта), Татьяна Владимировна Никитина (язык уан). В экспедиции участвовал и Томас Беарт, руководитель проекта с швейцарской стороны.

Вторая экспедиция, январь–март 2002: В. Ф. Выдрин и Томас Беарт (руководители), Д. И. Идиатов (язык тура), И. О. Жук (язык гуро), А. Е. Чердынцева (язык дан-гуэта), Александр Юрьевич Желтов (язык гбан), Анна Владимировна Эрман (язык дан-бло).

Третья экспедиция, октябрь–ноябрь 2003, Абиджан: В. Ф. Выдрин (общее руководство; языки дан-гуэта и гуро), Д. И. Идиатов (тура), А. Ю. Желтов (гбан), А. В. Эрман (дан-бло), Елена Всеволодовна Перехвальская (муан).

Четвёртая экспедиция, январь–март 2004, Абиджан: В. Ф. Выдрин (общее руководство; дан-гуэта, гуро), А. В. Эрман (дан-бло), Е. В. Перехвальская (муан), Т. В. Никитина (уан), Денис Аронович Паперно (бен).

Пятая экспедиция, январь–февраль 2005: В. Ф. Выдрин (общее руководство; дан-гуэта), А. В. Эрман (дан-бло), Е. В. Перехвальская (муан), Д. А. Паперно (бен), Ольга Васильевна Кузнецова (гуро).

Шестая экспедиция, январь–март 2006, Абиджан: В. Ф. Выдрин (общее руководство; дан-гуэта), А. В. Эрман (дан-бло), Е. В. Перехвальская (муан), Д. А. Паперно (бен), О. В. Кузнецова (гуро), Наталья Владимировна Кузнецова (гуро), Екатерина Вячеславовна Кочмар (гбан), Т. В. Никитина (уан), Артём Витальевич Давыдов (говор каранджан, манден).

Седьмая экспедиция, январь–март 2007, Абиджан: В. Ф. Выдрин (общее руководство; дан-гуэта), А. В. Эрман (дан-бло), О. В. Кузнецова (гуро), Н. В. Кузнецова (гуро), Е. В. Перехвальская (муан), Надежда Владимировна Макеева (кла-дан), Мария Алексеевна Цурюпа (яурэ).

Восьмая экспедиция, январь–март 2008, состояла из двух отрядов:

– Абиджан: Е. В. Перехвальская (руководитель; язык муан), Н. В. Кузнецова (гуро), О. В. Кузнецова (гуро), Н. В. Макеева (кла-дан);

– Нзерекоре (Гвинея): В. Ф. Выдрин (руководитель; языки дан-гуэта, манинка), Мария Борисовна Коношенко (кпелле), Александра Валентиновна Выдрина (какабе).

Девятая экспедиция состояла из трёх этапов. В отдельный этап (ивуарийский: 25 декабря 2008 – 7 января 2009) следует выделить два праздника – презентации опубликованных словарей двух вариантов языка дан (дан-гуэта и дан-бло), составленных участниками экспедиции [Vydrine. Kességbeu 2008; Erman, Loh 2008]. Эти праздники–презентации прошли на западе Кот-д'Ивуара, в деревне Санта и городе Данане (местах проживания соответствующих этнических групп). В этих мероприятиях участвовали Томас Беарт, В. Ф. Выдрин, А. В. Эрман, Н. В. Макеева и этнолог Татьяна Андреевна Соколова.

Затем экспедиция передвинулась в Гвинею и обосновалась (в расширенном составе) в Нзерекоре, где и пробыла до конца февраля в следующем составе: Н. В. Макеева (кла-дан), Дарья Фёдоровна Мищенко (лоома), М. Б. Коношенко (кпелле), Мария Леонидовна Хачатурьян (мано), А. В. Выдрина (какабе), Т. А. Соколова, В. Ф. Выдрин (руководитель; язык дан-гуэта).

Третьим этапом этой экспедиции можно считать поездку в Кот-д'Ивуар Е. В. Перехвальской (язык муан, Абиджан – Буафле – дер. Бамбалума) и О. В. Кузнецовой (язык гуро, Абиджан) в апреле–мае того же года.

Десятая экспедиция также проходила в три этапа:

– январь–март 2010, Абиджан – Ман, с выездом части экспедиции в Гвинею (Нзерекоре, Масанта и деревни к западу от Масанты; супрефектура Канкалабе на Фута-Джаллоне). Участники: В. Ф. Выдрин (руководитель; дан-гуэта, диалектология какабе), Кирилл Владимирович Бабаев (зиало), А. В. Выдрина (какабе),

Мария Александровна Косогорова (пулар), О. В. Кузнецова (гуро), Н. В. Макеева (кла-дан), Д. Ф. Мищенко (лоома), М. Л. Хачатурьян (мано), А. В. Эрман (дан-бло);

– май–июнь 2010: Е. В. Перехвальская (муан) и А. В. Эрман (дан-бло);

– июнь–июль 2010: В. Ф. Выдрин и А. В. Давыдов (языки манинка и бамана, диалектология бамана, Конакри – Канкан – Севаре и окружающие деревни – дер. Дугукуна близ Сегу).

Всего за это время проведены полевые исследования по 16 языкам, в том числе по четырем из них (какабе, леле, кла-дан, зиало) – впервые. Фактически, можно говорить об открытии этих языков для научной общественности. К настоящему времени по материалам экспедиций вышло уже около 130 публикаций, в том числе сборники [Южные манде 2002; Mandeica Petropolitana 2006]. К этому числу добавляются статьи авторов, представленных в данной книге: А. В. Выдриной, Н. В. Макеевой, М. Б. Коношенко, О. В. Кузнецовой, Д. Ф. Мищенко, М. Л. Хачатурьян.

Пожалуй, нельзя обойти молчанием и слабые места. Участникам экспедиций часто не хватает широты взгляда на изучаемый язык, они склонны углубляться в детальное изучение отдельных интересных особенностей грамматической системы «своего» языка – что само по себе было бы совсем неплохо, если бы от этого не страдала полнота общей картины. В результате после нескольких экспедиций и многих тысяч записанных и проанализированных языковых примеров мы так и не имеем даже кратких очерков грамматики некоторых из языков, и нам приходится довольствоваться серией статей об отдельных фрагментах языковой системы. В какой-то мере этот пробел восполняет включённый в настоящий сборник очерк грамматики языка бен Д. А. Паперно; хотелось бы надеяться, что за ним последуют и другие аналогичные публикации.

Несколько отстаёт от желаемого ритма и написание словарей – хотя именно на этом направлении работы с самого начала делался акцент. Понятно, что данная ситуация словарей – обратная сторона хорошей теоретической типологически ориентированной подготовки экспедиционеров. Хотелось бы надеяться, что в ближайшем будущем и здесь произойдут существенные сдвиги к лучшему.

Корпусные исследования

Корпусная лингвистика – ещё одно новое направление, в котором российские мандеисты выступили инициаторами. Призыв к созданию большого электронного корпуса текстов на языках манден прозвучал на Второй Международной конференции по языкам манде в сентябре 2008 года [Vydrin 2008] и был поддержан её участниками. Вопреки ожиданиям самого автора призыва, он имел продолжение: в конце 2009 года в Санкт-Петербурге начала работать корпусная группа, и к концу 2010 года были созданы все условия для начала комплектования корпуса текстов бамана. Ход этой работы отражён в статьях В. Ф. Выдрина и А. В. Давыдова в настоящем сборнике. Есть основания полагать, что эта российская инициатива, при поддержке международного мандеистического сообщества, станет магистральным направлением в развитии изучения языков манден.

Лингвистическая реконструкция

Еще одна сфера мандеистики, которая выходит сегодня на первый план, – сравнительно-исторические исследования. Эти исследования попадают сегодня в контекст мегапроекта по реконструкции праязыка нигеро-конголезской макросемьи (отметим, что инициаторами и этого проекта выступили российские лингвисты, см. [Babaev 2011]) – гипотетического генетического объединения языков, постулированного Дж. Гринбергом полвека назад и до сих пор не подкреплённого надёжными языковыми реконструкциями. В этом проекте реконструкция праманде оказывается одним из ключевых звеньев – отчасти потому, что принадлежность семьи манде к нигер-конго в последнее время ставится некоторыми исследователями под сомнение (впрочем, эти сомнения также не опираются на серьёзные реконструкции). Единственный надёжный способ выяснения истины – это создание ступенчатой реконструкции праязыка макросемьи, и публикуемая в настоящем сборнике статья К. В. Бабаева – важный шаг в этом направлении.

Не претендуя на полное отражение сегодняшнего состояния мандеистических исследований в России, настоящий сборник, тем не менее, даёт хорошее представление о ведущих и наиболее перспективных направлениях в данной области.

Литература

Кибрик А. Е. Диалог лингвиста с носителем: в поисках полевого метода и формата лингвистического описания // На меже меж Голосом и Эхом: Сб. статей в честь Т. В. Цивьян. М., 2007. С. 308–328.

Кибрик А. Е. Экспедиционные истории 2: Начало дагестанских сопоставительных штудий (1973) // Фонетика и нефонетика: К 70-летию С. В. Кодзасова. М., 2008. С. 23–32.

Кибрик А. Е. Экспедиционные истории 3: Продолжение дагестанских сопоставительных штудий (1974–1977) // В. З. Демьянков, В. Я. Порхомовский (ред.). В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл. Сб. ст. в честь 70-летия В. А. Виноградова. М., 2010. С. 807–842.

Mandeica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 2, Ч. 2. СПб, 2006.

Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова). Под ред. В. Ф. Выдрина, А. Ю. Желтова. СПб, 2002.

Babaev K. The Niger-Congo Reconstruction Project and the Perspectives of Niger-Congo Comparative Studies // Вопросы языкового родства – Journal of Language Relationships, 5, 2011. P. 146–150.

Erman A., Lo, J. K. Dictionnaire Dan–Français (dan de l'Ouest) avec un index français-dan. St.-Pétersbourg, 2008.

Vydrin V. Glossed electronic corpora of Mande languages: A perspective that we cannot avoid // Mande languages and linguistics. 2nd International Conference, St. Petersburg (Russia), September 15–17, 2008. Abstracts and Papers. V. Vydrin (ed.). St. Petersburg, 2008. P. 15–22.

Vydrine V., Kességbeu M. A. Dictionnaire dan-français (dan de l'est) avec une esquisse de grammaire du dan de l'Est et un index français-dan. St.-Pétersbourg : Nestor-Istoria, 2008.

В. Ф. Выдрин

Д. А. Паперно

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЯЗЫКА БЕН[1]

1. Введение

В этой работе впервые делается попытка полноценного описания грамматики языка бен, дается типологически ориентированный обзор основных синтаксических конструкций языка бен. Моей целью является, во-первых, описать наиболее часто используемые синтаксические конструкции бен так, чтобы типолог нашёл ответы на вопросы о значениях основных типологических параметров в бен; во-вторых, по возможности указать на место описываемых грамматических явлений в типологическом и ареальном пространстве.

Настоящая работа опирается в первую очередь на материалы, собранные в лингвистических экспедициях в Кот д'Ивуар в январе–феврале 2004 г., январе–феврале 2005 г. и феврале–марте 2006 г. Основным информантом по языку бен был Куаджо Куаджо Дестен, 1968 г. рождения. Значительная часть данных была собрана с Куаджо Куаджо Патрисом, 1980 г. рождения (оба информанта представляют говор деревни Уасадугу). В спорных случаях привлекались также суждения Огюстена Яо Куаку, 1967 г. рождения (говор деревни Тотодугу).

Кроме того, я активно привлекал материалы [Paesler ms.], любезно переданные мне SIL International (Летним институтом лингвистики), и, в некоторой степени, [Gottlieb, Murphy 1995].

В разделе 2 дается внешняя информация о языке бен, включая данные о социолингвистической ситуации и диалектах бен. Раздел 3 содержит вынужденно краткий обзор изучения бен. Раздел 4 посвящен описанию фонологических единиц (как сегмент-

---

[1] Данный текст является переработанным вариантом дипломной работы, защищенной в Московском государственном университете на Отделении теоретической и прикладной лингвистики в 2006 г.; научные руководители – В. Ф. Выдрин и А. Е. Кибрик. Полевая работа осуществлялись при финансовой поддержке РГНФ (грант 04-04-00262а) и Швейцарского Национального Фонда (грант SUBJ 062156.00).

ных, так и тональных) и процессов языка бен. В разделе 5 вкратце описана морфология личных местоимений; за более подробным анализом местоименной парадигмы я отсылаю читателя к работе [Паперно 2006]. Раздел 6 освещает морфологию (словоизменение и словообразование) глаголов, прилагательных и локативных имен; поскольку одно и то же формальное средство (аффикс, редупликация) может сочетаться с различными частями речи со сходными семантическими эффектами, обсуждение сгруппировано не по частям речи, а по морфологическим средствам выражения. Так как в языке бен словоизменительный критерий выделения частей речи применим лишь ограниченно, в разделе 7 указаны некоторые эмпирические различия (синтаксических) частей речи в бен. Так, в бен есть основания для выделения в качестве отдельных синтаксических классов слов не только существительных, прилагательных, послелогов и наречий, но и промежуточных и более дробных классов – локативных имён, темпоральных имён, локативных послелогов, чистых послелогов. Раздел 8 посвящён структуре именной группы; описаны разного рода модификаторы существительного – посессор, локативные определения, прилагательные, детерминативы, приложения. В разделе 9 описывается выражение грамматического числа имени – «скрытой» категории, которая может выражаться аналитически, согласованием глагола или прилагательного, местоименной репризой, но практически никогда – в самом существительном, а также обсуждается вопрос о согласовании в бен; описываются два «кандидата» на статус согласовательных показателей – редупликация со значением множественности и местоименная реприза. В разделе 10 обсуждаются синтаксис и семантика локативных составляющих. В разделе 11 описывается эквивалент союза «и» в бен – конструкция *nà̃ ... lõ*; заметим, что из-за отсутствия средств глагольного сочинения и ограничений на использование деепричастий функция выражения полипредикативности перекладывается на сложное предложение, прежде всего на предложения с временными придаточными. Раздел 12 посвящен структуре простого предложения. В нем описано кодирование сентенциальных граммем – полярности, времени, наклонения, вида; даётся характеристика актантов и сирконстантов, которые встречаются в глагольной клаузе; в типологическом освещении рассматриваются основные синтаксические отношения (актанты) – подлежащее,

прямое дополнение, вторичное дополнение, косвенное дополнение. При этом оказывается, что хотя в бен имеется целый ряд синтаксически приоритетных признаков подлежащего, некоторые синтаксические явления всё же ориентированы на гиперроль абсолютива, объединяя прямое дополнение и подлежащее непереходного глагола в противоположность подлежащему переходного глагола (таковы контроль именного предиката, кореферентность плавающим кванторам, отражение множественности актанта в редупликации глагола). Затем описывается порядок составлящих глагольного предложения. Замечу, что в бен можно видеть тенденцию к замене жёсткого порядка SOV более свободным. Это проявляется в возможности появления в послеглагольной позиции именных групп с числительными. В случае одного глагола *gṵ̄à̰* ‘остаться’ этот процесс пошёл ещё дальше. Расшатывание базового порядка слов может объясняться контактными явлениями (взаимодействие типичного для манде порядка SOV с базовым порядком SVO в языках других семей, таких как бауле). Кроме того, описываются и неглагольные типы простого предложения.

В разделе 13 дается обзор полипредикативных конструкций в бен. Заслуживает особого объяснения совпадение кодирования временных отношений между клаузами с кодированием коммуникативных категорий. Интересным свойством синтаксиса бен является наличие двух позиционных классов подчинительных союзов (их представители – препозитивный союз *kɛ̄* ‘что’ и постпозитивный *dɛ́ɛ̄* ‘если’), которые мотивированы нейтральным порядком главной и зависимой клауз. В разделе 14 рассмотрены «упаковочные» категории – топик, контрастивный топик, фокус, выражение которых в бен, в отличие от языков среднеевропейского стандарта, привязано к конкретным морфемам. В разделе 15 приводится образец текста на бен.

2. Энциклопедическая справка

2.1. Язык бен и его носители

Бен – один из малых языков Кот-д’Ивуара. Народ бен географически изолирован от других народов, говорящих на языках южной ветви языков манде: область ближайшего из них, уан, находится примерно в 200 км к западу от области бен. В культурном отношении народ бен находится под сильным влиянием до-

минирующего в регионе народа бауле: так, от бауле заимствована система имён, даваемых по дню недели, названия дней недели, а также сама семидневная неделя (существующая у бен наряду с традиционной шестидневной). Среди бен даже распространена легенда о том, что их предки пришли на место теперешнего обитания с востока (что малоправдоподобно, если учесть, что бен – самые восточные среди южных манде), скорее всего, прямо заимствованная от бауле, действительно мигрировавших с востока в историческое время.

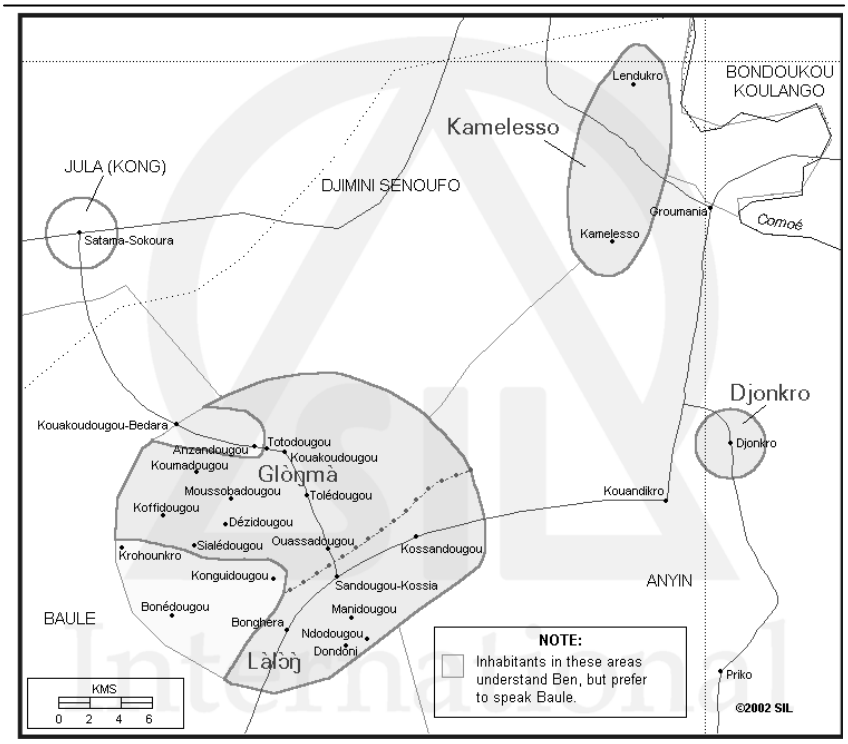
Согласно генетической классификации, основанной на методе глоттохронологии [Vydrin 2009], бен относится к юго-восточной ветви семьи манде, а наиболее близок к бен оказывается язык уан, с которым бен имеет наибольший процент общей лексики в 100-словном списке. При этом очевидно, что выделение бен как отдельной ветви произошло практически сразу же после распада праюжных манде. Не исключено, что к этой же ветви относился и мертвый язык гбин [Paperno 2008; Паперно 2011].

Область народа бен находится в префектуре М'Баякро, Кот д'Ивуар. До начавшейся в 2002 г. гражданской войны бен являлся основным языком общения в восемнадцати деревнях[2]: Бонгера, Дезидугу, Джонкро, Дондони, Камелесо, Кофидугу, Косандугу, Куакудугу, Кумадугу, Лендукро, Манидугу, Мусобадугу, Ндодугу, Сандугу-Косиа, Сиаледугу, Толедугу, Тотодугу, Уасадугу. Кроме того, некоторые селения бен были в языковом отношении почти полностью ассимилированы бауле, и язык бен в них знали в лучшем случае пассивно (Анзандугу, Бонедугу, Конгидугу, Кроункро, Куакудугу-Бедара).

В бен имеются следующие диалекты, выделяемые в соответствии с самосознанием территориальных групп бен:

- саванный диалект (деревни Дезидугу, Джонкро, Кофидугу, Куакудугу, Кумадугу, Мусобадугу, Сиаледугу, Толедугу, Тотодугу, Уасадугу)
- лесной диалект (деревни Бонгера, Дондони, Манидугу, Ндодугу, Сандугу-Косиа, Косандугу)
- диалект деревень Камелесо и Лендукро
- диалект деревни Джонкро

[2] Эта и последующая социолингвистическая информация даётся в основном по [Paesler 1992].



Карта 1. Диалекты языка бен [Benjamin, Bergman, Vydrine 2002–2003].

Два основных диалекта – лесной и саванный – практически полностью взаимопонимаемы, имеются лишь незначительные лексические отличия. Выделение саванного и лесного диалектов, лишь приблизительно соответствующих по своим названиям природным зонам, где они распространены, основано исключительно на самосознании двух в прошлом соперничавших групп народа бен.

Диалект деревень Камелесо и Лендукро, с одной стороны, и лесной и саванный диалекты, с другой, в значительной мере взаимопонятны. Диалект деревни Джонкро не взаимопонятен с остальными. О чёткости диалектных границ достоверных сведений нет. Готлиб [Gottlieb 1995: xiii] в отношении диалектного членения в основном сходится с Пэслером [Paesler 1992: 2], но, во-первых, не упоминает деревень Камелесо, Лендукро и Джон-

кро, и, во-вторых, считает говор деревни Сандугу-Косиа «независимым». До сих пор не производилось ни синхронного описания, ни исторического анализа возникновения диалектов.

Во время гражданской войны область бен оказалась пересечена линией прекращения огня (так называемой «ligne de confiance»), что оказало существенное влияние на распределение населения. Вся саванная и лесная области находятся под контролем «Новых сил» (т. е. мятежников), причём лесная область оказалась особенно близко к линии фронта. Некоторые её деревни, в том числе Уасадугу, были почти полностью оставлены жителями, переместившимися в деревни саванной области или бежавшими в подконтрольную президенту зону; несколько тысяч бен находятся в качестве беженцев в центре супрефектуры Прикро.

2.2. Социолингвистическая ситуация

На бен говорит около 14 тыс. человек (по данным 1988 г.); общая численность народа бен – около 16 тыс. человек (по данным [Paesler 1992]).

Имеется диаспора бен, возникновение которой связано с миграцией бен в города, однако данных о её численности нет.

Общество бен практически полностью дву- или многоязычно. Вторые языки носителей бен – бауле, дьюла, французский, у старшего поколения также джимини и андо. Вторые языки используются в межнациональном общении, французский – официальный язык Республики Кот-д'Ивуар.

Языку бен, как и другим языкам такой численности, потенциально грозит вымирание в результате ассимиляции иноязычным окружением. Однако в настоящее время его сохранность следует считать удовлетворительной.

Официального юридического статуса бен не имеет и используется исключительно как язык повседневного общения. Литературного языка нет, хотя, разумеется, есть фольклорная традиция, представленная прежде всего жанрами сказки, исторического предания, пословицы, а с недавнего времени также и песни.

В середине 1980-х гг. в Летнем институте лингвистики для бен была разработана письменность на латинской основе (с добавлением букв *ŋ, ɔ, ɛ*; тоны обозначаются диакритиками) при участии В. Пэслера (первого лингвиста, более или менее систематически изучавшего бен). В 2005–2006 гг. мною совместно с Куаджо Дес-

тэном разработан новый вариант этой орфографии, отличающийся от предыдущего главным образом в отношении обозначения тонов.

В образовании бен не используется. В 1980–1986 гг. Летним институтом лингвистики издавался календарь на бен, а позже был создан букварь [Kouadio, Kouakou 1997], авторы которого – Куаджо Куаджо Дестен и Огюстен Яо Куаку (первый лингвист из народа бен, защитивший в 1996/1997 академическом году диплом D. E. A. по своему родному языку [Kouakou 1997]). Несмотря на подготовительные мероприятия Летнего института лингвистики и личные усилия энтузиаста Куаджо Дестена, массового обучения чтению и письму на родном языке среди бен не производилось. Количество людей, умеющих читать и писать на бен, не превышает полусотни.

2.3. Варианты названия

В русскоязычной традиции для обозначения языка и народа бен используется название, максимально соответствующее их самоназванию (*bèɲ*); По-английски и французски мы также считаем правильным название Beng, beng, употреблявшееся в работах [Paesler 1989; 1991; 1992; Gottlieb, Murphy 1995]. Следует, однако, обратить внимание на то, что бен также упоминался в литературе под многими другими именами: *bẹ̰*, *Ben*, *Gbëingn*, *Gan*, *Gạ̰*, *Gan-né*, *Ganra*, *Ngạ̰*, *Ngain*, *N'Gain*, *Ngen*, *Ngan*, *N'Guin*, *Ngin*. Эти названия восходят к названиям бен в языках соседних народов: *ŋ̀gɛ̃̂* (бауле), *gã̌* (дьюла), *gbɔ̀mlɔ̃̀* (джимини).

3. История изучения языка бен

Первые публикации по языку бен так или иначе были подчинены задачам классификации языков манде. Самая ранняя из них включала список числительных первого десятка [Delafosse 1904]; вторая содержала уже около семисот слов [Tauxier 1921]. В дальнейшем место бен в генеалогической классификации уточнялось в работах [Prost 1953; Welmers 1958], а также [Greenberg 1966], ошибочно относящей бен (называемый в этой работе Gan) к вольтийским языкам.

Однако систематическое изучение языка бен не проводилось вплоть до рубежа 1970-х – 1980-х годов. Начало ему было положено неопубликованным кратким обзором [Bearth 1979], описа-

нием тональной системы [Flick 1979] и фонологическим очерком [Ory 1981].

В 1979–1980, а также в 1985 г. с бен работала этнограф Альма Готлиб, опубликовавшая впоследствии монографию по антропологии этого народа [Gottlieb 1992] и бен-английский словарь [Gottlieb, Murphy 1995].

В 1981 г. язык бен начинает изучать член Летнего института лингвистики Вольфганг Пэслер. В дальнейшем он публикует первое описание глагольной морфологии [Paesler 1989] (включающее описание образования базовой формы, низкотоновой формы, номинализации и прогрессива), впервые описывает систему местоимений, а также даёт более полное описание выражения видовременных значений в пособии по орфографии бен [Paesler 1991], впервые публикует описание фонологии бен [Paesler 1992] и, наконец, оставляет большое количество неопубликованных текстов и лексикографической информации [Paesler ms.].

4. Фонология бен

4.1. Фонологический инвентарь

Имеется семь ртовых и пять носовых гласных, организованных в треугольную систему (см. Таблицу 1).

Минимальные пары. Подъём: *yé* ‘рот’ – *yí* ‘вода’, *béŋ́* ‘рог’ – *béŋ́* ‘чёрная обезьяна’, *bɛ̃ŋ̄* ‘плод’ – *bãŋ̄* ‘верёвка’, *bã* ‘земля’ – *bɔ̃* ‘покинуть’ – *bõ* ‘удалить’, *fõ* ‘умножить’ – *fũ* ‘застать врасплох’, *mĩ* ‘пить’ – *mɛ̃* ‘бить’ – *mã* ‘слышать’, *dã* ‘кашлять’ – *dɔ̃* ‘знать’ – *dũ* ‘входить’.

Таблица 1. Система гласных фонем

		передний ряд		задний ряд	
		носовые	чистые	носовые	чистые
верхний подъём		*ĩ*	*i*	*ũ*	*u*
средний подъём	верхне-средний подъём	*ɛ̃*	*e*	*ɔ̃*	*o*
	нижне-средний подъём		*ɛ*		*ɔ*
нижний подъём				*ã*	*a*

Ряд: *blī* ‘место’ – *blū* ‘колдун’, *blē* ‘есть’ – *blō* ‘чистить’, *bɛ̀ɲ́* ‘бен’ – *bɔ̀ɲ́* ‘вид ящерицы’, *(ŋó) ŋò dḭ́ wē ɛ́* ‘(я) не **около** них’ – *ŋò dṵ́ wē ɛ́* ‘они не **вошли** туда’, *drɛ̰̄* ‘работа’ – *drɔ̰̄* ‘кашель’.

Назализация: *cḭ́* ‘блевать’ – *cī* ‘кожа’, *sɛ̰̄* ‘боль’ – *sē* ‘все’, *klɛ̰́* ‘страна’ – *klɛ́* ‘мешок’, *bɑ̰̄ŋ̄* ‘скарификация’ – *bāŋ̄* ‘верёвка’, *dɔ̰̄* ‘знать’ – *dɔ̄* ‘перестать’ – *dō* ‘один’, *bṵ̄* ‘нести’ – *bū* ‘десять’.

Кроме ртовых гласных имеется слоговой сонант *ŋ*, который реализуется как [ŋ] перед паузой, гласным или *w*, а в прочих случаях ассимилируется по месту образования следующим согласным (однако перед палатальным выступает дентальный [n]), ср. [m̄ pɔ̄ú] ‘моё поле’, [n̄ dɑ̰̆] ‘мой котелок’, [n̄ jàbò] ‘мой бассейн’, [ŋ̄ kàfɛ̀] ‘мой кофе’, [ŋ̄m̄ kpā] ‘мой плод акации нере’.

Таблица 2. Система согласных фонем

		губные	зубные	палатальные	велярные	лабиовелярные
взрывные	зв.	b	d	j	g	gb
	гл.	p	t	c	k	kp
щелевые	зв.	v	z			
	гл.	f	s			
носовые		m	n	ɲ	ŋ	ŋm
плавные и глайды			l/r	y	(h)	w

Из особенностей системы согласных фонем отметим наличие согласных с двойной смычной артикуляцией (лабиовелярных) – при их произнесении препятствие выходу воздуха создается одновременно и губами, и спинкой языка.

Латерал [l] и одноударный вибрант [r] представляют одну фонему. Их распределение в медленной речи большинства носителей таково:

– после зубных и палатальных согласных – [r];

– в прочих случаях – [l].

[l] и [r] обозначаются в графике буквами *r* и *l* в соответствии с этим распределением.

В быстром, небрежном произношении распределение аллофонов – не дополнительное. Реально аллофон [r] может быть произнесён в любой позиции, кроме начала слога. [l] может быть произнесён после любой согласной в середине слога.

Согласный *h* встречается исключительно в междометиях: *hà̰á̰* ‘ага?’, *hàí* ‘ох!’, *hɛ̰́ɛ̰̄* ‘на!’, *hô* ‘ого!’, *hōhōhōhō* ‘ай-ай-ай!’, *hṵ́ŋ̄* ‘на!’. Из них только первое может входить в состав более сложных высказываний, напр., *à dɛ̄ hà̰á̰* ‘поиграй, а?’, *ń mlɛ̰̄ bàmâ̰ dō yè gblɛ̄ hà̰á̰* ‘я вчера огромную змею видел – ого какую!’. В [Paesler 1992] и [Murphy 1995] он был ошибочно отнесён к глухим спирантам. Реально *h* может произноситься как звонко, так и глухо, как правило, почти без фрикции, что позволяет отнести его к глайдам.

4.1.1. Тоны. В бен имеется 3 тональных уровня, которые мы обозначим как низкий L (v̀), средний M (v̄) и высокий H (v́).

Имеются минимальные тройки, различающиеся только тональным уровнем: *báńŋ* ‘ловушка’ – *bāŋ̄* ‘верёвка’ – *bàǹŋ* ‘плечо’; *pɛ́ń* ‘ступа’– *pɛ̄ŋ̄* ‘сказка’ – *pɛ̀ǹ* ‘долг’. В соответствии с названием, высокий тон реализуется повышением частоты F_0, низкий – ее понижением. Имеются и контекстно обусловленные варианты реализации тонем. Здесь играют роль позиция во фразе (голосовые связки не сразу набирают нужную частоту вибрации, и после паузы уровневый тон реализуется в начальной своей фазе как восходящий до соответствующего уровня; противоположный эффект может иметь место перед паузой, хотя часто такому плавному угасанию тона препятствует вставляемая перед паузой глоттальная смычка), консонантное окружение (частота основного тона автоматически понижается на звонких согласных). Кроме того, переходы между различными тональными уровнями плавные. В особенности это касается низкого тона, который после ненизкого реализуется как падающий с уровня предыдущего до низкого:

(1а) /klí lɛ̀/ ⇒ [kli˥lɛ˩˨],
царь DEF
‘царь’

(1б) /à dɛ̄ lɛ̀/ ⇒ [a˩de˧lɛ˨˩˦]
3SG отец DEF
‘его отец’

Тенденция низкого тона L (v̀) реализовываться как падающий проявляется и в том случае, когда высказывание представляет собой последовательность фонологически низкотоновых слогов.

В этом случае все тонемы L (v̀), кроме последней, реализуются как средне-низкий тон, а последняя – как падающий с их уровня до ультранизкого:

(2) /À zrḭ̀ŋ̀ ɛ̀/ ⇒ [a˩zrḭ˩ŋɛ̰˩]
3SG кукуруза это
‘Это его кукуруза’.

Последовательность фонологически низких тонов после высокого или среднего реализуется как очень плавное падение основного тона с предшествующего уровня. Возможно, это следует трактовать как фонологическое изменение и описывать фонологическим правилом вида v́v̀v̀⇒ v́v́v̀, v̄v̀v̀⇒ v̄v̄v̀, */gɔ̄ŋ̄ bìlɛ̀/*⇒ [gɔ̄m̄ bīlɛ̀] ‘этот мужчина’, */ŋ́ gɔ̀lù dō cḭ̀/* ⇒ [ŋ́ gɔ́lù dō cḭ̀] ‘я вырезал посох’.

Однако после получающейся тоновой последовательности [H H L] (< /H L L/) или [M M L] (< /M L L/) не происходит даунстеп (см. ниже), т. е. она ведёт себя иначе, чем фонологические /H H L/ и /M M L/.

В бен наблюдается даундрифт, т. е. уровневые тоны H и M реализуются ниже обычного после /v́v̀/, /v̄v̀/, /v̂/, /v˥/:

(3) /Ɪ̰-ɔ́ nṵ̰-ɔ̰̀lɔ́/ ⇒ [ŋo˥ nṵ̰˩˧ɔ̰˩˧lo˥]
1SG-ST+ прийти-PROG
‘Я иду’.

Помимо уровневых тонем, в бен имеется четыре контурных: HL (v̂), ML (v̄), LH (v̌), MH (v̈). Средне-высокий тон встречается всего в нескольких слогах, исторически восходящих к двусложным сочетаниям, но синхронно легких (одноморовых), вида ClV < *CVLV: *blä* ‘селиться’, *yrä* ‘находиться’, *zrä* ‘терять’, *glë* ‘трудный’, *zrë* ‘дорога’, *blö* ‘отжимать’, *zrö* ‘мыть’, *bṵ̰́mlɔ̰̄* ‘немедленно’. Кроме того, скользящий тон может возникать как результат стяжения двух уровневых, например, в стативных местоимениях *òó > ǒ* 3SG, *mḭ̄ó > mḭ̰* 2SG, *ɲā̰ā́ > ɲā̰* ‘этот’.

Скользящий тон HL (v̂) характеризуется нисходящим движением тона с высокого уровня, однако это движение, как правило, не доходит до низкого уровня. Этим реализация HL отличается от реализации L после H (тоже падающей):

(4а) /klí zɔ̀/ ⇒ [kli˥zɔ˩˧];
царь сеть
‘царская сеть’

(4б) /klí zɔ̂/ ⇒ [kli˥ zɔ˩˧]
царь циновка
‘царская циновка’.

С фонологической точки зрения удобно представлять скользящие тоны как последовательности двух уровневых, что можно наблюдать на примере как тоновых сандхи, так и преобразований тонов при морфологических процессах (см. ниже).

4.1.2. Структура слога. Просодической единицей в бен является слог, который иногда исторически соответствует двусложной стопе других южных манде за счет синкопы CVLV ⇒ CLV. Максимальный набор компонентов слога – /ClUVŋ/, где C – любой согласный, кроме /l/, l – согласный /l/, U – любой гласный верхнего подъёма, V – любой гласный неверхнего подъёма, *ŋ* – слоговой носовой сонант. Реально может отсутствовать любой из этих компонентов, с тем ограничением, что любой слог содержит тононосящий элемент, т. е. хотя бы один гласный, или состоит только из носового слогового сонанта. Слог, как правило, несет на себе одну тональную единицу, которая на письме обозначается на всех потенциально слогонесущих сегментах. Так, [túà] ‘оставаться’ состоит из одного слога с падающим тоном, [ã̰ŋ̄] ‘мы’ – из одного слога со средним тоном.

4.1.3. Сандхи. После /ŋ/ возможен переход начинающего слог /l/ в /n/. Получающееся долгое [nn] при этом может упрощаться до краткого. Этот процесс вполне регулярен внутри слова (при образовании морфологических форм с суффиксами *-lɛ, -lí*) и факультативен на стыке слов. При этом назализация /ŋ/ на последующие гласные не распространяется. Примеры: /ŋ̄ lá/ ⇒ [n̄ ná] ‘моё лекарство’, /ɲ̰ìŋ̰-lɛ́/ ⇒ [ɲ̰ìn̰ɛ́] ‘подпирание’, |gɛ̄ŋ̄-lɛ̀| ⇒ [gɛ̄nɛ̀] ‘красота’ (последние два примера – с номинализующим суффиксом *-lɛ*), /ŋ́ lɛ́ bɛ̀ŋ́/ ⇒ [ń nɛ́ bɛ̀ŋ́] ‘я бен’.

Глайд /w/ выпадает на стыке морфем, например, /klɛ́ŋ́ wó wɛ̄/ ⇒ [klɛ́ŋ́ ó ɛ̄] ‘в лесу’. Выпадение /w/ вполне регулярно после /ŋ/ и значительно менее регулярно после гласных.

На стыке морфем гласная (за исключением /e/, /o/) после носовой гласной или /ŋ/ подвергается назализации, ср. *bã̄ ɛ̀* ‘это земля’

и /bāŋ̄ ɛ̀/ ⇒ [bāŋ̀ɛ̀] ‘это верёвка’, /mlà̰ ɛ̀/ ⇒ [mlà̰ɛ̀] ‘это барабан’. Это не касается тех сочетаний вида «назальная согласная + неназализованная гласная», которые возникают в результате вышеназванных процессов выпадения /w/ и назализации /l/.

Два смежных гласных одинакового тембра могут факультативно сливаться. Тонемы обеих реализуются на получившейся гласной. Примеры: *dàáló* ⇒ *dǎló* ‘сеет’ (прогрессив), *wláálo* ⇒ *wláló* ‘смеётся’ (прогрессив), *bàá* ⇒ *bǎ* ‘змеиный яд’, *ɲā̰á̰* ⇒ *ɲā̰* ‘этот’, *bā à* ⇒ *bā̀* ‘земля’ (с определённым артиклем).

4.1.4. Тоновые сандхи. То, что тон записывается на всех потенциально несущих фонологический тон сегментах (т. е. на всех гласных и на сонанте в конце слога), не более чем графическая (и транскрипционная) условность. Фонологически носителем тона является не вокалический сегмент, а слог (или, возможно, мора), т. е. краткая гласная, «гласная верхнего подъёма + другая гласная» (*ie, ua* и т. п.) или «гласная + *ŋ*», хотя фонетически, разумеется, тон реализуется и на отдельных сегментах. Убедиться в том, что такие сочетания функционируют как единые носители тона, можно только на примере описанных ниже тоновых сандхи и тоносинтаксического изменения.

$$\check{v} \Rightarrow \grave{v} \mid \neg_\{\grave{v};\ \check{v}\}\ (\neg_L)$$

Восходящий тон LH изменяется на низкий (L) перед следующими тонемами: H, M, MH, ML, HL. Обобщить эти контексты можно как “не перед *L*”, считая, что L входит в состав скользящего тона LH. Примеры: *dǔ* ‘нож’ – /dǔ LH dō M/ ⇒ [dù L dō M] ‘один нож’ *òó wlá wǎ* ‘он снесёт дом’ – /ó wlá wǎ LH nā̰ M/ ⇒ [ó wlá wà L nā̰ M] ‘он снёс дом’, *mà̰nṵ́ŋ̄ nḭ̀ ó ŋ̄ flṵ̀á̰* ‘рис мне надоест’ – /mà̰nṵ́ŋ̄ nḭ̀ ó ŋ̄ flṵ̀á̰ LH nā̰ M/ ⇒ [mà̰nṵ́nḭ̀ ó m̄ flṵ̀à̰ L nā̰ M] ‘рис мне надоел’. Последний пример демонстрирует, что восходящий тон на слоге из двух гласных изменяется так же, как на слоге с одной гласной в предшествующих примерах.

$$\hat{v} \Rightarrow \acute{v},\ \bar{v} \Rightarrow \bar{v} \mid _\ \{\grave{v};\ \check{v}\}\ (_\ L)$$

Падающие тоны заменяются уровневыми перед низким тоном (тонемы L и LH). Обобщить эти 4 правила можно, опять-таки, считая, что скользящие тоны представляют из себя комбинацию двух уровневых. Примеры: *zô* ‘циновка’ – /zô HL ɛ̀ L/ ⇒ [zó H ɛ̀ L] ‘вот циновка’, *sī* ‘масличная пальма’ – /sì ML ɛ̀ L/ ⇒ [sī M ɛ̀ L] ‘вот масличная пальма’.

4.2. Морфонология

4.2.1. Слияние с ŋ. В ряде случаев /ŋ/ сливается со следующим смычным согласным. Результат слияния – носовой согласный, гоморганный второму из исходных согласных. Изменение это нерегулярно и должно задаваться лексически.

Примеры внутри сложного слова: *lēnrɛ̄* ‘невеста’ из *lēŋ̄* ‘жена’ + *drɛ̄* ‘новый’, *bàŋlṵ̄* ‘плечевой сустав’ из *bàŋ̀* ‘плечо’ + *ŋlṵ̄* ‘голова’.

На стыке слов (зафиксированы только случаи, когда первый компонент – личное местоимение): *nā* ‘моя мать, мама (как обращение)’ из *ŋ̄* ‘1SG’ + *dā* ‘мать’; *nē* ‘мой отец, папа (как обращение)’ из *ŋ̄* ‘1SG’ + *dē* ‘отец’, *ŋmā* ‘дать мне’ из *ŋ̄* ‘1SG’ + *gbā* ‘дать’, ср. не подвергающееся изменениям *mḭ̄ gbā* ‘дать тебе’, *à gbā* ‘дать ему’; ср. также сопровождающееся нестандартным тональным изменением *ā̰nǎ* ‘пойдём’ из *ā̰ŋ̀* ‘1PL’ и *tá* ‘отправиться’.

4.2.2. Выпадение /l/. Перед /ɛ/ факультативно может выпадать интервокальный /l/. Это происходит в двух морфологических контекстах:

- в определённом артикле *lɛ̀*, в том числе в составе показателя контрастивного топика *pɔ̄ lɛ̀*.
- в глагольной форме прогрессива (оканчивающейся на -*lɛ́ló*) (но не в отглагольном имени на -*lɛ* !).

Выпадение /l/ сопровождается уподоблением следующего за ним /ɛ/ предшествующему гласному по ряду, огубленности и назализации. Примеры: *bā lɛ̀* ⇒ [bā à] ‘земля’ (с определённым артиклем), *drɛ̰̄ lɛ̀* ⇒ [drɛ̰̃ ɛ̃̀] ‘работа’ (с определённым артиклем), *zū lɛ̀* ⇒ [zū ɔ̀] ‘грудь’ (с определённым артиклем), *mḭ̄lɛ̀ló* ⇒ [mḭ̄ɛ̀ló] ‘пьёт’ (в прогрессиве), *pɛ̄lɛ̀ló* ⇒ [pɛ̄ɛ̀ló] ‘говорит’ (в прогрессиве), *bā̰lɛ̀ló* ⇒ [bā̰à̰ló] ‘испытывает’ (в прогрессиве), *blùlɛ́ló* ⇒ [blùɔ́ló] ‘мутнеет’ (в прогрессиве), *bṵ̄lɛ̀ló* ⇒ [bṵ̄ɔ̀ló] ‘воспитывает’ (в прогрессиве).

4.2.3. Высокий тон в низкотоновой форме глагола. В бен имеется одно тоновое изменение, не сводящееся к обычным правилам тоновых сандхи, а обусловленное определённым синтаксическим контекстом. Оно затрагивает низкотоновую форму глагола, стоящую непосредственно после субъектного местоимения с высоким или восходящим тоном (т. е. оканчивающегося на высокий тональный элемент). А именно, в первом слоге глагола, если он несёт низкий тон, он замещается высоким (по умолчанию) или высоко-низким (перед паузой или если последующий слог принадлежит глагольной основе, но не несет низкого тона, как в

примере 8; вслед за Пэслером [Paesler 1989] можно называть такой слог глагольным «суффиксом»):

(5) |Ó nṵ̀| ⇒ *ó nṵ̂.*
3SG:PST+ прийти:L
‘Он пришёл’.

(6) |Wǎ nṵ̀ ɛ́| ⇒ /wǎ nṵ́ ɛ́/ ⇒ [wà nṵ́ ɛ̰́]
3SG:PST- прийти:L NEG
‘Он не пришёл’. (с последующим стандартным сандхи)

(7) |Ó nṵ̀ nɔ̰̄| ⇒ *Ó nṵ́ nɔ̰̄.*
3SG:PST+ прийти:L здесь
‘Он пришёл сюда’.

(8) |Ó mɛ̰̀.lá| ⇒ /ó mɛ̰̂.lá/ [o˥mɛ̰˩˧la˥]
3SG:PST+ упасть:L
‘Он упал’ (где -*lá* – глагольный «суффикс»[3]).

Особо подчеркнем, что к регулярным сандхи это тоновое изменение не сводится. Наиболее сходно выглядят примеры с изменением низкого тона следующего за претеритным местоимением существительного (9), однако здесь мы имеем дело с регулярным тоновым сандхи (вытеснение первого низкого тона в последовательности предшествующим ненизким, HLL⇒HHL), которое полностью определяется фонологическим контекстом и не происходит, например, в (10):

(9) |Ó mlà̰ wà| ⇒ *Ó mlá̰ wà.*
3SG:PST+ барабан ломать:L
‘Он сломал барабан’.

(10) *Ó mlà̰ dō wà.*
3SG:PST+ барабан один ломать:L
‘Он сломал один барабан’.

Ср. пример выше *ó nṵ́ nɔ̰̄*, где глубинная последовательность тонов такая же (высокий – низкий – средний), однако замена низкого тона на высокий происходит.

[3] Мы имеем здесь дело с суффиксом как с частью глагольной основы, не меняющей тон при образовании низкотоновой формы (см. 6.4); синхронно нет оснований выделять здесь отдельную морфу.

5. Морфология личных местоимений

Таблица 3. Парадигмы личных местоимений

Серия		Единственное число			Множественное число			ПП
		1	2	3	1	2	3	
несубъектная		*ŋ̄*	*mī̱*	*à*	*ā̱ŋ̄*	*kā*	*ŋò*	Ø
посессивная		*mɔ̄*	*mī̱pɔ̄*	*àpɔ̄*	*ā̱ŋ̄pɔ̄ // ā̱mɔ̄*	*kāpɔ̄*	*ŋòpɔ̄*	
рефлексивная		*ŋ̄ drà̱*	*mī̱ drà̱*	*à drà̱*	*ā̱ŋ drà̱*	*kā drà̱*	*ŋò drà̱*	
фокусная (независимая)		*mā̱ŋ̄*	*mī̱ā̱*	*àɲā̱ // àɲɛ̄*	*ā̱ŋ̄ɲā̱ŋ̀ // ā̱ŋ̄yā̱ŋ̀*	*kāɲā̱ŋ̀ // kāyā̱ŋ̀*	*ŋòɲā̱ŋ̀ // ŋòyā̱ŋ̀*	
экзистенциальная		*mā̱ŋ̄*	*mī̱*	*ò*	*ā̱ŋ̄*	*kā*	*ŋò*	
претеритная	+	*ŋ́, mā̱**	*mī̱́*	*ó , é*	*ā̱ŋ́*	*ká*	*ŋó*	
	-, -3	*mā̱̌*	*mī̱̌*	*wǎ*	*à̱ŋ́*	*kǎ*	*ŋǎ*	
	+3	*mā̱̀*	*mī̱̀*	*à̀*	*ā̱ŋà*	*kà̀*	*ŋà̀*	
кондициональная	+	*ŋ̂, mā̱̂**	*mī̱̂*	*ô, ê*	*ā̱ŋ̀*	*kâ*	*ŋô*	
	+3	*mā̱̂*		*wâ, â*			*ŋâ*	
	-, -3	(= хабитуальной серии)						
хабитуальная	+	*ŋ̀, mā̱̀**	*mī̱̀*	*ò, è*	*à̱ŋ̀, ā̱ŋ̀*	*kà*	*ŋò*	
	-, +3,-3	*mà̱*		*wà, à*			*ŋà*	
стативная	+	*ŋó*	*mī̱ó // mī̱ï*	*òó // ǒ*	*ā̱ŋó*	*kāó // kä*	*ŋòó // ŋǒ*	*ó*
	-	*ŋā*	*mī̱ā // mī̱wā*	*wàā*	*ā̱ŋā // ā̱ŋ̄wā*	*kāā // kāwā*	*ŋàā // ŋòwā*	*wā*
	+3	*ŋâ*	*mī̱â*	*àâ*	*ā̱ŋâ*	*kāâ*	*ŋàâ*	*â*
	-3	*ŋà̂*	*mī̱à̂*	*wàà̂*	*ā̱ŋà̂*	*kāà̂*	*ŋàà̂*	*wà̂*

Обозначения в таблице: ПП – предикативный показатель при подлежащной ИГ в ед. ч.; + «утвердительные нестяжённые формы»; - «отрицательные нестяжённые формы»; +3 «утвердительные формы, стяжённые с местоимением 3SG»; -3 «отрицательные формы, стяжённые с местоимением 3SG» (подробнее о стяжении с местоимением 3SG см. ниже).

Подробно структура личных местоимений бен была рассмотрена в работе [Паперно 2006]. Здесь будет достаточно привести парадигмы местоимений с минимальными комментариями употребления форм.

Несубъектная серия местоимений имеет самый широкий спектр употреблений, включающий позиции прямого дополнения, зависящей от послелога именной группы и посессора внутри именной группы. Посессивная серия употребляется в функции посессора и маркирует дополнительное коммуникативное выделение посессора (*именно мой*, *именно его* и т. п.). Фокусная серия используется практически в любых контекстах, где возможна именная группа, маркируя контрастивное выделение местоимения. Рефлексивная серия выделяется несмотря на очевидную членимость на местоимения несубъектной серии и показатель *drạ̀* и отсутствие фузии, так как этот показатель лишен всяких свойств автономности: он не переставим относительно местоимения, не отделим от него и не сочетается с другими частями речи. Рефлексивные местоимения бен функционально полностью соответствуют возвратным местоимениям европейских языков. Прочие серии употребляются в функции субъекта. Кроме того, за «экзистенциальной» серией зарезервирована позиция первого конъюнкта в сочиненной ИГ.

5.1. О распределении алломорфов местоимения 1SG

Звёздочкой (*) в таблице помечены формы субъектного местоимения 1SG с основой *mạ*, употребляемые, если за субъектным местоимением следует другое личное местоимение (несубъектное или возвратное) 1SG, 2SG, 3SG или 3PL, например:

(11) *Mạ́* *ŋ̄* *drạ̀* *yè.*
1SG:PST+ 1SG RFL видеть:L
‘Я увидел себя’.

(12) *Mą̀* *mī* *yè.*
1SG:PST+ 2SG видеть:L
‘Я увидел тебя’.

(13) *Mą̀* *à* *yè.*
1SG:PST+ 3SG видеть:L
‘Я увидел его’.

(14) *Ḿ̀* *ą̄ŋ̄* *yè.*
1SG:PST+ 1PL видеть:L
‘Я увидел нас’.

(15) *Ḿ̀* *kā* *yè.*
1SG:PST+ 2PL видеть:L
‘Я увидел вас’.

(16) *Mą̀* *ŋò* *yè.*
1SG:PST+ 3PL видеть:L
‘Я увидел их’.

В этого рода контекстах регулярная форма с основой *ŋ* (*ḿ ŋ̄drą̀ yè* и т. п.) также возможна, хотя признаётся не всеми носителями.

Подчеркнём, что местоимение, требующее выбора перед собой основы *mą* – не обязательно прямое дополнение; оно может быть, например, посессором при прямом дополнении:

(17) *Mą̀* *ŋ̄* *wlá* *lɛ̀* *wà.*
1SG:PST+ 1SG дом DEF ломать:L
‘Я снёс свой дом’.

Такое распределение *ŋ* и *mą* может рассматриваться как проявление в бен контрастивной стратегии кодирования ядерных актантов (при несомненном преобладании в этом языке аккузативной стратегии), ср. [Выдрин 2006]. Однако если для языка гуро такая интерпретация имеет какие-то основания[4], то в бен выбор формы местоимения 1SG полностью определяется непосредственно следующей морфемой и может описываться в терминах алломорфии.

[4] Появление «эргативного» местоимения в гуро зависит от такого семантического фактора, как референциальный статус прямого объекта; подробнее см. статью [Выдрин 2006].

5.2. Стяжение с местоимением 3SG

Объектное местоимение 3SG может сливаться с предшествующими субъектными местоимениями, например:

(18) *Mą̀* *pē* (вм. *mą̀* *à* *pē*)
1SG:HAB+3 сказать 1SG:HAB+ 3SG сказать
'Пусть я это скажу!'

(19) *Mḭ̀* *pē* (вм. *mḭ̀* *à* *pē*)
2SG:HAB+3 сказать 2SG:HAB+ 3SG сказать
'Пусть ты это скажешь!'

(20) *Ŋ-â* *pē* (вм. *ŋ-ó* *à* *pē*)
1SG-ST+3 сказать 1SG-ST+ 3SG сказать
'Я скажу это'.

Использование стяжённых форм не обязательно, нестяжённые варианты (данные в скобках) также приемлемы.

Мы рассматриваем стяжённые формы как отдельные серии (PST+3, PST-3, HAB+3 и т. д., где «3» означает « стяжённое с 3SG »).

5.3. Субъектные серии местоимений

Таблица 4. Употребление субъектных местоименных серий в глагольном предложении

конструкция	полярность	положительная	отрицательная
Претерит		PST+	PST-
Перфект		PST+	PST-
Императив-оптатив		HAB+	PST-
Хабитуалис		HAB+	HAB- = CND-
Кондиционалис		CND+	HAB- = CND-
Футурум, прогрессив, результатив		ST+	ST-

Сведения об употреблении серий субъектных местоимений в зависимости от типа предложения, полярности, наклонения, вида и времени для краткости сведены в таблицы (4, 5). Примеры предложений каждого типа и полную видовременную парадигму глагольного предложения см. в соответствующих разделах ниже.

Таблица 5. Субъектные местоимения в неглагольных предложениях

	положительная полярность	отрицательная полярность
адвербиальное предложение	ST+	ST-
адъективное предложение	HAB+ или ST+[5]	ST-
экзистенциальное предложение	EX+	EX-

5.4. Стативные местоимения при глаголах tá, nṵ̄

В качестве стативного положительного маркера в бен употребляются реликты показателя, альтернативного *ó*. Он используется вместо *ó* только при двух глаголах. А именно, при глаголе *nṵ̄* 'прийти' стативный маркер может иметь форму *yɛ́* – *mḭ̄ yɛ́nṵ̄* 'ты придёшь', *mḭ̄ yɛ́nṵ̄ɔ̀ló* 'ты приходишь' (прогрессив) – наряду с регулярными вариантами *mḭ̄ó nṵ̄*, *mḭ̄ó nṵ̄ɔ̀ló*. С глаголом *tá* 'пойти' стативный маркер образует мегаморфу *yrá* (вместо **ó tá*): *mḭ̄ yrá* 'ты пойдёшь', *mḭ̄ yrááló* 'ты идёшь' (прогрессив). Конечное *ŋ* местоимений первого лица сливается с начальным *y* стативного маркера: *ɲrá* 'я пойду', *ã̰ɲɛ́nṵ̄* 'мы придём'.

6. Морфология знаменательных частей речи

6.1. Тональные свойства суффиксации

6.1.1. Суффиксы переменного тона. Суффиксы *-lɛ* (номинализация), *-ya* (имя места), *-pɔ* (имя средства) несут высокий или низкий тон в зависимости от контекста. А именно, тон суффикса высокий после H, LH, MH, т. е. если предшествующий тональный

[5] В предложении с предикативным прилагательным конкурируют стативные и хабитуальные субъектные местоимения. Выбор той или иной местоименной серии зависит от конкретного прилагательного. Большинство прилагательных требуют стативной серии, многие – хабитуальной, некоторые допускают вариативность. Возможно, местоименная серия зависит от противопоставления «постоянный vs. временный признак», но это предположение требует дополнительной проверки; подобное семантическое разграничение могло бы мотивировать нейтрализацию противопоставления при отрицании. В то же время выделение прилагательных, сочетающихся с хабитуальными местоимениями, в отдельную категорию «квалитативных глаголов» было бы естественно, если бы и при отрицании эти прилагательные, подобно глаголам, сочетались с хабитуальной серией местоимений.

элемент высокий; в прочих случаях тон суффикса низкий. Эти суффиксы мы будем называть «суффиксами переменного тона».

Подобно суффиксу переменного тона функционирует атрибутивизатор *nạ*, который выражает значение ‘имеющий X’, ‘характеризующийся X-ом’: *jrǎ* ‘бедность’ – *jrà nạ́* ‘бедный’, *blū* ‘колдовство’ – *blū nạ̀* ‘колдун’, *lɛ́ɛ́ŋ́ plāŋ̄* ‘два ребёнка’ – *lɛ́ɛ́ŋ́ plāŋ̄ nạ̀* ‘имеющий двух детей’. Присоединяясь к названиям мест, этот атрибутивизатор получает значение ‘житель’, например, *Àságbɛ̌* ‘Уасадугу’ – *Àságbɛ̀ nạ́* ‘житель Уасадугу’, *bā wó* ‘саванна’ – *bā wó nạ́* ‘житель саванны’. Заметим, что атрибутивизатор этот, строго говоря, не суффикс, так как присоединяется не к отдельно взятому существительному, а к целой именной группе (которая, в частном случае, может сводиться к одному существительному):

(21) *Ḭ́ [gbɛ̌ bɛ́ɛ̄ bìlɛ̀] nạ̀ dō*
1SG:PST+ деревня большой этот ATR один

yɛ̀ gblɛ̄.
видеть вчера

‘Я вчера видел одного жителя этой большой деревни’.

6.1.2. Низкотоновые суффиксы. Односложные суффиксы с низким тоном имеют следующую особенность: если им предшествует модулированный тон со вторым элементом H, то последний переходит на слог правее. Пример: {*drǔ* (LH)+ *sà* (L)} ⇒ /*drù* (L) *sâ* (HL)/ (форма отрицательного перфекта глагола ‘ходить’), {*zrä* (MH) + *yà* (L)} ⇒ /*zrā* (M) *yâ* (HL)/ (деепричастие цели глагола ‘терять’). Подобно суффиксу с постоянным низким тоном ведёт себя правый редупликанд при глагольной редупликации. Ср., например, редуплицированную форму того же глагола ‘ходить (пешком)’ {*drǔ* (LH) + *drù* (L)} ⇒ /*drù* (L) *drû* (HL)/ ‘ходить туда-сюда’.

6.1.3. Прочие суффиксы. Суффиксы, несущие высокий (*-lí*, имя деятеля) или средний тон (*-nạ̄*, перфект), не меняют его в зависимости от контекста.

6.1.4. Основы на низкий тон. Последний тон глагольной основы, если он низкий, устраняется при присоединении суффиксов. Если этот низкий тон входит в состав падающего контурного тона, он просто устраняется, ср. *túà* ‘оставлять’ – *túá-lɛ́* (номинализация). Если же низкий тон характеризует целый слог (обычно для редуплицированных глаголов), он замещается тоном предшествующего

слога, ср. примеры номинализаци: *wláwlà* ‘улыбаться’ – *wláwlá-lɛ́*, *mīmì* ‘сосать’ – *mīmī-lɛ̀*.

6.1.5. Глагол blö ‘отжимать’. Глагол *blö* ‘отжимать’ при присоединении суффиксов меняет лексический тон со средне-верхнего на высокий, т. е., например, форма прогрессива от него – *blóɔ́ló* вм. ожидаемого *blōɔ́ló*, форма имени действия – *blólɛ́* вм. ожидаемого *blōlɛ́* и т. д.

6.2. Номинализация на -lɛ

Номинализация на *-lɛ* употребляется для обозначения факта или ситуации:

(22) *[Drɛ̄ wō-lɛ̀] ò gɛ̄ī̄.*
работа делать-NMLZ 3SG:HAB+ добрый
‘Работать – хорошо’.

(23) *À gbě tá-lɛ́ zá fù*
3SG деревня уйти-NMLZ дело застать.врасплох:L
ā̰ī̄ wó.
1PL в
‘Его уход из деревни застал нас врасплох’.

(24) *Kòfí ó [báī̄ klá-lɛ́] lā-àló*
Кофи ST+ ловушка ставить-NMLZ показать-PROG
Kùàjó nìn.
Куаджо BENEF
‘Кофи учит Куаджо ставить ловушки’.

(25) *Bè-lɛ́ kā ó mḭ̄ mā̰?*
бежать-NMLZ нужда ST+ 2SG CONT
‘Ты хочешь бежать?’

Суффикс *-lɛ* номинализует одноместные предикаты, присоединяясь к глаголам (*nṵ̄* ‘прийти’ – *nṵ̄lɛ̀* ‘приход’), прилагательным (*gɛ̄ī̄* ‘красивый’ – *gɛ̄nɛ̀* ‘красота’), некоторым существительным (*lɔ̌* ‘раб’ – *lɔ̀lɛ́* ‘рабство’).

Иногда номинализация на *-lɛ* функционально соответствует среднеевропейскому причастию:

(26) *gā̰ wī-lɛ̀*
нога пухнуть-NMLZ
‘распухшая нога’ (также может быть понято как ‘распухание ноги’)

(27) *ŋ̀-ó* *zrìŋ̀* *kásíé-lɛ́* *lú.*
1SG-ST кукуруза жарить-NMLZ купить
‘Я куплю жареной кукурузы’.

(28) *ŋ̀-ó* *ŋ̄* *gā* *yrɔ̀-lɛ́* *búénélo.*
1SG-ST+ 1SG нога вывихнуть-NMLZ отпарить.PROG
‘Я отпариваю вывихнутую ногу’.

Здесь мы имеем дело с обычным в языках мира метонимическим переносом названия ситуации на её участника. Причастное употребление формы на *-lɛ* с синтаксической точки зрения ведет себя не как прилагательное, определяющее существительное, а как отглагольное имя, управляющее прямым дополнением: артикль и указательное местоимение, которые во всех прочих случаях находятся на крайней правой границе именной группы, могут стоять перед отглагольным именем на *-lɛ* и дублируются объектными местоимениями по общим правилам (см. ниже):

(29) *ŋ̀-ó* *[zrìŋ̀* *bì-lɛ̀]* *à* *kásíé-lɛ́*
1SG-ST+ кукуруза этот-DEF 3SG жарить-NMLZ
lú.
купить
‘Я куплю этой жареной кукурузы’.

Постановка детерминативов возможна и после отглагольного имени в причастной функции:

(30) *ŋ̀-ó* *[zrìŋ̀* *kásíé-lɛ́* *bì-lɛ̀]* *à* *lú.*
1SG-ST+ кукуруза жарить-NMLZ этот-DEF 3SG купить
‘Я куплю этой жареной кукурузы’.

Иногда носители сообщают о тонкой смысловой разнице между (29) и (30), при этом первое из этих предложений осмысляется примерно как *Я куплю этой кукурузы в жареном виде*. Этот контраст можно трактовать как различие в относительной сфере действия указательного элемента и причастия: в первом случае речь идет о *результате жарки* [этой кукурузы], а во втором – об *этом* [результате жарки кукурузы].

6.3. Локативное имя на -уа

Суффикс переменного тона *-уа* присоединяется к глаголам, прилагательным, всем локативным именам, включая локативные

послелоги, и некоторым существительным, обозначающим общественные отношения. Производные с этим суффиксом с дистрибутивной точки зрения являются локативными именами, т. е. существительными, которые могут без добавления послелога употребляться в позиции обстоятельства:

(31) *ŋ́̃* *nṹ* *pɔ̄* *blē-yà.*
1SG:PST+ прийти:L вещь есть-PLC
‘Я пришёл туда, где едят’.

Образованное от глагола, производное на *–ya* обозначает место или время действия:

(32) *ŋ̃-ó* *zrō-yá* *dɔ̄-ɔ̀ló.*
1SG-ST+ мыться-PLC строить-PROG
‘Я строю купальню’.

(33) *Mã̄* *zrō-yá* *yè* *ɛ́.*
1SG:PST- мыться-PLC иметь NEG
‘Мне некогда (*или* негде) было помыться’.

Обозначая время действия и употребляясь в позиции обстоятельства, глагольное производное на *-ya* функционирует как деепричастие одновременности:

(34) *ŋ̃ò* ***trí-yá*** *nã̄́* *ŋò-ó* *dǎ* *ī̃* *ló* *nɔ̃̄.*
3PL вернуться-PLC TOP 3PL-ST найти 1SG на здесь
‘На обратной дороге (*букв.* «возвращаясь») они найдут меня здесь’.

При употреблении производного на *-ya* в деепричастной функции, если субъект обозначаемого им действия не выражен (объектным местоимением или полной ИГ), он должен быть кореферентен подлежащему главного предложения:

(35) $\varnothing_{i/*j}$ *Drɛ̃̄* *wō-yà* *nã̄́* *mã̄́$_i$* *ŋò$_j$* *yè.*
работа делать-PLC TOP 1SG:PST+ 3PL видеть:L
‘Когда я (*они) работал, я их увидел’.

Если же субъект деепричастия выражен, он не обязательно кореферентен подлежащему, ср. (34), (35) и (36):

(36) *Ŋò*$_j$ *drɛ̰̄* *wō-yà* *nā̰́* *mā̰́*$_i$ *ŋò*$_j$
3PL работа делать-PLC TOP 1SG:PST+ 3PL
yè.
видеть:L
‘Когда они работали, я их увидел’.

Производное на *-ya* от прилагательных обозначает место, в котором сконцентрирован обозначаемый прилагательным признак, например:

(37) *Bànɛ̀* *yā̰* *nā̰́* *à* *gɛ̄ŋ-yà* *ɲɛ̰̄*
Бане EMPH TOP 3SG красивый-PLC FOC
ó *lɛ́* *à* *lòklɛ̄* *lɛ̀* *ɛ̄.*
3SG:PST+ COP 3SG шея DEF FOC
‘Именно шея делает Бане красивым’ (*букв.* Что до Бане – именно то, в чём его красота, это его шея).

Производное на *-ya* от локативных имён имеет значение расширенной локализации, в точности соответствуя, например, суффиксу *-da:-/-dar-* в бежтинском языке [Kibrik, Testelec 2004], например:

(38) *Kósā̰́* *tá* *nā̰* *wlá-yá.*
Косан 3SG:PST+:пойти PRF дом-PLC
‘Косан отправился в сторону дома’.

(39) *Kósā̰́* *tá* *nā̰* *zīē* *lù-yà.*
Косан 3SG:PST+:пойти PRF сейба под-PLC
‘Косан отправился в сторону места под сейбой’.

(40) *Ó* *jɛ́* *wlá-yá* *wē.*
3SG:PST+ пройти дом-PLC там
‘Он прошёл около дома’.

Наконец, от некоторых имён социальных отношений суффикс переменного тона *-ya* образует наречие со значением «в соответствии с данным социальным отношением», например:

(41) *Ŋó* *ŋò* *gbà* *blɛ̌* *lɛ̀* *sīā-yà.*
3PL:PST+ 3PL дать:L вино DEF свойственник-PLC
‘Они дали им вино по свойству́’ (т. е., например, каждый своей тёще).

(42) *Dāŋ̰ nì yrámà ná ŋò lɛ́ɛ́ŋ̀ nùŋ̀*
война DEF время TOP 3PL:HAB+ дитя PL
bò sòlásí lɔ̀-yá.
извлечь солдат раб-PLC
'Во время войны детей выбирали в солдаты по рабству'
(т. е. на военную службу отправляли рабов).

6.4. Предикативные формы глагола

В позиции сказуемого употребляются, в зависимости от вида, времени, наклонения и полярности предложения, шесть различных глагольных форм (см. раздел 12.1).

Две из предикативных форм не оформлены аффиксами и различаются только тонами. А именно, в одной глагол несёт лексически заданный тон (эту форму мы называем базовой), а в другой – низкий (эту форму мы называем низкотоновой). Вот примеры базовой и низкотоновой форм нескольких глаголов: *mḭ̄, mḭ̀* 'пить'; *tá, tà* 'пойти'; *dǎ, dà* 'прыгнуть'; *zrǒ, zrò* 'мыть'; *jàtê, jàtè* 'уважать'. У некоторых многосложных глаголов тон последнего слога на низкий не изменяется, например, *yāló, yàló* 'вставать', *mɛ̰̄lá, mɛ̰̀lá* 'падать на землю'. Такой слог [Paesler 1989] называет суффиксом, хотя синхронно выделять его как морфему оснований недостаточно.

Четыре предикативные формы оформлены суффиксами, и им можно приписать следующие содержательные ярлыки: результатив, утвердительный перфект, отрицательный перфект, прогрессив.

Суффикс результатива *-lɛ̀* и суффикс отрицательного перфекта *-sà* – низкотоновые; суффикс положительного перфекта *-nā̰* или (реже) *-ā* всегда несёт средний тон. Он имеет также ту особенность, что, против общих правил, низкий тон в конце основы глагола при его присоединении не устраняется (см. 6.1.4): *mḭ̄mḭ̀* 'сосать' – *mḭ̄mḭ̀-nā̰*, *drùdrû* '(часто) ходить' – *drùdrû-nā̰*, *túà* 'оставить' – *túà-nā̰* (единственное исключение составляет глагол *gṵ̄ā̰* 'остаться' – форма перфекта *gṵ̄ā̰-nā̰*).

Показатель прогрессива состоит из двух компонентов. Второй из них имеет неизменную фонологическую форму *-ló*, первый имеет переменный тон и выступает в вариантах *-lɛ* и *-ɛ* (последний предлагается рассматривать как результат выпадения [l]). При этом компонент *-ɛ*, как правило, уподобляется непосредственно предшествующей гласной по ряду (т. е. переходит в *a* по-

сле *а* и в *ɔ* после задних огубленных гласных) и по назализации (т. е. приобретает назальность после носовых гласных; см. 4.2.2).

Помимо наиболее частого варианта с переменным тоном имеется более редкий вариант формы прогрессива с постоянным низким тоном на компоненте -*lɛ* / -*ɛ* (т. е., например, наряду с формой прогрессива *tááló* от глагола *tá* ‘отправиться’ имеется более редкая *tááàló*; наряду с *drùɔ́ló* от *drŭ* ‘ходить’ – *drùɔ̂ló*).

Особенность в образовании формы прогрессива имеют глаголы, у которых последний тон основы низкий, а предшествующий – средний. А именно, в отличие от прочих форм, этот низкий тон последнего слога не устраняется; т.о. форма прогрессива от *mm̰ì* ‘сосать’ – *mm̰ìèló* (наряду с устранением последнего низкого тона основы в номинализации *mm̰ìlɛ̀*, имени места *mm̰ìyà* и др. формах).

Показатель прогрессива ясно членится на суффикс номинализации -*lɛ* и локативный послелог *ló*. Однако возможность выпадения [l] и указанные выше тональные особенности (формы типа *mm̰ìèló* и *drùɔ̂ló*) присущи только форме прогрессива и отличают ее от номинализации.

6.5. Деепричастие цели

Деепричастие цели движения образуется с помощью низкотонового суффикса -*yà* (не путать с суффиксом имени места -*ya*, который несет переменный тон; у части глаголов эти две формы, естественно, совпадают, ср. *mīyà* – имя места и деепричастие цели от *mī* ‘пить’, но *jóyá* (имя места) vs. *jóyà* (деепричастие) от *jó* ‘говорить’). Конструкции с деепричастием цели могут вводиться трёмя глаголами: при глаголах *tá* ‘пойти’ и *nū* ‘прийти’ деепричастие обозначает цель движения (эти же глаголы с деепричастием цели используются в перифрастическом будущем времени со значением намерения, подробнее см. ниже), при глаголе *bɔ̄* ‘прийти из’ – занятие субъекта движения в точке отправления:

(43а) *Ḿ̩* *nū́* *drù-yâ.*
1SG:PST+ прийти:L гулять-GL
‘Я пришёл погулять’.

(43б) **Ḿ̩* *drɛ̄* *wò* *drù-yâ.*
1SG:PST+ работа делать:L гулять-GL
*‘Я поработал, чтобы погулять’.

(44) *Ḿ̩ bɔ́ drù-yâ.*
1SG:PST+ прийти:L гулять-GL
‘Я пришёл с гулянья’.

6.6. Отглагольные имена

К отглагольным именам относятся имя деятеля, имя средства, а также обсуждавшиеся выше имя действия на *-lɛ* и имя места на *-ya*.

Имя средства, с суффиксом переменного тона *-pɔ* (восходит, по-видимому, к слову *pɔ̄* ‘вещь’), интерпретируется как инструмент, средство или причина действия:

(45) *Bèyā̰ à lēŋ̄ túá-pɔ́ lɛ́*
Бейан 3SG жена оставить-MEN 3SG:PST+COP:L
blɛ̌ lɛ̀.
вино DEF
‘Вино было причиной развода Бейана’.

(46) *Ḿ̩ yā-pɔ̀ dō lù.*
1SG:PST ходить-MEN один купить:L
‘Я купил средство передвижения’ (обувь / машину / велосипед и т. п.).

Имя деятеля образуется с помощью высокотонового суффикса *-lí* и может иметь любую видовую, модальную или временную интерпретацию:

(47) *Ḿ̩ pɔ̄ blē-lí lɛ̀ yè.*
я:PST+ вещь есть-AG DEF увидеть:L
‘Я увидел того, кто ел / ест / должен есть / будет есть’ и т. д.

Впрочем, обычно имя деятеля обозначает узуального деятеля:

(48) *pɔ̄ bɛ́ɛ̄ blē-lí, drɛ̰̄ wō-lí,*
вещь большой есть-AG работа делать-AG
sɔ̰̀ŋ̀ dɛ̄-lí, jó-lí
человек убить-AG говорить-AG
‘обжора, работник, убийца, говорун’

(49) *Dɛ̄là ó lɛ́ vlòŋ̀vló-lí bɛ́ɛ̄ dō.*
Дела 3SG:PST+ COP:L волноваться-AG большой один
‘Дела (мужское имя) очень легко взволновать’.

6.7. Реликты причастия

С помощью суффикса *-lē* от глаголов из ограниченного списка образуется прилагательное результативного значения; корень глагола принимает при этом низкий тон. Вот все эти глаголы:

gā ‘умереть, высохнуть’ – *gàlē* ‘мёртвый, сухой’;
mą̄ ‘варить(ся)’ – *mą̀lē* ‘варёный’;
mą̄mą̀ ‘созреть’ – *mą̀mą̀lē* ‘созревший’;
ŋ̰ṵ̄ą̄ ‘обгореть, обжечь’ – *ŋ̰ṵ̀ą̀lē* ‘обгоревший’;
pā ‘наполнить(ся)’ – *pàlē* ‘наполненный’;
tā ‘закрыть(ся)’ – *tàlē* ‘закрытый’;
trą̄ ‘покраснеть, созреть’ – *trą̀lē* ‘зрелый, красный’;
vɔ̰̄ ‘портить(ся)’ – *vɔ̰̀lē* ‘испорченный’.

От глагола *bā* ‘плодоносить’ дериват на *-lē* имеет не вполне регулярное значение: *bàlē, pɔ̄bàlē* ‘семена, растения’.

6.8. Редупликация

6.8.1. Формальная сторона редупликации. В большинстве случаев редупликация в бен представляет собой полный повтор основы. Регулярное исключение составляют глаголы: у них полной редупликации подвергается только сегментная база, а тоны не повторяются. Тональная схема исходного глагола распространяется на первую часть редуплицированного глагола, на второй же лежит низкий тон: *mī* ‘пить’ – *mīmì* ‘сосать’, *gā* ‘сохнуть’– *gāgà* ‘сохнуть (о многих предметах)’, *só* ‘жевать’ – *sósò* ‘истончить’, *yāló* ‘встать’ – *yālóyàlò* ‘встать (о многих людях)’. Если последний тон исходного глагола модулированный, то второй компонент этого модулированного тона, по общему правилу (см. 6.1.2), переходит на следующий слог: *fą̃* → *fą̃fą̃* → *fą̃fą̃, dă* → *dădà* → *dàdâ, blä* → *bläblà* → *blāblâ*. От редуплицированной таким образом основы глагола по общим правилам образуются все предикативные формы глагола и глагольные дериваты.

Редупликация прилагательных всегда полная, например: *gēŋ̄* ‘красивый’ – *gēŋ̄gēŋ̄*, *că* ‘короткий’ – *căcă*, *blúá* ‘синий’ – *blúáblúá*.

Если в исходной форме прилагательное оканчивается на долгий гласный, при редупликации он может сокращаться. С этой точки зрения прилагательные разделяются на три группы:

– у одних сокращения не происходит: редуплицированные прилагательные *fééféé* ‘очень узкий’ (о дыре) – от *fée* ‘узкий’ (о дыре); *pĩ̂pĩ̂* ‘совсем крохотный’ – от *pĩ̂* ‘крохотный’; *fóófóó*

‘очень глубокий’ – от *fóó* ‘глубокий’; *pɔ̀ɔ̀pɔ̀ɔ̀pɔ̀ɔ̀pɔ̀ɔ̀* ‘очень податливый’ – от *pɔ̀ɔ̀pɔ̀ɔ̀* ‘податливый’,

– у других конечный гласный сокращается только у первого редупликанда: прилагательные *tɛ̰́tɛ̰́ɛ̰́* ‘очень красный’ – от *tɛ̰́ɛ̰́* ‘красный’; *fífíí* ‘очень узкий’ – от *fíí* ‘узкий’; *kótíkótíí* ‘очень маленький’ – от *kótíí* ‘маленький’; *títíí* ‘очень чёрный’ – от *tíí* ‘чёрный’, *yɔ́yɔ́ɔ́* ‘очень прохладный’ – от *yɔ́ɔ́* ‘прохладный’, *púpúú* ‘очень белый’ – от *púú* ‘белый’,

– у некоторых двусложных прилагательных конечный гласный сокращается в обеих частях редуплицированной формы: прилагательные *bètèbètè* ‘очень медленный’ – от *bètèè* ‘медленный’, *kpɔ̀sɔ̀kpɔ̀sɔ̀* ‘очень зернистый’ – от *kpɔ̀sɔ̀ɔ̀* ‘зернистый (по фактуре)’, *mɔ̰̀tɔ̰̀mɔ̰̀tɔ̰̀* ‘очень мягкий’ – от *mɔ̰̀tɔ̰̀ɔ̰̀* ‘мягкий’, *nɔ̰̀fɔ̰̀nɔ̰̀fɔ̰̀* ‘очень эластичный’ – от *nɔ̰̀fɔ̰̀ɔ̰̀* ‘эластичный’.

Отклоняются от полной редупликации с тональной точки зрения только прилагательные *glë* ‘трудный’ и *bɛ́ɛ̄* ‘большой’: их редуплицированные формы – *gléglë* и *bɛ́bɛ̄,* соответственно.

6.8.2. Семантика редупликации. Семантические эффекты при редупликации слов разных частей речи сходны: редупликация всегда добавляет к значению количественный компонент. В частности, у прилагательных это может быть значение множественности (‘больше одного’), как в (50а), где морфологический показатель множественности факультативен – ср. (50б), где при отсутствии редупликации морфологический показатель множественности становится обязательным, см. также (51)), или интенсивности признака (‘очень’), как в (52б):

(50а) *sɔ̰̀ŋ̀* *gɛ̄ŋ̄~gɛ̄ŋ̄* *(nʊ̰̀ŋ̀)*
человек красивый~PL PL

(50б) *sɔ̰̀ŋ̀* *gɛ̄ŋ̄* *nʊ̰̀ŋ̀*
человек красивый PL
‘красивые люди’

(51) *sɔ̰̀ŋ̀* *gblɛ̰̄ŋ̄~gblɛ̰̄ŋ̄* // *gblɛ̰̄ŋ̄* *nʊ̰̀ŋ̀*
человек высокий~PL высокий Pl
‘высокие люди’

(52а) *gɔ̄ŋ̄* *dɔ̀í*
мужчина первый
‘первый мужчина’

(52б) *gɔ̄ŋ̄* *dɔ̀í~dɔ̀í*
мужчина первый~очень
‘самый первый мужчина’

У некоторых прилагательных редуплицированная форма употребляется только в значении множественного числа; так, грамматически неправильна именная группа **sɔ̀ŋ̀ gblɛ̰̄ŋ̄gblɛ̰̄ŋ̄ dō* ‘один высокий человек’.

У прилагательного *bɛ́ɛ̄* ‘большой’ редуплицированная форма закрепилась для обозначения множественного числа (как и у *gblɛ̰̄ŋ̄*), а нередуплицированная – для обозначения единственного (что делает *bɛ́ɛ̄* уникальным). Тем самым, они дополнительно распределены по числу:

(53а) *gɔ̄ŋ̄* *bɛ́ɛ̄ (/ *bɛ́~bɛ̄)* *dō*
мужчина большой / *большой~PL один
‘один большой мужчина’,

(53б) *gɔ̄ŋ̄* *bɛ́~bɛ̄ (/*bɛ́ɛ̄)* *nṵ̀ŋ̀*
мужчина большой~PL / *большой PL
‘большие мужчины’.

Кроме нерегулярных, идиоматизованных значений **редупликация в глаголе** может привносить итеративное значение (54б), или значение множественности участников ситуации (55б, г)[6]:

(54а) *Ɲ-ó* *drù-ɔ́ló.*
1SG-ST+ идти-PROG
‘Я иду’.

(54б) *Ɲ-ó* *drù~drú-ɔ́ló.*
1SG-ST+ идти~ITER-PROG
‘Я хожу (туда-сюда)’.

(55а) *Ǒ* *bè-ɛ́ló.*
3SG:ST+ бежать-PROG
‘Он бежит’.

(55б) *Ǒ* *bè~bé-ɛ́ló.*
3SG:ST+ бежать~ITER-PROG
‘Он бегает (туда-сюда)’.

[6] Разумеется, оба эти значения содержат инвариант «множественность ситуации», но не сводятся к нему.

(55в) *Ŋǒ* *bè-éló.*
3SG:ST+ бежать-PROG
‘Они бегут’.

(55г) *Ŋǒ* *bè~bé-éló.*
3SG:ST+ бежать~PL /~ITER-PROG
‘Они бегут’ *или* ‘Они бегают’.

Редупликация глагола со значением множественности участника ситуации рассматривается как эргативное (возможно, чисто смысловое, не синтаксическое) согласование по числу.

У количественных числительных редуплицированная форма имеет распределительное значение:

(56) *Nạ̀* *gɔ̄ŋ̄* *blɛ̀ɲà* *ŋò* *nạ̄* *plāmlāŋ̄*
DT мужчина богатый 3PL:HAB+ жена два~DISTR
ŋạ̄ŋạ̄ŋ̄.
три~DISTR
‘У богатых людей было по две-три жены’.

Наконец, редуплицированная форма темпоральных имён также имеет распределительное значение (‘по пятницам’, ‘по вечерам’). Это следующие имена: а) названия дней традиционной шестидневной недели; б) названия дней семидневной недели; в) названия времени суток *pàló* ‘день’, *yēnɔ̌* ‘вечер’, *drú* ‘утро’, *yrú* ‘ночь’. Пример:

(57) *Yrú~yrú* *nạ́* *ŋ̀* *yì*
ночь~DISTR TOP 1SG:HAB+ спать
‘По ночам я сплю’.

7. Вопрос о частях речи

В бен можно выделить только три грамматических разряда (по [Зализняк 1977: 4]): личные местоимения, глаголы и неизменяемые слова. Рассмотрим здесь выделение частей речи внутри последнего разряда. Наши критерии будут дистрибутивными, т. е. будут опираться на возможность употребления того или иного слова в определённом синтаксическом окружении.

7.1. Имя – наречие – послелог

Характерной для имени позицией я, для определённости, считаю позицию прямого дополнения (аналогичные рассуждения можно было бы привести относительно позиции подлежащего, но они были бы менее наглядными, так как позицию подлежащего, находящуюся на левом крае предложения, можно часто интерпретировать как позицию топика).

Для наречия характерна позиция послеглагольного обстоятельства, а для послелога – сочетание с зависимой именной группой в послеглагольной позиции (мы отвлекаемся здесь от некоторых специальных случаев употребления именной группы в послеглагольной позиции, а именно: от вторичных дополнений, именных предикатов, плавающих кванторов и ИГ, зависимых от глагола *gṵ̄ḇ̀*).

Некоторые слова, типично употребляющиеся в наречном контексте, могут встречаться и в именном, например:

(58а) *Ḿ̩* *nṵ́* *wē.*
1SG:PST+ прийти:L там
‘Я туда пришёл’.

(58б) *Ḿ̩* *wē* *yè.*
1SG:PST+ там увидеть:L
‘Я увидел то место’.

Так же ведут себя группы ряда послелогов:

(59а) *Ḿ̩* *nṵ́* *klɛ́ɛ̃́* *nṵ̀* *wó.*
1SG:PST+ прийти лес DEF в
‘Я пришёл в лес’.

(59б) *Ḿ̩* *klɛ́ɛ̃́* *nṵ̀* *wó* *yè.*
1SG:PST+ лес DEF в увидеть:L
‘Я увидел внутренность леса’.

Наконец, некоторые слова встречаются во всех трёх контекстах, т. е. выступают и как дополнение, и как обстоятельство, причем как с зависимой именной группой, так и без нее:

(60а) *Ḿ̩* *pɔ̄ú* *lù.*
1SG:PST+ поле купить
‘Я купил поле’.

(60б) *Ɪ́ŋ̀* *nṵ́* *pɔ̄ú.*
1SG:PST+ прийти:L поле
‘Я пришёл на поле’.

(60в) *Ɪ́ŋ̀* *nṵ́* *mī* *pɔ̄ú.*
1SG:PST+ прийти:L ты поле
‘Я пришёл на твоё поле’.

Практически следует разграничивать лексемы по двум критериям: позиции в предложении (именная, наречная или обе) и наличию зависимой именной группы (нет, обязательна или возможна).

Потенциальные 9 классов указаны в таблице 6.

Как видно из таблицы, в бен отсутствуют относительные имена, имеющие обязательное именное зависимое, а также наречия-послелоги (случай русского наречия-предлога *около*).

Таблица 6. Логически возможные классы именных и наречных слов

		зависимая ИГ		
		невозможна	возможна	обязательна
синтаксическая позиция	только именная: ИМЕНА	1. ДЕЙКТИЧЕСКОЕ ИМЯ *ɲrɛ̄̃* ‘это’ *(< 5)*	2. автосемантичное имя *bábá* ‘баран’, *Kòlā* ‘Кола’ *(>1000)*	3. (ОТНОСИТЕЛЬНОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ)
	именная или наречная: НАРЕЧНЫЕ ИМЕНА	4. наречное дейктическое имя *wē* ‘там’, *gblē* ‘вчера’ *(<20)*	5. автосемантичное наречное имя *Bùàkê* ‘Буаке’, *wlá* ‘дом’, *fɛ̄̃* ‘день’ *(>100)*	6. локативный послелог *ló* ‘на’, *wó* ‘в’ *(<20)*
	только наречная: НАРЕЧИЯ И ПОСЛЕЛОГИ	7. ЧИСТОЕ НАРЕЧИЕ *bàtú* ‘скоро’, *dɪ̄nɪ̄ŋ̄* ‘неподалёку’ *(<50)*	8. наречие-послелог	9. ЧИСТЫЙ ПОСЛЕЛОГ *nɪ̀* ‘для’, *lō* ‘с’ *(<10)*

Среди автосемантичных наречных имён синтаксическими свойствами различаются временные и локативные имена. А именно, первые могут выступать в наречной позиции в сочетании с определениями, такими как прилагательные, детерминативы и кванторные слова:

(61) *Ḿ̩ nṵ́ kùé gɛ̄ŋ̄ bì-lɛ̀.*
1SG:PST+ прийти:L год хороший этот-DEF
‘Я приехал в этот хороший год’.

(62) *Ḿ̩ nṵ́ kùé sɛ̄kpá.*
1SG:PST+ прийти:L год каждый
‘Я приезжал каждый год’.

В то же время локативные имена при необходимости употребления с зависимым словом (кроме посессора) в наречной позиции обязательно сопровождаются послелогом:

(63а) *Ǒ pɔ̄ú bì-lɛ̀ wó.*
3SG:ST+ поле этот-DEF IN
‘Он в этом поле’.

(63б) *Ǒ pɔ̄ú sɛ̄kpá wó.*
3SG:ST+ поле каждый IN
‘Он в каждом поле’.

(64) *Ḿ̩ tá Àságbɛ̌.*
1SG:PST+ пойти Уасадугу
‘Я пошёл в Уасадугу’.

(65) *Ḿ̩ tá Àságbɛ̌ bàmâ lɛ̀ wó.*
1SG:PST+ пойти:L Уасадугу большой DEF IN
‘Я пошёл в большое Уасадугу’.

Это же верно и для локативных послелогов:

(66) *Zɔ̰́zɔ̰́ lɛ̀ ǒ tàbàlí ló tīī*
комар DEF 3SG:ST+ стол SUPER чёрный
lɛ̀ ló.
DEF SUPER
‘Комар сидит на чёрной поверхности стола’.

7.2. Прилагательное – существительное

Различение прилагательных и существительных в большинстве языков мира представляет проблему и базируется на довольно тонких критериях. Например, в языках с изменением прилагательных по согласовательным классам (как в русском) основной критерий различения прилагательных и существительных морфологический. Однако, как известно, зачастую между формами

женского и мужского рода прилагательных имеется такое же формальное соотношение, как между названиями существ мужского и женского пола, например, санскритское *nava-* ‘новый’ : *navā-* ‘новая’ = *vatsa-* ‘телёнок’ : *vatsā-* ‘тёлка’ [Зализняк 1978: 870], так что практическое применение морфологического критерия затруднено.

Синтаксические критерии различения прилагательных и существительных также работают не вполне чётко. В прототипическом случае прилагательное модифицирует вершину именной группы, а существительное представляет собой самостоятельную вершину ИГ. Однако, во-первых, прилагательные могут подвергаться субстантивации (выполняя функцию вершины ИГ), а, во-вторых, существительные могут служить определениями других существительных (приложениями).

Для бен были найдены следующие критерии различения существительных и прилагательных. Во-первых, в предикативной позиции существительные (кроме локативных) требуют употребления глагола-связки, а прилагательные – нет:

(67) *Ò* *gɛ̄ŋ̄.*
3SG:HAB+ хороший
‘Он красив’.

(68а) *Ó* *lɛ́* *ŋ̄* *dɛ̄-gbɔ́.*
3SG:PST+ COP:L 1SG отец-старый
‘Он – старший брат моего отца’.

(68б) *Ó* *lɛ́* *bɛ̀ń.*
3SG:PST+ COP:L бен
‘Он – бенец’.

Во-вторых, в качестве определения прилагательные всегда следуют за существительным, а для двух существительных порядок свободен:

(69а) *klṵ̱ǡ́lí* *gɛ̄ŋ̄* // **gɛ̄ŋ̄* *klṵ̱ǡ́lí*
вор красивый
‘красивый вор’,

(69б) *Dɛ̄là* *klṵ̱ǡ́lí* // *klṵ̱ǡ́lí* *Dɛ̄là*
Дела вор вор Дела
‘вор Дела’.

Числительные по этим критериям и во всех других отношениях, кроме способности участвовать в плавающих кванторах, являются подклассом прилагательных, ср. невозможность изменить порядок следования существительного *sɔ̰̀ŋ̀* ‘человек’ и числительного *plāŋ* ‘два’: *sɔ̰̀ŋ̀ plāŋ* vs. **plāŋ sɔ̰̀ŋ̀*.

8. Структура именной группы

Максимальная структура именной группы такова: посессор + субстантивные определения + вершинное существительное и приложения к нему + прилагательные + детерминативы + относительное предложение.

8.1. Предвершинные определения

Посессор выражается именной группой и/или местоимением, т. е. так же, как прямое дополнение; обязательного посессивного маркера или показателя отчуждаемости нет.

Субстантивные определения могут:

– обозначать материал, как в примере *pēnḭ́ŋ̀ srɛ̄* ‘металлическая игла’, *букв.* «железо игла»;

– быть группами наречных имён, указывая на связь предмета с тем или иным местом и временем, например, *gblē zùnálí* ‘вчерашняя газета’, *букв.* «вчера газета», или

(70) *klɛ́ŋ́ nḭ̀ wó sōŋ̄*
лес DEF IN животное
‘лесной зверь’ (*букв.* ‘в лесу животное’).

Все предыменные зависимые, т. е. посессор и субстантивные определения, могут распространяться семантически пустым словом *pɔ̄* ‘вещь’, результатом его слияния с несубъектными местоимениями является посессивная серия местоимений.

8.2. Прилагательные и существительные-приложения

Вершинное существительное в именной группе может отсутствовать; во всех таких случаях можно считать, что позицию вершины именной группы при этом занимает прилагательное.

Когда в позиции субстантивного определения находится именная группа с послелогом *wó*, а вершина именной группы – прилагательное (или числительное), мы имеем дело с выделительной конструкцией, ср.

(71а) *ŋ̄ bábá ŋ̰ā̰ŋ̄ (nì)*
1SG баран три DEF
‘(эти) три моих барана’,

(71б) *ŋ̄ bábá ŋ̀ wó ŋ̰ā̰ŋ̄*
1SG баран 3PL IN три
‘три из моих баранов’.

Выделительная конструкция с вершиной-прилагательным, сопровождаемым определённым артиклем, даёт значение превосходной степени:

(72) *sɔ̰̀ŋ̀ nṵ̀ŋ̀ ŋ̀ wó sɔ̀klò lɛ̀*
человек PL 3PL IN вялый DEF
‘самый вялый человек’ (*букв.* ‘вялый среди людей’).

Приложение может быть любой именной группой, не содержащей детерминативов и посессора. Порядок следования существительного и приложения к нему, как уже говорилось, свободный, но для существительного, указывающего на пол человека или животного, предпочтительна конечная позиция:

(73) *sɔ̰̀ŋ̀ púú gɔ̄ŋ̄ dō*
человек белый мужчина один
‘белый мужчина’.

Прилагательные в позиции определения, как и во всех других, могут распространяться наречиями степени:

(74) *sɔ̰̀ŋ̀ gɛ̄ŋ̄ kpà̰*
человек хороший очень
‘очень хороший человек’.

8.3. Детерминативы

Завершающие именную группу детерминативы имеют чёткую последовательность:

bì > tɛ̀ > DEF > nṵ̀ŋ̀ > dō

Значения их таковы. *bì* – дейктический показатель ‘этот, тот’; *tɛ̀* – интенсификатор ‘даже, сам’. Оба они требуют после себя определённого артикля, который отсутствует только в двух случаях: перед относительным предложением и в именной группе во множественном числе (оба эти случая блокируют выражение определённого артикля *lɛ̀*).

DEF – определённый артикль. Употребление определённого артикля в целом факультативно (кроме упоминавшихся позиций после *bì, tè*). Определенных артиклей в бен два, распределены они в первую очередь фонологически: *nì* употребляется после *ŋ*, а *lɛ̀* – после обычных гласных. Кроме того, артикль *lɛ̀* не употребляется при плюральной именной группе. Эта особенность заставляет считать *lɛ̀* отдельным артиклем, специфицированным по числу, а не алломорфом *nì*. Замечу, что чисто фонетически отсутствие *lɛ̀* во множественном числе объяснить нельзя, так как сочетание артикля с показателем числа **lɛ̀ nùŋ̀* не нарушает каких-либо законов фонотактики бен.

nùŋ̀ – показатель множественного числа. Его в большинстве употреблений также можно опустить (подробней о выражении числа см. ниже).

dō – неопределённый артикль, совпадающий с числительным “один” (от которого он и происходит). Он может, однако, употребляться и при именной группе во множественном числе:

(75) *Ɩ́ŋ̀ lɛ̄ŋ̄ (nùŋ̀) dō ŋò yè.*
1SG:PST+ женщина PL один 3PL видеть
‘Я увидел (каких-то) женщин’.

С другими (кроме маркера множественного числа) детерминативами неопределённый артикль не сочетается.

Если при именной группе вообще отсутствуют детерминативы, то она может получить неарифметическую числовую интерпретацию в смысле [Поливанова 1983], т. е. количество обозначаемых объектов определяется контекстом.

В большинстве случаев существительные, обозначающие материалы, употребляются без всяких детерминативов. Однако возможно их употребление с определённым артиклем и показателем множественного числа: *yí lɛ̀* ‘(конкретная) вода’, *yí nùŋ̀* ‘вода в нескольких вместилищах’. В последнем случае можно говорить об употреблении названия вещества для обозначения состоящего из вещества объекта; этот смысловой переход в бен вполне регулярен. Так, *gɔ́* ‘пластмасса’ может обозначать пластмассовое ведро, пластмассовую заколку и т. п. и употребляться как счетное существительное.

9. Категория числа и (лично)числовое согласование

9.1. Выражение числа в именной группе

Число именной группы при существительном не выражается, за исключением одной супплетивной пары:

(76) *lɔ́klɔ́ – lɔ́mlɛ́ŋ̀*
‘ребёнок’ – ‘дети’.

Универсальный показатель множественного числа – детерминатив *nʊ̀ʊ̀*:

(77) *glāŋ̄ pʊ́ʊ́ nʊ̀ʊ̀*
пань белый Pl
‘белые пани (несшитые юбки)’.

Показатель множественного числа может опускаться, если за именной группой следует дублирующее её местоимение (см. подробней [Паперно 2006]):

(78) *Ɲ-ɔ́ mlą̀ (nʊ̀ʊ̀) ŋò yē-lɛ̀.*
1SG-ST+ барабан PL 3PL увидеть-RES
‘Я вижу барабаны’.

Яркой иллюстрацией возможности неупотребления показателя множественного числа *nʊ̀ʊ̀* служит пример (79):

(79) *Bíɛ̀ ŋò ną̀ cīyà ŋò lō ŋɔ́ nʊ̂.*
слон 3PL и газель 3PL с 3PL:PST прийти:L
‘Пришли слоны и газели’.

В этом предложении три местоимения 3PL дублируют именную группу «слоны», именную группу «газели» и сочинённую именную группу «слоны и газели»; при этом в предложении нет ни одного показателя множественного числа *nʊ̀ŋ*.

9.2. Редупликация как согласование по числу

Множественное число именной группы может отражаться в редуплицированной форме входящих в неё прилагательных, а также глагола, если именная группа – его прямое дополнение или (при непереходном глаголе) подлежащее:

(80) *Blɛ́ŋ̀ nʊ̀ʊ̀ ŋò-ɔ́ drà~drá-lɛ̀.*
стул PL 3PL-ST+ упасть~PL-RES
‘Стулья упали’.

(81) **Bléŋ̀ dō ò-ó drà~drá-lɛ̀.*
стул один 3SG-ST+ упасть~PL-RES
*‘Стул упал’.

Редупликация глагола, таким образом, может функционировать как согласование по числу (заметим, что согласование это чисто смысловое, в именной группе число может быть никак не маркировано):

(82) *Ŋò-ó kɔ́ŋ̀ blā~blâ.*
3SG-ST+ колышек воткнуть~PL/ITER
‘Они будут втыкать колышки’ (много; возможно также прочтение множественности действия – «один колышек, но несколько раз»).

(83) *Ŋò-ó kɔ́ŋ̀ dō blä.*
3SG-ST+ колышек один воткнуть
‘Они воткнут один колышек’.

Как правило, если редуплицированная форма может указывать на множественность участника, нередуплицированная не указывает однозначно на его единственность. Есть, однако, несколько глаголов, у которых наличие/отсутствие редупликации жёстко привязано к выражению числа:

(84) *Ḿ blànâ dè yrí-drǎ lɛ̀ ló.*
1SG:PST+ банан класть:L дерево-упасть DEF SUPER
‘Я положил банан/*бананы на упавшее дерево’.

(85) *Ḿ blànâ dè~dè yrí-drǎ lɛ̀.*
1SG:PST+ банан класть~PL:L дерево-упасть DEF
ló
SUPER
‘Я положил бананы на упавшее дерево’.

Многие прилагательные используют редупликацию для выражения (согласовательного) множественного числа, но лишь одно имеет специализированную форму единственного числа: *kló* ‘маленький’, мн. ч. *plé*.

9.3. Местоименная реприза и статус местоимений

В бен широко распространена местоименная реприза: личные местоимения могут употребляться после полной именной груп-

пы, как бы дублируя её (буквальный перевод предложений с дублирующими местоимениями: «Давид-он – язычник»; «я лошадей-их вижу», «Кола-она идёт к своему дяде-ему»). Функционально дублирующие именную группу местоименные показатели аналогичны суффиксам, выражающим лицо и число в финно-угорских языках, где глагол согласуется с подлежащим, существительное – с посессором, послелог – с зависимой именной группой.

Естественно задаться вопросом: если личные местоимения бен функционально аналогичны согласовательным аффиксам, нельзя ли их сами считать аффиксами? На первый взгляд такая трактовка привлекательна. Местоимения в подавляющем большинстве случаев непосредственно предшествуют своему синтаксическому хозяину: местоимения в функции прямого дополнения – глаголу, в функции посессора – вершинному имени; местоимения, зависящие от послелога – послелогу; субъектные местоимения можно считать видовременными маркерами с личночисловыми аффиксами; другие местоименные серии получают аналогичную трактовку. Невозможность местоименной репризы в ряде контекстов (например, в позиции косвенного дополнения) можно в таком случае объяснить отсутствием в них вершины, способной к личному согласованию.

Есть, однако, факты отделимости несубъектных местоимений, указывающие на их самостоятельность. Во-первых, местоимения-прямые дополнения отделяются от глагола некоторыми частицами, например, *gbɔ̀* ‘тоже’ и *kló* ‘немного’ (86а, б, в):

(86а) *À* *gbɔ̀* *blɛ̄.*
3SG тоже есть
‘Поешь этого тоже’.

(86б) *Mą̀* *à* *kló* *yè.*
1SG:HAB+ 3SG немного видеть:L
‘Я это в какой-то степени вижу’.

(86в) *À* *kló* *lɛ̄* *kpèsè.*
3SG немного делать большой
‘Увеличь его немного’.

Во-вторых, местоимение-посессор отделяется от вершины определениями локативного и временного значения, которые могут быть синтаксически сложными (86г).

(86г) *mḭ̄* *kùénɔ̰̄* *pɔ̄* *sɔ̰́* *lɛ̀*
2SG этот.год POS поле DEF
‘твое поле этого года’.

В-третьих, при номинализации глагола субъект оказывается выражен как посессор, т. е. в том числе и несубъектным местоимением. При этом сохраняется выражение прямого дополнения, как в финитной клаузе, непосредственно перед глагольной основой, т. е. при порядке субъект – объект – глагол; вдобавок к этому обстоятельства при номинализации могут также предшествовать отглагольному имени и объекту (86д).

(86д) *Mḭ̄* *pɔ̄ú* *Kɔ̀fɪ́* *yɛ̄-lɛ̀* *ɔ̀* *gɛ̄ŋ̄.*
2SG поле Кофи видеть-NMLZ 3SG:HAB+ красивый
‘Хорошо, чтобы я видел Кофи в поле’.

Косвенное дополнение с послелогом также может отделять субъект от номинализованного предиката (86е).

(86е) *à* *blā* *nḭ̀* *vḭ̄-lɛ̀*
3SG ссора BENEF любить-NMLZ
‘его любовь к ссорам’.

Поскольку прямое и косвенные дополнения, как и обстоятельства, могут быть произвольно длинными (и к тому же они сочетаются друг с другом), несубъектное местоимение, обозначающее субъекта при номинализованном глаголе, обладает неограниченной отделимостью от номинализованной вершины.

9.4. Распределение личных местоимений

Факторами употребления / неупотребления местоимений являются:

– синтаксическая позиция;

– наличие дублируемой ИГ (так, местоимение оказывается необходимо, если позиция обязательна для заполнения, а полная ИГ в ней отсутствует);

– число и определенность дублируемой именной группы. Неопределенные именные группы в единственном числе, как правило, не дублируются.

Заметим, что возможность опущения в перечисленных позициях касается только местоимения 3SG. Местоимение множест-

венного числа, даже дублирующее именную группу, опущено быть не может, ср. примеры:

(87а) *ŋ̀-ó* *mlạ̀* *lɛ̀* *(à)* *yē-lɛ̀.*
1SG-ST+ барабан DEF (3SG) видеть-RES
‘Я вижу барабан’.

(87б) *ŋ̀-ó* *mlạ̀* *nʊ̀ŋ̀* *ŋò/*Ø* *yē-lɛ̀.*
1SG-ST+ барабан PL 3PL видеть-RES
‘Я вижу барабаны’.

(Местоимение 3PL может быть единственным формальным средством выражением множественности ИГ, показатель множественного числа *nʊ̀ŋ̀* в присутствии местоимения необязателен).

Сведения о возможности употребления местоимений сведены в таблицу 7 (которая воспроизводит, с некоторыми уточнениями, таблицу из [Паперно 2006]); особые замечания приводятся ниже.

Таблица 7. Употребление местоимений

Синтаксическая позиция	Дублируемая ИГ			
	нет	ед. ч. неопр.	ед. ч. опред.	мн. ч.
Посессор	ОК (11.6.5)	ОК	ОК	!!
прямое дополнение, косвенное дополнение с послелогом, член сочинённой группы, контрастивный топик	!!	*	ОК	!!
подлежащее (кроме презентативных предложений)	!!	ОК (см. особо)	ОК (см. особо)	!!
фокус, неконтрастивный топик, субъект презентативного предложения, именной предикат	!! (только фокусная серия)	*	*	*
косвенное дополнение без послелога	*	*	*	*

Обозначения. * – личное местоимение невозможно; ОК – личное местоимение возможно, но не обязательно; !! – употребление личного местоимения обязательно.

9.4.1. Местоимения в позиции подлежащего. Позиция подлежащего обязательна для заполнения, так что местоимение 3SG можно опустить в этой позиции только если оно дублирует обычную именную группу (но и в этом случае местоимение может присутствовать), как в следующем примере:

(88) *[À lɛ́ŋ́$_{NP}$] (ó) gā-nā̰.*
3SG дитя 3SG:PST+ умереть-PRF
'Его ребенок умер'.

Заметим, впрочем, что хотя субъектное местоимение 3SG может на сегментном уровне отсутствовать, в прошедшем времени оно всё же оставляет след в виде тонального изменения на глаголе (см. 4.2.3), так что уместней говорить о процессе опущения местоимения, а не о его необязательности:

(89а) | À lɛ́ŋ́ ó gà| → *À lɛ́ŋ́ ó gâ.*
3SG дитя 3SG:PST+ умирать:L

(89б) *À lɛ́ŋ́ gâ.*
3SG дитя умирать:L
'Его ребёнок умер'.

Впрочем, поскольку субъектное местоимение служит для выражения видовременных значений, в некоторых случаях опущение местоимения могло бы привести к их неразличению. Именно это, как мы полагаем, мотивирует следующие ограничения:

– кондициональные местоимения не опускаются (иначе кондиционалис стал бы неотличим от оптатива);

– не опускаются местоимения отрицательных серий (кроме стативной);

– стативные местоимения опускаются свободно, но заменяются на стативный предикативный маркер:

(90) *À lɛ́ŋ́ ó gā-àló.*
3SG дитя ST+ умирать-PROG
'Его ребёнок умирает';

– претеритные и хабитуальные местоимения положительной полярности опускаются только в непереходной клаузе, т. е. там, где видовременное значение и так понятно по тону глагола.

Особым случаем является императив (только в форме 2SG), где местоимение *mì* в неотрицательной конструкции, как правило, отсутствует (но в отрицательной присутствует обязательно).

9.4.2. Посессор. Позиция посессора в бен синтаксически не обязательна для заполнения для реляционых имен (когда посессор подразумевается (91, 92а)). Факультативностью заполнения посессор отличается от других перечисленных в таблице позиций, например, позиции прямого дополения (92б, 92в):

(91) *Ŋó* *(mī)* *dē* *lɛ̀* *à* *yē-lɛ̀.*
1SG:ST+ 2SG отец DEF 3SG видеть-RES
'Я вижу (твоего) отца'.

(92а) *Ŋó* *dē* *lɛ̀ (à)* *yē-lɛ̀.*
1SG:ST+ отец DEF (3SG) видеть-RES
'Я вижу отца'.

(92б) *Ŋó* *à* *yē-lɛ̀.*
1SG:ST+ 3SG видеть-RES
'Я вижу его'.

(92в) **Ŋó* *Ø* *yē-lɛ̀.*
1SG:ST+ видеть-RES
*'Я вижу'.

10. Локативные группы

10.1. Распределение

Локативная группа представляет собой локативное имя (возможно, имеющее зависимые слева) или именную группу с локативным послелогом, обычно сопровождаемую также дейктическим показателем (см. ниже). Локативные группы употребляются: в глагольных предложениях с любым глаголом в сирконстантной (т. е. постглагольной) позиции; в функции референтной именной группы в любой позиции, свойственной именным группам; перед существительным в функции определения к нему; в качестве предиката адвербиального предложения (см. ниже о типах предложений).

10.2. Семантика

Локативная составляющая обозначает только локализацию, но не семантическую роль места:

(93) *Ó* *nṵ́* *lɔ́ɔ́* *wó* *wē.*
3SG:PST+ прийти рынок IN там
‘Он пришёл на рынок’ (латив).

(94) *Ó* *bɔ́* *lɔ́ɔ́* *wó* *wē.*
3SG:PST+ уйти рынок IN там
‘Он пришёл с рынка’ (элатив).

(95) *Ó* *jɛ́* *lɔ́ɔ́* *wó* *wē.*
3SG:PST+ пройти рынок IN там
‘Он прошёл через рынок’ (транслатив).

(96) *Ó* *dɔ́* *lɔ́ɔ́* *wó* *wē.*
3SG:PST+ остановиться рынок IN там
‘Он остановился на рынке’ (эссив).

Семантическая же роль названного локативной группой места определяется глаголом предикации: *jɛ̌* ‘проходить’ сочетается с транслативом (местом, пересекаемым движением); *bɔ̄* ‘уйти’, *wlō* ‘переселиться’ – с элативом (исходной точкой движения), *nṵ̄* ‘прийти’, *tá* ‘пойти’, *srǒ* ‘прибыть’, *drǎ* ‘упасть’ – с лативом (конечной точкой движения); прочие (в том числе обозначающие способ движения глаголы типа *bɛ̌* ‘бежать’, *dōŋ̀* ‘плыть’) – с эссивом (местом действия). Таким образом, если глагол имеет более одной зависимой локативной группы, они обозначают одно место:

(97) *Ó* *nṵ́* *Àbìjâ* *wlá* *wē.*
3SG:PST+ прийти Абиджан дом там
‘Он приехал домой в Абиджан’.

Локализации, выражаемые локативными послелогами, таковы: *wó* – локализация IN ‘в’, *mạ̀* – CONT ‘на’ (контакт с ориентиром, будь то горизонтальная или вертикальная поверхность), *ló* – SUPER (‘на’ или ‘над’), *dḭ́* – APUD (‘около’), *lù* – SUB (‘под’), *klɛ̄* – POST (‘за’, но также ‘у’, ‘вместе с’ в применении к людям), *wɔ̄lì* – POSS (‘в собственности’, ‘у’), *yé* (совпадает со словом ‘рот’) обозначает локализацию на краю какого-либо вместилища (край тарелки, берег реки, отверстие дупла), а также употребляется с существительными из некоторого фиксированного списка (*zrɛ̈ yé* ‘на дороге’, *gbɛ̌ yé* ‘в деревне’ и т. п.).

Интересно, что в одном случае различие локализаций соответствует различию ориентаций в переводе на русский, английский и подобные языки, а именно в случае, когда локативная группа

является определением к существительному, обозначающему путь: *ãŋ̄ gbĕ lɛ̀ wó zrë̀* (локализация IN) переводится как ‘дорога в нашей деревне’, а *ãŋ̄ gbĕ lɛ̀ mã̀ zrë̀* (локализация CONT) – как ‘дорога в нашу деревню’.

10.3. Грамматическая категория дейксиса

Категория дейксиса присуща в бен только локативным группам; в обычных именных группах указательный детерминатив *bì* ‘этот, тот’ не различает степеней удаленности.

Группы локативных имён, кроме собственно дейктических локативных имён и топонимов, часто сопровождаются дейктическими локативными именами *wē* ‘там’, *nȭ* ‘здесь’ и *blɔ̄* ‘именно здесь, именно там’. Это сопровождение не является строго обязательным, но, как правило, информанты считают вариант с локативным дейктиком более естественным. Например, (98) оказывается более приемлемым, чем (99), (100) – существенно более приемлемым, чем (101):

(98) *Ó* *tá* *klɛ́ɛ́ŋ̀* *nì* *wó* *wē.*
3SG:PST+ пойти:L лес DEF IN там
‘Он пошёл в лес’.

(99) *Ó* *tá* *klɛ́ɛ́ŋ̀* *nì* *wó.*
3SG:PST+ пойти:L лес DEF IN
‘Он пошёл в лес’.

(100) *Nũ̄* *wlá* *nȭ!*
прийти дом здесь
‘Приди домой!’

(101) *Nũ̄* *wlá.*
прийти дом
‘Иди домой!’

Степень обязательности дейктического элемента различна в зависимости от локативного имени. Систематически этим вопросом я не занимался, но, по-видимому, здесь играет роль частотность локативного имени. Для весьма частотного локативного послелога *wó* употребление дейктика свободно; для более редких локативных послелогов, таких как *dĩ́* ‘около’, оно предпочтительно. Дейктик *wē* ‘там’, *nȭ* ‘здесь’ и *blɔ̄* ‘именно здесь, именно там’ при частотном локативном имени *wlá* ‘дом’ весьма желателен, а при более редком *tùwâ* ‘квартал’ – обязателен.

11. Сочинение

Основное средство сочинения двух составляющих А и В в бен – конструкция *A nà̰ B lō*. С помощью этой конструкции сочиняются именные группы, прилагательные, наречные составляющие. Глаголы же и глагольные группы в общем случае не сочиняются (об особом случае сериальных конструкций см. ниже); для клауз смысл соединительного союза передается соположением или конструкцией с временным придаточным предложением. Такая дифференциация сочинительных средств по типам составляющих весьма характерна для языков тропической Африки (см. [Haspelmath 2005b]), это наиболее крупный в мире ареал с систематическим разграничением именного и глагольного сочинения.

При том, что обычная позиция вопросительных слов в бен – in situ (как, например, и в китайском языке), островом для вопросительных слов сочинительная конструкция не является, как видно из примера:

(102) *[Mḭ̄ nà̰ dé lō] fɛ̰̄ ká gʊ́à̰*
2SG и кто с REL 2PL:PST+ остаться

kā wlá wē flɔ́ɔ̰̄ nà̰?
2PL дом там сегодня TOP

‘С кем ты сегодня остался дома?’ (*букв.* ‘Ты и кто которые вы-остались у вас дома сегодня?’)

12. Структура простого предложения

12.1. Сентенциальные грамматические значения

12.1.1. Полярность. Основное средство выражения отрицания – отрицательная частица *ɛ́*, находящаяся в конце предложения. Частица *ɛ́* не используется только в предложениях идентификации-тождества, где положительная полярность маркируется частицей *ɛ̀*, отрицательная – *nɪ̰́*, а также в высказывании с вопросительным словом, где вообще нет различий по полярности.

Одновременно с наличием/отсутствием отрицательной частицы полярность маркируется в субъектном местоимении. В таблицах 4 и 5 (раздел 5.3) указано, местоимения какой серии употребляются в какого типа предложениях в зависимости от полярности. Полярность в субъектных местоимениях глагольного пред-

ложения выражается кумулятивно с видовременными и модальными значениями.

Для различения положительных и отрицательных предложений наряду с особым отрицательным показателем и местоименной серией в глагольных предложениях в ряде случаев используются также различные глагольные формы. Следующий пример демонстрирует употребление сразу трёх средств:

(103а) *Mą̆* *nū-sà* *ɛ́*
1SG:PST- прийти-PRFNEG NEG
‘Я не пришёл’.

(103б) *Ɪ́ʃ* *nū-nā*
я:PST+ прийти-PRF
‘Я пришёл (и ещё нахожусь здесь)’.

Практически вместо возможных шестнадцати (8 сентенциальных граммем × 2 граммемы полярности) глагольных форм имеется только шесть. Лишь четырём из них (морфологически сложным) можно приписать содержательные ярлыки. Две формы, лишённые суффиксов, мы обозначаем условными ярлыками «базовая форма» и «низкотоновая форма», основанными на их формальных характеристиках. Информация о том, какие глагольные формы употребляются в каком случае, сведена в таблицу 8.

Таблица 8. Употребление форм глагола в предикативной позиции

Граммема	**Положительная форма**	**Отрицательная форма**
претерит	низкотоновая форма	низкотоновая форма
хабитуалис	низкотоновая форма	низкотоновая форма
кондиционалис	базовая форма	низкотоновая форма
оптатив	базовая форма	низкотоновая форма
футурум	базовая форма	базовая форма
прогрессив	прогрессив	
перфект	положительный перфект	отрицательный перфект
результатив	результатив	

В бен имеется так называемое отрицательное согласование, т. е. имеются слова (соответствующие русским отрицательным местоимениям), присутствие которых в клаузе требует выражения отрицательной полярности. Они таковы: *pɔ̄pɔ̄* ‘ничего’ (реду-

пликация *pɔ̄* ‘вещь’); *kɛ̀kɛ̀* ‘никакой’ (редуплицированное по форме, но не имеющее нередуплицированного коррелята). Аналогичное значение выражает конструкция из повтора существительного, разделённая словом *tɔ́* ‘остальной’: *sɔ̰̀ŋ̀ tɔ́ sɔ̰̀ŋ̀* ‘никто’ (*sɔ̰̀ŋ̀* ‘человек’), *pḭ̀ɲ́ tɔ́ pḭ̀ɲ́* ‘ни былинки’ (*pḭ̀ɲ́* ‘сорная трава’). Примеры:

(104а) *Ŋā sɔ̰̀ŋ̀ tɔ́ sɔ̰̀ŋ̀ yē-lɛ̀ ɛ́.*
1SG:ST- человек остальной человек видеть-RES NEG
‘Я никого не вижу’.

(104б) *Mą̀ pḭ̀ɲ́ tɔ́ pḭ̀ɲ́ sò ɛ́.*
1SG:HAB- трава остальной трава есть:L NEG
‘Я ничего (ни былинки) не ем’.

(105) *Mą̌ drɛ̰̄ wò yrámą̀ kɛ̀kɛ̀ wó ɛ́.*
1SG:PST- работа делать:L время никакой IN NEG
‘Я никогда не работал’.

12.1.2. Наклонение и время. Выражаемая в независимом предложении модальность указывает на отношение обозначаемой предложением ситуации к реальному миру. В бен категория наклонения довольно бедна, грамматическое выражение получают только два модальных значения. Первое из них, индикатив, указывает на то, что ситуация имеет место в реальном мире; второе, оптатив, – на то, что ситуация представляется для говорящего желательной, необходимой и т. п.; это же наклонение используется в качестве императива. Кроме того, в бен имеется одно наклонение (кондиционалис), употребляющееся только в зависимом предложении.

Конкретное употребление предиката описывает состояние дел в некоторой точке отсчёта T, имеющей координату на временной шкале. Если эта точка совпадает с моментом речи, мы говорим о временной референции к настоящему, если предшествует ему – о временной референции к прошлому, если следует за ним – о временной референции к будущему.

Вся полнота временных и модальных значений выражается только в глагольном предложении. Предложения адъективного, адвербиального, экзистенциального и презентативного типов выражают лишь индикатив. При отсутствии особых условий они интерпретируются с временной референцией к настоящему.

При необходимости используется показатель временного сдвига, который во всяком предложении, имеющем временную референцию к настоящему, меняет её на референцию к прошлому (согласно показаниям одного из информантов, возможна также и референция к будущему):

(106) *Nà̰ ŋ-ó pɔ̄ lú-ɔ́ló.*
DT 1SG-ST+ вещь купить-PROG
‘Я покупал (в тот конкретный момент)’.

(107) *Nà̰ ŋ̀ pɔ̄ cḭ̀.*
DT 1SG:HAB+ вещь резать:L
‘Я косил (занимался косьбой)’.

(108) *Nà̰ ma̰ā̰ŋ̄ ɛ̰̀.*
DT 1SG:EMPH это
‘Это был я’.

(109) *Nà̰ ŋ̀ gɛ̄ŋ̄.*
DT 1SG:HAB+ хороший
‘Я был красив’.

Кроме собственно показателя временного сдвига, на временную интерпретацию предложений, по умолчанию отсылающих к настоящему, влияет контекст, содержащий прямую отсылку к времени ситуации, например:

(110) *Ga̰mlà̰ ó gbě gbɔ́.*
шимпанзе ST+ деревня давно
‘Некогда шимпанзе жил в деревне’ (*букв.* ‘Шимпанзе в деревне давно’).

(111) *Ŋó klóó ná̰, ŋ̄ dā ò*
1SG:ST+ маленький когда 1SG мать 3SG:HAB+
gbéné zɔ̀ fɛ̰̄ sēkpá.
маниока толочь:L день каждый
‘Когда я был маленький, моя мать толкла маниоку каждый день’.

Прочие временные, модальные и аспектуальные значения выражаются описательно: вместо неглагольного предложения употребляется предложение с глаголом *yrä* ‘находиться, иметь место’ (соответствуют экзистенциальным и адвербиальным предложе-

ниям) или глаголом-связкой *lɛ̄* ‘быть, делать’ (соответствуют адъективным и презентативным):

(112а) *Mą̄ŋ̄* *ɛ̣̀.*
1SG:EMPH это
‘Это я’.

(112б) *Ò-ó* *lɛ̄* *mą̄ŋ̄.*
3SG-ST+ COP 1SG:EMPH
‘Это буду я’.

(113а) *Ị̀ŋ̄* *gɛ̄ŋ̄.*
1SG:HAB+ хороший
‘Я красив’.

(113б) *Ị̀ŋ̄* *lɛ̄* *gɛ̄ŋ̄.*
1SG:HAB+ COP хороший
‘Пусть я буду красивым!’

(114а) *Ŋ̀ó* *pɔ̄ú.*
1SG:ST+ поле
‘Я в поле’.

(114б) *Ŋ̀ó* *yrä* *pɔ̄ú.*
1SG:ST+ находиться поле
‘Я буду в поле’.

12.1.3. Выражение вида, времени и наклонения. В глагольном предложении формально различается восемь конструкций, выражающих сентенциальные грамматические значения. Мы перечисляем их ниже, приводя примеры типичных случаев их употребления; пример видовременной парадигмы, а также формулы видовременных конструкций даны в Таблице 9.

Претерит: временная референция к прошлому, перфективное или хабитуальное видовое значение. При перфективном видовом значении не маркируется различие по предельности.

(115) *Ị́ŋ̄* *zá* *pɛ̀.*
я:PST+ дело сказать:L
‘Я сказал / (регулярно) говорил’.

Таблица 9. Парадигма предложения «ты играешь на барабане»

	положительная полярность	Схема	отрицательная полярность	Схема
претерит	mḭ́ mlą̰ dɛ̀	PST+, V:L	mḭ̌ mlą̰ dɛ̀ ɛ́	PST-, V:L
перфект	mḭ́ mlą̰ dɛ̄ ną̄	PST+, V *nąā*	mḭ̌ mlą̰ dɛ̄ sà ɛ́	PST-, V *sà*
результатив	(mḭ̄ó mlą̰ yɛ̄.lɛ̀)	ST+, V.*lɛ̀*	(mḭ̄ā mlą̰ yɛ̄.lɛ̀ ɛ́)	ST-, V.*lɛ̀*
прогрессив	mḭ̄ó mlą̰ dɛ̄ɛ̀lo	ST+, V.*(l)ɛlɔ́*	mḭ̄ā mlą̰ dɛ̄ɛ̀lɔ́ ɛ́	ST-, V.*(l)ɛlɔ́*
футурум	mḭ̄ó mlą̰ dɛ̄	ST+, V	mḭ̄ā mlą̰ dɛ̄ ɛ́	ST-, V
оптатив	(mḭ̀) mlą̰ dɛ̄	HAB+, V	mḭ̌ mlą̰ dɛ̀ ɛ́	= претер.
кондиционалис	mḭ̂ mlą̰ dɛ̄	CND+, V	mḭ̀ mlą̰ dɛ̀ ɛ́	= хабит.
хабитуалис	mḭ̀ mlą̰ dɛ̀	HAB+, V:L	mḭ̀ mlą̰ dɛ̀ ɛ́	HAB-, V:L

Обозначения. PST – претеритная серия, ST – стативная серия, HAB – хабитуальная серия, CND – кондициональная серия; “+” – серия положительной полярности, “-” – отрицательной; V – глагольная основа, V:L – низкотоновая форма глагола (получаемая изменением тона глагола на низкий).

Прогрессив: обозначает процесс, временная референция (по умолчанию) к настоящему:

(116) *Ŋ-ó* *kálɛ̀* *lú-ɔ́ló.*
я-ST+ арахис купить-PROG
‘Я покупаю арахис (сейчас)’.

В бен экзотическое значение **отменённого результата** выражается показателем *ŋ́gǒ*, присоединяемым к глагольному предложению в прогрессиве:

(117) *Ŋ́gǒ* *ɲrā-ló.*
NGO 1SG:пойти-PROG
‘Я ушёл было’.

(118) *Lā* *ó* *bą̄* *nąá* *ŋ́gǒ* *ŋlṵ̄ɛ̄lɛ́ŋ́* *nṵ̄ŋ̀*
дождь ST+ идти TOP NGO червь PL
ŋò-ó *sròbɛ̀í-lɛ́ló.*
3PL-ST+ выйти-PROG

‘Когда шёл дождь, черви стали было выползать на поверхность’.

Тот же показатель *ŋ́gǒ* в аподосисе условного предложения маркирует контрфактивность. К примеру, в следующем предложении нет никакого маркера ирреальности, кроме *ŋ́gǒ*:

(119) *Lā* дождь | *ó* ST+ | *bạ̄* идти | *déē* если | *ŋ́gǒ* NGO | *ŋlṵ̄ẹ̄lé́ŋ́* червь | *nṵ̀ŋ̀* PL
ŋò-ó 3PL-ST+ | *sròbèí-léló.* выйти-PROG
‘Если бы (сейчас) шёл дождь, черви бы (сейчас) выползали на поверхность’.

В свете вышесказанного выражение отмененного результата можно трактовать как подразумеваемое контрфактическое условие. Такая трактовка, однако, не объясняет, почему для отмененного результата используется именно прогрессив, а не другая видовременная форма.

Выражение антирезультатива через прогрессив в настоящем времени – типологически уникальное явление, требующее специального объяснения: как правило, в образовании антирезультатива участвуют глагольные формы прошедшего времени или перфектива/перфекта (ср. в особенности примеры в [Шошитайшвили 1998: 92-105]).

Хабитуалис: обозначает регулярно повторяющееся действие или стабильное во времени состояние, временная референция (по умолчанию) к настоящему.

(120) *Ì̀ŋ̀* 1SG:HAB+ | *pìṵ́ŋ́* трава | *cị.* резать:L
‘Я режу траву (обычно)’.

Футурум: референция к будущему, любое видовое значение.

(121) *Ŋ́-ó* 1SG:ST+ | *jó.* разговаривать[BSQ]
‘Я поговорю / буду говорить’.

Результатив: временная референция (по умолчанию) к настоящему, результативное видовое значение (см. ниже).

(122) *Jrǎ* *ò-ó* *dɛ̄-lɛ̀.*
лев 3SG-ST+ быть.убитым-RES
‘Лев убит’.

Кондиционалис употребляется в некоторых случаях во временных и условных придаточных предложениях, см. ниже о сложном предложении в бен.

(123) *Mı̨̂n* *mı̨̄* *wɔ̄-lɛ́ɛ́ŋ́* *cı̨́* *nı̨́* *mı̨̀*
ты:CND ты рука-дитя резать[BSQ] TOP ты:HAB+
wàŋ̀ *yè.*
кровь увидеть:L
‘Когда порежешь палец, видишь кровь’.

Оптатив в независимом предложении выражает пожелание:

(124) *Ì̀ŋ* *wlá.*
1SG:HAB+ смеяться[BSQ]
‘Пусть я буду смеяться!’

Императив в целом совпадает по форме с оптативом:

(125) *Kà* *drŭ.*
2PL:HAB+ гулять[BSQ]
‘Гуляйте!’

Отличие императивных употреблений от остальных глагольных высказываний заключается в употреблении субъектных местоимений. Во-первых, в форме 2SG субъектное местоимение не употребляется; во-вторых, в 1PL (т. е., раз речь идет о побуждении, в инклюзиве первого лица) различается число адресата (так называемое единственное и множественное число инклюзива). Формальное выражение инклюзива 1PL таково: при побуждении к совместному действию, обращенному к одному лицу, используется обычное субъектное местоимение 1PL *ā̰ŋ̀*, а при обращении к нескольким лицам (или вежливом обращении к старшему) – сочетание местоимений 1PL и 2PL:

(126) *Ā̰ŋ̀* *drŭ.*
мы:HAB+ гулять:L
‘Давай гулять!’

(127) *Ā̰ŋ̀* *kà* *drŭ.*
мы:HAB+ вы:HAB+ гулять:L
‘Давайте гулять!’

Перфект: временная референция (по умолчанию) к настоящему, перфектное видовое значение (≈ английский Present Perfect).

(128) *Ḭ̄ŋ́* *nṵ̄-nā̰.*
я:PST+ прийти-PRF
‘Я пришёл (и ещё нахожусь здесь)’.

12.1.4. Результатив vs. перфект. Результатив в бен обозначает состояние (часто, но не обязательно – наступившее в результате обозначаемого глаголом действия), а перфект – недавнее актуальное для говорящего событие (результат которого часто налицо). Неудивительно, что перфект и результатив во многих ситуациях взаимозаменимы. Укажем, однако, на ряд отличий перфекта и результатива, вытекающих из их семантики.

Во-первых, перфектное видовое значение, в отличие от результативного, сочетается с обстоятельствами, относящимися к подсобытию вхождения в состояние:

(129) *Yrí* *lɛ̀* *ò-ó* *drà-lɛ̂* *(*gblɛ̄).*
дерево DEF 3SG-ST+ падать-RES вчера
‘Дерево лежит на земле’ (упав *вчера).

(130) *Yrí* *lɛ̀* *ó* *drà-nā̰* *gblɛ̄.*
дерево DEF 3SG:PST+ падать-PRF вчера
‘Дерево вчера упало’ (и до сих пор лежит на земле).

Кроме того, между перфектом и результативом остаются прагматические различия. Перфект не употребляется, если вхождение в состояние S неактуально для говорящего (таковы результативные употребления стативных глаголов, например, *dɔ̰̄* ‘знать’ или *trī* ‘быть чёрным’). Результатив также употребляется в ситуации косвенной засвидетельствованности, т. е. когда говорящему известно о происходившем процессе только по наблюдаемому состоянию.

Не все глаголы употребляются в результативе. Например, глаголы, участвующие в каузативно-инхоативной альтернации (P-лабильные в (де)каузативном варианте, см. 12.1.2), образуют ре-

зультатив в непереходной ипостаси и не образуют в переходной, в то время как перфект образуется в обоих случаях:

(131а) *Ɩ́ ŋlṵ̄ trī-nā̰.*
1SG:PST+ голова чернить-PRF
‘Я покрасил голову в чёрный цвет’.

(131б) *Ɩ̄ drɔ̀ŋṵ́ ó trī-nā̰.*
1SG рубаха 3SG:PST+ чернеть-PRF
‘Моя рубашка потемнела (стала грязной)’.

(132а) **Ɩ-ó ŋlṵ̄ trī-lɛ̀.*
1SG-ST+ голова чернить-RES
*‘У меня голова чёрного цвета’.

(132б) *OK Ɩ̄ drɔ̀ŋṵ́ ò-ó trī-lɛ̀.*
1SG рубаха 3SG-ST+ чернеть-RES
‘Моя рубашка темная (грязная)’.

(133) *Ɩ́ klɛ́ drà-nā̰.*
1SG:PST+ мешок ронять-PRF
‘Я уронил мешок’.

(134) *Ɩ̄ klɛ́ ó drà-nā̰.*
1SG мешок 3SG:PST+ падать-PRF
‘Мой мешок упал’.

(135а) **Ɩ-ó klɛ́ drà-lɛ̂.*
1SG-ST+ мешок ронять-RES
*‘Я уронил мешок на землю’.

(135б) *OK Ɩ̄ klɛ́ ò-ó drà-lɛ̂.*
1SG мешок 3SG-ST+ падать-RES
‘Мой мешок лежит на земле’.

Этим ограничениям есть простое семантическое объяснение. Результатив, как мы уже говорили, обозначает состояние. У состояний, обозначаемых рассматриваемыми глаголами, один семантический актант. В наших примерах носитель состояния – предмет, обозначаемый подлежащим непереходного и прямым дополнением переходного глаголов. В то же время к состоянию

может вести процесс, у которого или один участник[7] (носитель наступающего состояния), или два[8] (добавляется агенс, вкладывающий свою энергию в этот процесс). Соответственно, называя состояние, мы не можем выразить агенса, который этого состояния не испытывает. Иначе говоря, в обозначении события не может содержаться указания на предмет, не участвующий в этом событии.

Возможность образования результатива регулируется семантически; сама по себе переходность здесь роли не играет. Если глагол переходный и оба участника, кодируемые подлежащим и прямым дополнением, – актанты результирующего состояния, то результатив от такого глагола может быть образован:

(136а) *Ɪ̃-ó* *mī̃* *dɔ̄̃-lɛ̀.*
1SG-ST+ 2SG знать-RES
‘Я тебя знаю’.

(136б) *Ɪ̃-ó* *mī̃* *yɛ̄-lɛ̀.*
1SG-ST+ 2SG видеть-RES
‘Я тебя вижу’.

(137а) *Ò-ó* *ɩ̄* *dī̃-nɛ̀.*
3SG-ST+ 1SG посылать.гонца-RES
‘Я его посланец’.

(137б) *Ɪ̃-ó* *lɛ́ɩ̃* *dòdó-lɛ̀.*
1SG-ST+ ребёнок сажать.на.спину-RES
‘У меня за спиной ребёнок’.

Если, напротив, глагол непереходный и непредельный, то результатив от него не употребляется:

(138) **Ɪ̃-ó* *drù-lɛ̂.*
1SG-ST+ гулять-RES
*‘Я погулявший’.

[7] В этом случае наступление состояния – событие типа achievement по классификации Вендлера.

[8] В этом случае наступление состояния – событие типа accomplishment по классификации Вендлера.

Другой класс случаев употребления результатива переходного глагола – обозначение состояния, наступившего в результате действия и поддерживаемого агенсом этого действия, например:

(139а) *Ò-ó* *à* *mɛ̰̄lá-lɛ̀.*
3SG-ST+ 3SG упасть-RES
‘Он держит его на земле’ (т. е. поддерживает состояние нахождения на земле), ср.

(139б) *Ó* *à* *mɛ̰̀lá.*
3SG:PST+ 3SG упасть
‘Он повалил его на землю’.

12.1.5. Перифрастическое выражение вида и времени

В бен, помимо описанного выше прогрессива, имеется менее грамматикализованная конструкция, выражающая схожее значение. Структура её такова: субъектное местоимение стативной серии + (прямое дополнение) + глагол в номинализованной форме + послелог *mà̰*. Семантическое отличие этой конструкции от собственно прогрессива довольно тонкое и заключается в указании на то, что действие длится уже некоторое время (так что эту конструкцию можно характеризовать как континуалис), например:

(140) *Ò-ó* *drɛ̰̄* *wō-lɛ̀* *mà̰.*
3SG-ST+ работа делать-NMLZ CONT
‘Он (уже некоторое время) работает’.

Значение намерения выражается перифрастически сочетанием глагола *tá* или *nṵ̄* с деепричастием цели, например:

(141) *ɲrá-ló* *dɛ̃̀* *cḭ́-yà*
1SG:ST+:пойти-PROG (вид дерева) резать-Gl
‘Я собираюсь срубить дерево *dɛ̃̀*’.

В этой перифрастической конструкции различаются:

- использование глагола *nṵ̄* или *tá*: первый указывает на совершение действия в том месте, где находится субъект, второй – на то, что действие совершается в другом месте;
- использование прогрессива или будущего времени вспомогательного глагола: первый указывает на намерение немедленно приступить к совершению действия, второе – на намерение совершить его в будущем.

12.2. Аргументная структура глагольного предложения

12.2.1. Подлежащее. Подлежащее – именная группа, начинающая минимальное высказывание – обладает рядом признаков, отличающих его от других именных групп. Эти признаки таковы:

– Подлежащная именная группа сопровождается субъектными местоимениями.

– Подлежащее контролирует возвратные местоимения – прямые или косвенные дополнения:

(142) *Ò* *à-drạ̀* *bò* *fìà* *sɔ̀ŋ̀*
3SG:HAB+ 3SG-REFL поднять:L лучше человек
sē *mạ̀.*
всякий SUPER
'Он считает себя лучше всех людей'.

(143) *Mị̀* *vị̀* *mī-drạ̀* *nị̀.*
2SG:HAB+ любить:L 2SG:REFL BENEF
'Ты любишь себя'.

– Подлежащее контролирует субъект деепричастия цели (употребляется только при глаголах движения), напр.:

(144) *Ḭ́* *nṵ́* *drù-yâ.*
1SG:PST+ прийти:L гулять-GL
'Я пришёл погулять'.

– Подлежащее контролирует субъект отглагольного имени при некоторых рамочных предикатах, если этот субъект особо не выражен:

(145) *Mḭ́* *pɔ̄* *dè-lɛ́* *ŋlṵ̄bì.*
2SGPST+ вещь готовить-NMLZ начать:L
'Ты начал готовить'.

– Подлежащее контролирует субъект деепричастия одновременности (в функции которого употребляется имя места), если этот субъект особо не выражен:

(146) $\varnothing_{i/*j}$ *Drẽ̄* *wō-yà* *nạ́* *ŋ-ó*$_i$ *ŋò*$_j$ *yè.*
работа делать-PLC TOP 1SG-ST+ 3PL видеть:L
'Когда я (*они) работал, я их увидел'.

В то же время если субъект деепричастия выражен, он может быть или не быть кореферентен подлежащему:

(147) *Ŋò*$_j$ *drɛ̰̄* *wō-yà* *nā̰* *mā̰*$_i$ *ŋò*$_j$ *yè.*
3PL работа делать-PLC TOP 1SG:PST+ 3PL видеть:L
‘Когда они работали, я их увидел’.

(148) *Ŋò*$_i$ *trí-yá* *nā̰* *ŋ-ó* *dǎ*
3PL возвратиться-PLC TOP 1SG-ST+ найти[BSQ]
ŋò$_i$ *ló* *nɔ̰̄.*
3PL SUPER здесь
‘Когда они будут возвращаться, я найду их здесь’.

12.2.2. Прямое дополнение и лабильность в бен. Прямое дополнение в бен всегда находится перед глаголом и не может быть опущено. Оно выражается именной группой, местоимением или и тем, и другим. Обязательность прямого дополнения и его выражение полностью сохраняется у всех отглагольных имен (деепричастие цели, имя деятеля, имя средства, номинализации на *-ya* и *-lɛ*). В случае, когда объект семантически недоопределён (как в русском *Они грабят и убивают*), используется семантически опустошённое существительное *sɔ̰̀ŋ̀* ‘человек’ (для одушевлённых объектов – животных и людей), *pɔ̄* ‘вещь’ (для неодушевлённых предметов), *zá* ‘дело’ (для логических объектов). Примеры:

(149) *Ŋ-ó* *pɔ̄* *blɛ̄.*
1SG-ST+ вещь есть
‘Я поем’.

(150) *Ŋò* *sɔ̰̀ŋ̀* *dɛ̀.*
3PL:HAB человек убить
‘Они убивают’.

(151) *Ó* *zá* *pɛ̀.*
3SG:PST+ дело сказать
‘Он сказал (что-то)’.

(152) *Dé* *fɛ̰̄* *ó* *pɔ̄* *cɩ̰̀* *ɩ̄* *bɛ̀sé*
кто REL 3SG:PST+ вещь резать 1SG мачете
ɛ̀ *lō* *nā̰?*
DEF с TOP
‘Кто рубил моим мачете?’

Для глаголов *cá* ‘смотреть’, *yɛ̄* ‘видеть’, *klū* ‘копать’, *klūklù* ‘копать, расчищать’, *túà* ‘оставлять’, *wlā* ‘подметать’ в качестве

такого семантически опустошённого объекта, наряду с *pɔ̄,* может использоваться существительное *blī* ‘место’ (*pɔ̄ / blī yē* ‘видеть’, *pɔ̄ / blī cá* ‘смотреть (куда-то)’, *pɔ̄ / blī wlā* ‘подметать’); носители бен не находят смысловой разницы между предложениями с *pɔ̄* и *blī* в качестве семантически пустого дополнения.

Имеется небольшое количество А-лабильных глаголов, т. е. глаголов, способных выступать как с прямым дополнением, так и без него, без изменения семантической роли подлежащего. Это лексическая характеристика следующих глаголов (в скобках даются необязательные дополнения): (*drẽ*) *blä* ‘прекратить (работу)’; недавнее заимствование из бауле (*pɔ̄*) *fɔ̃tú* ‘посоветовать (что-либо)’; (*sɔ̀ŋ̀*) *kákà* ‘вызывать зуд (у кого)’; (*pɔ̄*) *làmō* ‘перешагнуть (что-либо)’, (*zá*) *zázà* ‘спорить (о чём-либо)’. У всех них, кроме заимствованного *fɔ̃tú,* лабильность проявляется только в одном из значений. Также А-лабильностью обладают (*pɔ̄*) *klúą̀* ‘красть (что-то)’ и (*sɔ̀ŋ̀*) *pōpò* ‘просить (кого-то)’.

Семантически нестандартная А-лабильность свойственна глаголам *wlá* ‘смеяться’ и *wláwlà* ‘улыбаться’: прямое дополнение в переходной конструкции выражает семантическую роль стимула (т. е. смеяться **над кем-то**, улыбаться **кому-то**).

Глаголы способа движения в бен регулярно проявляют А-лабильность. Прямое дополнение при их переходном употреблении принимает семантическую роль пути, например, в предложении:

(153) *Ó* *pɔ̄ú* *drù.*
3SG:PST+ поле гулять
‘Он прошёл (всё) поле’,

где *pɔ̄ú* – прямое дополнение; ср.

(154) *Ó* *drú* *pɔ̄ú.*
3SG:PST+ гулять поле
‘Он прошёлся по полю’,

где *pɔ̄ú* находится в сирконстантной позиции.

Глагол *gbā* ‘дать’ А-лабилен в пассиве; см. пример ниже.

Кроме указанных выше, как А-лабильные ведут себя предикаты, представляющие собой застывшее, в разной степени идиоматизованное сочетание некоторого имени с собственно глагольной частью, например: *gblóŋ́ dǎ* ‘заплатить штраф (чем)’ (вне данного

сочетания слово *gblóŋ́* не употребляется; *dǎ* – многозначный глагол, используемый во многих идиоматических сочетаниях), *kɔ̀ŋ̀ bō* ‘отомстить (за кого)’ (*kɔ̀ŋ̀* ‘месть’, *bō* ‘сделать’), *yé súá* ‘молиться (для кого)’ (*yé* ‘рот’, *súá* ‘брызнуть’), например:

(155) *Ó* *(à* *dē* *lɛ̀)* *kɔ̀ŋ̀* *bò.*
3SG:PST+ 3SG отец DEF месть V:L
‘Он отомстил (за отца)’.

В отличие от А-лабильности, Р-лабильность, т. е. мена позиций подлежащего и прямого дополнения при выражении одной и той же семантической роли, в бен распространена очень широко. Большая часть глаголов, допускающих переходное употребление, может иметь и непереходное (457 из 553 глаголов[9]), при этом подлежащее в непереходном употреблении имеет ту же семантическую роль, что и прямое дополнение в переходном употреблении. Семантически же отношение между переходным и непереходным употреблениями глагола может быть различным:

- рефлексивное: *ó lɛ́ŋ́ nḭ̀ zrò* ‘Он помыл ребёнка’ – *ó zrô* ‘Он помылся’
- декаузативное (или авторефлексивное): *ó kpḭ̀ŋ́ nḭ̀ tà* ‘Он открыл дверь’ – *kpḭ̀ŋ́ nḭ̀ ó tâ* ‘Дверь открылась’;
- (квази)пассивное: *ó jrǎ lɛ̀ dɛ̀* ‘Он убил льва’ – *jrǎ lɛ̀ ó dɛ̂* ‘Лев был убит’.[10]

Различие между пассивным и декаузативным прочтением непереходного употребления переходного глагола следующее. В случае пассива (*jrǎ lɛ̀ ó dɛ̂* ‘Лев был убит’) имплицируется наличие агентивного участника ситуации[11], а в случае декаузатива не имплицируется. Лингвистически, однако, проверить семантическую обязательность невыраженного участника, семантическая роль которого сводится к каузации ситуации, очень трудно. Дей-

[9] Здесь и далее подсчитываются глагольные лексемы в смысле Московской семантической школы, т.е. единицей считается глагол, взятый в отдельном значении.

[10] Поскольку выражение агенса в такой конструкции в бен невозможно, это значение, строго говоря, можно было бы называть, следуя Холодовичу [1970], объектным квазипассивом.

[11] Точнее – участника ситуации, чья семантическая роль равна роли подлежащего при переходном употреблении глагола.

ствительно, для всякого события можно найти какую-либо причину, но следует ли из-за этого считать, что у всех предикатов есть семантическая валентность на причину?

Как известно, семантическая граница между декаузативом и рефлексивом размыта (см. [Летучий 2006: 25]). При невозможности на практике чёткого разграничения пассивного, декаузативного и рефлексивного значений, совмещающихся в одном показателе, желательно было бы иметь возможность не различать их и в теории, считая и то, и другое, и третье частным случаем детранзитивизации.

Допустим, что детранзитивизация действительно имеет единственное лингвистическое значение, а выбор пассивной, декаузативной или рефлексивной трактовки в каждом конкретном случае обусловлен прагматикой и / или лексическим значением глагола. Действительно, пусть переходное предложение с некоторым глаголом имеет значение ‘Y совершает P над X’, а непереходное – ‘с X происходит P’. Однако ничто в мире не происходит беспричинно. Для части таких непереходных предложений из энциклопедической информации о предикате типа P или его семантики следует, что ситуация, обозначаемая предложением, вызвана внешней силой – например, глагол *dɛ̄* ‘убить’ (в отличие от *gā* ‘умереть’) включает в свое значение компонент ‘неестественным путём’, соответственно, непереходное употребление *jrǎ lɛ̀ ó dɛ̂* ‘Лев был убит’ квалифицируется как безличный пассив.

Если действие не вызвано внешними силами, оно чаще всего обусловлено внутренними причинами. При этом если участник ситуации X обладает волей и способен контролировать ситуацию, то предложение ‘с X происходит P’ квалифицируется как рефлексивное (например, в бен предложение *ó zrô* значит ‘Он(а) помылся(-лась)’, но в специальной ситуации, например, ритуального омовения девочек при инициации, может значить и ‘Она была помыта’).

Прочие же случаи, когда нет оснований предполагать ни внешнюю каузацию события, ни внутренний контроль участника над происходящим с ним событием, непереходное употребление лабильного глагола интерпретируется как декаузативное или автокаузативное (*kpi̧ŋ́ ni̧ ó tâ* ‘Дверь открылась’).

12.2.3. Вторичное дополнение в бен в свете типологии дитранзитивных конструкций. Дитранзитивные конструкции, т. е. конструкции предложения, где реализуются валентности предиката на агенс, реципиент и тему (объект передачи), лишь в последнее время подверглись систематическому типологическому изучению. Я буду здесь пользоваться терминологическим аппаратом, предложенным в [Haspelmath 2006a]. Хаспельмат различает индирективную (тема оформлена как прямое дополнение, реципиент иначе – как «непрямое» дополнение), секундативную (реципиент оформлен так же, как прямое дополнение, тема иначе – как «вторичное» дополнение) и нейтральную стратегию (реципиент и тема оформлены одинаково). Хотя отдельные свойства дитранзитивной конструкции не вписываются в эту характеристику, в бен основная стратегия – секундативная, с оформлением реципиента как прямого дополнения и особым вторичным дополнением для темы. Вторичное дополнение представляет собой именную группу без послелога и местоименной репризы, которая непосредственно следует за глаголом (в отличие от вторичного, косвенные дополнения оформляются послелогом). Чаще всего вторичное дополнение встречается с глаголом *gbā* ‘давать’, но как минимум два других глагола, *ɓlī* ‘хоронить’ и *pōpò* ‘просить’, также допускают его:

(156а) *Ó* *mḭ̄* *gbà* *yí.*
3SG:PST+ 2SG дать вода
‘Он дал тебе воды’.

(156б) *Ó* *ḭ̄* *pòpò* *wálí.*
3SG:PST+ 1SG просить:L деньги
‘Он попросил у меня денег’.

(156в) *Mī́* *à* *ɓlì* *mlɛ̰̌.*
2SG:PST+ 3SG хоронить:L курица
‘Ты принёс на его похоронах в жертву курицу’.

С точки зрения зависимостного маркирования (т. н. flagging) эта базовая конструкция дитранзитивной клаузы нейтральная: и реципиент, и тема получают нулевое маркирование. Это ярко выраженная ареальная черта, характерная для языков Африки южнее Сахары, см. [Haspelmath 2005a].

С точки же зрения порядка слов и индексирования (indexing ≈ согласование) эта конструкция секундативна: выраженный в предглагольной позиции реципиент, как и пациенс двухместного глагола, может дублироваться местоимениями, а название объекта передачи не может, ср. пример:

(157) *Ó* *Kòlā* *(à)* *gbà* *lɔ́klɔ́* *bì* *lɛ̀* *(*à)*
3SG:PST+ Кола 3SG дать:L ребёнок этот DEF 3SG
'Он отдал этого ребёнка Коле'.

В бен, как и во всех 22 языках выборки Хаспельмата, имеющих секундативное индексирование [Haspelmath 2006a: 12], согласовательные индексы при теме отсутствуют, а не просто отличаются от индексов при реципиенте и пациенсе.

Кроме того, реципиент, как и пациенс двухместного глагола, всегда должен быть как-либо выражен, а название объекта передачи, как правило, может быть опущено. Более того, в позиции вторичного дополнения запрещено использование личного местоимения:

(158) *Ó* *ã̄ŋ̄* *gbà* *(*à-yã̄)*
3SG:PST+ 1PL дать 3SG-EMPH
'Он нам дал его' (употребление местоимения после глагола невозможно).

Ср. употребление местоимения в предикативной позиции:

(159) *Ó* *lɛ́* *à-yã̄.*
3SG:PST+ COP 3SG-FOC
'Это был он' (опущение местоимения в конце невозможно).

Если всё же необходимо назвать объект передачи, обозначив его личным местоимением, это можно сделать, используя описательную конструкцию:

(160) *Ó* *kã̄* *srà* *ɔ́* *ŋ̄* *dã̄* *gbà.*
3SG:PST 2PL брать:L 3SG:PST 1SG мать давать:L
'Он дал вас моей матери' (буквально: 'он взял вас, он дал моей матери').

Невозможность выступать в позиции вторичного дополнения отделяет личные местоимения от всех прочих именных групп. Таким образом, для бен можно в некотором смысле говорить о

«расщеплённой дитранзитивности»: личные местоимения в функции дитранзитивной темы ведут себя иначе, чем другие именные группы. Как и в других случаях «расщеплённой дитранзитивности», можно считать, что это «расщепление» определяется положением на шкале определённости, и граница на этой шкале проходит в бен между личными местоимениями и другими определёнными ИГ.

С типологической точки зрения сочетание секундативной стратегии для местоименных аргументов, дублируют ли они именную группу или являются семантически самостоятельными, и нейтральной для обычных именных групп вписывается в общую тенденцию, действующую в языках мира. А именно, элементы более высокого ранга по шкале определённости склонны к более секундативному кодированию в дитранзитивной конструкции, а элементы более низкого ранга – к более индирективному [Haspelmath 2006b: 15]. Например, в мальтийском языке для личных местоимений действует нейтральная стратегия кодирования, а для прочих именных групп – индирективная [Comrie 2004]. Аналогичная ситуация наблюдается во французском языке, однако граница между стратегиями проходит немного иначе: нейтральная стратегия для местоимений-локуторов (*me, te, nous, vous*) и индирективная для всего остального (*le:lui, les:leur*, NP: *à* + NP).

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что при мене диатезы, аналогичной P-лабильности, у управляющих вторичным дополнением глаголов в позицию подлежащего продвигается не прямое, а вторичное дополнение; прямое дополнение при этом становится необязательным (т.о. формально демонстрируется A-лабильность):

(161) *Wálí* *lɛ̀* *ó* *(mī)* *gbà*
деньги DEF 3SG:PST+ 2SG дать:L
‘Деньги были (тебе) даны’.

12.2.4. Вторичный предикат. Непосредственно за глаголом следует вторичный предикат, который может быть выражен именной группой (162), фокализованным местоимением (166), группой прилагательного (163) или глагольной формой результатива (164). Семантически это может быть основной предикат при глаголе-связке *lɛ̄* ‘быть, делать’ или вторичная предикация:

(162) *Ó* *lɛ́* *ŋ̄* *dē.*
3SG:PST+ COP 1SG отец
‘Это был мой отец’.

(163) *Ó* *à* *lɛ̀* *kló.*
3SG:PST+ 3SG COP маленький
‘Он сделал его маленьким’.

(164) *Ó* *à* *yɛ̀* *yātró-lɛ̀.*
3SG:PST+ 3SG видеть сесть-RES
‘Он увидел его сидящим’.

(165) *Ó* *à* *lù* *klū-pɔ̀.*
3SG:PST+ 3SG купить копать-MEN
‘Он купил это, чтобы копать’ (*букв.* в качестве инструмента копания).

(166) *Ó* *lɛ̀* *mą̄ŋ̄.*
3SG:PST+ COP 1SG:EMPH
‘Это был я’.

Вторичный предикат всегда контролируется подлежащим непереходной предикации или прямым дополнением переходной.

12.2.5. Дополнения и сирконстанты с послелогами. Целый ряд глаголов управляет косвенным дополнением, оформленным послелогом. Кроме того, аналогичное зависимое возможно в адъективном предложении при сравнительной конструкции (см. раздел об адъективном предложении). Сильноуправляемым может быть практически любой послелог, кроме причинного *kṵ́mą̀* ‘из-за’. Выбор послелога определяется управлением глагола и нередко кажется немотивированным с точки зрения стандартного европейского языка. Например, глагол *gbɛ́* ‘превосходить’ управляет послелогом *mḭ̄* (который встречается только с этим глаголом), глагол *dǎ* в значении ‘помочь’ управляет послелогом *dḭ́* (обычно выражает локализацию APUD ‘около’), глагол *kàflɛ̂* ‘обращаться за помощью’ управляет послелогом *mą̀* (обычно выражает локализацию CONT ‘на’):

(167) *Ŋɔ̀-ó* *gbɛ́* *bū* *mḭ̄.*
3PL-ST+ превосходить десять P
‘Их будет больше десяти’.

(168) *Ò-ó* *dǎ* *mḭ̄* *dḭ̄.*
3SG-ST+ падать 2SG APUD
‘Он тебе поможет’.

(169) *Ɲò-ó* *kàflɛ̂* *ḭ̄* *mà̰.*
3PL-ST+ довериться 1SG CONT
‘Они обратятся ко мне за защитой’.

Предикаты, обозначающие эмоцию, как правило, управляют не прямым дополнением (что типично для стандартного европейского языка), а косвенным дополнением с бенефактивным послелогом *nḭ̀* (X в примерах стоит на месте управляемой именной группы, соответствие которой в русском переводе выделено курсивом): *fɛ̂ɛ̀ sí X nḭ̀* ‘опасаться *чего/кого*’, *kókò X nḭ̀* ‘беспокоиться за *кого*’, *kpɔ̄ X nḭ̀* ‘ненавидеть *кого/что*’, *ɲrɔ̰̌ X nḭ̀* ‘испытывать отвращение к *кому/чему*’, *vḭ̄ X nḭ̀* ‘любить *что/кого*’, *yɛ̄ḭ̄ X nḭ̀* ‘бояться *чего/кого*’, *yɛ̄ɲrɛ́ X nḭ̀* ‘стыдиться за *кого*’.

Из типологических соображений можно было бы ожидать, что если один из актантов экспериенциального предиката оформлен как бенефактив, то это экспериенцер. В последнее время появилась огромная литература по дативным экспериенцерам (как в русском примере *Мне нравится Петя*), преимущественно на материале индоевропейских языков, см. недавно вышедший сборник [Bhaskararao, Subbarao 2004], а также сборник [Verma, Mohanan 1990], посвящённый дативным подлежащим в языках Южной Азии.

Разумеется, когда экспериенцер выражен подлежащим, стимул маркируется как косвенное дополнение, ср. [Farrell 2004] о косвенных дополнениях стимула из бразильского португальского и индонезийского. Часто такое косвеннообъектное оформление стимула объясняется метафорическим переносом ПРИЧИНА ⇒ СТИМУЛ. Опосредованно, через причинное значение, на стимул может распространяться инструментальное маркирование (пример 16а Фаррела из индонезийского языка; русское *наслаждаться пейзажем*) или элативное (английское *be afraid* ***of***, русское сленговое *тащиться* ***от*** *чего-либо*). Возможна также пространственная метафора НАПРАВЛЕНИЯ восприятия или чувства на объект (*смотреть* ***на звёзды****, испытывать ненависть* ***к Пете***). Наконец, на стимул может распространяться оформление темы высказывания (английское *worry* ***about***). Однако оформление

стимула именно как бенефактивного участника типологически аномально и требует объяснения.

Объяснить такое маркирование через только что упомянутые источники невозможно. Во-первых, собственно ПРИЧИНА послелогом *nḭ̀* в бен не маркируется (для этого есть специальный послелог *kṵ́mə̀*), хотя, конечно, семантика бенефактива близка к причинной; во-вторых, значения пространственного приближения он также не имеет (в отличие от датива, например, в тюркских языках); в-третьих, тема высказывания маркируется в бен в составе прямого дополнения. Против гипотезы «пространственного приближения» говорит и то, что послелог *nḭ̀* употребляется только с предикатами эмоции, но не с глаголами восприятия, для которых пространственная метафора наиболее естественна (‘видеть’, ‘смотреть’, ‘слышать/слушать’ управляют в бен прямым дополнением).

Можно предположить, что при распространении бенефактивного оформления на Стимул действовала цепочка переносов, подобная следующей: *содействовать* ***кому*** (бенефактив) – *заботиться* ***о ком*** (бенефактив в чистом виде) – *беспокоиться* ***о ком*** (бенефактив-объект эмоций) – *любить* ***кого*** (объект эмоций) – *ненавидеть* ***кого***.

Описанные выше эмотивные глаголы – всего лишь семантически мотивированный подкласс[12] множества двухвалентных глаголов, управление которых отличается от управления их переводных эквивалентов в языках среднеевропейского стандарта. Реально глаголов, косвенное дополнение которых соответствует прямому дополнению при их переводном эквиваленте в европейских языках, довольно много, например:

(170) *Ó* *zú* *ŋ̄* *lù.*
3SG:PST+ обидеть 1SG SUB
‘Он меня обидел’.

[12] Собственно говоря, прежде всего на класс глаголов чувства и отличается класс переходных глаголов бен от таковых в европейских языках (если не брать в расчёт единичных исключений). Граница переходных и непереходных глагольных классов в иерархии Цуноды ([Tsunoda 1985]: Direct effect > Perception > Pursuit > Knowledge >Feeling >Relationship > Ability) проходит в бен левее, внутри группы глаголов знания (так, ‘знать’ и ‘понимать’ – переходные глаголы в бен).

(171) *Ó* *lílá* *ŋ̄* *mə̰̀.*
3SG:PST+ избить 1SG CONT
‘Он меня избил’.

(172) *Ó* *mlɔ̰́* *ŋ̄* *lō.*
3SG:PST+ встретить 1SG с
‘Он меня встретил’.

(173) *Ó* *dá* *ŋ̄* *ló.*
3SG:PST+ найти 1SG SUPER
‘Он меня нашёл’.

Разумеется, в каждом отдельном случае можно искать метафорические корни того или иного послеложного управления, для которых обнаружатся корреляты в языках среднеевропейского стандарта. Так, у послелога *ló* при глаголе *dǎ* ‘найти’, выражающего локализацию SUPER, есть соответствие в русском префиксе *на-* глагола *найти*, способном маркировать ту же локализацию SUPER; в обоих случаях локализация SUPER мотивирована прототипической ситуацией, когда находка лежит на земле, под ногами у нашедшего; послелог *lō* ‘с’ при глаголе *mlɔ̰̌* ‘встретить’ мотивирован симметричностью ролей участников ситуации встречи и т. д.

Однако диахроническая мотивация послеложного управления тем или иным семантическим развитием никак не влияет на следующее синхронное обобщение: глаголов, косвенное дополнение при которых соответствует прямому дополнению при их переводном эквиваленте на русском, английском, французском языках, не менее 30 (из 705 глагольных лексем, учтённых в нашей базе данных, 555 допускают переходное употребление). Примеры, когда прямое дополнение в бен соответствует косвенному в языках среднеевропейского стандарта, также имеются, например:

(174) *Ó* *pɔ̄* *bə̰̀* *ŋ̄* *mə̰̀.*
3SG:PST+ вещь тронуть 1SG CONT
‘Он **чем-то** меня тронул’, *букв.* ‘Он что-то тронул об меня’, ср. английское *touch,* французское *toucher* и т. п.

(175) *ŋ̄* *lò* *ó* *ŋ̄* *sɛ̰̀.*
1SG шея 3SG:PST+ 1SG болеть
‘**У меня** болела шея’, *букв.* ‘Моя шея болела меня’.

Статистики таких случаев у нас нет, но, в любом случае, среди глаголов бен, переводящихся на европейские языки переходными глаголами, не менее чем каждый двадцатый управляет косвенным дополнением вместо прямого. В то же время подлежащее переходного глагола бен всегда соответствует подлежащему в русском или французском переводе. Подобная межъязыковая устойчивость подлежащего в сравнении с прямым дополнением может быть истолкована как аргумент в пользу большей семантической мотивированности подлежащего в сравнении с прямым дополнением. Пользуясь терминологией А. Е. Кибрика [Кибрик 2004], можно сказать, что выражаемая подлежащим гиперроль Принципала оказывается более мотивированной, чем выражаемая прямым дополнением гиперроль Пациентива, несмотря, казалось бы, на свою большую обобщённость, которая заставляет некоторых исследователей [Тестелец 2003: 33] усомниться в её реальности.

Нелокативные послелоги *nì, mà, lō, kúmà, wó* часто можно считать семантически наполненными. Иногда оформленные ими группы – явные сирконстанты, иногда же, при сходной семантической функции, их можно считать и актантами.

Послелог *nì* выражает бенефактивное значение:

(176) *Ḿ́ bé mī nì.*
1SG:PST+ бежать 2SG BENEF
‘Я для тебя бегал’.

(177) *Tá bā kló dō klū ŋ̄ nì.*
пойти земля маленький один копать 1SG BENEF
‘Пойди, выкопай мне немного земли’.

(178) *Ɲrá báŋ́ nì klá-yà ŋò*
1SG:ST+:пойти ловушка DEF ставить-GL 3PL
nì flɔ́ɔ̄.
BENEF завтра
‘Завтра пойду поставлю на них ловушки’.

Частным случаем бенефактивного употребления является кодирование адресата речи:

(179) *Ó zá bì lɛ̀ pè mī nì.*
3SG:PST+ дело этот DEF сказать 2SG BENEF
‘Он сказал мне об этом деле’.

Так же адресат кодируется при следующих предикатах (X в примерах стоит на месте управляемой именной группы, соответствие которой в русском переводе выделено курсивом): *kɔ̄lì dǎ X nḭ̀* ‘выразить соболезнование *кому*’, *flú X nḭ̀* ‘сказать правду *кому*’, *fɔ̀tû X nḭ̀* ‘советовать *кому*’, *klɔ̄ŋ̄ bí X nḭ̀* ‘сказать по секрету *кому* (*букв.* воткнуть ноготь *кому*)’, *lā X nḭ̀* ‘показать *кому* что, научить *кого* чему, представить кого *кому*’ и т. д. Единственный глагол речи, не сочетающийся с адресатом на *nḭ̀*, – это непереходный глагол *jó* ‘разговаривать’, требующий для обозначения адресата послелога *lō* ‘с’.

Послелог *lō* выражает семантическую роль инструмента (180, 185), средства (181, 183), комитатива (182, 184) или образа действия (239):

(180) *Ŋ-ó* *drḕ̃* *wō-ɔ̀ló* *kpálé* *lō.*
1SG-ST+ работа делать-PROG мотыга с
‘Я работаю мотыгой’.

(181) *Ó* *ŋ̄* *bòyà̰* *mlḕ̃* *dō* *lō.*
3SG:PST 1SG одарить курица один с
‘Он одарил меня курицей’.

(182) *Dé* *ó* *yrā-lê* *mḭ̄* *lō?*
кто ST+ селиться-RES 2SG с
‘Кто с тобой живёт?’

(183) *Ŋ-ó* *nṵ̄* *ŋ̄* *bèḿ* *nḭ̀* *zɔ̂*
1SG:HAB+ прийти 1SG амбар DEF циновка
dǎ *à* *lō.*
падать 3SG с
‘Я приду и сделаю из него (материала) циновку для моего амбара’.

(184) *Ŋó* *nṵ́* *léḿ* *dùténéḿ* *pé* *lō.*
3PL:PST+ прийти дитя единственный только с
‘Они приехали с одним-единственным ребёнком’.

(185) *Ŋà* *zḭ̀* *jɛ̌* *tòŋòbí* *lō* *kā* *pɔ̄ú*
3PL:HAB- мочь пройти автомобиль с 2PL поле
zrɛ̈ *lɛ̀* *yé* *ɛ́.*
дорога DEF рот NEG
‘По вашей полевой дороге не проехать на автомобиле’.

Послелог *mą̰̀* конкурирует с бенефактивным *nḭ̀* при маркировании роли адресата при ряде предикатов: *yé súá* ‘молиться’, *klɔ̄ŋ̄ bí* ‘сообщить по секрету’, *ɲḭ̀mḭ́ŋ̀* ‘настойчиво предлагать’ и др. Например, в следующем предложении *mą̰̀* можно заменить на *nḭ̀:*

(186) *Ɔ́* *à* *klɔ̄ŋ̄* *bí* *ną̰̄* *ḭ̄* *mą̰̀.*
3SG:PST+ 3SG ноготь воткнуть PRF 1SG CONT
‘Он мне сообщил об этом по секрету’.

Послелоги *wɔ́* ‘в’ и *klɛ̄* ‘за’, кроме локативных употреблений, обслуживают временные:

(187) *mḭ̄* *tá-lɛ́* *klɛ̄*
2SG пойти-NMLZ POST
‘после твоего ухода’,

bàāŋ̀ wɔ́ ‘в сухой сезон’, *kpāŋ̀ā wɔ́* ‘в третий месяц традиционного календаря’, *yímḭ̄ lɛ̀ wɔ́* ‘в Рамадан’ и т. д. Кроме того, послелог *wɔ́* обозначает стимул ответного действия при следующих предикатах (X в примерах стоит на месте управляемой именной группы, соответствие которой в русском переводе выделено курсивом): *gblɛ́ X wɔ́* ‘жаловаться (кому-либо) на *какое-либо его действие*’, *dɔ̄ X wɔ́* ‘согласиться на *что*’, *yé ká X wɔ́* ‘обсуждать *что*’, *kɔ̀ŋ̀ bɔ̄ X wɔ́* ‘мстить за *что*’, *wɛ̄ X wɔ́* ‘согласиться с *чем*’, *yɛ̄dǎ X wɔ́* ‘ответить *кому*’.

Послелог *kṵ́mą̰̀* выражает причину:

(188) *Ɔ́* *drá* *mḭ̄* *kṵ́mą̰̀.*
3SG:PST+ упасть 2SG из-за
‘Он упал из-за тебя’.

12.2.6. Именные группы в позиции сирконстанта. За глаголом в ряде случаев следуют нелокативные именные группы. Это могут быть группы с темпоральными именами:

(189) *Ɔ́* *nṵ́* *yrú.*
3SG:PST+ прийти ночь
‘Он пришёл ночью’,

или группы с числительными («плавающие кванторы»):

(190) *Ą́ŋ́* *nṵ́* *sɔ̰̀ŋ̀* *plāŋ̄.*
1PL:PST+ прийти человек два
‘Мы пришли вдвоём’.

Часто к такому плавающему квантору добавляется несубъектное личное местоимение, указывающее на лицо и число соответствующего референта:

(191) *Ǽŋ́ à wò ā̰ŋ̄ sɔ̰̀ŋ̀ plāŋ̄.*
1PL:PST+ 3SG сделать 1PL человек два
‘Мы это сделали вдвоём’.

В отсутствие местоимения плавающее числительное связывает абсолютив, т. е. подлежащее одновалентного глагола и прямое или косвенное дополнение двухвалентного (плавающее числительное при трёхвалентном глаголе ‘дать’ информанты интерпретировать отказываются):

(192) *Ŋɔ́ zú kā lù plāŋ̄.*
3PL:PST+ обидеть 2PL SUB два
‘Они обидели вас двоих’ (*‘Они двое обидели вас’).

В последнем примере глагол управляет послелогом *lù*, числительное же находится в позиции обстоятельства после сильноуправляемой группы послелога.

Практически любая именная группа с числительным может выступать в наречной позиции, связывая как переменную одно из местоимений при глаголе. При этом число, выраженное местоимением, зависит, как и вообще для именных групп с числительными, от определённости[13] именной группы. А именно, неопределённая именная группа требует местоимения в единственном числе, а определённая – во множественном:

(193) *Mḭ́ à yè lɛ́ŋ́ ŋ̰ā̰ŋ̄.*
2SG:PST+ 3SG иметь дитя три
‘У тебя было три ребёнка’.

(194) *Mḭ́ ŋ̀ò yè lɛ́ŋ́ ŋ̰ā̰ŋ̄.*
2SG:PST+ 3PL иметь ребёнок три
‘Ребёнка у тебя было три’.

Уникальным образом ведёт себя глагол *gṵ̄à* ‘остаться’, у которого при субъектном местоимении 3 лица ед. ч. возможна прак-

[13] Речь идёт о смысловой, а не формальной определённости; артикль, как правило, в таком контексте отсутствует.

тически любая именная группа в послеглагольной позиции, семантически соответствующая подлежащему:

(195) *Ó* *gʊ̰ʊ̀* *nā̰* *Kòlā.*
3SG:PST+ остаться PRF Кола
‘Осталась Кола’.

12.2.7. Наречия. Наконец, в постглагольной позиции находятся наречия, например, *kpà̰* ‘очень’ или *drúlèí* ‘утром’:

(196) *Àbá* *wálɛ́* *lɛ̀* *ó* *tɔ́* *kpà̰.*
отец ямс DEF 3SG:PST+ дать.урожай очень
‘Ямс моего отца принёс очень хороший урожай’.

(197) *Ɪ̀ŋ́* *nʊ̰́* *drú-lɛ̀.í*
1SG:PST+ прийти утро-TEMP
‘Я пришёл утром’.

12.3. Порядок составляющих в предложении

Бен – язык со строгим порядком SOV: подлежащее всегда предшествует прямому дополнению и глаголу. Что же касается послеглагольных элементов, то на их порядок накладываются следующие ограничения.

Вторичное дополнение не может быть отделено от предикативного слова:

(198а) *Ó* *ŋmà* *wápló* *gblē.*
3gs:PST+ 1SG:дать:L футу вчера
‘Он дал мне вчера футу’.

(198б) **Ó* *ŋmà* *gblē* *wápló.*
(только в значении ‘он дал мне вчерашнее футу’.)

От глагола не отделяется именной предикат, а также некоторые сильноуправляемые косвенные дополнения с послелогом, например:

(199а) *Ò* *vɪ̰̀* *wápló* *nɪ̰̀* *Kòlā* *kʊ̰́mà̰.*
3SG:HAB+ любить:L футу BENEF Кола из-за
‘Он любит футу из-за Колы’, при невозможности (199б):

(199б) **Ò* *vɪ̰̀* *Kòlā* *kʊ̰́mà̰* *wápló* *nɪ̰̀.*
3SG:HAB+ любить:L Кола из-за футу BENEF

(200а) *Ó* *zú* *mḭ̄* *lù* *Kòlā* *kṵ́mą̀.*
3SG:PST+ обидеть 2SG SUB Кола из-за
‘Он обидел тебя из-за Колы’, при невозможности (200б):

(200б) **Ó* *zú* *Kòlā* *kṵ́mą̀* *mḭ̄* *lù.*
3SG:PST+ обидеть Кола из-за 2SG SUB

Другие же косвенные дополнения могут отделяться от глагола. Свойство отделимости для послеглагольных групп коррелирует с традиционным разграничением актантов и сирконстантов, однако дело здесь не в семантической обязательности участника. Например, такой, казалось бы, несомненный актант, как адресат речи, обладает свойством отделимости:

(201а) *Ó* *à* *pè* *gblē* *ḭ̄* *nḭ̀.*
3SG:PST+ 3SG сказать вчера 1SG BENEF

или

(201б) *Ó* *à* *pè* *ḭ̄* *nḭ̀* *gblē.*
3SG:PST+ 3SG сказать 1SG BENEF вчера
‘Он вчера сказал мне это’.

(202) *Ó* *kɔ̀ŋ̀* *Bò* *[ḭ̄* *lō]* *[à* *wó].*
3SG:PST+ ноготь извлечь 1SG с 3SG IN
‘Он отомстил **за это** вместе со мной’ (другой порядок послеложных групп также возможен.).

Ещё одно ограничение на порядок составляющих заключается в том, что обстоятельство времени не может предшествовать локативному:

(203а) *Ó* *zrá* *nɔ̰̄* *gblē.*
3SG:PST+ потеряться здесь вчера
‘Он здесь вчера потерялся’, при невозможности (203б):

(203б) **Ó* *zrá* *gblē* *nɔ̰̄.*
3SG:PST+ потеряться вчера здесь

при том что с любыми другими сирконстантами и у темпоральных, и у локативных обстоятельств порядок свободный:

(204а) *Ó* *zrá* *mḭ̄* *kṵ́mą̀* *nɔ̰̄.*
3SG:PST+ потеряться 2SG из-за здесь
‘Он здесь из-за тебя потерялся’.

(204б) *Ó* *zrá* *nɔ̰̄* *mḭ̰* *kṵ̰́mą̰̀.*
3SG:PST+ потеряться здесь 2SG из-за

(205а) *Ó* *zrá* *mḭ̰* *kṵ̰́mą̰̀* *gblē.*
3SG:PST+ потеряться 2SG из-за вчера

(205б) *Ó* *zrá* *gblē* *mḭ̰* *kṵ̰́mą̰̀.*
3SG:PST+ потеряться вчера 2SG из-за
‘Он вчера из-за тебя потерялся’.

Изъяснительные и целевые придаточные всегда находятся в конце предложения, лишь элицитацией можно получить примеры, где правее них есть ещё один сирконстант того же предложения:

(206) *ʔÁ* *pè* *[kē* *mḭ̀* *nṵ̰́* *ɛ̰́]* *gblē.*
3SG:PST+3 сказать что 2SG:PST- прийти NEG вчера
‘Он вчера сказал, что ты не пришёл’.

Однако отрицательной частице *ɛ́,* заканчивающей предложение, придаточное всегда предшествует:

(207) *Wà* *pé* *[kē* *mḭ́* *nṵ̰́]* *ɛ̰́.*
3SG:PST-3 сказать что 2SG:PST+ прийти NEG
‘Он не сказал, что ты пришёл’.

Порядок составляющих в простом предложении таков:

Подлежащее + прямое дополнение + глагол + вторичное дополнение / именной предикат / косвенное дополнение + сирконстанты + придаточное предложение + отрицание.

12.4. Неглагольные предложения

12.4.1. Предложение идентификации и тождества. Структура: именная группа + частица *ɛ̀* (в отрицательном предложении *nḭ́*) ‘это’, *ká ɛ̀* ‘вот’, *ɲɛ̰̄ɛ̰̀* ‘это и есть’. Примеры:

(208) *Ḭ̄* *dē* *ɛ̀.*
1SG отец это
‘Это мой отец’.

(209) *Mą̰̄ḭ̄* *ɛ̰̀.*
1SG:EMPH это
‘Это я’.

При добавлении в эту же структуру второй именной группы образуется высказывание тождества:

(210) *[Lɛ́ŋ́ gɔ̄ŋ̄ yā̰ā́] [sɔ̀ŋ̀ jàté-lí*
дитя мужчина этот человек уважать-AG
bɛ́ɛ̄ dō] ɛ̀.
большой один это
‘Этот мальчик очень вежливый’. (*букв.* «Этот мальчик – большой уважатель людей»).

Совмещение частицей *ɛ̀* значений идентификации и тождества находит прямую аналогию в поведении русской частицы *это*.

12.4.2. Адвербиальное предложение. Структура: стативное местоимение или именная группа со стативным показателем + наречная составляющая (группа послелога, адвербиального имени или наречия):

(211) *Mḭ̄-ó gbɔ̀yō lɛ̀ wó.*
2SG-ST+ огород DEF IN
‘Ты в огороде’.

(212) *Kā-ā nɔ̰̄ ɛ̰́.*
2PL-ST- здесь NEG
‘Вы не здесь’.

(213) *Ā̰ŋ-ó wlá.*
1PL-ST+ дом
‘Мы дома’.

(214) *Ŋ-ó à lō.*
1SG-ST+ 3SG с
‘Я с ним’.

Последний пример служит иллюстрацией того, что семантика адвербиальных предложений не всегда локативная.

12.4.3. Экзистенциальное предложение. Структура: (субъектная именная группа) + субъектное местоимение экзистенциальной серии + частица *wɛ́* (при отрицании *wā*) + (наречные составляющие).

(215) *Wlù wɛ́.*
жара быть
‘Жарко’.

(216) *Wlù wā ɛ́.*
жара быть.NEG NEG
‘Не жарко’.

Этот тип предложений обслуживается особой местоименной серией, ср.:

(217) *Mą̄ŋ̄* *wé.*
1SG:EX быть
‘Я существую’.

(218) *Mį̄* *wé.*
2SG:EX быть
‘Ты существуешь’.

(219) *Ò* *wé.*
3SG:EX быть
‘Он существует’.

При отрицании используются те же самые местоимения:

(220) *Mą̄ŋ̄* *wā* *ɛ́.*
1SG:EX быть.NEG NEG
‘Меня нет’.

(221) *Mį̄* *wā* *ɛ́.*
2SG:EX быть.NEG NEG
‘Тебя нет’.

(222) *Ò* *wā* *ɛ́.*
3SG:EX быть.NEG NEG
‘Его нет’.

12.4.4. Адъективное предложение. Структура: (субъектная именная группа) + субъектное местоимение + прилагательное (+ эталон сравнения). Пример:

(223а) *Ò* *gɛ̄ŋ̄.*
3SG:HAB+ хороший
‘Он хороший’.

(223б) *Wà-ā* *gɛ̄ŋ̄* *ɛ̨́.*
3SG-ST- хороший NEG
‘Он нехороший’.

Слова, которые способны быть предикатом в подобном высказывании, но не могут модифицировать существительное, мы также условно признаём прилагательными (но выделяем в отдельный тип предикативных прилагательных):

(224а) *Mį̰ jàà.*
2SG сумасшедший
‘Ты сумасшедший!’

(224б) **gɔ̄ŋ̄ jàà dō*
мужчина сумасшедший один
*‘сумасшедший мужчина’.

Косвенное дополнение при предикативном прилагательном вводит эталон сравнения. Он оформляется послелогом *mạ̀.*

(225) *Àságbĕ bɛ́ɛ̄ Gbágbĕ mạ̀.*
Уасадугу большой Мусобадугу CONT
‘Уасадугу больше, чем Мусобадугу’.

При прилагательном *gblɛ̄ŋ̄* ‘высокий, длинный’ эталон сравнения может также оформляться послелогом *ló:*

(226) *Làǹzɛ̀, mį̰ gblɛ̄ŋ̄ Bɛ̄yạ̄ ló.*
Ланзе 2SG:HAB+ длинный Беян SUPER
‘Ланзе, ты выше Беяна’.

12.4.5. Высказывание с вопросительным словом. Выноса вопросительного слова в бен нет, если не считать таковым позицию вопросительных слов в высказываниях структуры «вопросительное слово + (относительное предложение)». Если интерпретировать эту конструкцию как синтаксическое передвижение, приходится для единообразия принять, что глубинная позиция вершинного имени всегда находится внутри определяющего его относительного предложения (такая точка зрения имеет своих приверженцев [Kayne 1994]). Пример:

(227) *Pɔ́ [fɛ̰̄ ó sró dóbă lō ạ̄ŋ̄*
что REL 3SG:PST+ выйти:L обезьяна с 1PL
klɛ̰̄ wó nɔ̄ ṇạ́]?
страна IN здесь TOP
‘Что случилось с обезьяной в наших краях?’

(228) *Dɛ́ [fɛ̰̄ ó ŋ̄ wálɛ́ klṵ̀ạ̀ ṇạ́]?*
кто REL 3SG:PST+ 1SG ямс красть TOP
‘Кто украл мой ямс?’ (*букв.* ‘кто, который украл мой ямс?’)

Тот же смысл может выражаться и предложением, где вопросительное слово находится in situ, т. е. в обычной именной или наречной синтаксической позиции:

(229) *Dé ó ŋ̄ wálɛ́ klʊ̀ʊ̀?*
кто 3SG:PST+ 1SG ямс красть:L
‘Кто украл мой ямс?’

(230) *Kà yí yè mʊ̀?*
2PL:HAB+ вода видеть:L где
‘Где вы находите воду?’ (*букв.* ‘вы воду находите где?’)

Высказывание с вопросительным словом возникло в бен, по всей видимости, в результате интерференции с другими языками, ср. конструкцию с выносом вопросительного слова в бауле – языке, который очень активно взаимодействует с бен (пример цитируется по [Creissels, Kouadio 1977: 227]):

(231) *Wān yɛ́ ɔ́ bā-lī ɔ̀?*
кто CNS 3SG прийти-PRF CNS
‘Кто пришёл?’

13. Сложное предложение

13.1. Вложенные придаточные предложения

Непосредственно вложенными в главное предложение могут быть изъяснительные и целевые придаточные.

13.1.1. Придаточное дополнительное. Изъяснительное придаточное оформляется союзом *kē* (или *kēsʊ́, sʊ̀, sʊ̂* – эти варианты взаимозаменимы во всех контекстах). Как правило, придаточное изъяснительное кореферентно местоимению 3SG в том же предложении:

(232) *Ḿ̀ à pè kē mʊ́ nʊ̂.*
1SG:PST+ 3SG сказать что 2SG:PST+ прийти
‘Я сказал, что ты пришёл’ (*букв.* ‘Я это сказал, что ты пришёл’).[14]

(233) *Ò-ó ŋ̄ nʊ̀ kē mʊ̀ nʊ̄.*
3SG-ST+ 1SG BENEF что 2SG:HAB+ прийти

[14] Более естественно в этом контексте стяжённое субъектно-объектное местоимение *mʊ̀* ‘я его’. Для наглядности приведён пример без стяжения, менее идиоматичный, но приемлемый.

‘Я хочу, чтобы ты пришёл’ (*букв.* ‘То для меня, чтобы ты пришёл’).

Однако дублирующее клаузу с *kē* местоимение необязательно, его употребление зависит от управления предиката. Например, непереходный глагол *wé* ‘ответить’, у которого нет именного или послеложного зависимого с семантической ролью содержания речи, также сочетается с придаточным изъяснительным:

(234) *Ó* *wé* *kē* *à* *nṵ́* *ɛ́.*
3SG:PST+ ответить что 3SG:PST- прийти NEG
‘Он ответил, что не придёт’.

Вообще, придаточное изъяснительное может сочетаться с любыми глаголами, добавляя компонент значения ‘говоря’:

(235) *Ó* *bé* *kē* *ó* *mlɛ̰̄* *yē* *nā̰.*
3SG:PST+ бежать что 3SG:PST+ змея видеть PRF
‘Он бежал, говоря, что увидел змею’ (*букв.* ‘Он бежал, что увидел змею’).

13.1.2. Придаточное цели. Основная стратегия оформления целевого придаточного – союз *nà̰* + предложение в оптативной модальности:

(236) *Zrṵ̄ā́* *nà̰* *mḭ̀* *gbō* *pí.*
сесть.на.корточки чтобы 2SG:HAB+ кал извлечь
‘Сядь на корточки, чтобы покакать’.

(237) *Ŋ-ó* *sɔ̰̀ŋ̀* *cícá-ló* *nà̰* *wà*
1SG-ST+ человек искать-PROG чтобы 3SG:HAB+3
wó *cá* *ŋ̄* *nḭ̀.*
IN смотреть 1SG BENEF
‘Я ищу человека, чтобы он прочел мне это (письмо)’.

(238) *Ŋ-ó* *ŋṵ̀ɛ̰̀* *dǎ* *nà̰* *sɔ̰̀ŋ̀* *bì-lɛ̀*
1SG-ST+ фетиш падать чтобы человек этот-DEF
ò *gā.*
3SG:HAB+ умереть
‘Я буду молить фетиша, чтобы этот человек умер’.

Бессоюзное выражение цели (т. е. предложение в оптативе без союза *nà̰*) также возможно, но со следующим ограничением: под-

лежащее или прямое дополнение главного предложения должно быть кореферентно одному из участников целевой ситуации:

(239) *Ǵŋ*$_i$ *kpɛ̰-pɔ́* *lù* *ŋ̄* *lɛ́ɛ́ŋ́* *gɔ̄ŋ̄*
1SG:PST+ играть-Mns купить 1SG дитя мужчина
nɩ̰̀ *(nà̰)* *ŋ̀*$_i$ *drɛ̰̄* *wō*
BENEF чтобы 1SG:HAB+ работа делать
mɩ̰̄dàlɛ́ *lō.*
спокойствие с
‘Я купил(а) своему сыну игрушек, чтобы работать спокойно’.

(240) *Ǵŋ* *kɔ́pɛ́*$_i$ *lù* *ŋ̄* *lɛ́ɛ́ŋ́* *gɔ̄ŋ̄*
1SG:PST+ мотыга купить 1SG дитя мужчина
nɩ̰̀ *(nà̰)* *ò* *drɛ̰̄* *wō* *à*$_i$ *lō.*
BENEF чтобы 3SG:HAB+ работа делать 3SG с
‘Я купил(а) своему сыну мотыгу, чтобы он ею работал’.

Однако если такой кореферентности нет, употребление союза обязательно, ср. (241) с кореферентностью субъекта целевой ситуации косвенному дополнению главного предложения:

(241) *Ǵŋ* *kɔ́pɛ́* *lù* *ŋ̄* *lɛ́ɛ́ŋ́* *gɔ̄ŋ̄*
1SG:PST+ мотыга купить 1SG дитя мужчина
nɩ̰̀ *nà̰ / *ø* *ò* *drɛ̰̄* *wō.*
BENEF чтобы 3SG:HAB+ работа делать
‘Я купил(а) своему сыну мотыгу, чтобы он работал’.

Целевое значение может передаваться также изъяснительным союзом *kɛ̄* + предложение в оптативе, однако с некоторым семантическим добавлением. А именно, в этом случае цель действия должна быть вербализована:

(242) *Ǵŋ* *kɔ́pɛ́* *lù* *ŋ̄* *lɛ́ɛ́ŋ́* *gɔ̄ŋ̄*
1SG:PST+ мотыга купить 1SG дитя мужчина
nɩ̰̀ *kɛ̄* *ò* *drɛ̰̄* *wō* *à* *lō.*
BENEF что 3SG:HAB+ работа делать 3SG с
‘Я купил(а) своему сыну мотыгу, (сказав ему,) чтобы он ею работал’.

В сущности, это вариант описанного выше употребления дополнительного союза, когда в клаузу без глагола речи добавляет-

ся значение ‘говоря, что’; целевое же значение является прагматическим вариантом стандартной модальности оптатива.

13.2. Кодирование сентенциальных актантов

Стратегии кодирования сентенциальных актантов таковы:

– придаточное изъяснительное с союзом *kē / sa̰ / kēsa̰*, при разнообразных рамочных предикатах:

(243) *Ò-ó* *pɔ̀* *kē* *mḭ̀* *nṵ̄.*
3SG-ST+ нужно что 2SG:HAB+ прийти[BSQ]
‘Ты должен прийти’.

(244) *Ma̰* *à* *là* *kē* *ó* *nṵ̂?*
1SG:PST+ 3SG спросить:L что 3SG:PST+ прийти:L
‘Я спросил, пришёл ли он’.

– номинализация, употребляется в позициях ИГ:

(245) *Mɛ̰̄* *[mḭ̄* *vɔ̰̄ŋ̄* *dɔ̄-lɛ̀]* *mà̰.*
начать 2SG яма строить-NMLZ CONT
‘Начни вскапывать своё ямсовое поле!’

(246) *Ó* *[sɛ̀wɛ́* *pɛ̄-lɛ̀]* *tùà.*
3SG:PST+ бумага сказать-NMLZ оставить:L
‘Он перестал читать’.

– придаточное цели с союзом *nà̰* или чаще без союза, употребляется в каузативной конструкции:

(247) *À* *túà* *[ŋò* *drɛ̰̄* *wō].*
3SG оставить 3PL:HAB+ работа делать
‘Сделай так, чтобы они работали’.

(248) *Ó* *mḭ̄* *gblɛ̀* *[nà̰* *ŋ̀* *tá*
3SG:PST+ 2SG вынудить:L чтобы 1SG:HAB+ пойти
mḭ̄ *lō].*
2SG с
‘Он заставил тебя пойти со мной’.

– глагольная группа с глаголом в базовой форме, употребляется с глаголом *zḭ̄* ‘мочь’:

(249) *Mą̰̀* *zḭ̀* *yātrɔ́* *flɔ̰́ɔ̰̄* *ɛ̰́.*
1SG:HAB- мочь:L сесть[BSQ] сегодня NEG
‘Я сегодня не могу сесть’.

13.3. Сериальная конструкция

В бен имеется конструкция «глагол *nṵ̄* или *tá* + глагольная группа». При этом глагол *nṵ̄* или *tá* имеет ту же морфологическую форму, что и второй глагол:

(250) *Ó* *tá* *à* *wò.*
3SG :PST+ пойти:L 3SG сделать:L
‘Он пошёл и сделал это’.

Дополнительное ограничение на сериальную конструкцию заключается в том, что она употребляется только в предложениях, где ни субъектное местоимение, ни глагол не маркированы суффиксами, т. е. в прошедшем времени, хабитуалисе, оптативе и кондиционалисе. В прочих видовременных конструкциях (перфекте, прогрессиве, результативе, будущем времени) вместо сериальной конструкции используется конструкция с деепричастием цели (см. ниже):

(251) *Ó* *tá-nā̰* *drɛ̰̄* **wō-nā̰ / *wō /* ^{OK}*wō-yà.*
3SG:PST+ пойти-PRF работа делать-*PRF / *[BSQ] / -GL
‘Он пошёл поработал / поработать’.

13.4. Конструкции с деепричастиями

Деепричастие цели может зависеть всего от трёх глаголов: при глаголах *tá* ‘отправиться’ и *nṵ̄* ‘прийти’ оно обозначает цель движения, при глаголе *bɔ̄* ‘прийти из’ – занятие субъекта движения в точке отправления, ср. следующие примеры:

(252а) *Ɪ̰́* *nū́* *drù-yâ.*
1SG:PST+ прийти:L гулять-GL
‘Я пришёл погулять’.

(252б) **Ɪ̰́* *drɛ̰̄* *wò* *drù-yâ.*
1SG:PST+ работа делать:L гулять-GL
*‘Я поработал погулять’.

(253) *Ɪ̰́* *bɔ́* *drù-yâ.*
1SG:PST+ прийти:L гулять-GL
‘Я пришёл с гулянья’.

При этом деепричастие цели не отделяется от главного глагола никакой составляющей, т. е. ведёт себя в этом отношении как типичный актант (см. 12.2; ср. [Гусев 2004]).

Изредка в функции деепричастия употребляется локативное имя на *-ya*:

(254) *Ŋ-ó* *jàtèlí* *ké-ló* *drù-yá.*
1SG-ST+ мысль V-PROG гулять-PLC
‘Я размышляю на прогулке’.

13.5. Временные и условные придаточные предложения

Ниже рассматриваются конструкции с придаточными предложениями, которые предшествуют главной клаузе, находясь вне ее. Придаточные изъяснительные и цели, вложенные в главную клаузу, рассматривались выше. Интересно, что указанные два позиционных класса придаточных предложений обслуживаются двумя классами союзов. А именно, союз во вложенной зависимой клаузе (например, в целевом придаточном) находится на левом её краю, а союз в придаточном предложении в препозиции (например, во временной клаузе) – на правом её краю. Таким образом, выполняется предсказание теории порядка слов Хокинса, согласно которому вершина зависимой составляющей должна находиться по возможности ближе к вершине главной [Hawkins 1990].

13.5.1. Временное придаточное предложение: топикальная конструкция. Интересно, что две основные конструкции (кроме простого соположения), выражающие временные отношения между клаузами, оформляются в бен так же, как конструкции, выражающие коммуникативные категории – фокус и топик. Основное средство кодирования временных отношений между клаузами – конструкция с союзом *nǎ*, совпадающим с показателем топика:

(255) *Gbɔ̌ŋ̀* *ó* *tá* *pɔ̄ú* *nǎ* *ó*
Гбон 3SG:PST+ пойти поле TOP 3SG:PST+
zrá *klɛ́ŋ́* *nì* *wó.*
потеряться лес DEF IN

‘Гбон пошёл на поле и потерялся в лесу’[15] (*букв.* ‘Когда Гбон пошёл в поле, он потерялся в лесу’).

(256) *Ɩ́ŋ́ nṵ́ ṇ̨́ ŋ́ zrô.*
я:PST+ прийти:L TOP я:PST+ мыться:L
‘Я пришёл и помылся’ (*букв.* ‘Когда я пришёл, я помылся’).

Выбор видовременных и модальных значений в главном предложении (после *ṇ̨́*) диктуется общими правилами для главного предложения. Для зависимой части правила таковы. В случае предшествования действия зависимого предложения действию главного, как в приведённом примере, в зависимом используется прошедшее время (перфектив). При одновременности используется будущее время (в значении прогрессива) или какая-либо из конструкций с дефолтной референцией к настоящему (результатив, адвербиальное предложение и т. д.), ср. (255) и (257):

(257) *Gbɔ̌ŋ̀ ò-ó tá pɔ̄ú ṇ̨́ ó*
Гбон 3SG-ST+ пойти поле TOP 3SG:PST+
zrá klɛ́ŋ́ ṇ̨̀ wó.
потеряться лес DEF IN
‘Гбон шёл на поле и потерялся в лесу’ (*букв.* ‘Когда Гбон шёл на поле, он потерялся в лесу’).

(258) *Ɩ̀-ó klóó ṇ̨́, ŋ̄ dā ò*
1SG-ST+ маленький TOP 1SG мать 3SG:HAB+
gbéné lɛ̀ zɔ̀ fɛ̨̄ dōdō.
маниока DEF толочь день некоторые
‘Когда я был маленьким, моя мать изредка толкла маниоку’.

Наконец, при хабитуальном видовом значении в зависимой клаузе используется кондиционалис:

(259) *Gbɔ̌ŋ̀ ô tá pɔ̄ú ṇ̨́ ò*
Гбон 3SG:CND+ пойти поле TOP 3SG:HAB+
zrà klɛ́ŋ́ ṇ̨̀ wó.
потеряться лес DEF IN
‘Когда Гбон ходит на поле, он (обычно) теряется в лесу’.

[15] Поля у бен нередко находятся вдали от деревни, так что идти к ним приходится через лес.

13.5.2. Временное придаточное предложение: фокусная конструкция. Значение следования во времени выражается также специальной конструкцией, оформление которой совпадает с выражением фокуса (структура: клауза A + *ɲɛ̰̄* + клауза B + *ɛ̄*, семантика ‘A, потом B’):

(260) *[Ɪ]ó* *kpà̰ŋ́* *nùŋ̀* *ŋò* *srà]* *ɲɛ̰̄* *[ŋó*
3PL:PST бич PL 3PL взять:L FOC 3PL:PST+

nṹ *à̰ŋmô* *mɛ̰̀* *kpà̰]* *ɛ̄.*
прийти гиена бить:L очень FOC
‘Они взяли бичи и (затем) пришли и сильно избили гиену’.

13.5.3. Условное предложение. Структура условного предложения такова: протасис + условный союз + аподосис. Условных союзов два: *dɛ́ɛ̄* при положительной полярности в протасисе и *nɪ̰̄* при отрицании в протасисе. Перед протасисом возможен также компонент *fɛ̰̄* или *ò dɔ̄ kɛ̄* (*букв.* ‘пусть остановится так, что’).

Употребление сентенциальных граммем в аподосисе аналогично независимой клаузе.

В протасисе сентенциальные граммемы употребляются так:
– в случае реального условия (т. е. условия в настоящем или прошедшем времени, которое, как считает говорящий, может быть истинно) употребляются те же граммемы, что и в независимом предложении:

(261) *Fɛ̰̄* *wǎ* *mlɔ̰́* *à* *lō* *ɛ́* *nɪ̰̄*
REL 3SG:PST- встретить:L 3SG с NEG если.NEG

wà-ā *à* *jrɛ́ŋ́* *dɔ̰̄-lɛ̀* *ɛ́.*
3SG-ST- 3SG достаточно знать-RES NEG
‘Если он её не встретил, он ничего толком не знает’ (в протасисе – обычное прошедшее время).

– в случае потенциального условия (т. е. условия в будущем или в обычном положении дел, без конкретной временной референции) используется кондиционалис (или реже – подходящие по смыслу обычные видовременные формы индикатива, т. е. будущее время и хабитуалис):

(262a) *Fɛ̰̄* *ô* *srǒ* *dɛ́ɛ̄* *ŋó* *nṹ* *gbɔ̀.*
REL 3SG:CND прибыть если 1SG-ST+ прийти тоже
‘Если он приедет, я тоже приду’.

(262б) *Mḭ̂* *gō* *sə̀ŋ̀* *mə̀* *déɛ̄* *Ècí*
2SG:CND прятаться человек CONT если небо
è *ó* *mḭ̄* *yē-lè.*
DEF ST+ 2SG видеть-RES
‘Если ты прячешься от людей, бог тебя видит’.

– при контрфактическом условии, т. е. таком, которое, как считает говорящий, не соответствует действительности, при референции протасиса к прошедшему времени используется оптатив, в прочих случаях – подходящие видовременные формы изъявительного наклонения. Кроме того, контрфактическое условие обязательно маркируется частицей *ŋ́gǒ* после условного союза (эта частица также возможна при условии в будущем времени, т. е. при потенциальном условии, которое всего лишь может не соответствовать действительности). Пример:

(263) *Ŋ̀* *yí* *ɲḭ́-lɛ́* *lú* *déɛ̄*
1SG:HAB+ вода охладить-NMLZ купить[BSQ] если
ŋ́gǒ *wálí* *wā* *ŋ̄* *wɔ̄lì* *drɛ̄* *ɛ́.*
NGO деньги ST- 1SG POSS больше NEG
‘Если бы я купил холодной воды, у меня бы сейчас не было денег’ (в протасисе оптатив, выраженный сочетанием хабитуального местоимения с базовой формой глагола).

13.6. Относительное предложение

Структура относительного придаточного такова: *fɛ̃* + предложение, где релятивизуемая позиция занята согласованным с именной группой местоимением (если он в этой позиции возможен) + показатель топика *nə́* (последний элемент может опускаться, если конец релятивной клаузы совпадает с концом всего сложного предложения, и никогда не дублируется перед *nə́* в функции собственно маркера топика). Пример:

(264) *Ó* *blànâ* *[fɛ̃* *ŋó* *à* *klà* *Kùàsí*
3SG:PST+ банан REL 3SG:PST+ 3SG класть Куаси
dḭ́ *nə́]* *klʊ̀ə̀.*
APUD TOP украсть:L
‘Он украл банан, который положили около Куаси’.

14. Кодирование коммуникативной структуры

Не претендуя на то, чтобы дать исчерпывающую семантическую характеристику описываемых ниже средств коммуникативного выделения в бен, я ограничусь лишь указанием примерных аналогов соответствующих конструкций в русском языке. В общем случае коммуникативно выделенная составляющая P предшествует предложению S.

При этом, как правило, на том месте, где составляющая P находилась бы в коммуникативно нейтральном предложении S', в S находится, соответственно:

– если P – именная группа, то кореферентное местоимение (кроме позиции косвенного дополнения без послелога, где местоимение невозможно);

– если P – глагольная группа (которая в позиции коммуникативного выделения выступает в номинализованной форме, ср. пример 266), то глагольная группа с глаголом *wō* 'делать' в соответствующей форме и местоимением в роли прямого дополнения; глагольная группа при этом выступает в виде имени действия;

– если иное – ничего.

Например:

(265) *TOP[Sàāŋ̀ yrí lɛ̀]$_i$ FOC[bàāŋ̀ wó]$_k$ ɲɛ̄̃*
саан дерево DEF сухой.сезон IN FOC
[ò$_i$ bà Ø$_k$] ɛ̄.
3SG:HAB+ плодоносить:L FOC
'Дерево *sàāŋ̀* плодоносит в сухой сезон'.

(266) *[Pìĩ́ŋ́ cí-lɛ́]$_i$ ɲɛ̄̃ [ó à$_i$ wò] ɛ̄*
трава резать-NMLZ FOC 3SG:PST+ 3SG делать:L FOC
'Он именно косил'.

Впрочем, выше описан лишь характерный случай. Реально коммуникативно выделенную составляющую вовсе не всегда можно подставить в следующее за ней предложение на место ноля или местоимения. Например, вместо них может выступать полноценная составляющая, кореферентная коммуникативно выделенной:

(267) *[Zrë fɛ̄̃ mī-ó à yé]$_i$ mì mī*
дорога REL 2SG-ST+ 3SG рот 2SG:HAB+ 2SG

[zrë bì-è]$_i$ *yā.*
дорога этот-DEF идти
‘Дорога, на которой ты стоишь – иди по этой своей дороге’.

Во-вторых, в позиции коммуникативного выделения может находиться целое предложение, которое не может быть переставлено в следующую клаузу на место какой-либо составляющей, ср. типичную концовку сказки:

(268) *[Nạ̀ gạ̄mlạ̀ ò nū̱ gū̱ạ̀ klɛ́ŋ́*
чтобы шимпанзе 3SG:HAB+ прийти остаться лес
wó nạ́]$_{TOP}$ *[à dḭ́-lɛ ó bɔ́ kpìŋ́*
IN TOP 3SG причина-DEF 3SG:PST+ уйти:L дверь
mạ̀]$_{FOC}$ *ɲɛ̄ gạ̄mlạ̀ ó gū́ạ̀ klɛ́ŋ́*
CONT FOC шимпанзе 3SG:PST+ остаться:L лес
wó ɛ̄.
IN FOC
‘Так, из-за истории с дверью, шимпанзе остался в лесу’. (Буквальный перевод. *Топик* ‘Чтобы шимпанзе пришёл и остался в лесу,’ *фокус* ‘причина этого вышла с двери,’ *основное предложение* ‘(что) шимпанзе остался в лесу’.)

Последний пример показывает ситуацию, когда пропозиция без остатка делится на тему и новую информацию, тема выражается топиком, новая информация фокусом, а синтаксически обязательное основное предложение повторяет топик, являясь уже семантически избыточным.

14.1. Топикализация

Структура конструкции: P + (частица *nạ́*) + S.

P, или топикализованная группа, обозначает тему высказывания (т. е. соответствует «китайскому топику» в смысле [Чейф 1982]). В русском языке эквивалентом конструкции можно считать вынос составляющей в начало предложения, например, в предложении *В лесу мы нашли много грибов* (в противовес нейтральному *Мы нашли в лесу много грибов*). Примеры:

(269) *[Gblɛ̄ nạ́] tòŋ̀ò̀bî plāī̄ ŋ́ó pá*
вчера TOP автомобиль два 3PL:PST+ стукнуть:L

cēŋ̄ *mà̰.*
друг.друга CONT
‘Вчера столкнулись два автомобиля’.

(270) *[ḭ̄* *drɔ̀ɲí* *púú* *lè]*$_i$ *gblí* *dṵ̄-nā̰*
1SG рубашка белый DEF грязь проникнуть-PRF
à$_i$ *wó.*
3SG IN
‘Моя белая рубашка запачкалась’.

Вопрос о факторах, влияющих на отсутствие маркера топика *nā̰* при топикализуемом компоненте, нуждается в отдельном изучении. Предварительно, однако, можно указать на такую тенденцию:
– топикализованное подлежащее или прямое дополнение, как правило, не сопровождается маркером топика;
– топикализованная группа, соответствующая прочим позициям, как правило, маркером топика сопровождается.

14.2. Контрастивный топик

Структура конструкции: (именная группа) + местоименный аргумент + *pɔ̄ lè, pɔ̄ drɛ̄ nā̰* + S.

pɔ̄ lè может быть переведено как ‘что касается’, ‘что до’; *pɔ̄ drɛ̄ nā̰* – ‘что же касается’, ‘что же до’ (т. е. конструкция с *pɔ̄ lè* соответствует «английскому топику» в смысле [Чейф 1982]). Конечный /*ŋ*/ в местоименном аргументе 1SG обязательно, а в 1PL – факультативно сливается с начальным /*p*/ (*mɔ̄, ā̰ŋ̄pɔ̄//ā̰mɔ̄*).

(271) *Mɔ̄* *lè* *ŋ́* *nṵ̄-nā̰.*
1SG:POS DEF 1SG:PST+ приходить-PRF
‘Что до меня, то я пришёл’.

(272) *Dóbǎ* *pɔ̄* *lè* *wà* *fā̰* *gblɛ̰̌-ɛ̀n*
обезьяна POS DEF 3SG:HAB+3 колоть:L белка-DEF
pɔ̄ *drɛ̄* *nā̰* *wà* *sò* *lóló* *wɛ̄.*
POS же TOP 3SG:HAB+3 есть:L наверху там
{обсуждаются животные, которые воруют кукурузу}
‘Обезьяны их разрывают, а белки грызут их на дереве’.

14.3. Фокусная конструкция

Структура: P + *ɲɛ̰̄* + S + частица *ɛ̄* или *nā̰*. Семантически соответствует в русском языке выделению с помощью частицы *имен-*

но, как раз или логического ударения на вынесенной в конец предложения составляющей (т. е. соотвествует контрастивности в смысле [Чейф 1982]). Пример:

(273) *[Gbè* *bɛ́bɛ̄* *ŋò* *yɛ́]$_i$* *nā̰* *[sɪ́ɛ́nā̰ā̰ɲ̀tɪ̄*
деревня большой:PL 3PL рот TOP каменный.уголь
lō]$_j$ *ɲɛ̰̄* *[ŋò* *sɪ́ɛ́* *tù ∅$_j$ ∅$_i$]* *ɛ̄.*
с FOC 3PL:HAB+ огонь сажать:L FOC
‘В больших городах в огонь идёт именно уголь’.

При добавлении к этой конструкции элемента *sā̰pɛ̄* ‘кроме’ она получает значение, в русском языке выражаемое частицей *только*.

(274) *Sā̰pɛ̄* *wálɛ́* *ɲɛ̰̄* *mā̰* *blè* *ɛ̄.*
кроме ямс FOC 1SG:HAB+3 есть:L FOC
‘Я ем только ямс’.

14.4. Несинтаксическое выражение коммуникативного выделения

Смысловой эффект, производимый топикализацией или фокализацией, передают и независимые местоимения in situ, т. е. не в позиции топика или фокуса, а в обычной позиции именной группы. Независимые местоимения (кроме 1SG и 3SG, при которых несубъектные местоимения отсутствуют, по-видимому, по фонологическим причинам) сопровождаются при этом местоименной репризой:

(275) *Sɛ̄sɛ̄* *ò* *mɪ̄ā̰* *mɪ̰̄* *sò.*
каждый 3SG:HAB+ 2SG:EMPH 2SG укусить:L
‘Тебя – все кусают’, или: ‘Именно тебя все кусают’.

(276) *Mɪ̄ā̰* *mɪ̰́* *nṵ̄-nā̰.*
2SG:EMPH 2SG:PST+ приходить-PRF
‘Ты – пришёл’, или: ‘Пришёл как раз ты’.

(277) *Ā̰ɲā̰* *ó* *nṵ̄-nā̰.*
3SG:EMPH 3SG:PST+ приходить-PRF
‘Он – пришёл’, или: ‘Пришёл как раз он’.

Семантический эффект фокализации локативной составляющей имеет употребление после или вместо неё дейктического имени *blɔ̄* ‘именно здесь’, ‘именно там’:

(278) *Lɔ́mlɛ́ŋ* *nʊ̀ŋ̀* *ŋó* *kpɛ̰́* *ɲémán* *blɔ̄*
дети PL 3PL:PST+ играть:L 1SG:перед там.FOC
gblɛ̄.
вчера
‘Дети вчера играли прямо перед моей дверью’.

(279) *Ŋò* *klá* *mḭ̄* *dḭ́* *blɔ̄.*
3PL класть 2SG APUD здесь.FOC
‘Положи их перед собой’.

(280) *Kàlà* *bɛ́ɛ̄* *lɛ̀* *ò-ó* *blɔ̄.*
Старый большой DEF 3SG-ST+ там.FOC
‘Старейшина там’. – ср.

(281) *Kàlà* *bɛ́ɛ̄* *lɛ̀* *ò-ó* *wɛ̄.*
Старый большой DEF 3SG-ST+ там
‘Старейшина находится та́м’.

15. Приложение. Образец текста на языке бен

«Как два человека отправились в путешествие»

Текст записан В. Пэслером в ноябре 1981 г. от Куаси Жана Клемана, расшифрован Куаджо Куаджо Дестеном, переведён с помощью Куаджо Куаджо Патриса.

Sɔ̰̀ŋ̀ *plāŋ̄* *ŋó* *tá* *blī-mà.*
человек два 3PL:PST+ пойти:L место-CONT

1. ‘Два человека пошли куда-то’.

Комментарий. *tá blīmà* – идиома ‘отправиться в путь’, ср. употребление слова *blī* ‘место’ в значении неопределённого местоимения.

Ŋó *sró* *wɛ̄* *nā̰* *ŋó* *ŋò* *gbà*
3PL:PST+ дойти:L там TOP 3PL:PST+ 3PL дать:L
pɔ̄-blɛ̄-lɛ̀.
вещь-есть-NMLZ

2. ‘Когда они туда пришли, им дали еды’.

Комментарий. *pɔ̄blɛ̄lɛ̀* – закрепившаяся в узусе релятивизация прямого дополнения с помощью номинализации, *букв.* ‘съеденная вещь’ или же просто номинализация ‘съедание вещи’.

Dō *ā* *pɛ̀* *sā̰* *ó* *kā̰* *nā̰.*
один 3SG:PST+3 сказать:L что 3SG:PST+ насытиться PRF

3. ‘Один сказал, что он сыт’.

Комментарий. Употребление стяжённого местоимения *ã* объясняется тем, что опущение прямого дополнения невозможно, и оно выражено местоимением 3 л. ед. ч. в составе стяжённого, *букв.* ‘Он это сказал, что…’.

Dō-lɛ̀ drɛ̄ ã wɔ̄ pɔ̀ ó
один-DEF же 3SG:PST+3 рука мыть:L 3SG:PST+

pɔ̄-lɛ̀ blɛ̀.
вещь-DEF есть:L

4. ‘Другой же помыл руки и поел’.

Комментарий. Здесь стяжённое местоимение *ã* включает посессивное местоимение, т. е. *букв.* ‘Он его руку помыл’. Обратим внимание, что, поскольку средства глагольного сочинения отсутствуют, употреблено простое соположение клауз.

Gɛ̄ŋ̄ kló nã̄ dō lɛ̀ ó yúó
хороший маленький TOP один DEF 3SG:PST+ рот

bò.
извлечь:L

5. ‘Немного спустя первый зевнул’.

Комментарий. *Gɛ̄ŋ̄ kló* – идиома со значением ‘немного позже’. Обратим внимание, что, как и положено при вынесении сирконстанта из его обычной позиции (после глагола), эта составляющая оформлена показателем топика. *yúó bō* – идиома со значением ‘зевнуть’, *букв.* ‘извлечь ротовую полость’. Семантика идиомы прозрачна: человек, зевая, делает видимой ротовую полость.

Pɔ̄-blɛ̄-lí lɛ̀ ã là kɛ̄sã́ ó
вещь-есть-AG DEF 3SG:PST+3 спросить:L что 3SG:PST+

lɛ́ lɔ̀wā
COP:L как

6. ‘Поевший спросил его, в чём дело’.

Комментарий. *ó lɛ́ lɔ̀wā?* – идиома со значением ‘почему’, *букв.* ‘Это как?’. Стяжённое местоимение *ã* включает в себя прямое дополнение, т. е. *букв.* ‘Он его спросил’. Отметим здесь эпизодическую интерпретацию действия у имени деятеля на *-lí*.

Ã pè: pɔ̄pɔ̄.
3SG:PST+3 сказать:L ничего

7. ‘Он сказал: «Ничего» ’.

Комментарий. Слово *pɔ̄pɔ̄* ‘ничего’ образовано редупликацией из существительного *pɔ̄* ‘вещь’.

Ó *yúó* *bò* *mṵ̂ŋ́.*
3SG:PST+ рот извлечь:L опять

8. ‘Он вновь зевнул’.

Pɔ̄-blɛ̄-lí *lɛ̀* *ā* *là* *mṵ̂ŋ́,*
вещь-есть-AG DEF 3SG:PST+3 спросить:L опять

9. ‘Поевший вновь его спросил,’

Á *pɛ̀:* *pɔ̄pɔ̄.*
3SG:PST+3 сказать:L ничего

‘тот сказал: «Ничего»’.

Ŋò-ó *blɔ̄* *dɛ́ɛ̄* *ā* *pɛ̀* *yī*
3PL-ST+ там.FOC если 3SG:PST+3 сказать:L голод

ó *ī̃* *dɛ̀.*
3SG:PST+ 1SG убить:L

10. ‘Они были там, и тот сказал, что голоден’.

Комментарий. Здесь союз *dɛ́ɛ̄* ‘если’ употреблён в значении ‘когда’. Глагол *dɛ̄* (основное значение – ‘убивать’) употребляется в значении ‘испытывать’ с существительными, обозначающими состояния (‘страх’, ‘жара’ и т. д.) в качестве подлежащего, и экспериенцером в качестве прямого дополнения.

Pɔ̄-blɛ̄-lí *lɛ̀* *ā* *pɛ̀*
вещь-есть-AG DEF 3SG:PST+3 сказать:L

11. ‘Поевший сказал:’

sá̰ *mà̰* *pɛ́* *mī̃* *nì̃* *ɛ́?*
что 1SG:PST-3 сказать:L 2SG BENEF NEG

12. ‘«Разве я тебе не говорил?’

Комментарий. Структура претеритной конструкции немного затемнена тональным эффектом: вм. исходного *mǎ̰ pɛ̀* (LH L) в результате тоносинтаксического изменения и тонального сандхи имеем *mà̰ pɛ́* (L H).

Sá̰ *ŋô* *tá* *blī* *mà̰* *ná̰,*
что 3PL:CND+ пойти место CONT TOP

13. ‘Когда куда-нибудь отправляются,’

Комментарий. Кондиционалис употреблен здесь по общему правилу для обозначения хабитуальной ситуации во временных и условных придаточных предложениях.

ŋà *yèŋrè* *pɔ̄-blē-lè* *lō* *ɛ́.*
3PL:HAB- стыдиться:L вещь-есть-NMLZ с NEG
‘не стесняются есть.»’

Комментарий. Глагол *yēŋré* управляет послелогом *lō* ‘с’, т. е. *букв.* ‘стыдиться чем’.

Ŋɔ́ *zrɛ̈* *ɛ̀* *pòpò* *nyɛ̰̄* *ŋɔ́* *tá*
3PL:PST+ дорога DEF просить:L FOC 3PL:PST+ пойти:L

ɛ̄ *nɑ̰́,*
FOC TOP
‘Когда они попрощались и ушли,’

Комментарий. «Просить дорогу» – формула прощания у народов Западной Африки. Здесь фокусная конструкция употреблена для обозначения временной последовательности.

à *gɔ̄ló* *lɛ̀* *ɔ́* *bédà* *zrɛ̈* *lɛ̀* *yé,*
3SG друг DEF 3SG:PST+ лечь:L дорога DEF рот
‘его друг лёг на дороге,’

Комментарий. *zrɛ̈* – одно из существительных, сочетающихся с послелогом *yé* не в значении ‘край’.

nɑ̰̀ *wà* *zɪ̰̀* *yā* *drɛ̄* *ɛ́.*
DT 3SG:HAB- мочь:L идти больше NEG
‘он больше не мог идти’.

Комментарий. Значение ‘больше не’ всегда передаётся сочетанием частицы *drɛ̄* с собственно отрицательной частицей *ɛ́*.

Обозначения

˥	сверхвысокий тон
˩	сверхнизкий тон
ˊ *либо* ˥	высокий тон
ˋ *либо* ˩	низкий тон
ˉ *либо* ˧	средний тон
ˆ *либо* ∨	падающий (верхне-низкий) тон
ˇ	восходящий (низко-высокий) тон
˸	средне-высокий модулированный тон

ˋ *либо* ˬ	падающий (средне-низкий) тон
˥˩	падающий (верхне-средний) тон
(X)	X можно опустить
X//Y	свободная вариация (X и Y находятся в свободной вариации)
+	утвердительная серия
-	отрицательная серия
1	первое лицо
2	второе лицо
3	третье лицо *или* серия, стяжённая с местоимением 3SG
AG	имя деятеля
APUD	локализация APUD ‘окрестность’
ATR	атрибутивизатор
BSQ	базовая форма глагола (обычно не глоссируется)
CND	кондициональная серия
CNS	частица-маркер синтаксической конструкции
CONT	локализация CONT ‘контакт с поверхностью’
COP	глагол-связка
DEF	определённый артикль
DISTR	распределительное значение
DT	показатель временного сдвига
EMPH	выделительная частица
EX	экзистенциальная серия
FOC	фокусная серия *или* показатель фокуса
GL	деепричастие цели движения
H	высокий тон
HAB	хабитуальная серия
IN	локализация IN ‘в’
ITER	множественность действия
L	низкий тон; низкотоновая форма глагола
M	средний тон
MEN	имя средства
NEG	отрицание
NMLZ	номинализация
POS	субстантивированная посессивная серия / показатель контрастивного топика
POST	локализация POST ‘за’
POSS	локализация POSS ‘владение’
PST	претеритная серия
PRF	глагольная форма перфекта

PL	множественное число
PLC	имя места
PROG	глагольная форма прогрессива
RES	глагольная форма результатива
RFL	рефлексивная серия
SG	единственное число
ST	стативная серия
SUB	локализация SUB ‘под’
SUPER	локализация SUPER ‘сверху’
TOP	маркер топика
V	основа глагола *или* глагол в составе идиомы

Литература

Выдрин В. Ф. Личные местоимения в южных языках манде // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Том II. Часть 2. Mandeica Petropolitana. СПб., 2006. С. 327–413.

Гусев В. Ю. Целевые конструкции при глаголах движения: актанты или сирконстанты? // Международный симпозиум «Типология аргументной структуры и синтаксических отношений». Тезисы докладов. Казань, 2004. С. 142–144.

Зализняк А. А. Грамматический очерк санскрита // В. А. Кочергина. Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1978. С. 785–895.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Кибрик А. Е. Когнитивное разнообразие предикатно-аргументных структур и языковые стратегии их унификации // Международный симпозиум «Типология аргументной структуры и синтаксических отношений». Тезисы докладов. Казань, 2004. С. 16–18.

Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 2006.

Паперно Д. А. Личные местоимения языка бен // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Том II. Часть 2. Mandeica Petropolitana. СПб., 2006. С. 420–449.

Паперно Д. А. Язык гбин: предварительные наблюдения // Е. В. Перехвальская, А. Ю. Желтов (ред.). Le monde mandé: К 50-летию В. Ф. Выдрина. Материалы экспедиции в Западную Африку (2001–…). СПб., 2011. С. 94–99.

Поливанова А. К. Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики – 1981. М., 1983.

Тестелец Я. Г. Грамматические иерархии и типология предложения. Диссертация в виде научного доклада на соискание учёной степени доктора филологических наук. М., 2003.

Хайду П. Уральские языки // Языки мира: уральские языки. М., 1993. С. 7–19.

Холодович А. А. Залог. Определение. Исчисление // Категория залога. Л., 1970. С. 1–26.

Чейф У. Данное, контрастивность, определённость, подлежащее, топики и точка зрения // А. Е. Кибрик (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск: современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982. С. 277–316.

Шошитайшвили И. А. Функции и статус плюсквамперфекта в глагольной системе: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1998.

Bearth T. Observations préliminaires sur la langue ngen ou gan. Ms., 1979.

Benjamin M., Bergman T. G., Vydrine V.: Mandé Language Family of West Africa: Location and Genetic Classification. SIL Electronic Survey Reports SILESR 2002–003. http://www.sil.org/silesr/2000/2000-003/silesr2000-003.htm.

Bhaskararao P., Subbarao K. V. (eds.). Non-Nominative Subjects. 2 vols. Amsterdam – Philadelphia, 2004.

Comrie B. Some argument-structure properties of ‘give’ in the languages of Europe and Northern and Central Asia // LENCA-2. The typology of argument structure and grammatical relations. Kazan, 2004. P.13.

Creissels D., Kouadio N. Description phonologique et grammaticale d’un parler baoule. Abidjan : Institut de Linguistique Appliquée, 1977.

Delafosse M. Vocabulaires comparatifs de plus de 60 langues et dialects parlés à la Côte d’Ivoire et dans les régions limitrophes, avec des notes linguistiques et ethnologiques. Paris, 1904.

Farrell P. Psych Verbs with Quasi-Objects. *Linguagem, Cultura e Cognição: Estudos de Linguística Cognitiva*, ed. by Augusto Soares da Silva, Amadeu Torres, & Miguel Gonçalves. Coimbra, 2004. P. 367–384.

Flick E. Rapport préliminaire sur l’étude du système des tons en langue N’Guin. ms. Abidjan, 1979.

Gottlieb A. Under the Kapok Tree: Identity and Difference in Beng Thought. Chicago, 1992.

Gottlieb A., Murphy M. L. Beng – English Dictionary. Bloomington, 1995.

Greenberg J. The languages of Africa. Bloomington, 1966.

Haspelmath M. Ditransitive constructions: The verb ‘Give’ // Martin Haspelmath, Matthew S. Dryer, David Gil and Bernard Comrie (eds.). The world atlas of language structures. Oxford, 2005a. P. 426–429.

Haspelmath M. Nominal and verbal conjunctions // The world atlas of language structures, ed. by Martin Haspelmath, Matthew S. Dryer, David Gil and Bernard Comrie, 262–265. Oxford, 2005b.

Haspelmath M. Argument marking in ditransitive alignment types // Linguistic discovery, 3.1, 2006a. P. 1–21.

Haspelmath M. Ditransitive Constructions in the World's Languages. Course handout for Leipzig Spring School on Linguistic Diversity. Leipzig, 2006b.

Hawkins J. A. A parsing theory of word order universals // Linguistic Inquiry, 21. P. 223–261.

Kayne R. S. The Antisymmetry of Syntax. Cambridge: MIT Press, 1994.

Kibrik A. E., Testelec Ja. G.. Bezhta // The indigenous languages of the Caucasus, Vol. 3. North East Caucasian languages, Part 1 / Ed. by M. Job – Ann Arbor, MI: Caravan Books, 2004. P. 217–295.

Kouadio K. D., Kouakou Y. Syllabaire B ŋ: Edition préliminaire. Abidjan, 1997.

Kouako, Y. Le syntagme nominal en bɛ̀ŋ́. Rapport de D.E.A. Université de Cocody, Abidjan, 1997.

Murphy M. L. The Structure of Beng // Alma Gottlieb, M. Lynne Murphy. Beng – English Dictionary. Bloomington, 1995, P. xii-xxiii.

Ory, M. Esquisse phonologique du Bɛŋ (Côte d'Ivoire). Mémoire de D.E.A, Université Paris III, 1981.

Paesler W. How to distinguish statement and question in Beng // *Journal of West African Languages*, XIX, 1, 1989. P. 57–74.

Paesler W. Principes de l'orthographe beng. Ms: SIL, RCI, 1991.

Paesler W. Esquisse phonologique de beng parler de Ouassadougou (Sous-Préfecture de M'Bahiakro, Côte d'Ivoire) // Inge Egner (ed.), Esquisses phonologiques de trois langues ivoiriennes: beng, dida, yaouré (Esquisses linguistiques ivoiriennes – 1). Institut de Linguistique Appliquée – ACCT. Abidjan, 1992.

Paesler W. Полевые материалы по языку бен. Ms.

Paperno, D. Parlers decrits par Tauxier et Delafosse et le Beng moderne de Ouassadougou // Langues et linguistique mandé : 2e Colloque international, St.-Pétersbourg (Russie), 15–17 septembre 2008. Communications et résumés. Ed. par Valentin Vydrin. St.-Pétersbourg, 2008. P. 113–120.

Prost A. Les langues mandé-sud du groupe mana-busa. Mémoires de l'Institut français d'Afrique Noire. Dakar, 1953.

Tauxier L. Le Noir de Bondoukou. Paris : Editions Leroux, 1921.

Tsunoda T. Remarks on Transitivity // Journal of Linguistics 21. P. 385–96.

Verma M. K., Mohanan T. (eds.) Experiencer Subjects in South Asian Languages. Stanford, 1990.

Vydrin V. On the problem of the Proto-Mande homeland // Вопросы языкового родства – Journal of Language Relationship, 1, 2009. P. 107–142.
Welmers W. E. The Mande Languages. // In: Monograph Series of Language and Linguistics. Washington, 1958. P. 9–24.

М. Б. Коношенко

ТОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ДИАЛЕКТОВ ЯЗЫКА КПЕЛЛЕ[1]

1. Введение

Язык кпелле относится к юго-западной группе семьи манде, входящей в нигеро-конголезскую макросемью. По данным [Gordon 2005], около 500 тыс. кпелле проживают в Республике Либерия и около 300 тыс. – в Республике Гвинея, причем ареал их расселения представляет собой вытянутую с северо-востока к юго-западу область. С северо-востока (на территории Гвинеи) он ограничен южными окраинами саванны, переходящей в экваториальный лес, отсюда название самого северного диалекта *gbálî wòò*, что значит ‘язык саванны’ (далее я буду называть его гбали). Юго-западная граница расселения кпелле проходит примерно в 40 км от берега Атлантического океана уже на территории Либерии.

Кпелле говорят на множестве диалектов. Согласно В. Ф. Выдрину, «…языковая зона кпелле представляет собой языковой континуум с плавными переходами» [Выдрин 2006: 27]. При этом гвинейские и либерийские диалекты в сумме достаточно сильно различаются, поэтому международный Летний институт лингвистики называет кпелле «макроязыком» и, таким образом, признает либерийский и гвинейский варианты кпелле двумя разными языками [Gordon 2005].

Действительно, либерийские и гвинейские диалекты обнаруживают значительные фонологические и грамматические различия. Однако если говорить о фонологических системах и, в частности, о супрасегментной фонологии, то, как будет показано далее, все эти различия касаются, в основном, поверхностной реализации одних и тех же глубинных правил и могут быть представлены как регулярные соответствия. Более того, эти различия

---

[1] Материал собран в экспедициях 2008-2009 гг. в Республику Гвинея под руководством В. Ф. Выдрина при поддержке гранта РГНФ 08-04-00144а “Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов”.

постепенно «накапливаются» от гбали к либерийскому кпелле. Коль скоро строгую границу между диалектами провести невозможно, в дальнейшем я буду придерживаться терминов гвинейский кпелле и либерийский кпелле, не заостряя внимание на их классификации.

Либерийский кпелле начали описывать довольно давно. Первые работы, посвященные этому «макродиалекту», принадлежат Д. Вестерманну и относятся еще к 20-м гг. XX в: [Westermann 1921, 1924]. Пожалуй, наибольший вклад в описание либерийского кпелле внес В. Вельмерс; для нас будут особенно важны работы [Welmers 1962, 1969]. Кроме того, существует грамматика, сделанная для Корпуса Мира [Thach & Dwyer 1981], современные тонированные словари [Winkler 1997] и особенно [Leidenfrost, McKay 2005], последняя работа включает краткий грамматический очерк. Можно утверждать, что либерийскому кпелле посвящено сравнительно много работ, написанных на достаточно высоком уровне.

Гвинейский кпелле описывается в объёмных грамматиках [Casthelain 1952, Lassort 1952], также есть очень подробный словарь [Leger 1975]. К сожалению, эти источники содержат множество неточностей, касающихся представления и интерпретации языкового материала: очевидно неправильная[2] фонологическая запись слов, неверная семантизация, галлицизация грамматического описания, отчего система языка предстает в несколько искаженном виде. Однако для нас важнее всего тот факт, что ни в одной из этих работ не отмечаются тоны, которые, как выясняется, чрезвычайно важны для понимания не только лексического, но и грамматического устройства языка кпелле.

Коль скоро гвинейский кпелле описан гораздо хуже либерийского (по крайней мере, в плане точности представления языкового материала), в ходе своих полевых исследований я занимаюсь именно гвинейскими диалектами.

В работе производится сравнение тональных систем трех диалектов языка кпелле: одного либерийского и двух гвинейских. Рассматривается, во-первых, «стандартный» либерийский

[2] Речь идет о таких фактических различиях, которые нельзя объяснить диалектными особенностями материалов, с которыми работал тот или иной автор.

кпелле – диалект, на который был сделан перевод Библии, ориентированный на либерийцев (далее будет использоваться аббревиатура ЛК); во-вторых, центральный диалект гвинейского кпелле (ЦГК), распространенный в области г. Нзерекоре, который является административным центром Лесной Гвинеи, а также центром ареала расселения гвинейских кпелле. Именно на этот диалект была переведена Библия для гвинейских кпелле, поэтому его можно считать своего рода «стандартным» или «литературным» гвинейским кпелле. Наконец, в работе рассматривается самый северный диалект кпелле – гбали (Гб), который уже был упомянут выше. Описание тональных систем гвинейских диалектов основано на материалах, собранных в ходе моей собственной полевой работы, а данные по либерийскому кпелле я буду приводить из источников, указанных выше.

Данная статья имеет несколько задач. С одной стороны, сравнив инвентари элементов, конституирующих тональные системы трех диалектов, а также правила комбинаторных изменений, действующие в этих диалектах, я сформулирую общие для всех диалектов закономерности, определяющие функционирование их тональных систем. С другой стороны, практическая важность настоящего исследования состоит в том, что в результате предлагаемого анализа для гвинейского кпелле может быть разработана система маркирования тонов, предназначенная для использования в практической орфографии[3].

В разделе 2 настоящей работы кратко изложены данные о сегментном устройстве интересующих нас диалектов. В разделе 3 обсуждаются некоторые теоретические основания данной работы, а именно, традиция описания тональных языков в духе авто-

[3] В изданиях Нового Завета на ЦГК 1964-65 гг. тональной нотации нет; в переводе на ЦГК Ветхого Завета, который готовится к публикации в настоящее время, тоны маркируются – однако, как выяснилось в ходе обсуждения этого проекта с моим информантом Давидом Ламаа, делается это не вполне последовательно и не всегда правильно. По сути дела, речь идёт о первой попытке тональной нотации текстов на ЦГК, которая осуществлялась нелингвистами. Новые орфографические правила будут предложены на обсуждение активистам движения ликвидации неграмотности в Нзерекоре, а в дальнейшем предполагается издавать газету на кпелле, материалы в которой будут печататься с использованием новой системы.

сегментной фонологии. Раздел 4 посвящен основным проблемам, возникающим при описании супрасегментной системы языка кпелле в целом. Далее, в разделе 5 рассматривается тональная система либерийского кпелле, в разделе 6 – система центрального гвинейского диалекта, в 7 – система гбали. В разделе 8 делаются некоторые обобщения и подводятся итоги всего исследования.

2. Сегментная фонология диалектов кпелле

Инвентари фонем в интересующих нас диалектах различаются незначительно, поэтому нет необходимости отдельно обсуждать сегментное устройство каждого из них. Тем не менее, коль скоро не существует публикаций, в которых производилось бы подробное сравнение особенностей сегментной фонологии диалектов кпелле, представляется необходимым дать некоторые сведения об этих особенностях в данной статье, прежде чем переходить к описанию супрасегментного фонологического компонента диалектов.

2.1. Обобщенная вокалическая система языка кпелле выглядит следующим образом (в скобки заключены те фонемы, которые есть не во всех обсуждаемых диалектах):

Таблица 1. Гласные фонемы

Ряд / Подъем	Передний		Средний		Задний		Слоговой сонант (полугласный)
	Ненос.	Нос.	Ненос.	Нос.	Ненос.	Нос.	
Закрытые	*i*	*ĩ*			*u (ü)*	*ũ*	*ŋ*
Средне-закрытые	*e*	*(ẽ)*			*o*	*(õ)*	
Средне-открытые	*ɛ*	*ɛ̃*			*ɔ*	*ɔ̃*	
Открытые			*a*	*ã*			

В вокалической системе языка кпелле противоставлены две серии гласных: носовые и неносовые. Неносовые гласные во всех диалектах различают четыре степени подъема. Согласно [Welmers 1962], носовые гласные в СЛК также различают четыре

степени подъема[4]. По моим данным, в гвинейском кпелле гласные этой серии противопоставляются только по трем степеням подъема.

Вопрос о статусе долгих гласных в кпелле непрост. В соответствии с критериями силлабической, а также морфологической границы их следует считать бифонемными во всех трех диалектах, хотя в гвинейских диалектах их тональное поведение несколько отличается от «прототипически» двусложных последовательностей типа CVCV (подробнее см. об этом [Коношенко 2008, Konoshenko 2008a]). Таким образом, долгие гласные в гвинейских диалектах по своему тональному поведению в целом ближе к кратким. Можно было бы считать, что в одних контекстах мы имеем бифонемные сочетания, а в других – монофонемные. Об этом пишет В. Б. Касевич, обсуждая подходы Н. Трубецкого и А. Мартине к членимости сегментов: «[в] самом деле, если, скажем, [t] и [š] появляются только в комбинации [tš], то есть основания подозревать, что этот сложный сегмент неделим <…>. Но если наряду с [tš] представлены также [t] и [š], из чего, по Мартине, должна следовать фонологическая членимость [tš], то нельзя ответить на простой вопрос: почему невозможен язык, в фонологической системе которого одновременно имеются фонемы [tš], [t] и [š]?» [Касевич 2006: 27]. Например, у основ типа CVVCV, CVVCVV долгие гласные не могут быть разделены морфологической границей или на каких-либо основаниях отнесены к разным слогам в позиции после первого согласного, и здесь их можно было бы считать монофонемными. Однако это довольно опасное решение, т. к. в этом случае мы можем с уверенностью считать долгие гласные монофонемными лишь в указанной позиции, при этом не вполне понятно, как отделить их от бифонемных

[4] У меня есть некоторые сомнения на этот счет, т. к. примеры, приводимые В. Вельмерсом в указанной работе, можно интерпретировать по-другому, что и сделано в [Leidenfrost, McKay 2005]. Ср.: *kɛ̰ɣɛ̄* [Welmers 1962: 83] vs. *kɛ̄ŋɛ̄* [Leidenfrost, McKay 2005: 76] ‘грудная клетка’, ‘ребра’. Впрочем, в [Leidenfrost, McKay 2005] для ЛК также постулируется наличие носовых гласных четырех степеней подъема. Между тем, в языках манде нередко обнаруживается меньшее число противопоставлений по подъему для носовых гласных, чем для неносовых, что и демонстрируют гвинейские диалекты кпелле.

сегментов на конце основы, т. е. в основах типа CVV и на конце основ типа CVCVV, CVVCVV. Кроме того, в этом случае термин «слог» получает разный экстенсионал в разных позициях: в начале основы типа CVVCV, CVVCVV слогом будет называться весь первый сегмент CVV-, а на конце такой основы слогом будет иногда CVV, а иногда – CV, не говоря уже об основах типа CVV. Тогда термины «односложный / двусложный» потеряют всякий смысл, так что их будет невозможно использовать. Поэтому, сознавая все недостатки данного решения, я предпочитаю считать долгие гласные во всех диалектах кпелле бифонемными, хотя далее будут приведены некоторые доводы в пользу иной интерпретации (см. также работу [Vydrina 2008], посвященную аналогичной проблеме в языке какабе из группы моколе семьи манде).

Согласно [Welmers 1962], в либерийском кпелле гласные /i, e, ɛ/ централизуются в ряде фонетических контекстов. В односложных словах, кроме позиции после /y/, наиболее централизованные аллофоны возникают после заднеязычных согласных (типа *gɛ̃*), а менее централизованные аллофоны – после остальных согласных, кроме /y/ (типа *tɛ̃*). В двусложных словах централизация происходит в первом слоге после заднеязычных согласных /k, g, ɣ, ŋ/, если в следующем слоге другой гласный (типа *gɛ̀lì*); а также у /e, ɛ/ во втором слоге после интервокального /ɣ/ (типа *sēɣɛ̄*).

В гвинейских диалектах кпелле централизации подвергается только передний средне-закрытый гласный /e/. В позиции перед /i/ и в последовательности /ee/ он реализуется как [e], во всех остальных контекстах - как [ə]. Ср.: гбали *yílê* [yílə̂]‘собака’ vs. *yílêì* [yíléì] ‘эта собака’. Таким образом, можно констатировать, что частотность централизованных аллофонов /e/ в гвинейских диалектах гораздо выше, чем в либерийском кпелле.

Фон [ü] в либерийском и центральном гвинейском диалектах является позиционным вариантом фонемы /u/, однако в гбали ему скорее следует приписать статус периферийной фонемы (подробнее см. обсуждение этой проблемы в [Коношенко 2008]).

Краткие огубленные гласные /o/ и /ɔ/ перед незадними гласными (либо непосредственно, либо при наличии интервокальных /l/ и /n/) как бы «расслаиваются» соответственно на [wə] и [wɛ]: ЦГК *kólá* [kwə́lá] ‘обещание’. При этом сами носители

языка интерпретируют такие фонетические последовательности как /o/ и /ɔ/[5].

Помимо фонологической назализации гласных, в кпелле есть еще и нефонологическая назализация, которой подвергаются неносовые гласные в позиции до и, особенно, после носовых согласных. В гвинейском кпелле этот вид назализации возможен у средне-открытых /ɛ/ и /ɔ/, которые, таким образом, имеют назализованные алломорфы [ɛ̰] и [ɔ̰], и невозможен у средне-закрытых /e/ и /o/. Поэтому и фонологически самостоятельные носовые гласные среднего подъема я записываю для гвинейского кпелле как /ɛ̰/ и /ɔ̰/, а не как /ẽ/ и /õ/, чтобы избежать путаницы.

Фонемы /i/ и /u/ в позиции после гласного реализуются как глайды [i̯] и [u̯], которые, однако, могут нести собственный тон. См. уже приводившийся пример: *yílêì* [yílêì] ‘эта собака’.

Во всех обсуждаемых диалектах есть слоговой /ŋ/, который может употребляться независимо (например, он является экспонентом местоименно-предикативного показателя 1 л. ед. ч. *ŋ́*[6]), а также нести собственный тон в последовательности (CV)CVŋ. Ср: ЦГК *ŋàá láŋ́* ‘я ошибся (только что)’ vs. *ŋ́ láŋ̀* ‘я ошибся (вчера)’[7]. Таким образом, мы вынуждены постулировать в кпелле две фонемы /ŋ/, одна из которых является гласной, а другая – согласной (см. далее).

2.2. Обобщенная консонантная система кпелле представлена в Таблице 2 (в скобки заключены те фонемы, которые есть не во всех обсуждаемых диалектах). Системообразующим фактором для консонантизма кпелле является чередование начальных согласных – важнейшее сегментное морфонологическое явление, характерное для многих языков манде и происходящее в тех фонетических и морфосинтаксических контекстах, где к лексической морфеме исторически присоединялся назальный префикс **ŋ-*, в той или иной степени утраченный в современных юго-

[5] Об описании таких контекстов см. также [Welmers 1962: 81].

[6] Впрочем, по крайней мере, в гвинейских диалектах оно иногда произносится как [ŋé], в этом случае носовой утрачивает слоговость.

[7] Закономерности тонального поведения последовательности (CV)CVŋ в гвинейских диалектах аналогичны поведению (CV)CV_1V_1, а также (CV)CVi и (CV)CVu, подробнее см. об этом [Коношенко 2008].

Таблица 2. Согласные фонемы

	Губн.	Губно-зубн.	Перед-неяз.	Средне-язычн.	Задне-язычн.	Губно-зубные	Велярные лабиализ.
Смычн. глухие	p		t		k	kp	kw
Смычн. звонкие	b		d	(j:[dž] / [dz])	g	gb	gw
Имплоз.	ɓ						
Щелев. глухие		(f) / (hv)	(s)		(h)		
Щелев. звонкие		v	(z)		ɣ		
Сонанты неносовые			l, (r)	y		w	
Сонанты носовые	m		n	ɲ	ŋ	ŋw	

Таблица 3. Инвентарь чередований начальных согласных в либерийском и гвинейском кпелле

Либерийский кпелле	Гвинейский кпелле
b/p	b/p
d/t	d/t
g/k	g/k
gw/kw	gw/kw
gb/kp	gb/kp
v/f	v/hv
z/s	j/h
m/ɓ	m/ɓ
n/l	n/l
ɲ/y; ŋ/ɣ	ɲ/y
ŋw/ w	ŋw/ w

западных манде[8]. В позиции после *ŋ- одно и то же слово начинается с «сильного» (в терминологии В. Ф. Выдрина – см. [Вы-

[8] Например, в либерийских диалектах кпелле, а также в коно этот префикс сохраняется в некоторых контекстах, но он полностью утрачен в гвинейских диалектах.

дрин 2006: 100]) согласного, а в отсутствие *ŋ- – со «слабого». В Таблице 3 сильный альтернант для каждой пары указан слева, а слабый справа, причем инвентарь чередований представлен отдельно для либерийского и гвинейского кпелле (консонантные системы ЦГК и гбали различаются незначительно). Например: *káá* 'видеть' – *gáá* 'видеть меня'; *léé* 'мать' – *ńéé* 'моя мать', *yéé* 'рука' – *ɲéé* 'моя рука' и т. д.

Во всех рассматриваемых диалектах кпелле носовые сонанты /m, n, ŋw, ɲ, ŋ/ имеют маргинальный статус (для сравнения заметим, что в южных манде такие согласные вообще не являются фонемами – см., например, [Выдрин 2002]). По крайней мере, сильные альтернанты /m, n, ŋw, ɲ, ŋ/ следует все-таки анализировать как фонологические /Nɓ, Nl, Nw, Ny, Nɣ/ (т. е. как сочетания назального префикса и ртового согласного, в которых префикс ассимилируется согласным по месту образования), поскольку эти «вторичные» носовые не назализуют последующие гласные, в отличие от лексически закрепленных /m, n, ŋw, ɲ, ŋ/. Ср.: *láŋ̀* 'прыгать' – *ńláŋ̀* [ńáŋ̀] 'заставлять меня прыгнуть' vs. *é náŋ̀* 'твой отец' – *ńáŋ̀* [ńą̀ŋ̀] 'мой отец'. Более подробное обсуждение статуса носовых согласных в ЛК см. в [Welmers 1962][9], а в [Коношенко 2008] аналогичная проблема затрагивается применительно к гбали (впрочем, ЦГК в данном случае от гбали не отличается, так что все сказанное в этой работе верно и для центрального диалекта).

3. Тон: теоретический обзор

Тон – супрасегментное фонологическое средство, служащее для лексических и грамматических противопоставлений во многих языках мира.

3.1. По своему фонетическому виду тоны разделяются на ровные, или уровневые, и скользящие, или контурные. Как пишут С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова, «[р]овные (тоны –

[9] Между прочим, если в ЛК носовые гласные фоны действительно различают 4 степени подъема, а не 3, как в гвинейских диалектах, то тогда следовало бы считать назализацию в ЛК супрасегментным явлением, по аналогии с южными манде, а носовые сонанты описывать как аллофоны /ɓ, l, w, y, ɣ/ – о важности инвентаря носовых аллофонов гласных при аргументации фонологической зависимости/независимости носовых согласных см. в [Коношенко 2008].

М.К.) не имеют фонологически значимого изменения тона внутри слога, а скользящие, напротив, его имеют. Ровные тоны различаются между собой высотой, а скользящие – направлением» [Кодзасов, Кривнова 2001: 307]. Соответственно, в одних языках противопоставляются, главным образом, контурные тоны – сюда относятся языки Юго-Восточной Азии; в других – уровневые тоны, что отличает многие африканские языки, включая кпелле, где главным смыслоразличительным признаком является высота, а не направление изменения тона.

Существует давняя традиция описания супрасегментного устройства азиатских языков. Напротив, работая с африканскими языками, многие лингвисты либо умалчивают о тонах, либо пытаются объявить избыточными описания, учитывающие тоны (см. об этом [Выдрин 2003]), либо признают чрезвычайную трудность такого описания и недостаток собственной компетенции в этом вопросе. Так, например, в предисловии к словарю гвинейского кпелле Ж. Лежер пишет следующее: «тон – это что-то чрезвычайно непостоянное, он часто меняется по многим причинам; потребовалось бы долгое исследование, чтобы разобраться во всех тональных вариациях. <…> Тем не менее, в кпелле есть тоны, которые необходимо отмечать, чтобы избавиться от двусмысленности, и которые необходимо указывать на письме» [Leger 1975: V].

В действительности, при описании большинства африканских языков очень важно обращать внимание на тональные оппозиции, буквально пронизывающие не только словарь, но и грамматику: «...практика изучения африканских языков показывает, что исследование синтаксиса или морфологии без учёта тонов нередко оказывается попросту ущербным: тоны образуют словоизменительные парадигмы, служат для различения типов синтагм, для противопоставлений в области прагматики» [Выдрин 2003: 95].

Впрочем, в мировой лингвистике уже достаточно давно делаются попытки описания и формального представления тонального устройства различных языков. Поэтому, приступая к рассмотрению этого фрагмента фонологической системы языка кпелле, мы не можем игнорировать наработки в создании общей теории тональных систем, сделанные западными лингвистами.

3.2. Уже в фонологической школе А. Фирта было введено понятие просодий – таких супрасегментных элементов, как тон,

ударение, назальность, вокалическая гармония, которые «накладываются» на сегменты [Firth 1948]. Однако, согласно [Goldsmith 1979], последователи Фирта не уделяли особенного внимания правилам, по которым различным супрасегментам ставятся в соответствие те или иные сегменты. В хомскианской теории 50-х гг. все эти элементы (тон, ударение, назальность, вокалическая гармония) считались признаками гласного, скажем, наряду с открытостью [Chomsky, Halle 1968]. Однако позже появилась работа [Goldsmith 1976], которая стала началом новой парадигмы в генеративной фонологии – автосегментной фонологии (АФ), специально разработанной для описания тональных систем африканских языков. Согласно этой теории, необходимо различать два независимых уровня (tiers) фонологической репрезентации высказывания: сегментного и супрасегментного, где каждому элементу одного уровня по определенным правилам ставится в соответствие элемент другого уровня, причем это соответствие представляется в виде линий связи (association lines).

Основные принципы совмещения уровней, сформулированные в рамках АФ, называются Условиями правильного построения (Well-formedness conditions). Они сводятся к одно-однозначному соответствию между каждым тоном и его сегментным носителем, а также к запрету на пересечение линий связи.

В (1) дается схематическое изображение связи между фонологическими уровнями (V – гласный, T – тон):

```
(1)  V   V
     |   |
     T   T
```

На самом деле, в африканских языках можно найти множество примеров, не соответствующих Условиям. Это значит, что на практике элементы различных уровней не всегда находятся в одно-однозначном соответствии друг с другом. Однако этот факт не только не противоречит самой идее автосегментной фонологии о независимости тонального уровня и сегментного, но даже подтверждает ее. Так, автосегментный подход предполагает наличие т. н. плавающих тонов, не имеющих сегментной базы, а также, наоборот, существование в тональных языках сегментов, не имеющих «собственных» тонов, по крайней мере, лексических

(замечу сразу, что в языке кпелле существуют оба эти явления). С другой стороны, эта теория предсказывает возникновение контурных тонов, представляемых как сочетание двух или трех уровневых тонов (проблема определения статуса контурных тонов возникает при описании систем, основанных на противопоставлении уровневых тонов, что как раз отличает африканские языки), которым соответствует всего одна сегментная единица[10]. Плавающий либо контурный тон может быть словарной характеристикой экспонента морфемы, а может возникать в результате контекстных изменений лексических тонов морфемы.

Главная проблема АФ кроется в ее цели. Задача АФ как генеративного направления состоит в том, чтобы создать универсальную теорию, которая описывала бы фонологическое устройство всех тональных языков, в которых противопоставляются уровневые тоны. Однако в результате ее постигает та же участь, что и другие генеративные теории: какое бы универсальное утверждение они ни формулировали, всегда находится противоречащий ему материал, т. к. тональные системы языков демонстрируют чрезвычайно разнообразные и подчас противоположные свойства (подробнее об этом см. [Odden 1996]). В результате современная формальная теория, опирающаяся на АФ, оперирует множеством правил, сформулированных ad hoc, отчего ее предсказательная сила заметно снижается.

Таким образом, я бы не хотела абсолютизировать автосегментный подход и, тем более, не считаю своей задачей усовершенствование общей формальной теории путем добавления очередного правила, отражающего особые процессы в кпелле. В настоящей работе я буду лишь время от времени использовать принятый в АФ аппарат формального представления морфонологических процессов, особенно удобный для моделирования контекстных тональных изменений.

[10] Впрочем, такой подход возможен не для всех языков: в некоторых из них контурные тоны следует считать независимыми единицами супрасегментного уровня. Подробнее см. об этом [Fromkin 1974, Odden 1996].

4. Тон в кпелле: базовые вопросы

Цель данной статьи – сравнение тональных систем трех диалектов кпелле. Исходное предположение заключается в том, что основные принципы устройства тональной системы едины для всех диалектов. Поэтому, прежде чем рассматривать конкретные диалекты, следует обсудить некоторые из тех базовых вопросов, которые можно считать «больными» для мандеистики, т. к. они до сих пор остаются дискуссионными применительно ко многим языкам манде. Имеется в виду, во-первых, вопрос о сегментной базе тона, во-вторых, вопрос о статусе контурных тонов, в-третьих, о соотношении тона и ударения. Наконец, необходимо обозначить план, по которому будет производиться сравнение тональных систем диалектов кпелле.

4.1. В автосегментной фонологии уже давно обсуждается следующая проблема: должна ли общая теория тонального устройства африканских языков постулировать в качестве сегментной базы тона гласный, мору, слог или даже абстрактную сегментную единицу, называемую Сегментной Базой Тона (Tone-Bearing Unit) [Odden 1996, Yip 2007]. С другой стороны, в работах, написанных вне автосегментного подхода и специально посвященных языкам манде, утверждается, что во многих из этих языков, в том числе в юго-западных манде, куда входят кпелле и менде, сегментной базой тона является морфема либо слово [Welmers 1962, Выдрин 2003]. Откуда же возникают такие расхождения в трактовке сегментной базы тона при различных подходах? Я покажу, что, по крайней мере, в кпелле тон имеет двоякую природу.

С одной стороны, все одно- и двусложные знаменательные и служебные морфемы группируются в кпелле в закрытый список из 6 классов (шестой класс является маргинальным), в зависимости от их лексического тона. В этом случае следует считать сегментной базой морфему. В своей статье про либерийский кпелле В. Вельмерс пишет, что, несмотря на то, что в кпелле существуют контексты, в которых тональные уровни (их Вельмерс называет тонемами) противопоставляют сегменты типа CV, в действительности сегментной базой тона следует в этом языке считать не гласный, а слово (морфему):

> A fuller investigation, however, reveals numerous complications in the assumption that tonemes ⟨...⟩ can be assigned mechanically to

> each vowel or syllabic nasal with a correspondence of one tone to one syllable and one syllable to one tone. It will rather be shown that tonemes must be analyzed in terms of segments between two open transitions [Welmers 1962: 85].

Следует уточнить, что при таком подходе кандидатом на роль сегментной базы тона следует считать все-таки не слово, а морфему, если же говорить совсем строго – экспонент морфемы, т. к. в кпелле есть аффиксы, а также префиксальные морфемы-операции, имеющие собственный тон.

С другой стороны, для кпелле, очевидно, можно постулировать и другой тононоситель – слог CV, точнее, гласный. Сегменты типа CV_1V_1, CVŋ, CVi, CVu на статус сегментной базы тона в данном случае претендовать не могут, т. к. представляют собой два слога, а не один тяжелый слог: как было сказано в 2.1, долгие гласные в кпелле бифонемны, а компоненты [ŋ, i̯, u̯] в соответствующем контексте способны различать тоны и по этому признаку являются гласными. Поэтому, несмотря на то, что фонетически они скорее похожи на глайды, мы должны считать, что каждая из указанных последовательностей (CV_1V_1, CVŋ, CVi, CVu) содержит два гласных и, следовательно, является двусложной. Это решение логически следует из признания интересующих нас сегментов бивокалическими.

Гласный в кпелле может нести как уровневый тон, так и (фонетически) контурный. Если мы считаем, что сегментной базой тона во всех диалектах кпелле является морфема, тогда, будучи последовательными, мы должны описывать экспоненты типа cv́v̀ и cv́cv̂ (второй есть только в гвинейских диалектах кпелле, в либерийских ему соответствует cv́cv̀, поэтому для либерийского кпелле обсуждаемая здесь проблема нерелевантна) как имеющие один и тот же контурный тон – падающий. Однако такое решение трудно считать удовлетворительным, т. к. в этом случае мы не сможем отразить тот факт, что последовательности типа cv́v̀ и cv́cv̂ имеют в гвинейских диалектах кпелле фонетически разный тональный контур. Такая же проблема возникает при необходимости противопоставления лексических тонов у различных морфем с основами типа CVCVCV.

Признавая сегментной базой тона в кпелле морфему, мы столкнемся и с другой проблемой, релевантной для всех диалектов: в этом случае наше моделирование контекстных изменений

тонов (особенно функционирование плавающего тона) либо не будет ничего объяснять, либо окажется достаточно громоздким.

Как кажется, приведенные соображения свидетельствуют в пользу того, что, с одной стороны, в кпелле есть функциональный (фонологический) тон, сегментной базой которого является морфема, а с другой стороны, этот тон объективно конституируется элементарными тонами, сегментной базой которых является гласный.

Очевидно, именно подобной супрасегментной двойственностью объясняется тот факт, что последователи АФ, особое внимание уделяющие механическому моделированию контекстных тональных изменений, видят в языках типа кпелле элементарные тоны, а мандеисты, ориентированные на «инвентарный» подход к тональной системе, делают акцент на надслоговых тонах. Если попытаться провести очередную параллель между фонологией и другими уровнями языка, можно сказать, что обсуждаемые просодические элементы как бы обеспечивают «двойное членение» супрасегментного фонологического уровня. Получается, что, с одной стороны, он членится на элементарные «кубики», обслуживающие незначимые сегменты (слоги CV), а с другой стороны, он состоит из более крупных единиц, реализующихся на значимых единицах языка – морфемах.

Надслоговой тон, соответствующий элементарному тону на односложном экспоненте морфемы либо последовательности элементарных тонов, реализующейся на неодносложном экспоненте морфемы (слова), я буду называть *тонемой*[11]. Тонемы образуют закрытый список и представляют собой результат действия ограничений на сочетаемость фонетических тонов в границах морфемы. Тонема, состоящая из одного уровневого тона или из последовательности одинаковых уровневых тонов, будет иметь уровневый контур. Тонема, состоящая из одного скользящего (контурного) тона или последовательности различных уровневых тонов, будет иметь скользящий контур.

[11] Как было сказано выше, у В. Вельмерса термин *тонема* используется иначе – для обозначения тонов, реализующихся на одном слоге и комбинирующихся для образования фонологического тона на последовательности слогов. См. [Welmers 1962: 85].

4.2. Перейдем к обсуждению статуса контурного тона в кпелле. Принимая анализ в пункте 4.1., т. е. признавая реальность тонов, имеющих в качестве сегментной базы слог, мы должны будем анализировать фонетически контурные тоны как сочетания высокого и низкого.

Вначале посмотрим, имеет ли смысл вводить в описание кпелле т. н. восходящий тон. Первая проблема, с которой мы сталкиваемся, заключается в том, что восходящий контур, возникающий во всех трех диалектах, будет иметь разную фонетическую реализацию. В либерийском кпелле это будет средне-высокий контур, в гвинейских диалектах – низко-высокий. Однако подобная терминологическая нейтрализация иногда даже удобна, если она фиксирует регулярное соответствие. Более сильный аргумент против признания самостоятельности восходящего тона формулируется следующим образом. Подобный контур встречается в кпелле практических на любых сегментах: ср. cv̌, cv̄v́, cv̄cv́ (либерийский кпелле); cv̌, cv̀v́, cv̀cv́ (гвинейский кпелле). Коль скоро в п. 4.1. мы приняли решение, в соответствии с которым в последнем примере, где сегмент двусложный, можно говорить о низком/среднем и высоком тоне, так же следует анализировать и первые два случая. Поэтому всякий фонетически восходящий контур мы будем представлять как последовательность низкого/среднего и высокого тонов.

Нисходяший контур возможен на сегментах cv̂, cv́v̀, cv́cv̀ в либерийском кпелле, в гвинейских диалектах на двусложных сегментах он будет иметь вид cv́cv̂. Здесь мы следуем той же логике, что и в случае с восходящим тоном. Если, по крайней мере, в либерийском кпелле мы анализируем нисходящий контур на CVCV как последовательность высокого и низкого тонов, точно так же следует описывать аналогичный контур, реализующийся на односложных сегментах.

4.3. Вопрос о соотношении тона и ударения в языках мира до сих пор является дискуссионным. Так, например, В. Б. Касевич признает возможность сосуществования двух этих явлений в языке лишь с оговорками [Касевич 2003].

В статье [Welmers 1962] говорится, что в либерийском кпелле слова, принадлежащие к различным тональным классам, различаются не только своими тонемами, но также и акцентной структурой их экспонента. Так, неодносложные слова, относящиеся к

1, 3 и 5 классу (конкретные их тональные характеристики нас сейчас не интересуют), имеют ударение на первом слоге, в словах из 4 класса ударным является второй слог, а представители 2 класса вовсе не имеют ударения. Затем это наблюдение цитируется в [Выдрин 2003] в качестве иллюстрации того, что, вопреки мнению В. Б. Касевича, все же существуют языки, у которых на супрасегментном уровне есть и тон, и ударение. Этот факт со ссылкой на соответствующую работу В. Вельмерса упоминается также в работе [Downing 2004].

Об ударении в гвинейском кпелле пишет Ж. Кастелен: по его мнению, ударение в этой группе диалектов, как и тон, имеет «этимологическую», т. е. лексическую, и грамматическую природу [Casthelain 1952]. Однако ни одного примера на различение лексем с помощью ударения в работе Кастелена нет. Что касается грамматического ударения, то оно, согласно Кастелену, служит, например, для противопоставления некоторых видо-временных глагольных форм. Впрочем, не вполне ясно, что конкретно имел в виду этот автор; скорее речь здесь должна идти о тональных противопоставлениях, нежели об акцентных.

С другой стороны, работая с гвинейскими диалектами кпелле, я не обнаружила смыслоразличительного ударения. Действительно, есть слова, в которых один слог динамически выделен сильнее другого (других), т. е. является ударным, однако никаких важных противопоставлений мне обнаружить не удалось. Таким образом, если в кпелле и наблюдается акцентное выделение одного из слогов экспонента морфемы, все же оно является второстепенным по отношению к тональным оппозициям. Поэтому для меня вопрос о наличии в кпелле смыслоразличительного ударения по-прежнему остается открытым.

4.4. Наконец, необходимо обозначить схему описания тональных систем диалектов кпелле. Каждый диалект будет охарактеризован по двум основным пунктам.

Во-первых, нас будет интересовать количество противопоставленных тональных уровней (т. е. набор «элементарных» тонов), а также инвентарь тонем, иными словами – инвентарь тональных классов морфем, имеющийся в диалекте. Во всех трех диалектах наблюдаются различия в инвентаре тональных классов у лексем, относящихся к различным частям речи. В настоящей

работе я ограничусь представлением инвентаря тональных классов отдельно для существительных и динамических глаголов.

Во-вторых, каждый диалект будет описан с точки зрения того, какие контекстные изменения тонов в нем происходят.

Как выяснилось, все диалекты кпелле в целом подчиняются одному и тому же набору комбинаторных правил. Впрочем, эти правила имеют различную природу: среди них есть автоматические, т. е. такие, которые реализуются всегда, когда есть соответствующий фонетический контекст, а также неавтоматические, которые применяются только в специфическом синтаксическом контексте – компактной синтагме.

Базовый порядок слов в кпелле SOV, почти во всех видовременных конструкциях необходима прономинальная копия субстантивного подлежащего. Неавтоматические изменения, которые рассматриваются в данной работе, могут иметь место внутри именной группы (N x), внутри глагольной группы, состоящей из глагола и прямого дополнения – S[OV], а также внутри сочетания непереходного глагола и местоименно-предикативного показателя – см. далее. Однако, в отличие от автоматических изменений, эти комбинаторные правила никогда не применяются к последовательности, состоящей из местоименно-предикативного показателя и прямого дополнения в составе глагольной группы, в существовании подобных ограничений как раз и заключается синтаксическая обусловленность этих правил.

Одно и то же неавтоматическое правило может по-разному применяться в разных синтаксических контекстах, в частности, давать разные результаты для глагольных и именных групп. Различия между диалектами, в свою очередь, заключаются в частной применимости того или иного правила, а также в том, как эти правила накладываются на исходный набор тонем, неодинаковый в разных диалектах.

Логика изложения материала для каждого диалекта будет выглядеть так, как это представлено в Таблице 4.

Итак, нам предстоит иметь дело с весьма сложной совокупностью явлений, которые в действительности объединяются в достаточно красивое структурное единство.

Таблица 4. План описания тональной системы диалекта кпелле

Диалект X
I. Уровневые противопоставления II. Инвентарь тонем 1) для существительных; 2) для глаголов.
III. Набор комбинаторных правил 1) автоматические; 2) неавтоматические: а) для именной синтагмы; б) для глагольной синтагмы.

5. Тональная система либерийского кпелле

Данные о тональной системе либерийского кпелле приводятся здесь по [Welmers 1962, 1969], а также по [Leidenfrost, McKay 2005].

5.1. В либерийском кпелле противопоставляются три уровневых тона: высокий, средний и низкий. В дальнейшем будут использоваться такие сокращения: H – высокий, M – средний, L – низкий, (H) – высокий плавающий, «-» – слоговая граница.

5.2. Как было сказано выше, в кпелле количество тональных последовательностей, реализующихся на сегменте, равном морфеме, ограничено, поэтому все морфемы (особенно лексические) группируются в т. н. тональные классы.

5.2.1. Субстантивные лексические морфемы в либерийском кпелле не имеют ограничений на структуру экспонента: они могут быть односложными, двусложными, а также трехсложными. Большинство морфем все-таки имеет двусложную структуру – либо трехсложную, при наличии долгого гласного или *-ŋ*. Такие лексемы группируются в 6 тональных классов, т. е. могут нести тонемы шести разных типов:

(2) Тональные классы двусложных существительных в ЛК

1) cv́cv́ *wúrú* ‘дерево’
2) cv̄cv̄’ *kwālā’* ‘обезьяна’
3) cv̄cv̂ *yūɔ̂* ‘топор’
4) cv́cv̀ *ɣílà* ‘собака’
5) cv̀cv̀ *gbònò* ‘кольцо’
6) cv̄cv́ *gōtó* ‘вид кузнечика’

Нижеследующие замечания касаются всех диалектов, рассматриваемых в работе.

Представители второго тонального класса имеют лексический плавающий высокий тон, обозначенный апострофом «’» – о необходимости такого анализа см. раздел 5.4.2.

В 5 классе ни в одном из диалектов не встречаются морфемы с экспонентами типа CV_1V_1, CVi, CVu, но возможен CVŋ, ср.: ЛК *sōō’* ‘лошадь’ (класс 2), *pāā’* ‘убивать’ (класс 2), но ЛК, ЦГК, Гб *gbàŋ̀* ‘густой лес’ (класс 5).

Последний (шестой) тональный класс во всех диалектах очень немногочисленный: туда входит около 20–25 лексем. По-видимому, он является инновацией, т. к. не реконструируется для пра-юго-западного манде [Dwyer 1978a, 1978b]. Более того, либерийские и гвинейские диалекты обнаруживают различное лексическое наполнение этих классов.

Еще одно важное наблюдение заключается в том, что в кпелле (во всех трех диалектах) односложные существительные и глаголы могут быть только высокотоновыми, т. е. относиться только к 1 классу: ЛК, ЦГК, Гб *ɓá* ‘варёный рис’, *pá* ‘приходить’. При этом нельзя сказать, что на уровне фонологической системы языка существует запрет на единичный слог с низким тоном, т. к. это возможно у местоименно-предикативных показателей – далее МПП – и послелогов. Например: ЛК, ЦГК, Гб *è* МПП 3 л. ед. ч.; *hù* ‘в’ (послелог).

Трехсложные существительные с сегментом CVCVCV довольно редки во всех трех диалектах. Чаще всего они несут ровный тональный контур: высокотоновый (ЛК *sáɓílí* ‘вид дерева’), среднетоновый – в ЛК (*kīrīkpā* ‘вид ловушки’), низкотоновый (ЛК *gbàtàlà* ‘жёсткая подстилка’). Реже встречаются иные контуры: ЛК *ɓɔ̄lɔ̄wâ* ‘вид дерева’, *kāwúlú* ‘деревянная миска’. Трехсложные заимствования из английского в либерийском кпелле часто имеют контур H-L-L: ЛК *búlèkì* ‘кирпич’ – от англ. *brick*, ЛК *fɛ́làɓà* ‘мука’ – от англ. *flour*. Так или иначе, как уже было сказано, в кпелле инвентарь тонем, возможных на основах типа CVCVCV, все-таки несводим к инвентарю тонем, реализующихся на основах типа CVCV.

Трехсложные слова с экспонентами CV_1V_1CV, $CVCV_1V_1$, CVCVŋ, CVVŋ в кпелле довольно многочисленны: ЛК *lɪ̄ɪ̄lâ* ‘вид небольших рыб’, ЛК *kɔ̄lɛ̄ɛ̄* ‘баклажан’, ЛК *ɓàráŋ̀* ‘друг’. Впро-

чем, в либерийском кпелле их существенно меньше, чем в более северных диалектах (см. далее). Последовательность типа CVVCVVŋ в либерийском кпелле невозможна.

5.2.2. Глаголы в либерийском кпелле могут быть либо односложными, либо двусложными, либо трехсложными с конечным -*ŋ*, причем основ второго типа, опять же, большинство. Они распределяются всего лишь по 4 тональным классам (в отличие от базовых 6 у существительных):

(3) Тональные классы глаголов в ЛК

1) cv́, cv́cv́	*ɣílí* ‘готовить (еду)’
2) cv̄cv̄’	*ɣīrī’* ‘связывать’
3) cv̄cv́ŋ̀	*tū́áŋ̀* ‘толкать’
4) cv́cv̀, cv́cv̀ŋ̀	*sɛ́lɛ̀ŋ̀* ‘вешать’

5.3. Перейдем к обсуждению контекстных изменений тонов в кпелле. Следуя плану, представленному выше, сначала мы должны остановиться на автоматических (обусловленных только лишь фонетически) контекстных изменениях тонов.

5.3.1. Одним из автоматических фонетических изменений тона является даундрифт. Самое общее определение этого явления – постепенное понижение абсолютной высоты всех тонов после каждого низкого тона (подробнее см. [Odden 1996]).

В либерийском кпелле наблюдается частичный даундрифт, действие которого распространяется только на финальный высокий/средний тон или финальную последовательность высоких/средних тонов:

> In utterance final position, high and mid, as well as the beginning of the high-low toneme, have slightly lowered allotones after low, including the end of the high-low toneme. ⟨...⟩ Such sequences, however, do not have a lower allotone unless they are actually final; the addition of a different tone prevents the lowering [Welmers 1962: 87–88].

Таким образом, учитывая специфику ограничений на фонетическое понижение тонов в ЛК, можно говорить, что в этом диалекте имеет место не собственно даундрифт, а лишь конечное понижение тонов. Необходимо также отметить, что в результате такого понижения противопоставление высокого и среднего тона в ЛК сохраняется: “five phonetic levels of pitch can be heard in the

following forms, from highest to lowest: *pílí* ‘jump’, *bìlí* ‘throw it’, *kūlā* ‘go out’, *gùlā* ‘take it out’, *tòlòŋ̀* ‘dove’” [Welmers 1962: 87–88, языковые примеры даются в измененной орфографии]. Само по себе наличие в либерийском кпелле контекстов, где происходит даундрифт (даже если это «квазидаундрифт»), примечательно, т. к. такое фонетическое явление чаще всего встречается в языках, где противопоставляются только два уровневых тона (высокий и низкий), а не три, как в интересующем нас диалекте. Кроме того, если в языке с трехуровневой системой есть даундрифт, в таком случае после низкого тона возможно неразличение высокого и среднего тона, как, например, в языке игбо (семья бенуэ-конго, Нигерия) [Goldsmith 1979: 208], – однако в либерийском кпелле этого не происходит.

Во всяком случае, важно, что понижение высокого тона в либерийском кпелле происходит как после низкого тона, «полноценно» реализующегося на одном гласном (4a), так и после фонетически падающего тона, т. е. последовательности высокого и низкого тона на одном гласном (4b):

(4a) *ɣílà* *ká* *tí*
собака COP DEM
‘Вон собака’.

(4b) *yūɔ̀* *ká* *tí*
топор COP DEM
‘Вон топор’.

5.3.2. Даунстеп – понижение высокого тона после плавающего (т. е. скрытого) низкого тона.

В либерийском кпелле даунстепа нет, т. к. ни в одном контексте плавающий низкий тон не появляется.

5.3.3. Для языков манде характерен еще один тип механического изменения тона – мена высокого тона на низкий в контексте после низкого и перед другим высоким либо перед паузой: H ⇒ L/ L_H, ## (о подобном явлении в бамана см. [Выдрин 2008]).

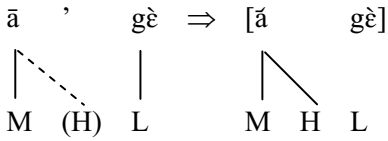
В либерийском кпелле такое изменение также не происходит, что, впрочем, предсказуемо: как кажется, подобные явления встречаются только в языках, где противопоставлены два тональных уровня.

5.3.4. Последний контекст, в котором происходит автоматическая мена тона, – это случай, когда за среднетоновым словом следует морфема с низким тоном, грамматически противопоставленным высокому, т. е. являющимся членом эквиполентной оппозиции (например, такой, где низкий тон связан с 3 л., а высокий тон – с 1 л.; есть и другие случаи). В таком случае меняется тон первого компонента сочетания, т. к. изменение тона второго компонента приводило бы к нежелательной грамматической омонимии.

Как мы увидим далее, большинство комбинаторных правил действуют в кпелле слева направо, т. е. чаще всего в двухкомпонентной синтагме меняется тон второго компонента, однако данный случай интересен тем, что здесь ситуация обратная: у первого компонента плавающий высокий тон смещается влево на последний слог, а тон второго компонента остается неизменным. Если первый компонент состоит из одного слога, он получает фонетически контурный тон.

Например, такое изменение происходит на стыке местоименно-предикативного показателя и прямого дополнения, что, как было сказано выше, невозможно для неавтоматических правил. Данное изменение можно представить в духе автосегментной фонологии: сплошные линии обозначают глубинные, т. е. исходные, association lines, пунктирные линии – новые связи, образующиеся в результате применения правила:

(5) *ā’* *gɛ̀* = [ǎ gɛ̀]
3SG.HAB 3SG.PF\делать\PRF
‘Он имеет обыкновение это делать’.



Если бы полифункциональное местоимение 3 л. ед. ч., имеющее вид морфемы-операции «низкий тон + изменение начального согласного», изменило в данном контексте свой тон с низкого на высокий, оно бы получило значение не 3 л., а 1 л., что, конечно, недопустимо.

Итак, данное изменение можно представить в виде формулы. Для простоты взят сегмент CV; L(gr_e) – грамматический «эквиполентный» низкий тон:

$$M(H) \Rightarrow MH/_\ L(gr_e)$$

5.4. Вторая группа контекстных изменений, которую необходимо описать, – это неавтоматические правила, которые имеют фонетическую природу, но применяются только в определенном синтаксическом контексте (см. раздел 4.4).

В силу своей фонетической природы эти изменения имеют некоторые ограничения. Они не происходят ни в одном диалекте, во-первых, если компоненты тонально компактного сочетания несут одинаковый высокий либо низкий тональный контур, иными словами, если сочетание в целом имеет ровный низкий либо ровный высокий контур – (6ab), а во-вторых, если в сочетании происходит суммарный подъем тона, т. е. тонема первого компонента ниже тонемы второго – (6c):

(6) ЛК:

a. *ɓálá* ‘баран’ + *lɔ́ɔ́lí* ‘пять’ ⇒ [ɓálá lɔ́ɔ́lí] ‘пять баранов’

b. *ɲàlè* ‘кошка’ + *kɔ̀ɔ̀* ‘нога\DET’ ⇒ [ɲàlè kɔ̀ɔ̀] ‘кошачья нога’

c. *ɲàlè* ‘кошка’ + *lɔ́ɔ́lí* ‘пять’ ⇒ [ɲàlè lɔ́ɔ́lí] ‘пять кошек’

Таким образом, на долю неавтоматических комбинаторных правил в кпелле приходятся те случаи, когда в синтагме происходит суммарное понижение тона[12], т. е. тонема первого компонента выше тонемы второго, а также когда синтагма состоит из двух лексем второго класса, имеющих плавающий высокий тон.

Далее я буду рассматривать те фонетические контексты, которые хотя бы в одном диалекте вызывают изменение тонов, даже если в данном конкретном диалекте ничего не меняется, – это нужно для того, чтобы облегчить процедуру последующего сравнения диалектов.

[12] Впрочем, если последний тон левого компонента низкий либо падающий, а второй компонент целиком низкотоновый (т. е. при сочетании слов третьего / четвертого и пятого класса / с грамматическим низким тоном), ни в одном диалекте изменений также нет. Далее такие случаи не рассматриваются.

5.4.1. Рассмотрим сочетание высокотонового и низкотонового компонентов[13]. В отличие от случая типа (5), рассмотренного в ряду автоматических правил в пункте 5.3.4., где низкий грамматический тон второго компонента оказывался членом эквиполентной оппозиции и был связан с выражением категории лица, здесь этот супрасегментный маркер вступает в привативную оппозицию (наличие vs. отсутствие грамматического низкого тона), поэтому его изменение грамматической омонимии не вызывает. Однако в либерийском кпелле в данном контексте никаких изменений нет ни в глагольных, ни в именных сочетаниях.

В именной группе примером такого сочетания может служить детерминативная синтагма, вершина которой получает грамматический низкий тон:

(7) *ɓálá* ‘баран’ + *kɔ̀ɔ̀* ‘нога\DET’ = [ɓálá kɔ̀ɔ̀] ‘баранья нога’

Для глагольной группы примером на такой контекст будет сочетание высокотонового прямого дополнения с переходным глаголом, который несет грамматический низкий тон в перфектной конструкции (8), а также сочетание местоименно-предикативного показателя (далее МПП) и непереходного глагола в соответствующей видо-временной форме (9):

(8) *ŋá* *ɓálá* *pàà* = [ŋá ɓálá pàà]
1SG.SB баран убивать\PRF
‘Я убил барана’.

(9) *ŋá* *pà* = [ŋá pà]
1SG.SB приходить\PRF
‘Я пришел’.

[13] Морфонологическое поведение высокотоновых слов (т. е. слов первого тонального класса) аналогично поведению слов шестого класса – см. (2), т. к. в обсуждаемых сочетаниях принципиальным оказывается тон на последнем сегменте-тононосителе, а у слов первого и шестого класса он высокий. Таким образом, все сказанное о сочетаниях, в которых первым компонентом является слово первого класса, также верно для сочетаний, в которых первым компонентом оказывается слово шестого класса. Данное утверждение распространяется на все диалекты, поэтому в дальнейшем сочетания со словами шестого класса я отдельно комментировать не буду.

5.4.2. Следующий случай – сочетание среднетонового и низкотонового слова, в т. ч. с «привативным» грамматическим низким тоном.

Если говорить об именной группе, то в таком контексте второе слово получает суммарный падающий контур, если оно односложное (10a); если оно содержит более одного слога (CVV, CVCV, CVCVŋ, CVCVV и т. д.), тогда тон на его первом слоге становится высоким (10b). В качестве примера можно снова привести сочетание существительного и послелога, а также детерминативную синтагму:

(10) ЛК:
a. *kwālā'* ‘обезьяна’ + *mà* ADR ⇒ [kwālā mâ] ‘(дать) обезьяне’;

b. *kwālā'* ‘обезьяна’ + *kɔ̀ɔ̀* ‘нога\DET’ ⇒ [kwālā kɔ́ɔ̀] ‘нога обезьяны’, ‘обезьянья нога’.

Чтобы объяснить появление высокого тона на втором компоненте синтагмы, мы должны приписать первому ее компоненту плавающий высокий тон, который, таким образом, следует считать частью лексического тона этого слова. Тогда схематически представить тональное изменение в случае типа (10a) нетрудно:

(11) kwā- lā ’ mà ⇒ [kwā- lā mâ]

Несколько сложнее обстоит дело с моделированием контекстного изменения в случае (10b): что происходит с низким тоном, который изначально был на первом слоге второго компонента, если он двусложный либо имеет, скажем, структуру CVCVŋ? По сути своей, это схоластический вопрос, т. к. у нас нет прямых аргументов в пользу того или иного ответа. Тем не менее, чтобы далее на этом не останавливаться, следует сейчас обсудить возможные решения этой проблемы, т. к. она все равно будет возникать. Итак, если пытаться описать контекстное изменение типа (10) в духе автосегментной фонологии, т. е. показать, в результате какой именно «технической» перестановки происходит смещение тона, то у нас будет три возможных варианта представления ситуации, у каждого из которых есть свои плюсы и минусы.

Очевидно, наше описание должно быть экономным, т. е. выбрать следует самый краткий алгоритм изменения, который при этом не должен быть контринтуитивным.

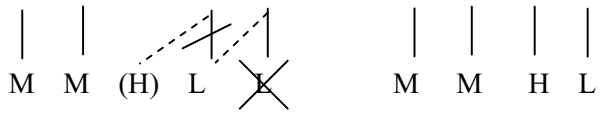
Во-первых, можно считать, что низкий тон вытесняется с первого слога второго компонента синтагмы высоким, смещается на следующий слог и сливается с низким тоном, который уже есть на втором слоге. В (12) сплошными линиями отмечены стабильные связи тонов с соответствующими гласными, пунктирными – новые связи, возникающие в результате контекстных изменений, перечеркнутая линия обозначает связь, которая перестает существовать после применения правила:

(12) kwā- lā ’ kɔ̀- ɔ̀ ⇒ [kwā- lā kɔ́- ɔ̀]

В этом случае мы обходимся без постулирования удаления тона, предполагать которое у нас нет особых оснований. С другой стороны, мы получаем два одинаковых тона, которым соответствует один гласный, что достаточно неестественно – такой интерпретации лучше избегать, если только в результате не возникает контурный тон, который исключает все иные решения.

Во-вторых, можно считать, что у второго компонента синтагмы низкий тон с первого слога смещается на второй, а низкий тон, уже имеющийся на втором слоге, удаляется (можно было бы ожидать, что он, в свою очередь, потеряет сегментную базу и станет плавающим, но этого не происходит):

(13) kwā- lā ’ kɔ̀- ɔ̀ ⇒ [kwā- lā kɔ́- ɔ̀]



В этом случае нам приходится постулировать целых два кардинальных изменения: смещение одного тона и удаление другого, т. е. алгоритм получается на шаг длиннее. Однако в итоге мы получаем одно-однозначное соответствие гласных и тонов. Кроме того, такой анализ подтверждается данными из диалекта гбали, где есть контекст, в котором, видимо, происходит именно та-

кое изменение, см. (52–53). Однако это лишь косвенный аргумент в пользу второго решения.

Третьей возможной интерпретацией случая типа (10) будет такая, при которой плавающий высокий тон первого компонента реализуется на первом слоге второго компонента, а низкий тон с первого слога удаляется:

(14) kwā- lā ’ kɔ̀- ɔ̀ ⇒ [kwā- lā kɔ́- ɔ̀]

M M (H) ~~L~~ L M M H L

В этом случае мы также получаем одно-однозначное соответствие тонов и гласных, а также всего одно кардинальное изменение, т. е. более короткий алгоритм, по сравнению со вторым вариантом. В отличие от первого варианта, такое решение не является контринтуитивным.

Выше уже было сказано, что данное обсуждение носит все-таки схоластический характер, так что любое наше решение будет условным. Поэтому при описании аналогичных контекстов я бы по умолчанию выбирала третье решение как самое экономное и в то же время естественное, если нет серьезных оснований для выбора другого варианта изменения, как в случае с гбали.

К сожалению, для глагольной группы я не могу с уверенностью привести аналогичный пример, т. к. в источниках по либерийскому кпелле подобный контекст не рассматривается. Не исключено, что такое изменение просто не попало в поле зрения исследователей.

Так или иначе, мы получаем следующую формулу изменения:

$$L \Rightarrow HL/\ M(H)_$$

5.4.3. Следующий важный случай – сочетание высокотонового и среднетонового слова. Во всех диалектах кпелле в аналогичном фонетическом контексте для именной и для глагольной групп применяются разные правила. Посмотрим, что происходит в либерийском кпелле.

В именной группе при соединении высокотонового и среднетонового слова каждое слово сохраняет свой исходный тон, т. е. ничего не меняется. Пример – именная группа, состоящая из именной вершины и числительного:

(15) *ɓálá* ‘баран’ + *fɛ̃ɛ̃rɛ̄’* ‘два’ = [ɓálá fɛ̃ɛ̃rɛ̄] ‘два барана’

Что касается глагольной группы, здесь все несколько сложнее. Интересующий нас контекст появляется, например, в результативной конструкции, где глагол сохраняет лексический тон. Таким образом, если в такую конструкцию подставить высокотоновое прямое дополнение и среднетоновую глагольную вершину, мы получим интересующий нас случай. Однако в грамматическом очерке либерийского кпелле утверждается следующее: “if a MID or HIGH tone precedes the stem, SOME verbs with mid stem tone change that tone to high, while others do not” ([Leidenfrost, McKay 2005: 64], выделение авторов). Кроме того, сообщается, что подобное изменение тона у данных глаголов не происходит в отрицательной конструкции прошедшего времени. К сожалению, в [Leidenfrost, McKay 2005] не говорится, какие именно глаголы из второго тонального класса обнаруживают такое поведение.

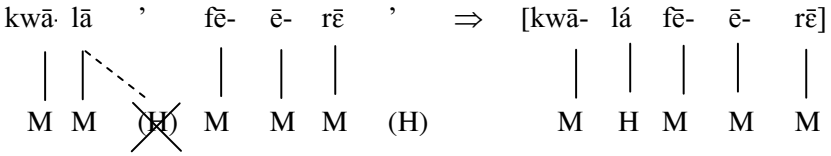
Формула данного изменения у глаголов могла бы выглядеть следующим образом:

$$M(H) \Rightarrow H/\ H_$$

5.4.4. Самый интересный контекст – сочетание двух среднетоновых слов. Так же как и сочетание высокотонового и среднетонового слова, этот случай по-разному реализуется в глагольной и именной группе во всех диалектах.

В либерийском кпелле именная группа, состоящая из двух слов второго тонального класса, обнаруживает такое же изменение тонов, как и сочетания среднетонового слова с «эквиполентным» грамматическим низким тоном (случай типа (5)). Здесь тональные изменения происходят не у второго слагаемого, а у первого: плавающий высокий тон смещается у этого слова на последний слог. Рассмотрим нумеративную ИГ с соответствующими компонентами:

(16) *kwālā’* ‘обезьяна’ + *fɛ̃ɛ̃rɛ̄’* ‘два’ ⇒ [kwālá fɛ̃ɛ̃rɛ̄] ‘две обезьяны’



Для имен это изменение в обобщенном виде выглядит так:

M(H) ⇒ MH/_M(H)

Следуя приведенной выше цитате из [Leidenfrost, McKay 2005], для глагольной группы в аналогичном контексте мы можем лишь отметить, что некоторые среднетоновые глагольные вершины в этом случае становятся высокотоновыми, а некоторые сохраняют исходный средний тон. Правда, тогда, вероятно, должен меняться последний тон первого компонента глагольной группы (прямого дополнения), подобно тому, как это происходит в именной группе. Это можно представить так:

M(H) ⇒ H/ M(H)_
M(H) ⇒ MH/_M(H)

6. Тональная система центрального гвинейского кпелле

Устройство центрального гвинейского кпелле дается здесь по моим собственным материалам. Обзор источников, в которых так или иначе затрагивается проблема описания тональной системы этого диалекта, см. в работе [Коношенко 2008].

6.1. В отличие от либерийского кпелле, в центральном гвинейском кпелле противопоставляются только два «полноценных» тональных уровня: высокий и низкий. Что касается среднего тона, то в одних случаях он является контекстно обусловленным – см. далее п. 6.4.3., в других случаях он оказывается частью тонемы некоторых трехсложных слов, которых очень мало (около 10). Например: ЦГК *héɣélē'* ‘гевея’, *bòmónēē* ‘вид рыб’. Однако в данном случае такой контур, скорее всего, появился в результате каких-то изменений в исходной тонеме, состоявшей из высоких и низких тонов, о чем свидетельствуют соответствия из гбали: Гб *héɣélè'* ‘гевея’, *bòmónèè* ‘вид рыб’.

6.2. Количество тональных классов у основных частей речи в ЦГК то же, что и в либерийских диалектах, однако между ними есть важные качественные различия.

6.2.1. Как и в либерийском, в гвинейском кпелле существительные могут быть и односложными, и двусложными, и трехсложными, но чаще всего они имеют основы со структурой CVV, CVCV, CVCVŋ, CVVCV, CVCVV. Эти основы образуют шесть тональных классов, из которых первые пять имеют в ЦГК при-

мерно такое же лексическое наполнение, как в ЛК (об особенностях шестого класса см. выше).

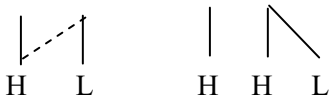
(17) Тональные классы двусложных существительных в ЦГК:

1) cv́cv́ *wúlú* ‘дерево’
2) cv̀cv̀’ *kwàlà’* ‘обезьяна’
3) cv̀cv̂ *yɔ̀wâ* ‘топор’
4) cv́cv̂ *yílê* ‘собака’
5) cv̀cv̀ *gbònò* ‘кольцо’
6) cv̀cv́ *mànáŋ́* ‘маниока’

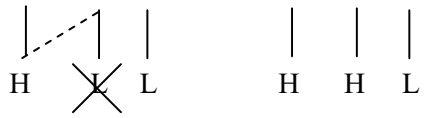
Мы сразу же видим важнейшее отличие ЦГК от либерийского кпелле: лексемы второго класса имеют в ЦГК не средний тон, сопровождаемый высоким плавающим, как в ЛК, а низкий с высоким плавающим. Аналогично, первый компонент тонем третьего и шестого класса в ЦГК – это не средний, а низкий тон.

Кроме того, в отличие от либерийского кпелле, в гвинейских диалектах последовательности типа CV_1V_2, CVCV, CVCVV, CVCVŋ не могут нести тональный контур H-L. Учитывая прогрессивный характер подавляющего большинства изменений в кпелле, можно предположить, что в ЦГК (а также в гбали) у слов с указанной структурой высокий тон с первого слога частично распространяется на второй слог, где образовался контурный тон (18a). Аналогичное изменение происходит у основ, содержащих долгий гласный на конце основы (18b):

(18a) yí- lè ⇒ [yí- lê] ‘собака’



(18b) gbá- nà- à ⇒ [gbá- ná- à] ‘ружье’

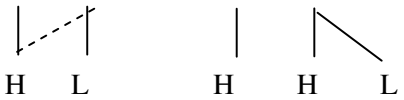


Впрочем, основы типа CVVCV могут иметь полностью низкий тон на последнем согласном.

Эти закономерности можно описать гораздо проще, если считать долгие гласные монофонемными. Тогда правило формулировалось бы следующим образом: сегменты, состоящие из двух легких слогов, либо из первого легкого и второго тяжелого сло-

гов, не могут нести контур H-L, у них тон второго слога становится фонетически контурным (т. е. получает контур HL). Такая трактовка представлена в (19):

(19) gbá- nàà ⇒ [gbá- náà][14]



Возможно, рано и поздно все же придется признать, что в гвинейских диалектах кпелле не все долгие гласные являются бифонемными единицами, что существенно упростит описание.

Основы типа CVCVCV могут нести в ЦГК множество различных контуров: *hálámá* ‘процветание’, *lókòlò* ‘ребенок’, *gbàtàlà* ‘жёсткая подстилка’, *gbèdèlí* ‘вид птиц’, *gbámèlé* ‘плюющаяся кобра’ (заимствование из дан или мано; ср. мано: *mènɛ̄* ‘змея’, дан-гуэта *gbàà̀* ‘плюющаяся кобра’), *ɓìlìhî* ‘демон’, *gbàkóló* ‘одно из воплощений Нёму’[15], *hájálî* ‘турач’ и др.

Все прочие замечания относительно инвентаря тонем у имен существительных, касающиеся всех диалектов кпелле, были сделаны в 5.2.1.

6.2.2. Как и в либерийском кпелле, глаголы в ЦГК чаще всего имеют структуру CVCV либо CVCVŋ и образуют четыре тональных класса:

(20) Тональные классы глаголов в ЦГК:

1) cv́, cv́cv́	*yílí* ‘готовить (еду)’
2) cv̀cv̀’	*yìlì’* ‘связывать’
3) cv̀cv́ŋ̀	*kòníŋ̀* ‘царапать’
4) cv́cv́ŋ̀	*hɛ́lɛ́ŋ̀* ‘вешать’

6.3. Теперь опишем те автоматические контекстные изменения, которые происходят в центральном гвинейском кпелле.

6.3.1. Даундрифт в ЦГК имеет место только после «полноценного» низкого тона, реализующегося хотя бы на одном гласном (в случае с фонетически контурным тоном возникает даун-

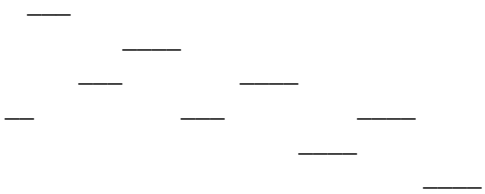
[14] Интересно, что либерийское соответствие этого слова имеет структуру CVCV: ЛК *gbánà* ‘ружьё’.

[15] Нёму – верховный дух Священного Леса, которому поклоняются кпелле.

степ – см. 6.3.2), причем он не ограничивается последовательностью конечных высоких тонов после низкого (как в либерийском кпелле), т. е. действует с самого начала предложения до самого его конца.

Интересно, что если предложение начинается с низкого тона, этот тон реализуется ниже, чем следующий низкий тон (после высокого), и если дальше еще есть перепады с высокого на низкий, то все последующие низкие тоны постепенно спускаются до уровня, который примерно на столько же ниже первого низкого тона, на сколько первый низкий тон ниже следующего за ним (первого) высокого тона:

(21) Схема даундрифта в ЦГК



Это значит, что если в предложении есть несколько перепадов с высокого тона на низкий, то первый низкий тон оказывается по высоте примерно посередине между первым высоким и последним низким тоном.

6.3.2. При наличии в высказывании слова, последний сегмент которого несет контурный тон (как лексический, так и возникший в результате контекстных изменений), происходит даунстеп: конечный низкий тон этого слова теряет сегментную базу, т. е. становится плавающим, а следующие за ним высокие тоны реализуются ниже предыдущих высоких.

Таким образом, в (22a) будет наблюдаться даундрифт, а в (22b) – даунстеп (ср. пример (4) из ЛК, где в обоих случаях происходит даундрифт):

(22a) *ŋàá* *jèléŋ* ⇒ [*ŋàá* *jèléŋ*]
1SG.RES 3SG.PF\вешать
‘Я его повесил (только что)’.

(22b) *é* *líê* *lélɛ́-ɛ́-ì*
2SG.PF старший.сиблинг быть.красивым-STAT-PRED

⇒ [é líé` lɛ́lɛ́ɛ̂ì]
‘Твой старший брат красивый’.

6.3.3. Правило H ⇒ L/ L_H, ##, согласно которому высокий тон после низкого и перед высоким либо перед паузой становится низким, в центральном кпелле не действует, так же как и в либерийском кпелле.

6.3.4. Правило перемещения влево плавающего высокого тона у слова из 2 тонального класса перед «эквиполентным» грамматическим низким тоном в центральном гвинейском кпелле действует.

Здесь можно вспомнить пример (5) для ЛК, который в ЦГК будет выглядеть аналогично. Другой пример представлен в (23), где есть МПП *dì’*, который имеет низкий тон перед высокотоновым полифункциональным местоимением 1 л. ед. ч. (прямым дополнением), имеющим вид морфемы-операции «высокий тон + изменение начального согласного» (23a), но перед низкотоновым местоимением 3 л. ед. ч. МПП получает восходящий контур (23b):

(23a) *dì’* *jóŋ̀* ⇒ [dì jóŋ̀]
3PL.SB 1SG.PF\ловить\PRF
‘Они меня поймали’.

(23b) *dì’* *jòŋ̀* ⇒ [dǐ jòŋ̀]
3PL.SB 3SG.PF\ловить\PRF
‘Они его поймали’.

В (24) суммарно восходящий контур получает глагол перед местоимением 3 л. ед. ч. из серии, кодирующей непрямое дополнение:

(24) *ŋàá* *kpɔ̀ŋ̀’* *mà* ⇒ [ŋàá kpɔ̀ŋ́ mà]
1SG.RES помогать 3SG.IO
‘Я ему помог (только что)’.

Для ЦГК данное изменение будет иметь следующий вид:

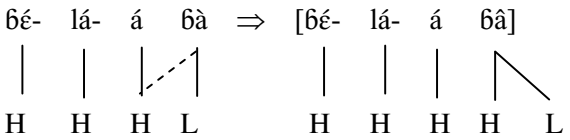
$$L(H) \Rightarrow LH/_L(gr_e)$$

6.4. Теперь посмотрим, какие неавтоматические контекстные изменения есть в центральном гвинейском кпелле.

Контексты, в которых неавтоматические изменения не происходят ни в одном диалекте, были названы в пункте 5.4 и проиллюстрированы примером (6). Важно, что именно благодаря существованию таких случаев мы можем определить исходные тоны компонентов в сочетаниях того или иного морфологического типа, т. е., например, установить наличие в детерминативной синтагме грамматического низкого тона, который модифицируется в некоторых фонетических контекстах, о которых см. ниже.

6.4.1. В сочетании высокотонового и низкотонового (в т. ч. с «привативным» грамматическим тоном) слов конечный высокий тон первого компонента частично распространяется на второй компонент, причем это происходит одинаково внутри именной и глагольной групп. Если второе слово односложное, оно получает падающий тональный контур – как в сочетании существительного с послелогом в (25), а также МПП с глагольным сказуемым, несущим грамматический низкий тон в перфекте в (26) (ср. пример (9) из либерийского кпелле):

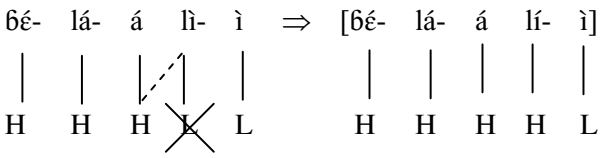
(25) *ɓɛ́láá* ‘баран’ + *ɓà* ADR ⇒ [ɓɛ́láá ɓâ]



(26) ŋ́ pà ⇒ [ŋ́ pâ]
1SG.SB приходить\PRF
‘Я пришел’.

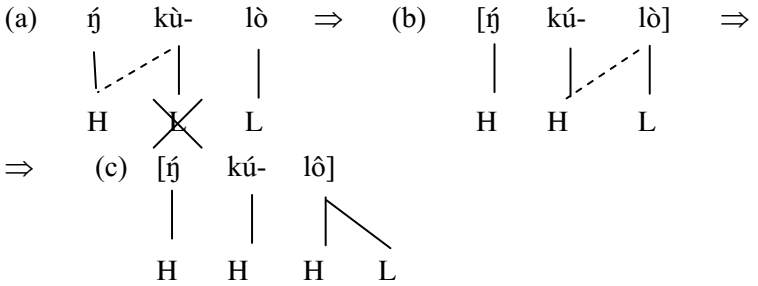
Если второй компонент сочетания имеет структуру CVV, CVŋ, CVi, CVu, тогда первый его гласный несет высокий тон, а второй – низкий тон. Это показано в (27) на примере детерминативной синтагмы:

(27) *ɓɛ́láá* ‘баран’ + *lìì* ‘сердце\DET’ ⇒ [ɓɛ́láá lîì] ‘баранье сердце’



Если же второй компонент имеет структуру CV_1V_2, CVCV, CVCVV, CVCVŋ, распространение высокого тона происходит по модели, представленной в (18), т. е. сначала высокий тон оказывается на первом слоге второго компонента, а затем распространяется дальше. В качестве примера здесь дано сочетание МПП с глаголом в форме перфекта:

(28) *ŋ́* *kùlò* ⇒ [ŋ́ kúlô]
1SG.SB выходить\PRF
‘Я вышел’.



Заметим, что если за подобным сочетанием следует слово с высоким тоном (как лексическим, так и грамматическим), тогда низкий тон последнего сегмента такого сочетания теряет сегментную базу (это происходит вне зависимости от слоговой структуры второго компонента синтагмы), в результате чего появляется даунстеп. См. пример (29a), где после низкотонового МПП глагол сохраняет грамматический низкий тон, и возникает даундрифт (см. пункт 6.3.1), а также пример (29b), где после высокотонового прономинального подлежащего грамматический низкий тон глагола меняется в соответствии с правилом, обсуждаемым в настоящем пункте, в результате чего происходит даунстеп (см. 6.3.2):

(29a) *Pépèè* *è* *lɛ̀nɛ̀* *máà*
Пепе 3SG.SB отказывать\PRF 1SG.IO
‘Пепе мне отказал’.

⇒ [Pépèè è lɛ̀nɛ̀ máà]

(29b) *é* *lɛ̀nɛ̀* *máà* ⇒ [é lɛ́nɛ̀ máà]
2SG.SB отказывать\PRF 1SG.IO
‘Ты мне отказал’.

Формальное представление изменений, происходящих в (29b), дано в (30):

(30) (a) é lɛ̀- nɛ̀ má- à ⇒ (b) [é lɛ́- nɛ̀

H ~~L~~ L H L H H L

má- à] ⇒ (c) [é lɛ́- nɛ̂ má- à] ⇒

H L H H H L H L

⇒ (d) [é lɛ́- nɛ́ ` má- à]

H H H (L) H L

Между тем, в либерийском кпелле повышения тона на глаголе, видимо, не происходит, так что высказывание типа (29b) на этом диалекте будет звучать так, как представлено в (29a), т. е. с сохранением глубинного низкого тона на глаголе.

Формула изменения данного типа в ЦГК для CV:

$$L \Rightarrow HL/\ H_$$

6.4.2. В последовательности, состоящей из слова второго класса (в ЦГК низкотонового с плавающим высоким тоном) и низкотонового слова, происходят ровно такие же изменения, как и у сочетаний высотонового и низкотонового слов, поведение которых было описано в предыдущем пункте. Опять же, в таких контекстах глагольные и именные сочетания ведут себя одинаково.

Появление высокого тона/высоких тонов у второго компонента в подобных сочетаниях – это одна из причин, по которой мы приписываем лексемам из второго класса плавающий высокий тон. Так как тональные изменения, происходящие в данном случае, подобны изменениям, обсуждавшимся в пункте 6.4.1, а также в 5.4.2 применительно к либерийскому кпелле, здесь я ограничусь лишь одним примером, аналогичным (29b):

(31) *dì'* *lɛ̀nɛ̀* *máà* ⇒ [dì lɛ́nɛ́` máà]
3PL.SB отказывать\PRF 1SG.IO
'Они мне отказали'.

В (32) дается сокращенная модель такого изменения, аналогичная полной модели, представленной в (30):

(32) (a) dì ‘ lè- nɛ̀ má- à ⇒ (b) [dì lɛ́- nɛ̀

L (H) ~~L~~ L H L L H L

má- à] ⇒ … ⇒ (d) [dì lɛ́- nɛ́ ` má- à]

H L L H H (L) H L

Если верно, что в либерийском кпелле обсуждаемое здесь правило применяется к глаголам так же, как и к существительным, то тогда высказывание (31) в этом диалекте должно реализоваться так, как это представлено в (32b).

Формула указанного изменения в ЦГК для CV:

$$L \Rightarrow HL/\ L(H)_$$

6.4.3. Следующий важный для нас случай – сочетание высокотонового и низкотонового слова с высоким плавающим тоном. Как и в ЛК, в центральном гвинейском диалекте это правило по-разному реализуется в именных и глагольных синтагмах.

Особенностью ЦГК является то, что в этом диалекте в указанном контексте даже различные именные группы ведут себя поразному. Если указанная последовательность представляет собой нумеративную (33a) либо атрибутивную синтагму (33b), тогда в центральном гвинейском кпелле никаких изменений нет, т. е. оба компонента сохраняют свои исходные тоны – ср. пример (15) для либерийского кпелле:

(33a) *ɓɛ́láá* ‘баран’ + *hvèèlɛ̀’* ‘два’ ⇒ [ɓɛ́láá hvèèlɛ̀] ‘два барана’

(33b) *húŋɔ́* ‘нос’ + *kpɔ̀lùyà’* ‘красный’ ⇒ [húŋɔ́ kpɔ̀lùyà] ‘красный нос’

В посессивных синтагмах, в которых в роли посессума оказывается относительное имя, ситуация несколько сложнее.

Если высокотоновая ИГ, выражающая посессора, является местоимением, тогда большая часть относительных имен, относя-

щихся ко второму тональному классу, повышает тон так же, как это происходит с низкотоновыми словами (5 класс) – см. 6.4.1, 6.4.2. Однако некоторые относительные имена в этом случае допускают два варианта: вариант с соответствующим повышением тона, либо без него, по аналогии с (33). Лексема первого типа, т. е. допускающая только один вариант, представлена в (34a), лексема второго типа – в (34b):

(34a) *é* 2SG.PF + *kɔ̀ŋ̀'* 'шея' ⇒ [é kɔ́ŋ̀] / *[é kɔ̀ŋ̀] 'твоя шея'

(34b) *é* 2SG.PF + *hùɣù'* 'клан' ⇒ [é húɣû] / [é hùɣù] 'твой клан'

Подобная морфонологическая вариативность у относительных имен второго тонального класса в ЦГК не является предсказуемой и должна быть отмечена в словаре.

Если же в посессивной синтагме посессор выражен именем существительным, то тогда все относительные имена из 2 тонального класса допускают два варианта, т. е. с повышением тона и без него:

(35) *mèláá* 'DEF\баран' + *kɔ̀ŋ̀'* 'шея' ⇒ [mèláá kɔ́ŋ̀] / [mèláá kɔ̀ŋ̀] 'шея этого барана'

Важно, что если тон на относительной лексеме второго класса повышается, плавающий высокий тон удаляется. Видимо, в данном случае происходит смещение первого низкого тона вправо, в результате чего удаляется второй тон, а вместе с ним и высокий плавающий:

(36) *é kɔ̀- ŋ̀ '* ⇒ [é kɔ́- ŋ̀]

H L ~~L~~ ~~(H)~~ H H L

Впрочем, тональное и вообще морфологическое поведение второго компонента посессивной синтагмы в действительности гораздо сложнее, т. к. оно зависит также от того, какими показателями оформлен посессор, т. е. первый компонент синтагмы. Кроме того, в кпелле существуют три типа посессивных синтагм, однако этот сюжет находится за рамками настоящей работы.

Так или иначе, при наличии изменения получаем такую формулу:

L(H) ⇒ HL / H_

В сфере глагола аналогичное сочетание представляет собой интереснейший случай. Речь здесь идет о глагольных группах, состоящих из высокотонового прямого дополнения и глагольного сказуемого, относящегося ко второму тональному классу. В таких сочетаниях глагольное сказуемое получает не высокий и не суммарный падающий тон, как мы могли бы ожидать, а средний. В (37) представлена результативная конструкция, где глагол не несет грамматического низкого тона, т. е. будто бы должен сохранять лексический тон:

(37) *ŋàá* *ɓɛ́láá* *hàɣà'* ⇒ [ŋàá ɓɛ́láá hāɣā]
1SG.RES баран ранить
'Я ранил барана'.

Исходя из этого, мы должны считать, что лексический тон у глаголов второго класса, на самом деле, не низкий с высоким плавающим, а средний. Однако такой анализ не является удовлетворительным по двум причинам. Во-первых, в той конструкции, где лексический тон глагола сохраняется – после прямого дополнения, несущего низкий тон (5 тональный класс) – эти глаголы будут реализовываться как низкотоновые:

(38) *ŋàá* *ɲààlèè* *hàɣà'* ⇒ [ŋàá ɲààlèè hàɣà]
1SG.RES кот ранить
'Я ранил кота'.

Вряд ли стоит приписывать лексемам из пятого класса плавающий низкий тон: обычно они никак не влияют на тоны последующих сегментов, если не считать даундрифта.

Во-вторых, «неожиданный» средний тон возникает у глаголов второго класса не во всех видо-временных формах, где глагол не несет грамматического низкого тона. Так, в отрицательной результативной конструкции глаголы второго класса имеют низкий тон даже после высокотонового прямого дополнения (это похоже на ситуацию в либерийском кпелле, см. 5.4.3.), причем за ними следует специальный показатель, не имеющий в центральном гвинейском кпелле собственного тона и перенимающий конечный тон глагола:

(39) *vé* *ɓɛ́láá* *hàɣà'* *li*
1SG.NEG баран ранить NEG.RES
⇒ [vé ɓɛ́láá hàɣà lí]
'Я еще не ранил барана'.

Скорее всего, отсутствие повышения тона на глаголе в данном контексте как-то связано с наличием отрицательного результативного показателя и, в частности, с тем, что у него нет собственного тона. Однако в либерийском кпелле аналогичный показатель имеет высокий тон, а ожидаемое повышение тона на глаголе все равно не происходит.

Так или иначе, разумнее всего считать, что глаголы второго класса имеют лексический низкий тон и высокий плавающий, а для большинства конструкций, в которых лексический тон глагола сохраняется (т. е. в случаях типа (37)), специально прописывать в грамматике появление у глаголов этого класса среднего тона после высокотонового прямого дополнения. Что характерно, этот случай не поддается моделированию в духе автосегментной фонологии, т. к. здесь мы имеем дело с «некомпозициональным» изменением, когда лексические тоны меняют не сегментные базы, как во всех случаях, рассмотренных выше, а свое качество (высоту).

Формула изменения для глаголов:

$$L(H) \Rightarrow M/\ H_$$

6.4.4. Последнее неавтоматическое изменение происходит в центральном гвинейском кпелле при сочетании двух слов второго класса. Опять же, здесь необходимо отдельно рассматривать именные и глагольные группы.

В именных сочетаниях обнаруживаются различия, подобные тем, которые рассматривались в предыдущем пункте – см. 6.4.3. Так, в атрибутивных и нумеративных синтагмах второй компонент сохраняет свой лексический тон. При этом появление восходящего контура на первом компоненте в этом диалекте, по-видимому, необязательно (в отличие от либерийского кпелле):

(40) *yàlà'* 'лев' + *hvèèlɛ̀'* 'два' ⇒ a. [yàlà hvèèlɛ̀]/ b. [yàlá hvèèlɛ̀]
'два льва'

Интересно, что в (40а) плавающий высокий тон никак не обнаруживает себя, т. е. не реализуется ни на первом, ни на втором компоненте синтагмы.

В посессивных синтагмах с прономинальным посессором и посессумом, выраженным относительным именем, лексемы второго тонального класса разбиваются на две группы, так же как и в (34), причем если у лексем второй группы повышения тона второго компонента нет, тогда тон прономинального посессора (первого компонента) обязательно становится восходящим:

(41a) *dì'* 3PL.PF + *kɔ̀ŋ̀'* 'шея' ⇒ [dì kɔ́ŋ̀] / *[dǐ kɔ̀ŋ̀] 'их шеи'

(41b) *dì'* 3PL.PF + *hùɣù'* 'клан' ⇒ [dì húɣû] / [dǐ hùɣù] 'их клан'

В посессивных синтагмах с субстантивным посессором все относительные имена второго класса допускают два варианта (ср. (35)). Опять же, если тон второго компонента не повышается, тогда первый компонент получает восходящий контур:

(42) *ɲàlà'* 'DEF\лев' + *kɔ̀ŋ̀'* 'шея' ⇒ [ɲàlá kɔ̀ŋ̀] / [ɲàlà kɔ́ŋ̀] 'шея (этого) льва'

Для имени получаем следующие формулы:

L(H) ⇒ LH/_L(H)

L(H) ⇒ HL / L(H)_

В глагольной группе аналогичное сочетание снова провоцирует «некомпозициональное» изменение: тон второго компонента (глагольной вершины) целиком повышается, как и после высокотонового прямого дополнения. Однако после низкого тона средний и высокий тоны в центральном гвинейском кпелле не противопоставляются. Так, в (43) в позиции глагольной вершины глагол 2 класса *yìlì'* 'связывать' и глагол 1 класса *yílí* 'готовить (еду)' будут звучать одинаково:

(43) *ŋ̀áá* *ɓòlù'* *yìlì'* / *yílí*
1SG.RES коза связывать варить
⇒ [ŋ̀áá ɓòlù yílí]
'Я связал / сварил козу'.

Поэтому, чтобы лишний раз не вводить в описание средний тон, следует считать, что в контекстах типа (43) глагол второго класса получает высокий тон:

$$L(H) \Rightarrow H/L(H)_$$

6.5. Завершая описание правил контекстных изменений тонов в центральном гвинейском кпелле, следует рассмотреть еще два примера, иллюстрирующих важность учета иерархии составляющих при описании порядка применения правил в том или ином случае.

(44) *gáá* *ɓɛ́láá* *hàɣà'-ì*
1SG.PF.быть баран ранить-NF
⇒ [gáá ɓɛ́láá hàɣáì]
'Я израниваю барана'.

(45) *ŋàá* *ɓɛ́láá* *kɔ̀lɛ̀'* *mà*
1SG.RES баран дарить 3SG.IO
⇒ [ŋàá ɓɛ́láá kɔ̄lɛ̄ mà]
'Я подарил ему барана'.

В примерах (44) и (45) конкурируют два правила: во-первых, автоматическое правило о подъеме конечного тона у слова второго класса перед «эквиполентным» грамматическим низким тоном (в (44) его несет показатель нефинитной глагольной формы *-ì*, в (45) – местоимение серии непрямого дополнения), во-вторых, неавтоматическое правило повышения тона у глагола второго тонального класса после высокотонового прямого дополнения (в обоих случаях – *ɓɛ́láá* 'баран'). Однако в (44) применяется только первое правило, т. к. глагольный суффикс спаян с глаголом теснее, чем прямое дополнение, и образует с глаголом словоформу, а второе правило, которое должно было бы применяться после первого, в ЦГК не распространяется на слова с восходяще-нисходящим контуром. С другой стороны, в (45) действует только второе правило, т. к. прямое дополнение более тесно связано с глаголом, чем непрямое, а первое правило применяется только для низкотоновых реализаций слов второго класса и, следовательно, в результате действия первого правила второе оказывается нерелевантным.

Из сказанного следует, что обсуждаемые здесь контекстные изменения тонов происходят не просто в порядке слева направо, либо – в редких случаях – справа налево, но также с учетом свойств составляющих, к которым применяются правила.

7. Тональная система северного гвинейского кпелле

При описании северного диалекта кпелле я также опираюсь на собственные материалы. Устройство именных тонов в этом диалекте частично обсуждалось в курсовой работе [Коношенко 2008].

7.1. В гбали противопоставляются только два уровневых тона: высокий и низкий. Среднего тона – ни контекстно обусловленного, ни закрепленного лексически – в этом диалекте нет.

7.2. Тональные классы основных частей речи в гбали качественно ничем не отличаются от классов в центральном гвинейском кпелле, однако здесь есть некоторые количественные различия.

7.2.1. Основные именные тональные классы выглядят в гбали так же, как и в центральном гвинейском кпелле (ср. (17)).

(46) Тональные классы двусложных существительных в гбали:

1) cv́cv́ *wúlú* ‘дерево’
2) cv̀cv̀’ *kwàlà’* ‘обезьяна’
3) cv̀cv̂ *yɔ̀wɔ̂* ‘топор’
4) cv́cv̂ *líê* ‘старший сиблинг’
5) cv̀cv̀ *gbònò* ‘кольцо’
6) cv̀cv́ *mànáŋ́* ‘маниока ’

Все наблюдения относительно особенностей именных тонов в ЦГК также верны и для гбали, поэтому для получения дополнительных сведений об этом я отошлю читателя к пункту 6.2.1.

7.2.2. В отличие от либерийского кпелле и ЦГК, где глаголы образуют 4 тональных класса (ср. (3), (20)), в гбали таких классов всего 3:

(47) Тональные классы глаголов в гбали

1) cv́, cv́cv́ *yílí* ‘готовить (еду)’
2) cv̀cv̀’ *yìlì’* ‘связывать’
4) cv́cv́ŋ̀ *hɛ́lɛ́ŋ̀* ‘вешать’

Отсутствует третий тональный класс, т. е. тонема L-HL. Если в ЦГК тот или иной глагол принадлежит к 3 классу, в гбали он

окажется в 4 классе, т. е. будет иметь контур H-HL. Ср. ЦГК *kòníŋ̀* vs. Гб *kóníŋ̀* ‘царапать’; ЦГК *kpàléŋ̀* vs. Гб *kpáléŋ̀* ‘хватать’.

7.3. Рассмотрим автоматические правила тональных изменений в гбали.

7.3.1. Даундрифт в северном гвинейском диалекте имеет такие же свойства, как и в центральном – см. 6.3.1.

7.3.2. Там, где в ЦГК возникает даунстеп, т. е. после слова, имеющего контурный тон на конце основы, в гбали происходит несколько иное изменение: как и в ЦГК, в гбали конечный низкий тон указанного слова теряет сегментную базу, т. е. становится плавающим, но затем он смещается на первый слог следующего сегмента – а в ЦГК этого не происходит. Ср.:

ЦГК
(48a) *ŋ̀àá yɔ̀wâ hɛ́léŋ̀* ⇒ [ŋ̀àá yɔ̀wá̀ hɛ́léŋ̀]

Гбали
(48b) *ŋ̀àá yɔ̀wɔ̂ hɛ́léŋ̀* ⇒ [ŋ̀àá yɔ̀wɔ́ hɛ̀léŋ̀]
1SG.RES топор вешать
‘Я повесил топор’.

a. yɔ̀- wâ hɛ́- lɛ́- ŋ̀ ⇒ [yɔ̀- wá̀ hɛ́- lɛ́- ŋ̀]
L H L H H L L H (L) H H L

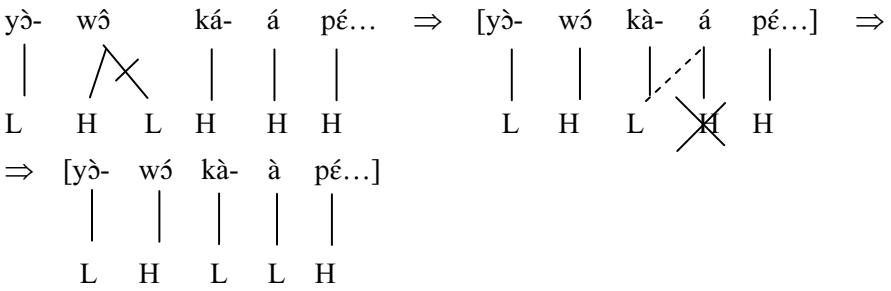
b. yɔ̀- wɔ̂ hɛ́- lɛ́- ŋ̀ ⇒ [yɔ̀- wɔ́ hɛ̀- lɛ́- ŋ̀]
L H L H H L L H L H L

7.3.3. В отличие от более южных диалектов, в гбали действует правило H ⇒ L/ L_H, ##: высокий тон после низкого и перед высоким либо перед паузой становится низким, т. е. происходит распространение низкого тона. Поэтому если, например, в контексте типа (48) оказывается глагол с лексическим высоким тоном, то перед высокотоновым словом либо перед паузой он получает низкий тон на всем сегменте:

(49) *ŋ̀àá yɔ̀wɔ̂ káá pɛ́lɛ́-ì*
1SG.RES топор видеть дом-в

⇒ [ŋàá yɔ̀wɔ́ kàà pɛ́lɛ́ì]

‘Я видел топор в доме’.



7.3.4. Правило смещения плавающего высокого контура влево у слов 2 класса перед «эквиполентным» грамматическим низким тоном в гбали работает так же, как и в ЦГК – см. п. 6.3.4:

$$L(H) \Rightarrow LH/_L(gr_e)$$

7.4. Перейдем к обсуждению неавтоматических правил в гбали.

7.4.1.–7.4.2. В сочетаниях «высокотоновое плюс низкотоновое слово» либо «низкотоновое с плавающим высоким тоном плюс низкотоновое слово» в гбали происходят те же изменения, что и в ЦГК: низкий тон второго компонента становится падающим – ср. 6.4.1, 6.4.2:

$$L \Rightarrow HL/\ H_$$

$$L \Rightarrow HL/\ L(H)_$$

7.4.3. Случай, важный для понимания разницы между диалектами, представляет собой сочетание высокотонового слова и слова из второго класса (низкотонового с плавающим высоким тоном). Впрочем, как и в других диалектах, этот контекст следует рассматривать отдельно для существительных и глаголов.

Если указанное сочетание представляет собой именную группу, то в этом случае в гбали второй компонент, т. е. лексема второго класса, всегда повышает свой тон, по аналогии с низкотоновыми словами после высокотонового – см. 7.4.1, 7.4.2 (напомню, что в ЦГК здесь имеются различия в зависимости от типа ИГ – см. 6.4.3). Некоторые примеры (ср. (33), (34)):

(50a) *ɓɛ́láá* ‘баран’ + *hvèèlè’* ‘два’ ⇒ [ɓɛ́láá hvéélè] ‘два барана’

(50b) *ká* 2PL.PF + *hùɣù’* ‘клан’ ⇒ [ká húɣû] ‘ваш клан’

В результате мы имеем следующую формулу:

L(H) ⇒ HL / H_

В сфере глагола подобные сочетания реализуются следующим образом: если за высокотоновым прямым дополнением следует глагол из второго класса, то тогда глагол получает высокий тон (в то время как в ЦГК – «неожиданный» средний тон). Т. е. в этом контексте противопоставление между высокотоновыми глаголами первого класса и низкотоновыми с плавающим высоким из второго класса стирается:

(51) *ŋàà* *ɓɛ́láá* *yìlì’* / *yílí*
1SG.RES баран связывать варить
⇒ [ŋàà ɓɛ́láá yílí]
‘Я связал / сварил барана’.

Это изменение очевидно выбивается из всех прочих (как и аналогичный контекст в ЦГК, где возникает «некомпозициональный» средний тон). Я пока не могу ответить на вопрос, сохраняется ли в таком контексте у глагола второго класса плавающий высокий тон. Во всяком случае, можно говорить о распространении высокого тона с левого сегмента на правый:

(52) ɓɛ́- lá- á yì- lì ’ ⇒ [ɓɛ́- lá- á yí- lí]

H H H L ~~L~~ ~~(H)~~? H H H H H

Формула данного изменения у глаголов в гбали:

L(H) ⇒ H/ H_

7.4.4. Сочетания двух слов из второго класса обнаруживают в гбали тональное поведение, аналогичное сочетаниям высокотонового слова и слова из 2 класса (см. 7.4.3).

У именных групп в подобных сочетаниях второй компонент всегда повышает свой тон, подобно тому, как это происходит в (50):

L(H) ⇒ HL / L(H)_

В глагольных группах тон глагольной вершины опять же полностью повышается, т. е. является высоким (с поправкой на даундрифт), подобно (51). Таким образом, в этом контексте различие между лексически высокотоновыми и низкотоновыми глаголами стирается – ср. также (43) из ЦГК.

L(H) ⇒ H/L(H)_

7.5. Последнее замечание, которое необходимо сделать, говоря о гбали, касается взаимодействия различных правил. Рассмотрим следующие примеры:

(53) *gáá* *ɲààlèè* *hàɣà'-ì*
1SG.PF.быть кот ранить-NF
⇒ [gáá ɲààlèè hàɣáì]
'Я израниваю кота'.

(54) *gáá* *ɓɛ́láá* *hàɣà'-ì*
1SG.PF.быть баран ранить-NF
⇒ [gáá ɓɛ́láá háɣàì]
'Я израниваю барана'.

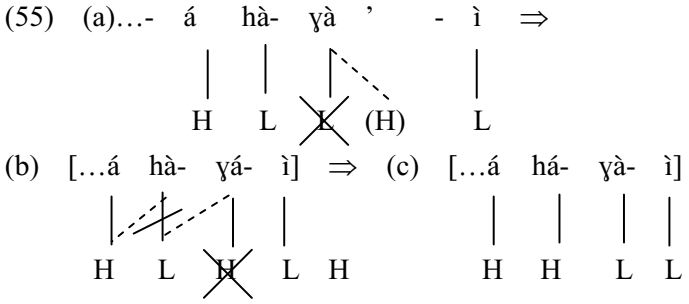
В (53) тональный контур на глагольном корне становится восходящим перед низкотоновым показателем нефинитной формы, а низкотоновое прямое дополнение на глагольные тоны никак не влияет. В (54), как и в примерах (44)–(45) из ЦГК, рассматривавшихся в разделе 6.5, происходит конкуренция двух правил: с одной стороны, правила появления восходящего контура у слова второго класса перед грамматической низкотоновой морфемой, а с другой стороны – правила повышения тонов на слове второго класса после высокотонового слова.

Как мы видели, в ЦГК первым применяется автоматическое правило о появлении восходящего контура, после чего неавтоматическое правило о распространении высокого тона уже не действует (см. (44)). Если считать, что в гбали правила применяются в таком же порядке[16], получается, что второе из них обнаружива-

[16] Вообще говоря, можно предположить, что в (54) сначала применяется второе правило, т. е. сначала на глагольный тон воздействует тон прямого дополнения, а второе правило, таким образом, блокируется.

ет способность модифицировать тоны на сегментах уже после действия первого правила.

Итак, в (54) сначала слово второго класса получает восходящий контур (с подобным явлением мы многократно сталкивались выше), затем высокий тон с первого компонента глагольной синтагмы распространяется на первый слог второго компонента (глагольной вершины), в то время как низкий тон с первого слога глагола смещается на его второй слог. Однако низкотоновая морфема сохраняет низкий тон, поэтому логично предположить, что высокий тон, оказавшийся на втором слоге в результате применения первого правила, удаляется[17]. Изменения, происходящие в (54), представлены ниже:



При таком анализе получается, что, в отличие от ЦГК, в котором изменения прекращаются на этапе (55b), в гбали неавтоматическое правило о распространении высокого тона может также действовать как правило «второго порядка», т. е. во вторую очередь, результатом чего становится (55c).

Однако этому противоречат данные центрального диалекта, поэтому такую интерпретацию нельзя считать удовлетворительной. Кроме того, в таком случае непонятно, почему высокий тон распространяется только на первый слог слова из второго класса, а не на всю эту морфему, как происходит в формах без нефинитного аффикса.

[17] Впрочем, возможен и другой анализ: высокий тон со второго слога второго слова перемещается на его конечный слог, низкий тон на котором удаляется. Однако после низкого тона и перед паузой конечный высокий тон становится низким, по правилу H ⇒ L/ L_H, ##.

8. Заключение

Мы рассмотрели тональные системы трех диалектов языка кпелле. Они различаются как своим тональным инвентарем, так и теми контекстными изменениями, которые возможны в каждом из диалектов.

8.1. Одно из обобщений, которое необходимо теперь сделать, будет касаться природы контекстных изменений в кпелле, безотносительно к диалектным различиям.

Контекстные изменения в кпелле очень разнообразны и, к тому же, по-разному реализуются в диалектах. Тем не менее, для всех диалектов их можно разделить на две группы: одни изменения являются автоматическими, а другие – неавтоматическими, т. е. закрепленными за определенным синтаксическим контекстом. Более того, их можно классифицировать и по другому признаку: в одних случаях изменяется правый компонент некоторого сочетания, в других – левый компонент, т. е. изменения могут быть прогрессивными и регрессивными. Кроме того, в одних случаях в результате изменений происходит понижение тонов, а в других – повышение.

Сразу же возникает вопрос: как соотносятся эти признаки между собой? Посмотрим, какими свойствами обладают автоматические и неавтоматические правила. В Таблице 5 лексемы второго класса (с высоким плавающим тоном) для простоты записаны как L(H), хотя в либерийском диалекте им, разумеется, соответствует M(H). Кроме того, как выяснилось, изменения низкотоновых слов после высокотоновых слов или же слов второго класса с плавающим высоким тоном одинаковы в именных и глагольных синтагмах, поэтому для правил 5 и 6 нет разделения на ИГ и ГГ.

Из Таблицы 5 следует, что три из четырех автоматических правил являются в кпелле прогрессивными и тонопонижающими, а четвертое оказывается тоноповышающим, но зато и регрессивным. С другой стороны, почти все неавтоматические правила представляют собой прогрессивные и тоноповышающие изменения (сюда попадает одно регрессивное, которое, впрочем, обнаруживается не во всех диалектах). Получается, что в целом автоматические правила в кпелле являются тонопонижающими, а неавтоматические – тоноповышающими.

Таблица 5. Свойства правил контекстных изменений в кпелле

	№	Правило		Направление изменения	Изменение тона
Автом. правила	1	даундрифт		прогрессивное	понижение
	2	даунстеп		прогрессивное	понижение
	3	LHH ⇒ LLH		прогрессивное	понижение
	4	L(H) ⇒ LH/_L(gr_e)		регрессивное	повышение
Неавтом. правила	5	L ⇒ HL/ H_		прогрессивное	повышение
	6	L ⇒ HL/ L(H)_		прогрессивное	повышение
	7	ИГ	L(H) ⇒ HL / H_	прогрессивное	повышение
		ГГ	L(H) ⇒ M/ H_	прогрессивное	повышение
			L(H) ⇒ H/ H_	прогрессивное	повышение
	8	ИГ	L(H) ⇒ HL/L(H)_	прогрессивное	повышение
			L(H) ⇒ LH/ _L(H)	регрессивное	повышение
		ГГ	L(H) ⇒ H/ L(H)_	прогрессивное	повышение

8.2. Теперь попробуем посмотреть, к чему сводятся различия между тональными системами различных диалектов.

Сравним диалекты по признаку разнообразия тонального инвентаря (уровневых противопоставлений тонов и тональных классов). Данные по трем диалектам представлены в Таблице 6:

Таблица 6. Тональный инвентарь диалектов кпелле

	ЛК	ЦГК	Гбали
Инвентарь фонетических тонов	3	2,5[18]	2
Инвентарь тонем			
–для существительных	6	6	6
–для глаголов	4	4	3
Индекс инвентарного разнообразия	**13**	**12,5**	**11**

[18] Дополнительные 0,5 появляются здесь за счет «некомпозиционального» среднего тона, возникающего в ЦГК у глаголов после высокотонового слова.

Если для каждого диалекта сложить значения каждого параметра, представленные в таблице 6, мы получим некоторый условный индекс инвентарного разнообразия. Тогда для ЛК он будет равен 13, для ЦГК – 12,5, для гбали – 11.

Теперь сравним диалекты по признаку контекстной изменчивости тонов. Для этого составим сводную Таблицу 7, показывающую, какие правила есть в том или ином диалекте.

Таблица 7. Контекстная изменчивость тонов в диалектах кпелле[19]

	№	Правило		ЛК	ЦГК	Гбали
Автоматические правила	1	даундрифт		+-	+	+
	2	даунстеп		-	+	++
	3	LHH ⇒ LLH		-	-	+
	4	L(H) ⇒ LH/_L(gr_e)		+	+	+
Неавтоматические правила	5	L ⇒ HL/ H_		-	+	+
	6	L ⇒ HL/ L(H)_		+	+	+
	7	ИГ	L(H) ⇒ HL / H_	-	+-	+
		ГГ	L(H) ⇒ M/ H_ L(H) ⇒ H/ H_	+-	+	+
	8	ИГ	L(H) ⇒ LH/_L(H) L(H) ⇒ HL/L(H)_	+	+ +	+
		ГГ	L(H) ⇒H/L (H)_	+-	+	+
Индекс изменчивости тонов:				**9**	**17**	**22**

Если считать каждый «+» за 2 балла, а каждый «+-» за 1 балл, можно получить для каждого диалекта индекс контекстной изменчивости. В ЛК он будет равен 9, в ЦГК – 17, в гбали – 22.

Таким образом, наиболее разнообразный тональный инвентарь представлен в либерийском кпелле, но у этого диалекта самый низкий индекс контекстной изменчивости. В гбали, напротив, самый бедный инвентарь компенсируется самой богатой системой правил контекстной изменчивости. А центральный гвиней-

[19] «++» для даунстепа в гбали значит, что в этом диалекте изменение заходит дальше, чем обычный даунстеп, т. к., помимо понижения тонов на всей последующей цепочке сегментов за счет низкого тона, изменяется еще и тон на отдельном сегменте. «+-» значит, что правило применяется не во всех аналогичных контекстах.

ский кпелле находится посередине, обнаруживая относительно умеренные значения для обоих индексов.

(56) Инвентарное разнообразие тонов:
Либерийский кпелле > Центральный гвинейский кпелле > Гбали

Контекстная изменчивость тонов:
Гбали > Центральный гвинейский кпелле > Либерийский кпелле

Учитывая, что гбали – самый северный (северо-восточный) диалект кпелле, а либерийский кпелле – самый южный (юго-западный), то с географической точки зрения мы наблюдаем увеличение тонального разнообразия и уменьшение удельного веса контекстных изменений в направлении с севера на юг. Итак, инвентарное разнообразие в диалектах кпелле обратно пропорционально контекстной изменчивости.

По-видимому, появление среднего тона в либерийских диалектах кпелле – это инновация, произошедшая под влиянием соседей – носителей южных языков манде, в которых противопоставляются до пяти тональных уровней. В других юго-западных манде трехуровневые тональные системы не обнаружены.

В итоге мы приходим к следующим заключениям.

В кпелле существует связь между статусом правила контекстных изменений (автоматическое/неавтоматическое) и его фонетическим коррелятом (понижение /повышение тона): автоматические правила являются в целом тонопонижающими, а неавтоматические – тоноповышающими. Получается, что говорящий естественным образом стремится экономить усилия – отсюда автоматическое понижение тонов, но в то же время язык навязывает говорящему собственные «грамматические требования», в результате мы получаем неавтоматичность повышающих правил.

Во-вторых, в диалектах кпелле инвентарное разнообразие обратно пропорционально контекстной изменчивости тонов. Это наблюдение может быть гармонично встроено в тональную типологию семьи манде, северные и западные представители которой отличаются относительно бедным тональным инвентарем, но обнаруживают большое количество контекстных тональных изменений, в то время как южные языки манде обладают значительно более богатым тональным инвентарем и являются несколько менее склонными к контекстным изменениям тонов.

Обозначения

АФ – автосегментная фонология
Гб – гбали
МПП – местоименно-предикативный показатель
ИГ – именная группа
ЛК – либерийский кпелле
ЦГК – центральный гвинейский кпелле
1 – 1 лицо
2 – 2 лицо
3 – 3 лицо
COP – копула
DEM – указательный
DEF – определенный
DET – показатель детерминативной синтагмы
H – высокий тон
(H) – высокий плавающий тон
HAB – хабитуалис
IO – непрямое дополнение
L – низкий тон
L(gr_e) – грамматический «эквиполентный» низкий тон
M – средний тон
NF – нефинитный
PF – полифункциональный
PRED – предикатив
PRF – перфект
RES – результатив
SB – субъектный
STAT – статив

Литература

Выдрин В. Ф. Методические рекомендации по описанию языка южной группы манде // Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова). Под ред. В. Ф. Выдрина, А. Ю. Желтова. СПб., 2002. С. 9–38.

Выдрин В. Ф. Тональные системы языков манде: Краткий обзор // Вопросы языкознания, 2, 2003. С. 95–113.

Выдрин В. Ф. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // Труды института лингвистических исследований. Т. II, Ч. 2. СПб., 2006. С. 9–252.

Выдрин В. Ф. Язык бамана: Учебное пособие. СПб., 2008.

Касевич В. Б. Труды по языкознанию. СПб., 2006.

Касевич В. Б. Конспект лекций по семантике и прагматике. СПб., 2008.

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М., 2001.

Коношенко М. Б. Тональная система гвинейского диалекта языка кпелле. Курсовая работа. СПб., 2007.

Коношенко М. Б. Фонологическая система гбали (северного диалекта языка кпелле). Курсовая работа. СПб., 2008.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Castelain J. La langue guerzé : Grammaire et dictionnaire. Dakar, 1952.

Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. New York, 1968.

Firth J.R. Sounds and prosodies // Transactions of the Philological Society 1948. P. 127–152.

Fromkin V. A. On the phonological representation of tone // UCLA Working Papers in Phonetics, No. 27. 1974. P. 1–17.

Downing L. J. What African languages tell us about accent typology (PDF) // ZAS (Zentrum für allgemeine Sprachwissenschaft) papers in linguistics, 37. 2004. P. 101–136.

Dwyer D. J. The comparative tonology of Southwestern Mande nominals. Michigan State University, Ph. D., 1973.

Dwyer D. J. What sort of tone language is Mende? // Studies in African Linguistics , 9(2). 1978. P. 167–208.

Dwyer D. J. Idiosyncratic, suprasegmental processes in Mende // Studies in African Linguistics, 9(3). 1978. P. 333–343.

Goldsmith J. A. Autosegmental phonology. Ph.D. dissertation. MIT, 1976.

Goldsmith J. A. The aims of autosegmental phonology // D. A. Dinnsen (ed.). Current approaches to phonological theory. Bloomington, 1979. P. 202–222.

Gordon R. (ed.). Ethnologue: Languages of the World, Fifteenth edition. Dallas, Tex.: SIL International. 2005. Online version: http://www.ethnologue.com/

Konoshenko M. Towards the problem of long vowels in Guinean Kpelle // Handout of a communication presented at the MANSA conference. Lisbon, June 24–27, 2008.

Konoshenko M. Tonal systems in three dialects of the Kpelle language // Mandenkan, 44, 2008. P. 21–42.

Lassort P. Grammaire guerzé. Dakar, 1952.

Leben W. R. Suprasegmental phonology. Ph.D. dissertation. MIT, 1973.

Leben W. R. The representation of tone // Victoria A. Fromkin (ed.). Tone: a linguistic survey. New York, 1978. P. 177–219.

Leger J. Dictionnaire guerzé. Nzérékoré, 1975.

Leidenfrost T. E., McKay J. S. Kpelle-English dictionary with a grammar sketch and English-Kpelle finderlist. Moscow (USA), 2005.

Odden D. Tone: African languages // John A. Goldsmith (ed.), The handbook of phonological theory. Blackwell Publishing, 1996. Blackwell Reference Online. 31 December 2007.

http://www.blackwellreference.com/subscriber/tocnode?id=g9780631201267_chunk_g978063120126714

Oostendorp M. Autosegmental phonology. Handout of a lecture. Amsterdam, 2005. http://www.vanoostendorp.nl/pdf/050913.pdf

Thatch Sh. V., Dwyer J. D. A reference handbook of Kpelle. Michigan, 1981.

Vydrina A. Vowel length in the Kakabe language // Mandenkan 44, 2008. P. 79–88.

Welmers W. The phonology of Kpelle // Journal of African Languages, 1 (1), 1962. P. 69–93.

Welmers W. The morphology of Kpelle nominals // Journal of African Languages, 8 (2), 1969. P. 73–101.

Welmers W. African language structures. Berkeley – Los Angeles – London, 1973.

Westermann D. Die Kpelle, ein Negerstamm in Liberia. Göttingen/Leipzig, 1921.

Winkler E. Kpelle-English dictionary, with English-Kpelle glossary. Bloomington, 1997.

Yip M. Tone // Paul de Lacy (ed.). The Cambridge Handbook of Phonology. Cambridge, 2007.

А. В. Выдрина

ЛАБИЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ КАКАБЕ[1]

1. Введение

В работе описывается устройство глагольной лексики какабе с точки зрения аргументной структуры глагола. Для каждого глагола на лексическом уровне задаются следующие параметры: количество участников в ситуации, которую обозначает данный глагол, и их семантические роли, а также то, какую синтаксическую позицию будет занимать в предложении именная группа, соответствующая каждому из участников – подлежащее, прямое, косвенное дополнение и так далее.

Нас будут интересовать в первую очередь только первые два аргумента глагола, т. е. только ядерные участники. Иными словами, мы будем рассматривать классы, выделяемые по параметру переходности. Глагольные лексемы делятся на классы в зависимости от того, в каком типе синтаксических конструкций они способны выступать в непроизводной форме. Помимо класса переходных и непереходных глаголов, в какабе выделяется также очень важный «промежуточный» класс: глаголы, которые могут выступать и в переходных, и в непереходных конструкциях, т. е. лабильные глаголы.

Таким образом, нашу основную задачу – описание глагольного лексикона с точки зрения аргументной структуры – можно более узко сформулировать так: распространение **лабильности** в глагольной лексике диалектов какабе. Определяя границы распространения лабильности, выявляя те параметры лексического значения глагола, которые препятствуют распространению лабильности, или, напротив, позволяют глаголу быть лабильным, мы в результате получим общую картину устройства глагольного лексикона в отношении его ядерных актантов.

---

[1] Я хочу выразить благодарность своим основным информантам Альфа-Бакару Думбуя, Самба-Нюма Кейта и Мамаду Конде.

1.1. Диалекты какабе

Какабе входит в языковую семью манде, а внутри неё – в группу моколе. На нем говорят в нескольких десятках деревень на нагорье Фута-Джаллон в Республике Гвинея.

Между диалектами какабе обнаруживаются значительные различия, как на уровне лексики, так и в отношении некоторых существенных явлений грамматики. В ходе экспедиций были собраны данные по диалектам пяти деревень: Сокоторо, Вуре-Каба, Бория, Насурулаи и Саджоя. Эти диалекты образуют две группы – как по географической, так и по лингвистической дистанции, их разделяющей. К первой группе относятся диалекты Сокоторо и Вуре-Каба. Далее эти диалекты будут называться юго-восточными. В целом эти два диалекта довольно существенно отличаются друг от друга, но, вместе с тем, между ними нет принципиальной разницы в отношении лабильности, являющейся основным предметом настоящего исследования. Деревни Бория, Насурулаи и Саджоя находятся в супрефектуре Канкалабе, к северо-западу от Сокоторо и Вуре-Каба – достаточно гомогенные диалекты этой группы будут называться северо-западными. Основной объем материалов, анализируемый в данной статье, был собран в ходе работы с информантами, говорящими на диалектах двух деревень, Сокоторо и Саджоя, что позволяет нам судить о вариантах языковой системы для обеих диалектных групп. В тех случаях, когда диалектные пометы отсутствуют, подразумевается, что излагаемое верно для обеих диалектных систем.

1.2. Некоторые грамматические сведения.

1) Как и почти все языки манде, какабе является тональным языком. В нем противопоставлены два уровневых тона – высокий и низкий (В и Н). Внутри слова эти тоны могут сочетаться только двумя способами: ВВ и НВ. Иными словами, в какабе имеются два тональных класса, по которым лексемы распределяется в зависимости от того, какой лексический тон им приписывается на глубинном уровне – высокий или восходящий, например: высокий тон – *súnkutuŋ*[2] ‘девушка’, и восходящий тон – *sàmatá* ‘обувь’.

[2] Здесь и далее в последовательности слогов с одинаковыми тонами обозначается только тон первого слога. Иначе говоря, отсутствие значка

2) Какабе имеет фиксированный порядок слов SOV (при этом позицию перед глаголом занимает только прямое дополнение – все остальные типы именных групп, за исключением, разумеется, подлежащего, располагаются после глагола).

Видо-временная информация выражается в какабе с помощью так называемых **предикативных показателей**, которые располагаются после именной группы подлежащего, причем для утвердительных и для отрицательных высказываний существуют отдельные системы показателей. Особый случай представляет собой показатель имперфектива для утвердительного высказывания, состоящий из двух частей: частицы *bi*, располагающейся, как и остальные предикативные показатели, за именной группой подлежащего, и суффикса *-la,* присоединяющегося к глагольной основе. Парадигма предикативных показателей представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Предикативные показатели какабе

утвердительные	отрицательные
bi .. -la – IPFV – имперфектив *bati / ba*[3] – PRF – перфект *ka* – PFV– перфектив *ni* – OPT – оптатив *si* – IRR – ирреалис *mani* – COND – кондиционал Ø – IMP – императив	*bele* – NEG.IPFV *maa* – NEG. PFV *tee* – NEG.IRR *kani* – IMP.NEG

3) В какабе есть показатель каузатива – префикс *la- / na-* (второй вариант возникает после слова, оканчивающего на назализованный гласный, или после местоимения первого лица единственного числа *n*). Данный показатель очень продуктивен: он мо-

тона над гласной следует интерпретировать как «тон равен тону предыдущего слога».

[3] Когда за данным показателем следует согласный, конечный гласный показателя выпадает, и при этом согласный, с которого начинается следующее слово, становится геминатой. При этом в юго-восточных диалектах данный алломорф может возникать в позиции перед словом, начинающимся на любой из согласных, а в диалектах Канкалабе – только перед словом, начинающимся на *t*.

жет присоединяться почти к любым глаголам – как к переходным, так и к непереходным. Каузируемый участник всегда ставится в позицию прямого дополнения, например:

(1) *N* *nɛ̀ɛnɛ* *bati* *Fánta* *la-dòn* *bɔ́ŋ-ɛ̀* *là.*
1SG мать PRF Фанта CAUS-войти дом-ART LOC
‘Моя мать заставила Фанту войти в дом’.

При каузативации переходного глагола исходное прямое дополнение смещается в позицию непрямого дополнения и оформляется послелогом *là*:

(2а) *Séɛku* *bati* *jùléɛ̀* *kúntu.*
Секу PRF верёвка.ART разрезать
‘Секу перерезал веревку’.

(2б) *N* *bati* *Séɛku* *la-kúntu* *jùléɛ̀* *là.*
1SG PRF Секу CAUS-разрезать верёвка.ART LOC
‘Я заставил Секу разрезать веревку’.

2. Лабильность и другие типы вариативности в выражении аргументной структуры в какабе

2.1. Определение лабильности

В статье мы будем исходить из следующего определения лабильности: это такое свойство глагольной лексемы, которое позволяет глаголу употребляться как в переходной, так и в непереходной конструкции без изменения формы глагола. Таким свойством обладает, например, глагол английского языка *break*:

(3а) *I broke the glass.*
(3б) *The glass broke.*

Если смотреть с точки зрения лексики, то можно сказать, что понятие лабильности подразумевает наличие у глагольной лексемы определенной вариативности в выражении аргументов. У одного и того же глагола либо выражается два участника – один в позиции подлежащего и другой в позиции прямого дополнения, – либо только один участник, в позиции подлежащего. Таким образом, при данном типе лабильности наблюдается, во-первых, вариативность в количестве выражаемых участников и, во-вторых, перераспределение синтаксических рангов участников. Пример:

(4а) *Kɔ̀rɛ́ɛ̀ bati sárin.*
рис.ART PRF сыпать
‘Рис рассыпался’.

(4б) *Séɛku bati kɔ̀rɛ́ɛ̀ sárin.*
Секу PRF рис.ART сыпать
‘Секу рассыпал рис’.

Помимо типа лабильности, который представлен примерами (3) и (4), существуют и другие типы морфологически немаркированной вариативности при выражении аргументов глагола.

2.2. Лабильность и другие типы вариативности в выражении аргументной структуры

Вариативность может затрагивать соотношение не между подлежащим и прямым дополнением, как в рассмотренном случае, а между синтаксическими статусами второго порядка – между прямым дополнением и тем, что находится ниже его.

В качестве иллюстрации данного явления приведем пример из русского языка: в ситуации, выражаемой глаголом *намазать,* есть участник со значением поверхности, на которую мажут, и участник со значением того, что намазывают. Эти два участника могут оформляться по-разному: *намазать масло на хлеб* или *намазать хлеб маслом.* Здесь мы наблюдаем случай, когда в позицию прямого дополнения могут помещаться участники с разной ролью, при этом участник, оформленный как подлежащее, остается не затронутым данной вариацией.

Ярким примером такого явления в какабе служат глаголы, обозначающие ситуацию купли-продажи. Например, у глагола *ɲɔ̀gɔ* ‘платить’ в позиции прямого дополнения может оказаться один из трех участников ситуации: товар, то, что заплачено за товар, или, наконец, тот, кому платят:

(5а) *N bati Séɛku ɲɔ́gɔ kɔ̀rɛ́ɛ̀ làkɔ́.*
1SG PRF Секу платить рис.ART для
‘Я заплатил Секу за рис’.

(5б) *N bati kɔ̀rɛ́ɛ̀ ɲɔ́gɔ wáa fìla là*
1SG PRF рис.ART платить тысяча два в

(Séɛku yèn).
(Секу для)
‘Я заплатил (Секу) за рис две тысячи {франков}’.

(5в) *N bati wáa fìla ɲɔ́gɔ (kɔ̀rɛ́ɛ̀ làkɔ́*
1SG PRF тысяча два платить (рис.ART для
Séɛku yèn).
Секу для)
‘Я заплатил (Секу за рис) две тысячи {франков}’.

Похожую вариативность проявляют глаголы *sàn* ‘купить / потратить’ и *yéyi* ‘продать’:

(6а) *N bati dòríkè sàn wáa múgan*
1SG PRF рубашка.ART купить тысяча двадцать
nà.
LOC
‘Я купил рубашку за двадцать тысяч {франков}’.

(6б) *N bati wáa múgan sàn dòríkè*
1SG PRF тысяча двадцать купить рубашка.ART
làkɔ́.
для
‘Я отдал двадцать тысяч {франков} за рубашку’.

(7а) *Fánta bati dòríkè yéyi wáa*
Фанта PRF рубашка.ART продавать тысяча
múgan nà.
двадцать LOC
‘Фанта продала рубашку за двадцать тысяч’.

(7б) *Fánta bati wáa múgan yéyi*
Фанта PRF тысяча двадцать продавать
dòríkè là.
рубашка.ART LOC
‘Фанта продала рубашку за двадцать тысяч’.

Точно такую же вариативность, как *yéyi*, проявляет и его синоним *máyìta* ‘продавать’.

В качестве обобщения можно сказать, что в какабе у всех глаголов, обозначающих ситуацию купли-продажи, в позиции прямого дополнения может быть либо обменный эквивалент – чаще всего, разумеется, деньги, – либо один из других участников (за исключением того участника, который оформляется подлежащим)[4]:

Точно так же участники с разными ролями могут оказываться в позиции прямого дополнения и при глаголах с другой семантикой, например, *fɔ́di* ‘обещать’:

(8а) *Séɛ́ku* *bat'* *a* *la* *mùséè* *fɔ́di*
Секу PRF 3SG POSS женщина.ART обещать
wótè *là.*
деньги.ART LOC
‘Секу пообещал своей жене денег’.

(8б) *Séɛ́ku* *bati* *wótè* *fɔ́di* *a* *la*
Секу PRF деньги.ART обещать 3SG POSS
mùséè *là.*
женщина.ART LOC
(то же значение)

Такими же свойствами обладают глаголы, представленные в Таблице 2.

Таблица 2. Вариативность в выражении аргументов некоторых глаголов

	участник в позиции прямого дополнения
súumɛ ‘покрывать’	покрываемая поверхность / материал для покрытия
màníninka ‘просить’	у кого просят / что просят
fóyi ‘стрелять’	мишень / оружие или снаряд
sárin ‘посыпать’	материал (песок) / посыпаемая поверхность

Однако было бы неверным полагать, что в какабе в позицию прямого дополнения может встать любой участник ситуации, обозначаемой всяким глаголом. Например, при глаголе *yìta* ‘показывать’ в этой позиции может быть только то, что показывают:

[4] По-видимому, это характерно и для других языков манде; такая же вариативность существует у глаголов купли-продажи и в бамана.

(9) *N* *bi* *n* *na* *bɔ́ŋɛ̀* *yìta-la*
1SG IPFV 1SG POSS дом.ART показывать-IPFV
Fánta *là.*
Фанта LOC
‘Я показываю Фанте дом’, при невозможности:

* *N* *bi* *Fánta* *yìta-la* *n* *na* *bɔ́ŋɛ̀* *là.*
1SG IPFV Фанта показывать-IPFV 1SG POSS дом.ART в

При глаголе *díí* ‘давать’ в позиции прямого объекта может быть только тема (ср. *fɔ́di* ‘обещать’, где в этой позиции может быть и тема, и адресат):

(10) *N* *bati* *wótè* *díí* *Séɛ́ku* *bólo.*
1SG PRF деньги.ART дать Секу рука
‘Я дал Секу деньги’.

* *N* *bati* *Séɛ́ku* *díí* *wótè* *là.*
1SG PRF Секу дать деньги.ART LOC

В целом, наличие такой вариации у глагола является исключительно его лексической характеристикой.

Из приведенных примеров можно заключить, что в какабе такая вариация аргументной структуры распространена, пожалуй, несколько больше, чем в других языках.

Значимость вариативности для аргументной структуры глагола заключается в том, что вторым ядерным аргументом в разных употреблениях глагольной лексемы оказываются разные участники. По сравнению, например, с вариацией, которая затрагивала бы соотношение двух главных участников ситуации, рассмотренный здесь тип модификации не так значим, и поэтому то, что данные варианты употреблений глаголов не противопоставлены с помощью специальных показателей, не представляется неожиданным. Впрочем, стоит отметить, что в языках мира встречаются случаи, когда с помощью специального показателя маркируется тот факт, что участник, ранее находившийся в числе неядерных участников, повысился до ранга прямого дополнения. Такая категория называется аппликативом; она засвидетельствована, например, в языках банту и в языке пулар [Плунгян 2000: 210–211].

2.3. Типы лабильности: А-лабильность и Р-лабильность

Итак, мы показали, что следует противопоставлять два типа вариативности аргументной структуры: с одной стороны, вариативность в отношении переходности глаголов, затрагивающую двух главных участников, и, с другой стороны, вариативность, не меняющую переходность глагола. Теперь мы рассмотрим более подробно первый из этих типов, то есть лабильность. Лабильность может быть очень разнообразной. Одним из способов классификации ее типов является разделение лабильных глаголов на А-лабильные и Р-лабильные.

При А-лабильности в обоих употреблениях имеется агентивный актант, а Р-лабильность – это такое варьирование переходности, при котором сохраняется пациентивный актант [Kibrik 1996].

А-лабильность можно проиллюстрировать примерами из русского языка:

Я ем – Я ем яблоко; Мальчик уже читает – Мальчик читает книгу.

Р-лабильность широко представлена, например, в английском:

I broke the glass – The glass broke.

По мнению А. Б. Летучего [2006], между двумя данными типами существует принципиальная разница, и различия между ними не ограничиваются тем, что в одном случае сохраняется агентивный, а в другом – пациентивный участник.

А-лабильность очень близка к коммуникативному опущению, как, например, в предложении *Я сорвал с дерева яблоко и съел*, где при втором глаголе объект не выражен. Объект, опускаемый при А-лабильности, не исчезает из семантики, изменяется лишь его коммуникативный статус. Так, например, в предложении *Он ест* объект все равно присутствует на семантическом уровне, хотя он и не выражен. И поскольку данное преобразование не затрагивает семантику глагола, оно не зависит и от его лексической семантики. Следствием этого является его допустимость для достаточно большого класса глаголов. Еще одной важной характеристикой А-лабильности является то, что при ней всегда можно без труда определить исходное и производное употребления, т. е. переходное и непереходное употребления неравноправны. В этом отношении можно выделить два подтипа А-лабильности:

1) исходное употребление глагола – переходное, объект опускается, например, при глаголах *есть, пить, читать* и т. д.;

2) исходное употребление – непереходное, объект добавляется, например, *гулять два часа.* К этому случаю относятся, в основном, глаголы движения: «Как правило, они имеют большое количество актантов: путь, конечная точка, начальная точка, траектория и т. д., каждый из которых может занимать позицию прямого объекта. В этом случае, наоборот, исходной стоит считать непереходную диатезу: семантически местные и подобные им участники обычно кодируются как сирконстанты» [Летучий 2006: 23].

P-лабильность, по мнению данного автора, не обладает такими свойствами. При данном типе лабильности опускаемый участник – агенс – исчезает не только в плане выражения, но и на уровне семантики. Например, в высказывании *the glass broke* агенс отсутствует. С тем, что при P-лабильности происходит изменение семантики, связана и меньшая регулярность этого типа лабильности – P-лабильными, как правило, являются небольшие классы глаголов, которые различаются от языка к языку. А. Б. Летучий предлагает рассматривать такой тип лабильности как канонический.

Впрочем, как мы увидим дальше, такое определение P-лабильности плохо применимо к случаям, наблюдаемым в какабе и в других языках манде. К проблеме определения понятия лабильности мы еще вернемся.

Теперь обратимся к материалу какабе. A-лабильность с опущением объекта исходного переходного глагола не представлена в какабе, и в целом она нехарактерна для языков манде. Например, чтобы выразить при переходном глаголе *dàmu* ‘есть’ или *tùgu* ‘толочь’ ситуацию, не упоминая пациенса, необходимо осуществить номинализацию, и полученная номинализованная форма употребляется в сочетании с глаголом *kɛ́ɛ́* ‘делать’ (точно таким же образом это происходит в бамана, см. [Creissels 2007: 5]):

(11а) *N* *bati* *bàntaráà* *dàmu.*
1SG PRF маниока.ART есть
‘Я съел маниоку’.

(11б) *N* *bati* *dàmu-re* *kɛ́ɛ́.*
1SG PRF есть-NMLZ делать
‘Я поел’.

(12а) *Fánta* *bi* *bàntaráà* *tùgu-la.*
Фанта IPFV маниока.ART толочь-IPFV
‘Фанта толчет маниоку’.

(12б) *Fánta* *bi* *tùgu-ɾe* *kɛ́ɛ-la.*
Фанта IPFV толочь-NMLZ делать-IPFV
‘Фанта толчет (маниоку)’.

В какабе встречается тот тип А-лабильности, при котором исходным употреблением глагола является непереходное и в конструкцию вводится объект со значением времени (13а, 13б) или пути (14а, 14б):

(13а) *N* *bati* *kìnnɔ́gɔ* *(lɛ́r* *sàba).*
1SG PRF спать час три
‘Я спал (три часа)’.

(13б) *N* *bati* *lɛ́r* *sàba* *kìnnɔ́gɔ.*
1SG PRF час три спать
‘Я спал три часа’.

(14а) *N* *bati* *yɛ̀lɛ* *kɔ̀nkɛ́ɛ̀* *là.*
1SG PRF подняться гора.ART в
‘Я поднялся на гору’.

(14б) *N* *bati* *kɔ̀nkɛ́ɛ̀* *yɛ̀lɛ.*
1SG PRF гора.ART подняться
‘Я поднялся на гору’.

В. Ф. Выдрин и А. Д. Кулибали называют операцию добавления именной группы со значением времени в качестве прямого объекта в бамана «лимитативной транзитивацией» [Vydrine & Coulibaly 1994: 53].

Стоит отметить, что это явление не ограничивается непереходными глаголами – ИГ со значением времени может возникать в позиции прямого дополнения и при некоторых переходных глаголах, так что при этом он вытесняет исходный прямой объект на периферийную позицию:

(15) *N* *bati* *dìnkáà* *sèn.*
1SG PRF яма.ART копать
‘Я выкопал яму’.

(16) *N* *bati* *tèléè* *fóo* *sèn* *(dìnkaà* *là).*
1SG IPFV день.ART весь копать (яма.ART LOC)
‘Я копал весь день’.

Кроме того, это возможно и при некоторых глаголах, которые исходно являются рефлексивными:

(17а) *N* *bati* *n* *búnban.*
1SG PRF 1SG плавать
‘Я поплавал’.

(17б) *N* *bati* *lér* *kélen* *búnban.*
1SG PRF час один плавать
‘Я плавал один час’.

Что же касается P-лабильности, то она представлена в какабе очень широко (см., в частности, примеры (4а, б), и этот тип будет подробно рассмотрен ниже.

Итак, из двух типов лабильности, противопоставляемых по тому, какой из участников сохраняется в обоих употреблениях, агентивный или пациентивный, в какабе гораздо более широко распространен тот тип, при котором сохраняется пациентивный участник, т. е. P-лабильность. Что касается A-лабильности, то она представлена в какабе только особым ее подтипом, при котором в позицию прямого дополнения добавляется участник со значением времени или пути. В целом же она распространена в лексике какабе несоизмеримо меньше, чем P-лабильность.

2.3. Диатетические типы лабильности

Помимо разделения на пациентивный и агентивный типы, возможна и другая классификация лабильности.

Как отмечает А. Б. Летучий, при описании лабильности в центре внимания исследователей, как правило, находится только такой тип вариации, при котором употребления глагола различаются по значению наличием семантики каузации, как событие ‘P’ и каузатив от события ‘P’ – т. е. случаи типа глаголов *break*, *melt* и т. д. Лабильность, соотносящаяся с маркированной каузативной или декаузативной деривацией, при которых, соответственно, добавляется и удаляется значение каузации, является самым распространенным, но все же не единственным типом лабильности. Например, такие употребления глагола *shave* как *He shaved* ‘он побрился’ – *The barber shaved him* ‘парикмахер побрил его’ нель-

зя объяснить как различающиеся за счет семантики каузации, но они явно относятся к лабильности.

Лабильность – это достаточно многофакторное явление, и бинарное деление на А-лабильность и Р-лабильность не позволяет учитывать многих случаев, которые оказываются промежуточными. А. Б. Летучий предлагает классификацию, изоморфную класссификации маркированных актантных дериваций, – выделение типов по признаку того, как именно соотносятся аргументные структуры переходного и непереходного употреблений глагола[5]. Предлагается выделять шесть диатетических типов лабильности в соответствии с типами существующих маркированных актантных дериваций:

Каузативная / декаузативная (или инхоативная) лабильность
Рефлексивная лабильность
Конверсивная лабильность
Потенциально-пассивная лабильность
Взаимная лабильность [Летучий 2006: 68].

Рефлексивная лабильность может быть проиллюстрирована следующими глаголами из английского языка: *comb* ‘причёсывать(ся)’, *shave* ‘брить(ся)’, *dress* ‘одевать(ся)’ – при непереходном употреблении они имеют рефлексивное значение. Судя по нашим данным, в какабе нет глаголов, характеризующихся рефлексивной лабильностью (как отмечает А. Б. Летучий, данный тип редко встречается в языках мира). Также не представлена в какабе и **конверсивная лабильность**[6].

[5] Стоит уточнить, что случаи А-лабильности с опущением или добавлением участника в позицию прямого объекта не включены в данную классификацию: автор считает, что они ближе скорее к коммуникативному опущению, чем к собственно лабильности.

[6] «Конверсивной лабильностью мы будем называть случаи типа *erschrecken* ‘испугаться (чего-л.)/испугать (кого-л.)’, при которых и переходное, и непереходное употребления имеют по два актанта» [Летучий 2006: 104]. При данном типе, в отличие, например, от декаузативного, каузатор не исчезает, происходит лишь смена перспективы. В языках мира такую лабильность могут демонстрировать глаголы эмотивного восприятия: ‘любить – нравиться’, ‘бояться – пугать’, ‘восхищаться – восхищать’, а также глаголы со значением ‘нюхать – пахнуть’ и некоторые другие.

Три остальные типа лабильности в какабе есть. Сначала мы кратко рассмотрим взаимную, или реципрокальную лабильность, затем обратимся к подробному описанию каузативной и потенциально-пассивной лабильности – по сути, описанию этих типов лабильности и будет посвящена большая часть статьи.

Реципрокальная лабильность редко встречается в языках мира: «Единственным языком, где взаимная лабильность действительно продуктивна, можно считать английский: ср. *kiss* ‘целовать(ся)’, *hug* ‘обнимать(ся)’, *touch* ‘касаться, соприкасаться’, *meet* ‘встречать(ся)’, *fuck* ‘совокупляться’ и т. д. <…> В остальных языках лабильность такого рода затрагивает изолированные лексемы» [Летучий 2006: 99–101].

В какабе есть реципрокально-лабильные глаголы, но, по-видимому, их совсем немного. Всего в наших материалах их встретилось четыре: *súnbu* ‘целовать(ся)’; *kèlɛ* ‘ссориться / задирать кого-л’; *majàatígi* ‘дружить / заводить дружбу с кем-л’; *swɛ́ndi* ‘шептать(ся)’. Они имеют интранзитивное употребление с реципрокальным значением (18б, 19б) и транзитивное употребление с переходным значением (18а, 19а):

(18а) *Séɛku bi Fánta swɛ́ndi-la fɛ̃n nà.*
Секу IPFV Фанта шептать-IPFV вещь LOC
‘Секу что-то шепчет Фанте’.

(18б) *Séɛku nin Fánta bi swɛ́ndi-la.*
Секу и Фанта IPFV шептать-IPFV
‘Секу с Фантой шепчутся’.

(19а) *Úmu bi Fánta kèlɛ-la.*
Уму IPFV Фанта ссориться-IPFV
‘Уму провоцирует Фанту на ссору’ (Уму задирает Фанту).

(19б) *Úmu nin Fánta bi kèlɛ-la.*
Уму и Фанта IPFV ссориться-IPFV
‘Уму с Фантой ссорятся’.

Непереходным реципрокальным конструкциям синонимичны конструкции, в которых в позиции прямого дополнения находится местоимение *ɲɔ́gɔn* ‘друг друга’ или же личное местоимение в сочетании с *ɲɔ́gɔn*, например:

(20) *Fánta nin Séɛ́ku bati (anu) ɲɔ́gɔn súnbu.*
Фанта и Секу PRF (3PL) друг.друга целовать
‘Фанта и Секу поцеловали друг друга’.

Инхоативная лабильность

Инхоативная (или декаузативная) лабильность – это такой тип лабильности, при котором переходное и непереходное употребления глагола соотносятся как ситуация P и каузатив от P. При этом типе соотношение двух употреблений глаголов в одних случаях можно рассматривать как добавление семантики каузации, т. е. соотносить с каузативом, например, фр. *sortir* ‘выходить’ → ‘вынимать’, а в других случаях исходным может считаться переходное употребление глагола, и тогда соотношение между употреблениями следует считать декаузативной деривацией, например, англ. *spill* ‘разлить’ → *spill* ‘разлиться’. Но важно отметить, что такое описание – это отчасти условность. Очень часто встречаются случаи, когда невозможно установить исходное и производное употребления, потому что они равноправны, и, следовательно, далеко не всегда правомерно соотносить такую лабильность с деривацией. Например, непонятно, какое употребление следует считать исходным при глаголе *melt* ‘плавить(ся)’.

Здесь действуют те же ограничения, что и при образовании морфологического декаузатива от переходного глагола. Они сводятся к тому, что лексическая семантика переходного глагола может препятствовать удалению семантики каузации. М. Хаспельмат считает, что основной элемент, препятствующий образованию декаузатива – это наличие в лексической семантике глаголов, ориентированных на исполнителя, “agent-oriented meaning components” [Haspelmath 1993: 93]. Именно этим он объясняет неспособность глагола *cut* ‘резать’, в отличие от близкого по значению глагола *tear* ‘рвать(ся)’, иметь непереходное употребление – в его семантике есть значение способа действия, и оно ориентировано на агенс и не может быть удалено:

(21) a. *The girl tore her pants*
b. *The pants tore*.

(22) a. *The tailor cut the cloth.*
b. **The cloth cut* [Haspelmath 1993: 93].

А. Б. Летучий полагает, что само наличие таких компонентов не всегда препятствует образованию декаузатива: «Агентивно-ориентированные компоненты в значительной мере являются лингвоспецифичными и не всегда объясняют сочетаемость глагола. Существенно, что переходный и непереходный член пары должны быть сходны по семантике – хотя, в принципе, агентивно-ориентированный компонент может уничтожаться, он не должен быть основным и единственным компонентом значения глагола».

Обобщая, можно сказать, что важным условием для возникновения такого типа лабильности является относительная незначительность для семантики ситуации, обозначаемой глаголом, того элемента, который может удаляться из значения или, по крайней мере, отодвигаться на периферию – каузатора и семантики каузации, и, кроме того, встроенность в лексическую семантику глаголов элементов, ориентированных на агенса. В центре значения ситуации должно быть то, что происходит с пациентивным участником.

В какабе в качестве иллюстрации данного типа лабильности можно привести, например, следующие глаголы: *fárа* ‘рвать(ся)’; *fàga* ‘убивать / умирать’; *bàrabara* ‘варить(ся)’; *bìntan* ‘гореть / жечь’; *tágun* ‘закрывать(ся)’; *láka* ‘открывать(ся)’; *tíɲa (tíɲan)* ‘ломать(ся)’.

Пассивная лабильность

Наконец, рассмотрим последний оставшийся диатетический тип лабильности – пассивную лабильность. Здесь на первый план выступает различие между двумя группами диалектов, о которых говорилось во вступлении (юго-восточных и северо-западных). Все рассмотренные выше типы вариативности в выражении аргументной структуры, и, в частности, типы лабильности, встречаются в обеих группах диалектов. Что же касается пассивной лабильности, то она обнаружилась только в юго-восточных диалектах. В северо-западных диалектах пассивная лабильность невозможна, зато есть морфологический пассив:

(23а) *Séɛ́ku bati yégɛ bìta.*
Секу PRF рыба поймать
‘Секу поймал рыбу’.

(23б) *Yégɛ bati bìta-ma Sɛɛku bolo.*
рыба PRF поймать-PASS Секу к
‘Рыба была поймана Секу’.

Сам по себе факт наличия пассива в языке манде представляется довольно неожиданным: на данный момент, помимо этих диалектов какабе, морфологический пассив в манде не засвидетельствован. Напротив, пассивная лабильность – явление для семьи манде обычное.

При пассивной лабильности употребления глагола не различаются по семантике – хотя агенс в одном из употреблений может быть не выражен, он присутствует на семантическом уровне.

(24а) *Wùléè bati Séɛku kín.*
собака.ART PRF Секу укусить
‘Собака укусила Секу’.

(24б) *Séɛku bati kín.*
Секу PRF укусить
‘Секу был укушен’.

(25а) *Fánta bi Séɛku kéle-la.*
Фанта IPFV Секу звать-IPFV
‘Фанта зовет Секу’.

(25б) *Séɛku bi kéle-la.*
Секу IPFV звать-IPFV
‘Секу зовут’.

В отличие от морфологического пассива в северо-западных диалектах, где, как показано в примере (23б), агентивное дополнение можно выразить при помощи послелога *bolo*, при пассивной лабильности в юго-восточных диалектах выражение агентивного дополнения невозможно.

Лабильность такого типа почти не знает исключений среди переходных глаголов, она нисколько не зависит от семантики глагола, для нее важна только синтаксическая переходность. Так, например, допустимо непереходное употребление и от таких глаголов, как *jàatígi* ‘дружить’; *mɛ́n* ‘слышать’, которые обладают очень низкой семантической переходностью:

(26а) *N bati sɔ́nkɛ̀ mɛ́n tárawɔɛ̀ là.*
1SG PRF шум.ART слышать дорога.ART LOC
‘Я услышал шум на улице’.

(26б) *Sɔ́nkɛ̀ bati mɛ́n tárawɔɛ̀ là.*
шум.ART PRF слышать дорога.ART LOC
‘На улице был услышан шум’.

Пассивная лабильность допустима также и от морфологического каузатива, например:

(27а) *Séɛku bati Músa la-fára lɔ́gɛ̀ là.*
Секу PRF Муса CAUS-рубить дерево.ART LOC
‘Секу заставил Мусу нарубить дров’.

(27б) *Músa bati la-fára lɔ́gɛ̀ là.*
Муса PRF CAUS-рубить дерево.ART LOC
‘Мусу заставили нарубить дров’.

(28а) *N kɔ̀tɛ́ɛ̀ bati Músa la-jɔ́nbaya*
1SG брат.ART PRF Муса CAUS-жениться
Áysa là.
Айса LOC
‘Мой брат заставил Мусу жениться на Айсе’.

(28б) *Músa bati la-jɔ́nbaya Áysa là.*
Муса PRF CAUS-жениться Айса LOC
‘Мусу заставили жениться на Айсе’.

Пассивная лабильность не запрещена даже в тех случаях, когда при исходном непереходном (или рефлексивном) глаголе в позицию прямого дополнения вводится обстоятельство времени. Таким образом, в результате немаркированной пассивизации получается конструкция, в которой в позиции подлежащего находится бывший сирконстант, например:

(29а) *Séɛku bati lér kélen kúma Fánta fɛ̀.*
Секу PRF час один говорить Фанта с
‘Секу разговаривал с Фантой час’.

(29б) *Lɛ́r kélen bati kúma.*
час один PRF говорить
‘В течение часа разговаривали’.

(30а) *Séɛku bati lér kélen bòri.*
Секу PRF час один бежать
‘Секу бежал час’.

(30б) *Lér kélen bati bòri.*
час один PRF бежать
‘Бежали в течение часа’.

Эти примеры свидетельствуют о том, что для пассивной лабильности совершенно не важны семантические свойства глагола – принимается в расчет только синтаксическая переходность конструкции. В связи с этим можно предположить, что пассивная лабильность в какабе действует на уровне всей конструкции, а не на уровне глагольной словоформы.

Из сказанного можно сделать вывод, что пассивная лабильность в какабе имеет более широкую сферу употребления, чем, например, пассив в русском языке, где обстоятельство времени может быть оформлено подобно прямому дополнению, однако такая конструкция не может подвергаться пассивизации:

(31) *Я бежал три часа – *Три часа было пробегано.*

Такой тип пассивизации допустим в английском языке – что, вероятно, объясняется большей грамматикализованностью английского пассива в целом:

(32) *I ran three hours – Three hours were run* [Google].

Однако пассивизация конструкции с обстоятельством времени, переместившимся в позицию прямого дополнения, все же возможна в какабе не всегда:

(33а) *Kòndéè̀ bati lér kélen wíirɛ bóɲè̀ tɔ̀gɔ́fɛ.*
птица.ART PRF час один лететь дом.ART рядом
‘Птица целый час летала около дома’.

(33б) **Lér kélen bati wíirɛ (bóɲè̀ tɔ̀gɔ́fɛ).*
час один PRF лететь дом.ART рядом
‘(Около дома целый час летали)’.

Оценивая предложение (33б), информант сказал, что оно неправильно, потому что «человек не может летать». Можно предположить, что при пассивизации, в результате которой обстоятельство времени становится подлежащим, требуется агенс с высоким референциальным статусом – личный агенс (по-видимому, такого ограничения не существует для конструкции с обычным

исходным прямым дополнением – см. примеры (24а) и (24б) с глаголом *kín*, где и в непереходной конструкции агенс неличный).

Приведем еще один пример для иллюстрации сказанного. Глагол *páyita* имеет значения а) ‘рыть’, с агенсом-животным, б) ‘обрабатывать землю’ – например, мотыгой. Обстоятельство времени может переместиться в позицию подлежащего только при втором значении, где есть личный агенс:

(34а) *Wùléè bati lér kélen páyita dìnkaà là.*
собака.ART PRF час один скрести яма.ART в
‘Собака целый час рыла землю’.

(34б) **Lér kélen bati páyita dìnkaà là.*
час один PRF скрести яма.ART в

(35а) *N bati lér kélen páyita (kérè là).*
1SG PRF час один скрести мотыга.ART LOC
‘Я целый час обрабатывал землю (мотыгой)’.

(35б) *Lér kélen bati páyita kérè là.*
час один PRF скрести мотыга.ART LOC
‘В течение часа землю обрабатывали мотыгой’.

Итак, в целом пассивная лабильность функционирует как очень регулярная синтаксическая операция – она способна сделать непереходной почти любую конструкцию, которая обладает синтаксической переходностью, и передвинуть в позицию подлежащего любую именную группу, вне зависимости от семантики.

2.4. Пассивная лабильность vs. коммуникативное опущение

Из сказанного выше следует, что пассивная лабильность – это исключительно синтаксическое явление, не связанное ни с какими лексическими свойствами глагола. Это свойство противопоставляет пассивную лабильность всем остальным типам вариативности аргументной структуры, представленным в какабе, которые были рассмотрены выше – все они соотносились с более или менее узким **лексическим** классом глаголов, и, следовательно, ограничивались определенными лексическим параметрами. С другой стороны, регулярность и синтаксичность пассивной лабильности делает ее похожей на PRO-drop и другие виды коммуникативного опущения. Приведем примеры из русского языка, где опущение подлежащего широко распространено:

(36) *Пойду в магазин, куплю хлеб.*

(37) *Заходит он в магазин. Подходит к прилавку и говорит: …*

Здесь также уместна аналогия с так называемым имперсональным пассивом, при котором опускается агентивный участник. Эта трансформация отличается от PRO-drop тем, что при нем всегда подразумевается обобщенно-личный агенс, например: *Его убили бандиты – Его убили.*

Итак, пассивную лабильность в какабе, с одной стороны, и, с другой стороны, PRO-drop и имперсональный пассив объединяет то, что все эти явления связаны с опущением агенса, не подвержены ограничениям лексического свойства и, по-видимому, мотивированы дискурсивными причинами.

Однако на этом сходство заканчивается. Пассивная лабильность в какабе характеризуется свойством, которое делает ее принципиально отличной от PRO-drop и имперсонального пассива.

Для PRO-drop и имперсонального пассива принципиально важно то, что устранение одного участника не влечет за собой изменения синтаксического статуса других участников. Агентивный участник опускается, однако оставшийся пациентивный участник сохраняет свое аккузативное маркирование и не продвигается в позицию подлежащего.

Напротив, при пассивной лабильности пациентивный участник имеет разные синтаксические статусы в зависимости от того, выступает ли он в переходной или в непереходной конструкции. При наличии агентивного участника он оказывается в позиции прямого дополнения, а при его отсутствии – в позиции подлежащего. Это проявляется в том, что в конструкции без агентивного участника предикативный маркер может стоять только **после** бывшего прямого дополнения, которое, следовательно, становится подлежащим:

(38а) *Wùléè* *bati* *Séɛku* *kín.*
собака.ART PRF Секу укусить
‘Собака укусила Секу’.

(38б) *Séɛku* *bati* *kín.*
Секу PRF укусить
‘Секу был укушен’.

(38в) **Bati* *Séɛku* *kín.*

Как показывает Д. Крессельс [2009: 8], в бамана, где тоже есть пассивная лабильность, можно найти еще одно свидетельство, указывающее на то, что при пассивной лабильности меняется синтаксическая конструкция, в которой выступает глагол. Дело в том, что в бамана в перфективе видо-временные показатели различаются для переходных и непереходных конструкций (в переходной конструкции это предикативный маркер *yé*, занимающий позицию после подлежащего, а в непереходной конструкции – суффикс *-ra*, присоединяющийся к корню глагола). В конструкциях с пассивной лабильностью употребляется только показатель непереходной конструкции.

Таким образом, пассивная лабильность принципиально отлична от PRO-drop и имперсонального пассива, хотя и разделяет с ними некоторые свойства. Мы еще вернемся к этому утверждению в следующем разделе, где оно будет иметь принципиальное значение.

2.5. Пассивная лабильность с точки зрения типологии и общего представления о лабильности

Как было показано выше, пассивная лабильность имеет ряд принципиальных отличий от остальных типов лабильности. В типологической литературе, посвященной лабильности, рассматривается в первую очередь тот тип лабильности, который мы, вслед за А. Б. Летучим, называем инхоативной лабильностью, пассивная же лабильность практически никогда не упоминается. Более того, М. Хаспельмат высказывал точку зрения, согласно которой пассивной лабильности как таковой не должно существовать: “I claim that in general passive constructions without passive morphology do not exist” [Haspelmath 1990: 27].

В работе А. Б. Летучего [Летучий 2006], где представлена попытка исчисления всех типов лабильности, пассивная лабильность выделяется как один из возможных типов. Но, вместе с тем, автор все время подчеркивает, что пассивная лабильность имеет маргинальный статус по сравнению с другими типами лабильности. Согласно данным этого автора, пассивная лабильность очень редко встречается в языках мира, при этом он считает такое положение вещей закономерным и подтверждающим его предположения о природе лабильности. По его мнению, переходное и непереходное употребления, закрепленные за одной глагольной

лексемой, должны быть отличны друг от друга по значению – само это отличие является в некотором роде функциональным обоснованием лабильности. При пассивной же лабильности различий на уровне семантики нет или, по крайней мере, они минимальны: на уровне семантики и участники, и отношения между ними сохраняются неизменными.

По данным А. Б. Летучего, пассивная лабильность представлена только в одном ареале – в Африке, где, помимо манде, она засвидетельствована также в кабильском языке и в сонгай[7]. При этом оказывается, что и в кабильском, и в сонгай эта лабильность не является чисто пассивной – употребления лабильных глаголов в этих языках противопоставляются не только переходностью, но и дополнительными семантическими компонентами. В случае с кабильским А. Б. Летучий полагает, что непереходное употребление всегда стативно и, следовательно, отличается от переходного употребления еще и по аспектуальному значению. Таким образом, в этом языке представлена не пассивная лабильность в чистом виде, а пассивно-стативная лабильность [Летучий 2006: 111]. То же самое относится и к языку сонгай – см. [Галямина 2006: 259].

Помимо этого, можно привести пример из английского языка, где представлена потенциально-пассивная лабильность:

(128) *This wine drinks like water* ‘Это вино пьётся, как вода’.
(129) *Novels sell well* ‘Романы хорошо продаются’ [Летучий 2006: 112].

В этом случае лабильность тоже не является чисто пассивной, поскольку переходное и непереходное употребления тоже особым образом противопоставлены на семантическом уровне. А. Б. Летучий описывает это противопоставление следующим образом: «Примеры (128) и (129) содержат модальный компонент (‘романы обладают такими особенностями, что их могут купить и покупают’, ‘вино обладает свойствами, позволяющими его пить’) и также являются стативами – в частности, они не употребляются

[7] В работе упоминаются в этой связи также отдельные языки Азии и Океании, однако, как пишет автор, те явления, которые в них похожи на пассивную лабильность, можно интерпретировать и не как лабильность, поскольку там переходное и непереходное употребления все же различаются по форме [Летучий 2006: 111].

с референцией к конкретному моменту (‘вино было выпито’)» [Летучий 2006: 112].

Итак, оказывается, что из всех случаев, рассматриваемых в работе [Летучий 2006: 111], только в языках манде наблюдается собственно пассивная лабильность. При этом, в то время как за пределами семьи манде данный тип лабильности почти нигде не встречается, внутри этой семьи пассивная лабильность вовсе не редкое явление, она представлена, например, в следующих языках: джаллонке [Lüpke 2007], бамана [Cresseils 2007 & 2009; Vydrine & Coulibaly 1994], манинка [Grégoire 1985]; коранко [Kastenholz 1987]; тиеяхо [Blecke 1996], кла-дан [Макеева, настоящий сборник] и др. Но, по-видимому, не во всех языках манде пассивная лабильность одинаково продуктивна: например, в тиеяхо пассивная лабильность далеко не так распространена, как в бамана, джаллонке, какабе.

Специально вопросу пассивной лабильности посвящена работа А. Коббина [Cobbinah 2008]. Автор обсуждает вопрос о типологическом статусе пассивной лабильности (в его терминологии – немаркированный пассив, morphologisch unmarkiertes Passiv) и приходит к выводу о том, что это вовсе не уникальное явление. Он упоминает следующие языки, за пределами семьи манде, в которых засвидетельствовано наличие пассивной лабильности:

креольские языки: сранан-тонго; ямайский;

коптский язык (< египетская семья < афразийская макросемья);

языки гур (< нигеро-конголезская макросемья): дитаммари, каанса, биали; суппире;

мангарай (< австронезийская семья).

Однако в свете того, что было сказано в связи с работой А. Б. Летучего, важным представляется вопрос о том, насколько чистым случаем является пассивная лабильность в этих языках. Действительно ли речь идет о такой лабильности, при которой к противопоставлению переходного и непереходного употреблений не примешивается дополнительного значения (как это происходит в английским, кабильским и сонгай в упомнятуных выше примерах)? Судя по данным, приводимым в работе А. Коббина, во всех упоминаемых языках имеются разного рода ограничения на лабильность. Приведем эти ограничения:

1) Пассивная лабильность, представленная в перечисленных выше **креольских языках** и в **языках гур** (за исключением языка суппире), ограничена тем, что пассивная интерпретация возможна только при неодушевленном агенсе.

2) В **коптском языке** пассивная лабильность ограничена пассивно-стативными конструкциями.

3) Статус пассивной лабильности в **языке мангарай** вызывает сомнение, поскольку здесь в немаркированных пассивных конструкциях агентивное дополнение не только допустимо, но фактически обязательно – так называемый пассив употребляется гораздо чаще с агентивным дополнением, чем без него. Получается, что такие конструкции ближе к эргативным конструкциям, чем к пассивным.

Весьма показателен в этом отношении язык суппире из семьи гур. Как было сказано выше, в остальных упомянутых языках гур (дитаммари, каанса и биали) тот тип пассивной лабильности, который в них представлен, по-видимому, не является чистым случаем, поскольку немаркированные пассивные конструкции возможны только при неодушевленном агентивном дополнении. Что же касается языка суппире, то там представлена именно пассивная лабильность без подобного рода ограничений. При этом, как пишет автор, суппире, в отличие от других упомянутых языков гур, существует в окружении языков манде, и, возможно, такой тип пассивной лабильности в нем возник именно под их влиянием [Cobbinah 2008: 22].

Итак, мы снова приходим к заключению, согласно которому собственно пассивная лабильность – это явление, которое в чистом виде представлено почти исключительно в языках манде. Вместе с тем, как показано далее в статье, по крайней мере, в какабе пассивная лабильность органично встраивается в общую картину распространения лабильности в глагольной лексике, подчиняясь действию одного параметра, действующего в пределах всего глагольного лексикона и определяющего способность глагола употребляться переходно или непереходно.

2.6. Соотношение декаузативной и пассивной лабильности

Семантическое соотношение между инхоативной и пассивной лабильностью хорошо отображается в названиях, которые использует Д. Крессельс для описания соответствующих явлений в бамана [Creissels 2009]:

P-лабильность, изменяющая аргументную структуру (Argument structure modifying P-lability) – декаузативная / каузативная лабильность, и

P-лабильность, сохраняющая аргументную структуру (argument structure preserving P-lability) – пассивная лабильность.

Из семантической разницы данных двух типов проистекает принципиальное различие их статуса в системе языка. Как было показано, лабильность, сохраняющая аргументную структуру, – это очень регулярное явление, относящееся исключительно к грамматике языка. Наличие такой лабильности у глагола определяется исключительно его синтаксическими, а не лексическими свойствами (или, точнее, даже не его собственной переходностью, а переходностью конструкции). За некоторыми исключениями, пассивная лабильность – это средство детранзитивации практически любой переходной конструкции. Кроме того, для пассивной лабильности не существует проблемы определения исходного и производного употребления: пассивная лабильность – это всегда направленная синтаксическая операция, которая идет от переходного употребления к непереходному.

Напротив, лабильность, изменяющая аргументную структуру, – это скорее лексическое, а не грамматическое явление. Поскольку оно затрагивает семантику события, обозначаемого глаголом, его сочетаемость с глагольной лексемой зависит во многом не только от его синтаксической переходности, но и от его лексической семантики, и в целом такая лабильность распространяется на значительно более узкий класс глаголов. Что касается вопроса о соотношении переходного и непереходного употреблений, в данном случае гораздо труднее определить исходное и производное употребление, и, возможно, следует считать, что они равноправны. Это кажется более удобным еще и потому, что они нередко различаются не только синтаксическим свойством переходности, но и дополнительными компонентами значения, гораздо менее предсказуемыми.

Для наглядности данное сопоставление можно представить в виде следующей таблицы:

	лабильность, изменяющая аргументную структуру (декаузативная / каузативная лабильность)	**лабильность, сохраняющая аргументную структуру** (пассивная лабильность)
статус в системе языка	свойство глагольной лексемы: наличие двух разных значений	относится к грамматике – немаркированная синтаксическая операция
соотношение употреблений	возможно, равноправны	переходное употребление – исходное; непереходное – производное
в чем разница между двумя употреблениями	синтаксическая переходность + разница в семантике	синтаксическая переходность
регулярность	сочетаемость с глаголами определяется их лексическими свойствами	возможно почти в любой переходной конструкции

Из всего сказанного выше следует, что разница между рассматриваемыми типами лабильности имеет большое значение с точки зрения лексикологии и лексикографии. Разные случаи декаузативной / каузативной лабильности необходимо отображать в словаре, тогда как для пассивной лабильности это излишне – вполне достаточно указать переходное значение глагола.

Итак, мы показали, что разница между пассивной и декаузативной / каузативной лабильностью весьма существенна. Однако на практике в некоторых случаях трудно определить, с каким именно типом лабильности мы имеем дело. На наличие такой проблемы в бамана указывает Д. Крессельс [Creissels 2009: 7-9].

С точки зрения соотношения глагольной семантики и типа лабильности, всю глагольную лексику какабе можно представить в виде следующей шкалы. На одном из концов шкалы находятся глаголы, у которых декаузативное значение устанавливается без затруднений: *fára* ‘рвать(ся)’; *fàga* ‘убивать / умирать’; *bìntan* ‘гореть / сжигать’. На противоположном конце шкалы находятся глаголы, для которых удаление агенса из структуры события невозможно и которые, следовательно, могут употребляться непереходно

только в немаркированной пассивной конструкции, например, *mánininka* ‘просить’; *yéyi* ‘продавать’; *sùnbu* ‘целовать’ и т. д. Однако неочевидно, могут ли употребляться декаузативно, например, глаголы *kòo* ‘мыть’ или *bìntan* ‘жарить’. В случае с первым глаголом можно представить ситуацию, в которой что-то моется, например, под дождем. А в случае с глаголом ‘жарить’, с одной стороны, агенс важен, поскольку, по крайней мере, без него не может начаться данный процесс (например, мясо не может поджариться само на жарком солнце), но, с другой стороны, сам процесс протекает без непосредственного участия агенса.

Встает вопрос о том, как именно следует определять декаузативное значение – при какой степени отсутствия агенса в семантике высказывания его можно считать декаузативным. Данный вопрос широко обсуждался в литературе.

М. Хаспельмат полагает, что при декаузативе (anticausative в его терминологии) агенс отсутствует в семантике ситуации: «Главное отличие (декаузатива – *А. В.*) от пассива заключается в том, что при пассиве подразумевается агенс (который часто выражается именной группой в косвенном падеже), в то время как при декаузативе он не подразумевается» [Haspelmath 1993: 33].

Е. В. Падучева считает, что при образовании декаузатива участник, являющийся агенсом в исходной конструкции, совсем не обязательно должен удаляться из семантики ситуации – он может лишь отодвигаться на периферию. Вместе с тем важно, что этот участник, по сути, перестает быть агенсом, поскольку в декаузативной конструкции он уже не контролирует ситуацию и не действует целенаправленно. Таким образом, данный подход, в целом, не противоречит подходу М. Хаспельмата. Сравним два предложения:

Петя разбил чашку.

Петя махнул рукой, чашка упала и разбилась.

В первом предложении Петя является агенсом. Однако нельзя сказать, что этот участник исчезает из значения второго предложения – разница лишь в том, что во втором предложении он уже не является центральным действующим лицом, а является лишь частью события, послужившего причиной того, что чашка разбилась: «Лицо-Агенс заменяется на событие-Каузатор (в результате, глагол переходит из категории действий в категорию происшествий)» [Падучева 2001: 57]. Е. В. Падучева разделяет глаголы на те, которые способны подвергаться деагентивации (т. е. замене

лица-агенса на событие-Каузатор), и те, которые на это неспособны, и, следовательно, не могут образовать декаузатив.

А. Б. Летучий, так же как и Е. В. Падучева, полагает, что удаление на семантическом уровне участника, являющегося агенсом в исходной конструкции, нельзя считать обязательным для образования декаузатива. По его мнению, способность глаголов образовать декаузатив зависит от того, насколько агенс важен для семантики глагола и насколько велик «удельный вес» агентивно-ориентированных компонентов. Например, при глаголе *асфальтировать* эти компоненты составляют очень важную часть семантики и декаузатив образовать невозможно, а при глаголе *тянуть* агентивные компоненты тоже есть, но они менее важны и декаузатив допустим. «Можно сказать, что часто важно не отсутствие агентивно-ориентированных компонентов (по всей вероятности, в какой-то мере они присутствуют в любом переходном глаголе), а важность других компонентов» [Летучий 2006: 71]. При таком подходе получается, что способность глагола образовать декаузатив – это скорее свойство градуального характера, разные глаголы в большей или меньшей степени способны образовать декаузатив. Это позволяет, например, сказать, что глагол *мыть* обладает низкой способностью образовать декаузатив, однако можно представить окказиональное употребление, где он будет выступать в декаузативной конструкции, если агенс не важен – *Посуда уже моется* (пример из [Летучий 2006: 72]).

Из сказанного можно сделать вывод, что разная степень отсутствия внешнего каузатора действия (агенса исходной конструкции) может считаться достаточной, чтобы признать конструкцию декаузативной, а не пассивной. И если в языке используется одно средство и для того, и для другого, то определить, где в данном языке проходит эта граница, довольно трудно. Таким образом, при каждом конкретном глаголе этот вопрос приходится решать отдельно – и это является следствием не недостатков теории, а скорее объясняется природой самого явления.

Итак, мы показали, что пассивная и декаузативная / каузативная лабильность в какабе – это сущностно разные явления, различающиеся по регулярности, соотношению употреблений и т. д. Однако при этом между ними очень трудно провести границу, и в промежуточной зоне приходится отдельно решать вопрос о том, какой перед нами тип лабильности, для каждого глагола.

3. Распространение лабильности в глагольной лексике

В этом разделе мы рассмотрим характер распространения лабильности в системе глагольной лексики в какабе. Как было показано, в какабе выделяется несколько типов лабильности: инхоативная, пассивная, реципрокальная лабильность и А-лабильность. Кроме того, есть также вариативность аргументной структуры, не связанная с меной переходности и не затрагивающая первого участника.

Что касается последнего типа вариативности, то, как уже было сказано, это явление лексического характера, затрагивающее небольшой подкласс глагольных лексем. То же самое можно сказать и о реципрокальной лабильности.

Характер распространения А-лабильности, при которой обстоятельство времени (а иногда – именная группа со значением пути, траектории) помещается в позицию прямого дополнения, не до конца понятен. Такая лабильность возможна при определенных глаголах, обозначающих движение или какой-нибудь другой процесс с одушевленным агенсом, а иногда при глаголах, обозначающих состояние, причем независимо от синтаксического класса глагола – она встречается и при исходных переходных, и при непереходных, и при рефлексивных глаголах. По-видимому, она достаточно продуктивна, однако все же возможна не при всех глаголах, обозначающих процессы. Например, она допустима при непереходном глаголе *kìnnɔ́gɔ* ‘спать’, но недопустима при непереходном глаголе *sìgi* ‘сидеть’. Здесь необходимо дальнейшее исследование.

Что касается пассивной лабильности, то, за редкими исключениями, она распространяется на все синтаксически переходные глаголы, или, точнее, на все переходные конструкции, включая каузативные конструкции и конструкции, ставшие переходными вследствие А-лабильности. Таким образом, ее распространение определяется исключительно синтаксическими критериями.

Наибольший интерес представляет собой вопрос о распространении в глагольной лексике какабе инхоативной лабильности. Анализ этого явления позволит нам выявить важные закономерности устройства глагольного лексикона. Этому и будет посвящена заключительная часть статьи.

Основной интересующий нас вопрос сводится к тому, что представляет из себя класс инхоативно-лабильных глаголов. Сформулируем его в более развернутом виде:

- Насколько распространена каузативная и пассивная лабильность в глагольной лексике какабе?
- какие компоненты лексического значения глаголов определяют их способность обладать лабильностью или, наоборот, препятствуют этому?
- каким образом именно такое распределение лабильности в глагольной лексике соотносится с существующими в рассматриваемом языке маркированными актантными деривациями?

Глаголы какабе можно разделить на три класса в зависимости от того, каким образом соотносятся их переходные и непереходные употребления.

1) **Непереходные глаголы** могут выступать в переходной конструкции только в производной форме – с показателем каузатива, который вносит семантику каузации, например:

(39а) *Jéè* *ba'* *fátɛ.*
вода.ART PRF кипеть
'Вода закипела'.

(39б) *Táà* *bati* *jéè* *la-fátɛ (*fátɛ).*
огонь.ART PRF вода.ART CAUS-кипеть
'Вода закипела на огне' (букв.: 'огонь заставил воду закипеть').

К этому классу стоит отнести и незначительную по размеру группу глаголов **reflexiva tantum** – они также могут употребляться в переходной конструкции только с показателем каузатива, например:

(40а) *Fánta* *b'* *a* *dɔ̀n-na.*
Фанта IPFV 3SG танцевать-IPFV
'Фанта танцует'.

(40б) *Sɛ́ɛku* *bi* *Fánta* *la-dɔ̀n-na (*dɔ̀n-na).*
Секу IPFV Фанта CAUS-танцевать-IPFV
'Секу заставляет Фанту танцевать'.

2) **Каузативно-лабильные глаголы** могут употребляться и в переходной, и в непереходной конструкциях в непроизводной

форме. Непереходное употребление имеет два значения: пассивно-лабильное, при котором подразумевается наличие агенса, и декаузативно-лабильное:

(41а) *Séɛku bati dòrkéè fára.*
Секу PRF рубашка.ART рвать(ся)
‘Секу порвал рубашку’.

(41б) *Dòrkéè bati fára.*
рубашка.ART PRF рвать(ся)
1) ‘Рубашка порвалась’.
2) ‘Рубашка была порвана’.

3) **Переходные глаголы**. К этому классу относятся такие глаголы, как, например, *bànba* ‘нести на спине’, *kára* ‘шить’, *yéyi* ‘продавать’. Для этих глаголов характерна невозможность непереходного употребления с декаузативным прочтением, т. е. удаления агентивного участника на семантическом уровне. Таким образом, в отличие от инхоативных глаголов, они могут обозначать только переходную ситуацию с двумя участниками.

В юго-восточных диалектах глаголы этого класса также могут, в непроизводной форме, употребляться и переходно, и непереходно. Однако в данном случае непереходное употребление не отличается по значению от переходного, разница между ними заключается в том, что один из участников не выражен синтаксически, хотя присутствует на семантическом уровне, например:

(42а) *Fánta bati bàntará bùnten.*
Фанта PRF маниока толочь
‘Фанта истолкла маниоку’.

(42б) *Bàntará bati bùnten.*
маниока PRF толочь
‘Маниоку истолкли’.

В северо-западных диалектах глаголы данного класса в непроизводной форме могут употребляться только в переходной конструкции, в непереходной же конструкции обязателен показатель пассива:

(42в) *Bàntará bati bùnten-ma.*
маниока PRF толочь-PASS
‘Маниоку истолкли’.

3.1. Инхоативно-лабильные vs. непереходные глаголы

Мы уже обсуждали проблему соотношения каузативно-лабильных и переходных глаголов и пришли к выводу, что, с точки зрения глагольной лексики, граница между ними определяется тем, насколько важны в значении лексемы компоненты, ориентированные на агентивного участника.

Остается вопрос о том, как соотносятся инхоативно-лабильные глаголы и непереходные глаголы и можно ли выявить какие-то особые свойства инхоативно-лабильных глагольных лексем, которые позволяют им обладать вариативностью семантической и синтаксической переходности.

Сопоставим класс инхоативно-лабильных и непереходных глаголов по составу их лексем.

Сначала мы опишем состав класса непереходных глаголов, т. е. тех, которые могут употребляться переходно только с показателями каузатива.

1) Глаголы с одушевленным участником.

Среди непереходных глаголов с одушевленным участником можно выделить подгруппы со следующими значениями:

а) неконтролируемые процессы, например: *tɔ̀gɔtɔ́gɔ* ‘кашлять’; *fɔ́ɔfi* ‘дышать’; *yɛ̀rɛyɛrɛ* ‘дрожать’; *jɛ́lɛ* ‘смеяться’;

б) состояния, свойства: *kílan* ‘бояться’; *kɔ̀ri* ‘уставать, быть усталым’; *kìnnɔ́gɔ* ‘спать’; *mákun* ‘молчать’; *lájɛ* ‘хромать, быть хромым’;

в) глаголы движения и другие контролируемые процессы (агентивные непереходные глаголы), например: *sàli* ‘молиться’; *kúlɛ* ‘кричать’; *gbán* ‘прыгать’; *dòn* ‘входить’; *jìgi* ‘спускаться’; *yèlɛ* ‘подниматься’; *wíirɛ* ‘летать’.

Кроме того, среди глаголов с одушевленным участником, обозначающих агентивное действие, встречаются глаголы reflexiva tantum. При таких глаголах введение семантики каузации тоже обязательно маркируется показателем каузатива. Примеры: *bòri* ‘бежать’; *búnban* ‘плавать (активно)’; *kɔ̀mafɛlɛ* ‘оглядываться назад’; *tágaman* ‘гулять’; *tùngan* ‘опираться, стоять опершись’; *wùllitɛ* ‘жаловаться’; *míjitɛ* ‘размышлять’.

2) Непереходные глаголы с неодушевленными участниками:

а) внутренне каузируемые процессы, например: *dɛ́n* ‘давать плоды’; *fɛ́tɛn* ‘расти (о растениях)’; *ŋáɲa* ‘припекать (о солнце)’; *mɔ̀ɔ* ‘зреть’; *yìti* ‘распухать, быть распухшим’;

б) свойства или приобретение свойств, например: *kúɲɛ* ‘вонять’; *lúggɛ* ‘быть глубоким’; *wútuya* ‘быть коротким / становиться коротким’; *múlun* ‘быть похожим’;

в) процессы и вхождение в состояние, например: *bìta* ‘загораться’; *gbála* ‘сохнуть’; *yɔ́ɔsi* ‘плавиться’; *yɔ́ɔli* ‘тонуть’; *fáa* ‘наполняться’; *sàa* ‘гаснуть’; *ɲígin* ‘быть / становиться мокрым’; *fátɛ* ‘кипеть’ и др.

Теперь рассмотрим состав класса инхоативно-лабильных глаголов; их список представлен ниже:

	значение непереходного употребления	**значение непереходного употребления**
bìntan	гореть / жариться	сжигать / жарить
dìnbi	трястись (только о неодушевленном предмете)	дергать, трясти
fára	рваться	рвать
tíɲa	ломаться / портиться	ломать / портить
láka	открываться	открывать
tàgun	закрываться	закрывать
fìrifiri	качаться, кружиться (только о неодуш. предмете)	качать, кружить
bàrabara	вариться	варить
fɔ́lɔ	начинаться	начинать
bán	заканчиваться	заканчивать
fɛ́ɛ	дуть (о ветре)	выдувать (воздух)
dɛ̀n	собираться, объединяться	собирать
kàfu	соединяться	соединять
fátan	расходиться, разделяться	разделять
fàga	умирать	убивать
tóo	оставаться	оставлять
bɔ́ɔ	выходить	вынимать

Судя по данному списку, инхоативно-лабильные глаголы обозначают только процессы или вхождения в состояния.

Сравним это с теми значениями, которые в какабе выражаются непереходными нелабильными глаголами:

событие с одушевленным участником	**событие с неодушевленным участником**
неконтролируемые процессы	внутренне каузируемые процессы
состояния, свойства	свойство или приобретение свойства
агентивные процессы	процессы и вхождение в состояние

Итак, глаголы, обозначающие неконтролируемые процессы с одушевленным участником, внутренне каузируемые процессы, глаголы, обозначающие свойства или приобретение свойств, а также состояния с одушевленным участником, в какабе могут быть только непереходными.

Агентивные процессы с одушевленными участниками также требуют присоединения показателя каузатива в переходном употреблении и, таким образом, не являются лабильными. Исключением являются лишь лабильные глаголы *kàfu* ‘соединять(ся)’; *dèn* ‘собирать(ся)’ и *fǎtan* ‘разделять(ся)’. Показательно, например, то, что глагол *bɔ́ɔ* ‘выходить / вынимать’, хотя и является лабильным, в переходном употреблении без показателя каузатива может обозначать только воздействие на неодушевленного участника, а при значении ‘каузировать выйти (кого-л.)’ обязательно добавление показателя каузатива.

Как непереходными нелабильными, так и инхоативно лабильными в какабе могут быть глаголы, обозначающие процессы (не внутренне каузируемые) и вхождения в состояние с неодушевленным участником (и это обозначено в таблице темно-серым цветом). Например *gbála* ‘сохнуть’ является непереходным нелабильными глаголом, а *bàrabara* ‘варить(ся)’ – инхоативно-лабильным.

Глаголы можно упорядочить по признаку того, насколько для событий, которые они обозначают, типично происходить спонтанно или, наоборот, под воздействием внешнего каузатора. В работе В. П. Недялкова [1969] было замечено, что существуют определенные закономерности в отношении распределения маркированного каузатива и маркированного декаузатива относительно событий с разной семантикой. События, которые прототипически являются спонтанными, чаще всего обозначаются не-

переходной глагольной лексемой, а добавление каузатора маркируется специальным каузативным показателем, и наоборот, если событие менее спонтанно и чаще происходит в результате действий человека, то оно скорее будет обозначаться переходным глаголом, от которого непереходная форма образуется с помощью показателя декаузатива.

Таким образом, соблюдается принцип немаркированности того, что более типично.

Шкала самопрозвольности, предложенная В. П. Недялковым [1969], выглядит следующим образом:

laugh > melt > close > wash

Вероятность самопроизвольности события уменьшается к правому концу шкалы.

Если рассмотреть с этой точки зрения соотношение непереходных и инхоативно-лабильных глаголов в какабе, то окажется, что более самопроизвольные события обозначаются непереходными глаголами, а менее самопроизвольные – лабильными.

В работе [Haspelmath 1993] представлена попытка расположить на шкале самопроизвольности глагольные значения из так называемой «зоны семантической лабильности». К этой зоне относятся такие события, которые могут быть представлены и как происходящие только с Р-участником (инхоативное значение), и как происходящее с двумя участниками (каузативное значение). М. Хаспельмат сделал выборку из 31 пары значений, в которых одно значение обозначает событие только с пациентивным участником, а второе значение обозначает то же событие с двумя участниками, и рассмотрел на материале 21 языка, какой тип выражения более частотен для каждой из пары. В результате анализа данных он расположил эти пары в соответствии с тем, насколько частотно для каждой из них немаркированное выражение инхоативного члена (событие с одним участником), или, наоборот, немаркированное выражение каузативного члена пары, например, *раскалывать* (немаркированная форма) – *раскалываться* (непереходность маркирована декаузативной деривацией). Как полагает М. Хаспельмат, увеличение частотности немаркированного каузативного значения коррелирует с уменьшением вероятности самопроизвольности события.

В Таблице 3 в первой колонке приведены пары глагольных значений, расположенные по результатам анализа М. Хаспельмата в порядке убывания самопроизвольности [Haspelmath 1993: 104]. В остальных колонках представлены глаголы с соответствующими значениями по данным опроса информантов из разных деревень, названия которых даны в верхней строке. Буква «**L**» перед глаголом обозначает его принадлежность к классу лабильных глаголов, отсутствие помет – то, что глагол может употребляться только непереходно.[8]

Таблица 3. Шкала самопроизвольности и распространение лабильности в диалектах какабе

	Сокоторо	Вуре-Каба	Бория	Насуру-лаи	Гумбамбе
кипеть – кипятить	fátɛ	fátɛ	fátɛ	fátɛ	fátɛ
замерзать – замораживать	kíma	kíma	kíma	kíma	kíma
сохнуть – сушить	gbála	gbála	gbála	gbála	gbála
просыпаться – будить	wúli	kúnɛn	kúnɛn	kúnɛn	kúnɛn
гаснуть – гасить	sàa	sàa	dúfen	dúfen	dúfen, kìnnɔ́gɔ
тонуть – топить	yɔ́ɔli	L mamin	L súu	L súu	yɔ́ɔli, L súu
учиться – учить	dègen	karan	dègen	dègen	karan / dègen
плавить(ся)	yɔ́ɔsi	lèɛ	taayɛ	taayɛ	táayɛ, lèɛ, yóosi
останавливать(ся)	sɔ̀ɔ	lɔ̀ɔ	sɔ̀ɔ	sɔ̀ɔ	sɔ̀ɔ
поворачивать(ся)	tígilɛn	L tintan	tígilɛn	tígilɛn	tígilɛn
растворять(ся)	ɲígin	ɲígin	ɲígin	ɲígin	yóositɛ
гореть – жечь	bìta	mɛlɛn	bìta	bìta	bìta, mɛ́lɛn

[8] К сожалению, при опросе информантов не всегда удавалось получить глагол для той или иной пары значений. Отсутствие глагола обозначено прочерком.

	Сокоторо	Вуре-Каба	Бория	Насуру-лаи	Гумбамбе
гореть – жечь	L bìntan	L bìntan	L bìntan	L bìntan	L bìntan
разрушать(ся)	bɔ̀yi	bɔ̀yi	bɔ̀yi	bɔ̀yi	bɔ̀yi
наполнять(ся)	fáa	fáa	fáa	fáa	fáa
заканчивать(ся)	L bán	L bán	L bán	L bán	L bán
начинать(ся)	L fɔ́lɔ	L fɔ́lɔ	L fɔ́lɔ	L fɔ́lɔ	L fɔ́lɔ
покрывать собой (что чем)	L súumɛ	L laa	saa		L fɔ́nti
катить(ся)	kùdukúdu	kùdukúdu	tallɛ	L kùdukúdu	gòrogoro, wìrindi, L tallɛ
развивать(ся)	wúli	sabati	wúli	wúli	wúli
терять(ся)	sàma	sàma	sàma	sàma	sàma
поднимать(ся)	yèlɛ	yèlɛ	yèlɛ	yèlɛ	yèlɛ
улучшать(ся)	kɛ̀ŋniya	L takoliya	–	–	kɛ̀ŋniya
качать(ся)	L fìrifiri	L lamaka	L lamaga	L lamaga	L dinbi
соединять(ся)	L kàfu	L naran	L naran	L naran	naran, L bɛn
менять(ся)	L yèlɛmán	L yèlɛmán	–	L falɛn	L yèlɛmán, L falɛn
собирать(ся)	L dɛ̀n	L madɛn	L mɛ́dɛn	L mɛdɛn	L mɛ́dɛn
открывать(ся)	L láka	L láka	L láka	L láka	L láka
ломать(ся)	L tíŋna	L tíŋna	L tíŋna	L tíŋna	L tíŋna
закрывать(ся)	L tàgun	L látàkun	L tàgun	L tàgun	L tàgun
раскалывать(ся)	L tèe	L fara, L tee	L tèe	L fara	L tèe
умирать – убивать	L fàga	L fàka	L fàga	L fàga	L fàga

Судя по данной таблице, распределение лабильных и нелабильных непереходных глаголов в какабе довольно хорошо соответствует шкале самопроизвольности на том конце, где распола-

гаются наиболее самопроизвольные события, сконцентрированы непереходные глаголы, а на противоположном конце – лабильные глаголы. В середине же шкалы есть как лабильные, так и нелабильные глаголы, при этом именно в этой части шкалы наблюдаются расхождения во мнениях среди информантов.

Такой характер влияния параметра самопроизвольности события подтверждается и на том варианте шкалы, который приводится в работе Е. А. Лютиковой [2002: 4] (курсивом выделены те значения, которые выражаются в какабе лабильными глаголами, остальные значения кодируются непереходными глаголами):

замерзать-сохнуть-таять-гореть-наполняться-
качаться-собираться-открываться-ломаться-сыпаться

Здесь стоит сделать одно уточнение: шкале не соответствует тот факт, что в какабе есть глагол *bìntan* со значением ‘гореть / жечь’, который является лабильным, в то время как глагол *fǎa* ‘наполняться’, располагающийся на шкале правее, лабильным не является, вследствие чего распространение лабильности оказывается прерывным. Но, с другой стороны, в какабе есть еще один глагол для выражения значения ‘загораться’ – глагол *bìta*, и он, в отличие от *bìntan*, в исходной форме может употребляться только непереходно. Кроме того, возможно, неслучайно то, что глагол *bìntan* помимо значения ‘гореть / жечь’ может также иметь значения ‘жарить / жариться’, которые на шкале самопроизвольности должны располагаться довольно близко к правому краю, поскольку в них заложена семантика, ориентированная на агенс – процесс жарки всегда инициируется человеком. Таким образом, если учитывать только глагол *bìta,* который оказывается более чистым случаем, то распространение все же остается непрерывным.

3.2. Лабильность в системе языка и шкала самопроизвольности

Шкала самопроизвольности оказывается релевантной для всего объема глагольной лексики какабе. Три класса, которые были выделены в начале первого раздела, – непереходные глаголы, лабильные глаголы и переходные глаголы – соответствуют трем степеням вероятности самопроизвольности события:

1) непереходные глаголы – события, которые всегда или чаще всего происходят самопроизвольно. Как было показано, к ним относятся следующие типы событий: неконтролируемые процессы, внутренне каузируемые процессы, состояния и свойства оду-

шевленных участников, свойства или приобретение свойств у неодушевленных участников. Кроме того, агентивные непереходные процессы с одушевленным участником тоже почти не выражаются лабильными глаголами. Все перечисленные типы значений характеризуют события, которые могут быть только самопроизвольными. Помимо этого, к непереходным относятся глаголы, обозначающие события, которые возможны и с внешним каузатором, но чаще происходят без него;

2) лабильные глаголы – те события из «семантической зоны лабильности», для которых более вероятно происходить несамопроизвольно;

3) переходные глаголы – события, которые происходят только при участии второго участника.

Таблица 4.

возрастание вероятности самопроизвольности события ←

- только самопроизвольные события; - более самопроизвольные события из зоны «семантической лабильности»	менее самопроизвольные события из зоны «семантической лабильности»	только несамопроизвольные события
непереходные нелабильные глаголы	инхоативно-лабильные глаголы	переходные глаголы

Разумеется, с помощью понятия самопроизвольности невозможно объяснить каждый случай – например, остается непонятным, почему глагол *bɔ́ɔ* ‘выходить / вынимать (что-л.)’ является лабильным, а, например, для того, чтобы образовать переходное употребление со значением ‘опускать (что-л.)’ от глагола *jìgi* ‘спускаться’, необходимо присоединить показатель каузатива. Однако, как было показано, влияние параметра самопроизвольности оказывается довольно значительным.

Интересно, что, как отмечает А. Б. Летучий, шкала самопроизвольности может в разных языках действовать по-разному в отношении распределения лабильности по лексемам. Так, например, во французском лабильные глаголы группируются скорее на левом конце шкалы: *geler* ‘мёрзнуть/замораживать’, *brûler* ‘го-

реть/жечь’, *fondre* ‘таять/растапливать’, *sécher* ‘сохнуть/сушить’ [Летучий 2006: 79].

Лабильность во французском распространяется и на глаголы, обозначающие самопроизвольное события, и за пределы семантической зоны лабильности – лабильными являются такие глаголы, как *sortir* ‘выходить/вынимать’, *monter* ‘поднимать(ся)’, *descendre* ‘спускать(ся)’, которые в непереходном употреблении обозначают действие, происходящее всегда без внешнего каузатора. Кроме того, во французском лабильными являются отадъективные глаголы, обозначающие признак или свойство, например, *noircir* ‘чернеть, чернить’, *rougir* ‘краснеть, делать красным’, которые в непереходном употреблении обозначают событие с высокой степенью вероятности самопроизвольности.

Таким образом, во французском языке наблюдается ситуация во многом зеркальная по отношению к тому, что представлено в какабе.

Логично предположить, что действие шкалы самопроизвольности зависит, в частности, от общего устройства системы языка – от наличия в нем маркированных дериваций: «Естественно считать, что лабильность развита больше, если она не конкурирует при данной лексеме ни с одним средством выражения деривации: в этом случае она как бы занимает место грамматического показателя» [Летучий 2006: 79].

Так, например, во французском концентрация лабильности на левом конце шкалы самопроизвольности отчасти объясняется тем фактом, что в нем есть маркированная понижающая деривация – декаузатив, с помощью которого образуются непереходные формы от глаголов, обозначающих события с большей степенью вероятности самопроизвольности.

В какабе наблюдается обратная ситуация. Здесь есть продуктивный показатель каузатива, и с его помощью образуются переходные глаголы, обозначающие более самопроизвольные действия. В юго-восточных диалектах остальная часть глагольной лексики – это лабильные глаголы. В северо-западных диалектах лабильными являются те глаголы из сферы семантической лабильности, которые обозначают менее самопроизвольные действия, а для того, чтобы, напротив, образовать непереходную форму от глагола, который обозначает действие с двумя участниками, используется морфологический пассив.

Выводы

В какабе очень широко распространено морфологически немаркированное варьирование переходности глагола. В то время как А-лабильность скорее нехарактерна для какабе – в отличие, например, от русского или английского – Р-лабильность характеризует очень значительную часть глагольных лексем. В отношении лабильности существенным оказывается различие между двумя группами диалектов какабе: юго-восточными и северо-западными. Для первой группы следует выделять два основных типа лабильности: инхоативную и пассивную.

Пассивной лабильностью в юго-восточных диалектах обладают практически все переходные глаголы. По сути, такая лабильность очень близка к коммуникативному или синтаксическому опущению, представленному во многих эргативных языках. Однако в какабе данное явление нельзя рассматривать как опущение, поскольку при образовании непереходной конструкции исходный прямой объект занимает позицию подлежащего. Такая лабильность представляет собой нетипичный случай с точки зрения типологии языков – по-видимому, в чистом виде она представлена почти исключительно в языках манде. Однако анализ лабильности в какабе показывает, что пассивная лабильность хорошо встраивается в систему языка, являясь продолжением инхоативной лабильности в той части глагольной лексики, где удаление второго участника из семантики ситуации, обозначаемой глаголом, уже невозможно. Что касается северо-западных диалектов, то здесь нет пассивной лабильности, но зато есть морфологический показатель пассива.

Инхоативная лабильность одинаково представлена в двух рассматриваемых группах диалектов. Инхоативно-лабильные глаголы имеют два употребления, которые различаются на семантическом уровне наличием или отсутствием агенса, и поэтому лабильность невозможна при тех переходных глаголах, в лексической семантике которых важны агентивно-ориентированные компоненты. С другой стороны, в какабе есть класс глаголов, которые в непроизводной форме могут употребляться только непереходно. Как оказалось, распространение в какабе инхоативной лабильности определяется семантическим параметром самопроизвольности ситуации. Глаголы, обозначающие события, которые чаще всего проис-

ходят без воздействия внешнего каузатора, при употреблении в переходной конструкции требуют присоединения каузативного показателя и, следовательно, не являются лабильными. Напротив, глаголы, обозначающие события, которые чаще всего происходят под воздействием внешнего каузатора, могут употребляться в непроизводной форме и переходно, и непереходно.

Получается, что в юго-восточных диалектах пассивная лабильность занимает правую часть шкалы самопроизвольности (т. е. ту ее часть, где расположены события, которые никогда не происходят спонтанно), декаузативная лабильность – среднюю часть шкалы (где расположены события, которые могут происходить спонтанно, но чаще происходят под воздействием агенса), а левую часть занимают нелабильные непереходные глаголы. Именно такое влияние шкалы самопроизвольности на распределение лабильности, вероятно, связано с тем, что в какабе достаточно продуктивна маркированная повышающая деривация, которой является каузатив. Такая же картина наблюдается и в северо-западных диалектах – с той разницей, что переходные глаголы, находящиеся в правой части шкалы самопроизвольности, не являются лабильными и могут употребляться непереходно только с морфологическим показателем пассива.

Список сокращений

ART – референциальный артикль
CAUS – каузатив
IPFV – имперфектив
LOC – локатив
PL – множественное число
POSS – посессивная связка
PRF – перфект
REFL – рефлексив
SG – единственное число

Литература

Галямина Ю. Е. Транзитивность, залог и лексическая семантика глагола. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. РГГУ, М., 2006.

Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. РГГУ, М., 2006.

Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов // Вопросы языкознания, 4, 2009. С. 41–70.

Лютикова Е. А. Каузативы, декаузативы и лабильные глаголы в дагестанских языках: опыт типологии в пределах языковой группы. Материалы к докладу на XI коллоквиуме Европейского общества кавказоведов. М., 2002.

Макеева Н. В. Лабильность и актантная деривация в языке кла-дан // Настоящий сборник.

Недялков В. П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Вардуль И. Ф. (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969. С. 106–114.

Blecke, T. 1996. Lexikalische Kategorien und grammatische Strukturen im Tigemaxo. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

Cobbinah A. Das morphologish unmarkierte Passiv. Typologische Untersuchungen am Beispiel des Bambara. Magisterarbeit. Köln, 2007.

Creissels, D. P-lability and radical P-alignment. Paper presented at the workshop ‘Typology of labile verbs: Focus on Diachrony’. Aristotle University of Thessaloniki, 2009.

Grégoire C. L’expression du passif en maninka // Didier L. Goyvaerts (éd.). *African Linguistics. Essays in memory of M. W. K. Semikenke. Studies in the Sciences of Language Series, Vol. 6.* Amsterdam – Philadelphia, 1985. P. 189–208.

Haspelmath M. More on the typology of inchoative / causative verb alternations // Comrie B. and Polinsky M. (eds.). Causatives and Transitivity. Amsterdam/Philadelphia, 1993. P. 87–120.

Haspelmath M. The grammaticization of passive morphology // Studies in Language 14, 1, 1990. P. 25–72.

Kastenholz R. Das Koranko. Ein Beitrag zur Erforschung der Nord-Mande-Sprachen. Dissertation. Köln, 1987.

Lüpke F. Vanishing voice – the morphologically zero-coded passive of Jalonke // Linguistische Berichte, Sonderheft 14, 2007. P. 173–191.

Vydrine V. F., Coulibaly A. D. Verbes réfléchis bambara. Première partie (Pronoms réfléchis. Groupements sémantico-syntaxiques des verbes non-réfléchies) // Mandenkan, 28, 1994.

Н. В. Макеева

ЛАБИЛЬНОСТЬ И АКТАНТНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ЯЗЫКЕ КЛА-ДАН[1]

0. Основные сведения о языке кла-дан

0.1. Кла-дан является одним из южных языков манде, входящих в семью манде нигеро-конголезской макросемьи. Наиболее близкородственными языку кла-дан являются дан-гуэта и дан-бло, называемые также «восточный якуба» и «западный якуба» соответственно. Помимо языков и диалектов, входящих в макроязык дан, к южным манде относятся также гуро, яурэ, тура, муан, уан, гбан и др. Язык кла-дан локализуется к западу от г. Туба – в супрефектуре Уанину, прилегающей к гвинейской границе, и нескольких деревнях на территории Гвинеи.

0.2. В целях дальнейшего описания необходимо кратко изложить основные синтаксические сведения о языке кла-дан. Базовым порядком слов в глагольном предложении является

(S –) Aux – DO – V (– IO pp) при переходном глаголе (1), и

(S –) Aux – V (– IO pp) при непереходном глаголе (2, 3),

где S – подлежащее (в частном случае нулевое), Aux – МПП, V – глагольное сказуемое, DO – прямое дополнение, IO – косвенное дополнение, pp – послелог.

(1) *Ɓɔ̀ɔ̀ ɓɪ̀̃ lʊ̀̃ wà bʊ́ʊ́ kpésɛ̀ sɛ́ ká.*
охота человек.REF PL 3PL.PRF лес портить огонь с
‘Браконьеры испортили лес поджогами’ (букв. «огнём»).

---

[1] Материалы для данной работы были собраны в ходе ежегодной экспедиции в республику Кот-д’Ивуар и Гвинею, организованной в рамках проекта “Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов”, при поддержке Российского Государственного Научного Фонда (грант № 08-04-00144а). Данные получены в результате работы с Кпосо Саи Бамба, родившимся в деревне Кпо 1 и проживающим в настоящее время в г. Ман.

(2) *Zã̌ ɓà ɓɔ̰ɓíí yà kpésɛ̀.*
Зан POSS автомобиль 3SG.PRF портиться
‘Машина Зана испорчена’.

(3) *Lìãŋ̀ lṳ̀ wɔ̀ lṳ̀ sàŋ́wɔ̀ lṳ̀ ká.*
гость PL 3PL.EXI приходить.NTR новость PL с
‘Гости приносят новости’.

При любом типе глагольной конструкции – переходной (4) и непереходной (5) – подлежащее может отсутствовать:

(4) *Yà à kpɛ̃ɛ̃ŋ́ flɔ̀ɔ̀.*
3SG.PRF 3SG.REFL щека надувать
‘Он надул свои щёки’.

(5) *Yà flɔ̀ɔ̀ ŋ̀ ɓã̰.*
3SG.PRF дуться 1SG.NSBJ на
‘Он надулся на меня’.

В генитивной синтагме определяющее имя предшествует определяемому (6), (7), а в адъективной синтагме прилагательное, числительное или герундий следует за определяемым существительным (8):

(6) *pɤ́ lùùtíì̀*
деревня вождь
‘вождь деревни’,

(7) *à̀ gɔ̰̀ ɓà̀ sɔ̀*
3SG.NSBJ муж POSS одежда
‘одежда её мужа’,

(8) *ɓɛ̰̃ɛ̰̃ gbàŋ̀ dò wáàlṳ̀-sùù*
змея большой один лежать-NMLZ
‘одна большая лежащая змея’.

1. Лабильность в языке кла-дан

В нашей работе мы будем опираться на понимание лабильности, представленное в работе [Летучий 2006: 17]:

«“Канонически лабильным” называется глагол, отвечающий нескольким требованиям:

(1) Он имеет и переходную, и непереходную модели управления.

(2) Свойства субъекта или семантика ситуации при этих моделях управления различаются.

(3) Свойствами (1) и (2) обладают все формы глагола.

(4) Все противопоставленные диатезы не связаны как «полная» диатеза и диатеза с опущением референтного актанта, ясного из контекста, либо обобщённого актанта.

(5) Два употребления глагола нельзя считать омонимичными лексемами (т. е. обозначаемые ими ситуации во многом сходны по семантике)».

1.1. Лексическая лабильность в языке кла-дан

В языке кла-дан лабильность является чрезвычайно продуктивной, однако следует различать два её типа – лабильность лексическую и грамматическую. Мы начнём описание с лексической лабильности и выделения классов лабильных глаголов. Поскольку лабильность является в языке продуктивной, в ней представлены различные её семантические типы, соответствующие тем или иным маркированным деривациям: инхоативно-каузативная, или декаузативная; рефлексивная; реципрокальная. Для каждого глагола фактически имеет место такой тип лабильности, который более всего соответствует его семантике.

1.1.1. Декаузативная лабильность. При декаузативной лабильности глагол имеет два употребления, переходное и непереходное, и первое семантически является каузативом от второго. В языках мира декаузативная лабильность представлена гораздо шире, нежели другие типы, однако она захватывает отнюдь не все теоретически возможные пары «Р – каузатив от Р». При исследовании распределения механизмов каузативизации, декаузативизации и (декаузативной) лабильности используется так называемая шкала самопроизвольности. Эта шкала затрагивает зону семантической лабильности, где находятся действия, способные происходить как самопроизвольно, так и с участием агенса. При обозначении же таких ситуаций язык может выбирать различные стратегии: помимо стратегий, перечисленных выше, также могут использоваться эквиполентная оппозиция и супплетивизм [Haspelmath 1993].

Если применить к материалу языка кла-дан весьма дробную шкалу самопроизвольности Мартина Хаспельмата [Haspelmath 1993], то окажется, что лабильность кла-дан не может быть объ-

яснена только при помощи фактора самопроизвольности. В Таблице 2 глаголы кла-дан представлены согласно их положению на шкале:

Таблица 2. Шкала самопроизвольности по [Haspelmath 1993][2]

кипеть–кипятить	*trʌ̋ʌ̋*	лабильный
замерзать–замораживать	–	
сохнуть–сушить	*gà 2*	лабильный
просыпатьс–будить	*bɤ̀*	непереходный
гаснуть–гасить	*lűű̋*	лабильный
тонуть–топить	–	
учиться–учить	*dàà̰̀ 1*	лабильный
плавиться–растапливать	*sɤ̀ɤ̰̀*	лабильный
останавливать(ся)	*dúáà̰̀lṵ̀ 1*	лабильный
поворачивать(ся)	*lìèé* *sḭ̀ɛ̀ɛ̰́*	лабильный лабильный
растворять(ся)	*tɔ̃̀ɔ̃̀*	лабильный
загораться–поджигать		
гореть–жечь	*gɤ̋ 1*	лабильный
разрушать(ся)		
наполнять(ся)	*pà 3*	лабильный
заканчивать(ся)	*bò*	непереходный двухвалентный
начинать(ся)	*lɛ̋-kṵ̰́*	лабильный
покрывать (собой) – покрывать (что-л. чем-л.)	*kpà I*	переходный
катить(ся)	*glʌ̀ʌ̰́*	лабильный
развивать(ся)	*wlùnűˇ*	непереходный
терять(ся)	*gɔ̃̀-bɔ̰́*	лабильный
поднимать(ся)	*dà̰̀ 1* *wlùnűˇ*	лабильный непереходный
улучшать(ся)	*wɔ̰̀-kʌ̀*	лабильный
качать(ся)	*tṵ̀ʌ̀ʌ̰́*	лабильный
соединять(ся)	*là̰à̰̀*	лабильный
менять(ся)	*lìèé* *sḭ̀ɛ̀ɛ̰́*	лабильный лабильный
собирать(ся)	*kóyè*	переходный (?)

[2] Арабскими цифрами обозначены номера значений глагольных лексем, а римскими цифрами – номера омонимичных глагольных лексем.

открывать(ся)	*lí-pú* *pú*	лабильный лабильный
ломать(ся), портить(ся)	*wù* *kpésè*	лабильный лабильный
закрывать(ся)	*tà 2*	лабильный
раскалывать(ся)	*pɛ́*	лабильный
умирать–убивать	*gà 1* *zʌ̀*	непереходный переходный

Как видно из таблицы, в кла-дан практически вся шкала самопроизвольности занята лабильными глаголами, однако на ней имеются и участки прерывности, представленные, в основном, непереходными глаголами, описывающими ситуации с одушевлённым участником: *bɤ̀ 1* ‘просыпаться’, *gà 1* ‘умирать’ и *wlùnú* ‘вставать’. Кроме того, поскольку значения ‘умирать’ и ‘убивать’ обозначаются разными основами, то шкала оканчивается переходным глаголом *zʌ̀* ‘убивать’. Супплетивизм для данной пары значений является типологически распространённым явлением, и только в некоторых, как правило, эргативных языках (лезгинский) они бывают выражены одним лабильным глаголом. Значения ‘умирать’ и ‘убивать’ выражаются одним лабильным глаголом и в некоторых языках манде: мандинка, какабе, сусу, ваи, коно, леле, коранко, марка-дафин, некоторых вариантах дьюла [Vydrin ms.].

Чтобы выяснить, какие факторы, помимо самопроизвольности, являются в кла-дан факторами лабильности, рассмотрим класс непереходных глаголов этого языка.

Класс непереходных глаголов в кла-дан представлен следующими подклассами:

а) неконтролируемые (или неполностью контролируемые) процессы с одушевлённым участником:

bɤ̀ 1 ‘просыпаться’, *bú 2* ‘становиться избалованным’, *ɓɔ̀ 5* ‘рождаться’, *fṵ́* ‘сердиться’, *gà 1* ‘умирать’, *gɛ̀yɛ̀ 2* ‘удаваться’, *gbà̰ 3* ‘приземляться на что-л. (только о людях)’, *ɓá̰à̰lùù* ‘падать’, *pɛ̀ 1* ‘тошнить, рвать’, *sɔ̀* ‘рано просыпаться’, *tɛ́* ‘дышать’, *yɛ́ɛ́-tó* ‘смеяться’, *gbɔ́-bɔ̀* ‘плакать’, *gblá 1* ‘кричать’, *lìàà̰gà* ‘молчать’;

б) глаголы движения с одушевлённым участником:

gùàá ‘ползать на четвереньках (о детях)’, *ló 1* ‘уходить, отправляться’, *lù 1* ‘приходить’, *tá* ‘наступать’, *wɔ̀ 1* ‘выходить’, *wɛ̀* ‘выходить’, *yɔ̀ɔ̀ 1* ‘приезжать’, *yɔ̀ɔ́* ‘спускаться’;

в) другие контролируемые процессы с одушевлённым участником:

wɤ̀ɤ́ ‘жаловаться’, *dʒ̰-ɓò* ‘драться’, *klʊ̀ʊ̀* ‘съёживаться’, *wlʊ̀ʊ̀ʊ̋* ‘вставать’, *yáàlʊ̰̀ʊ̀* ‘садиться’;

г) некаузируемые события с неодушевлённым участником:

bɤ̀ 2 ‘появляться, просыпаться (о чувствах)’, *bʊ̋ 1* ‘гнить’, *ɓɔ̀ 9* ‘жечь (о боли, перце)’, *klʊ̀ 2* ‘сворачиваться (о крови), затвердевать (о красном масле, животном жире)’, *zʊ̰̀ɑ̰̀ɑ̰̀* ‘становиться почти спелым’.

Наличие четвёртого подкласса непереходных глаголов свидетельствует о том, что фактором лабильности в кла-дан является также возможность каузировать ситуацию извне. Глаголы четвёртого подкласса описывают не контролируемые извне ситуации, протекание которых обусловлено внутренними свойствами самого пациентивного участника. В работе [Летучий 2006] утверждается, что на уровне типологии языковых систем неаккузативные глаголы, обозначающие ситуации, контролируемые изнутри, обычно не бывают лабильными.

От глаголов этого подкласса может быть образован морфологический каузатив при помощи преверба *lɛ̋-*, однако каузация будет заключаться в создании условий, в которых данный процесс может протекать, будучи обусловлен именно внутренними свойствами объекта:

(9а) *Lʊ́ʊ̋ kɛ̋ɛ̀ yà pɤ̀ yí̋ gʊ́ʊ́ yɛ̀ɛ́*
дерево REL 3SG.PRF падать вода в 3SG.PROSP
bʊ̋ vɑ̰̋ɑ̰̋lɤ̀.
гнить быстро
‘Дерево, упавшее в воду, быстро сгниёт’.

(9б) *Wɔ̀ wù lʊ̰̀ lɛ̋-bù kʌ̀ pɤ́*
3PL.EXI животное PL CAUS-гнить CONJ
tɔ̀ lʌ̰́ lʊ̰̀ wɔ̀ sʊ̀ɛ̀ɛ̀ kɤ̀
курица ребёнок PL 3PL.EXI уметь CONJ
wɑ̀ɑ̀ (< wɔ̀ à) *bɤ̀.*
3PL.EXI>3SG.NSBJ есть
‘Мясо оставляют подгнить, чтобы куры могли его клевать’.

Что же касается глаголов, описывающих ситуации с одушевлённым участником (первые три подкласса), то здесь не представляется возможным говорить о каких-либо факторах лабильности. С точки зрения типологии языковых систем лабильность глаголов с одушевлённым участником довольно непредсказуема [Летучий 2006]. Это связано с особенностями соотношения между непереходными глаголами и соответствующими им переходными глаголами с двумя одушевлёнными актантами, которое не может быть названо прототипическим каузативным в связи с неканоничностью участника одновалентной ситуации как пациенса (способностью воздействовать на ситуацию, например, при глаголах движения), с тем, что состояние одушевлённого участника сложно изменить, с особой важностью в ситуации одушевлённых участников и, как следствие, необходимостью маркировать смену их синтаксического статуса [Летучий 2006].

Так, например, второй подкласс непереходных глаголов представлен глаголами движения. Но среди глаголов движения есть и лабильные: *sɔ̀ 1* ‘входить’ (ср. непереходные *wɔ̀ 1* и *wɛ̀* ‘выходить’), *dà 1* ‘подниматься’ (ср. непереходный *yɔ́ɔ́* ‘спускаться’), *glʌ̀ʌ́* ‘катиться’, *gìè 1* ‘проходить, миновать’ и др.

Непредсказуемость синтаксических свойств глаголов, описывающих ситуации с одушевлённым участником, может быть убедительно продемонстрирована также на паре синонимичных глаголов *bɑ̀ɑ̀lʊ̀* ‘падать’ и *pɔ̀* ‘падать/каузировать падать’, из которых первый яляется непереходным, а второй – лабильным.

В то же время в кла-дан всё же действует одна типологическая закономерность, она касается глаголов эмоций. Семантическое отношение между непереходными и соответствующими им переходными глаголами эмоций отстоит ещё дальше от прототипически каузативного: ситуации, обозначаемые непереходными глаголами, не могут считаться в полной мере самопроизвольными, поскольку требуют возникновения стимула. В связи с этим, глаголы эмоций даже в языках, имеющих развитые системы лабильности, являются непереходными [Летучий 2006], непереходны они также и в кла-дан.

Теперь обратимся к декаузативно-лабильным глаголам кладан. Описывая декаузативно-лабильные глаголы, удобно выделять несколько классов, в зависимости от одушевлённости / не-

одушевлённости (единственного) участника при непереходном употреблении.

а) глаголы, обозначающие при непереходном употреблении одновалентные ситуации с неодушевлённым пациенсом.

Этот класс составляет семантическое ядро класса декаузативно-лабильных глаголов. Перечислим некоторые из них: *bɤ̋ɤ̋ 1* ‘испаряться, высыхать/высушивать’, *fɔ̀ɔ̀ 1* ‘надувать(ся)’, *gìè 2* ‘проходить (о дороге)/прокладывать (дорогу)’, *sɤ̀ŋ̀* ‘плавить(ся)’, *gɤ̋ 1* ‘гореть/жечь’, *lṹṹ* ‘гаснуть/гасить’, *tṵ̀ʌ̀ʌ́* ‘качать(ся)’, *pṹ* ‘открывать(ся)’, *tà 2* ‘закрывать(ся)’, *pɛ̀ɛ̀ 1* ‘рвать(ся)’, *wù* ‘ломать(ся)’.

Как видно, здесь оказываются как глаголы, расположенные близко к левой части шкалы самопроизвольности (*bɤ̋ɤ̋ 1* ‘испаряться, высыхать/высушивать’, *sɤ̀ŋ̀* ‘плавить(ся)’), так и глаголы, тяготеющие к правой её части (*pṹ* ‘открывать(ся)’, *wù* ‘ломать(ся)’).

Примеры:

(10а) *À* *sɛ̋* *yà* *lṹṹ.*
3SG.NSBJ огонь 3SG.PRF гаснуть
‘Огонь погас’.

(10б) *Là* *yà* *sɛ̋* *lṹṹ.*
дождь 3SG.PRF огонь гасить
‘Дождь погасил огонь’.

(10в) *Zàkó* *yà* *sɛ̋* *lṹṹ.*
Зако 3SG.PRF огонь гасить
‘Зако погасил огонь’.

Как видно из наших примеров, в качестве каузатора может выступать как одушевлённый агентивный участник (10в), так и внешняя сила (10б).

б) глаголы, обозначающие при непереходном употреблении одновалентные ситуации, участник которых может быть как неодушевлённым, так и одушевлённым.

Этот класс составляют глаголы, которые в непереходном употреблении могут иметь как декаузативное, так и автокаузативное значение, обычно в зависимости от того, каков единственный участник ситуации – неодушевлённый он или одушевлённый. Хотя следует отметить, что существует небольшое число

глаголов, таких, как «упасть», которые обозначают непроизвольное действие при любом субъекте [Летучий 2006].

В этом классе оказываются:

А. глаголы движения: *dà 1* ‘поднимать(ся)’, *dɔ̀ 1* ‘останавливать(ся)’, *dúáàlʊ̀ 1* ‘останавливать(ся)’, *pɤ̀* ‘падать / каузировать падать’;

Б. глаголы изменения конфигурации тела или его ориентации: *kɔ̀ŋ̀ 1* ‘сгибать(ся)’, *kɔ̀ŋ̀ 2* ‘наклонять(ся)’, *pìɛ̀ɛ̀* ‘погнуться, склониться на бок/погнуть’, *sìɛ̀ɛ́* ‘поворачивать(ся)’, *lìɛ̀é* ‘поворачивать(ся)’;

В. другие глаголы: *kpàà̀* ‘расти/вызывать рост’, *lì 1* ‘расти / вызывать рост’, *kpɛ́sɛ̀* ‘портить(ся)’, *tɔ̀ɔ̀* ‘намокать, растворяться / мочить’, *gɔ̀-bɔ́* ‘терять(ся)’.

(11а) *Bɑ̋ɑ̋* *pʊ̋* *yá* *trʌ̋ʌ̋-ká* *yɛ̀*
варёный.рис белый 3SG.JNT кипеть-IPFV 3SG.EXI
dà-ká *tó* *yà* *wɛ̀ɛ̀ŋ̀* *sɛ̋* *tà.*
подниматься-IPFV CONJ 3SG.PRF литься огонь на
‘Когда рис кипит, он поднимается и выплескивается на огонь’.

(11б) *Bɔ̀* *dà* *tà̀bɛ́lí* *tà* *kɤ̀ɤ́*
2SG.IMP подниматься стол на CONJ.2SG.OPT
kʊ̀lá̋ŋ̀ *gbɔ̀* *yà̀.*
электричество горшок класть
‘Заберись на стол и ввинти лампочку’.

в) глаголы, обозначающие при непереходном употреблении одновалентные ситуации с одушевлённым участником. В этот класс входят:

А. глаголы, обозначающие внутренние физиологические процессы: *bà̀ 1* ‘толстеть’, *bɤ̋ɤ̋ 2* ‘худеть’, *fʊ̀ɤ̀ɤ̀* ‘падать в обморок’, *kɑ̋ɑ̀yɑ̋ɑ̋ŋ̀* ‘терять сон’, *kɔ̀ɔ̀* ‘худеть’, *kɤ̀ɤ̀* ‘рыгать’, *gʊ́-pɔ̀ŋ̀* ‘выздоравливать’, *sɛ̀ 2* ‘рождать мёртвого ребёнка’, *sɛ̀ɛ̀* ‘скончаться’;

Б. глаголы движения: *dà̀ 2* ‘входить’, *gìɛ̀ 1* ‘проходить, миновать’, *gɔ́ 2* ‘покидать’, *wlɤ̀ 1* ‘прыгать’, *wɔ̀ 2* ‘выходить (о крысе)’;

В. глаголы, обозначающие изменение положения в пространстве и результат этого изменения, т. е. положение тела в пространстве: *wáàlʊ̀ 1* ‘ложиться’, *wɔ̀ 1* ‘лежать’, *yà̀ 1* ‘садиться’,

dɔ̀ 2 ‘стоять’, *dúáà̀lṵ̀ 2* ‘стоять’, *dɔ̀ 3* ‘вставать (занимать позицию)’, *dúáà̀lṵ̀ 3* ‘вставать (занимать позицию)’;

Г. другие глаголы: *fùʎʎ̀ 1* ‘обеднеть’, *dà̀ 16* ‘ввязаться, приняться за, начать’, *dùɤ̀ɤ̀* ‘сбегать, спасаться’, *zɔ̀ɔ̀* ‘успокаивать(ся)’, *zùɛ̀ɛ̀* ‘дрожать’, *bɛ̃ɛ̃́yɔ̀ŋ̀* ‘мяукать’, *gìì̀ 4* ‘тереться’, *dà̰à̰ 1* ‘учиться, учить’.

В качестве каузатора при переходном употреблении может выступать не только прототипический агенс (12в), но и причина (13б), а также средство (12б).

(12а) *Yɛ̀* *kà* *dùɤ̀ɤ̀* *gà* *lɛ́*
3SG.EXI RETR спасаться.NTR смерть перед
dù *gú.*
колдовство в
‘Он спасся от смерти при помощи колдовства’.

(12б) *Dù* *yɛ̀* *kà* *à̀*
колдовство 3SG.EXI RETR 3SG.NSBJ
dùɤ̀ɤ̀ *gà* *lɛ́.*
спасать.NTR смерть перед
‘Колдовство спасло его от смерти’.

(12в) *Ì̀ŋ̀* *lɛ̀ɛ́* *lɛ̃ɛ̃́* *kà* *ŋ̀*
1SG.NSBJ мать FOC.3SG.JNT RETR 1SG.NSBJ
dùɤ̀ɤ̀ *fìŋ́yàà̀* *bɛ̃ɛ̃̀* *lɛ́.*
спасать.JNT ошибка этот перед
‘Это моя мать спасла меня от этой ошибки’.

(13а) *Yà* *bà̀* *kílɔ́ŋ́* *yàà̀gà* *(gú).*
3SG.PRF толстеть килограмм три в
‘Она потолстела на три килограмма’.

(13б) *Là-sù̀* *yà* *à̀* *bà̀.*
рожать-NMLZ 3SG.PRF 3SG.NSBJ толстеть
‘Роды заставили её потолстеть’.

По-видимому, в кла-дан существует лишь одно ограничение на семантический тип каузации. Это ограничение связано с глаголами движения. При переходном употреблении лабильного глагола движения с двумя одушевлёнными участниками имеет место контактная, ассоциативная каузация, при которой субъект

каузирует объект, сам выполняя каузируемое действие или действие, сходное с ним. При более же дистантной каузации используется аналитический каузатив: ситуация каузации передаётся при помощи сложного глагола *flɔ́ɔ́sɛ́-bɔ̀* ‘заставлять’, являющегося сказуемым главного предложения, а каузируемая ситуация выражается в зависимой клаузе, вводимой союзом *kɤ̀* ‘чтобы’. Это подтверждает типологически отмеченный изоморфизм между показателями и семантикой каузатива.

(14а) *Wɔ̀* *kà* *dà̀* *tɔ̃̀* *tà̀* *lɛ́lɛ́*
3PL.EXI RETR подниматься.NTR гора на час
plɛ̀ *gúı.*
два в
‘Они взбирались на гору два часа’.

(14б) *Yà* *à̀bà̀* *kùɛ̀ɛ̀* *dà̀* *mɔ́bíí* *tà̀.*
3SG.PRF 3SG.POSS багаж поднимать автомобиль на
‘Он поднял свой багаж на крышу грузовика’.

(14в) *Yà* *ŋ̀* *dà̀* *tɔ̃̀* *tà̀.*
3SG.PRF 1SG.NSBJ поднимать гора на
‘Он втащил меня на гору’, *‘Он заставил меня подняться на гору’.

1.1.2. Рефлексивная лабильность. Рефлексивно-лабильными являются такие глаголы, которые имеют два употребления, – переходное и непереходное, и последнее является семантическим рефлексивом от первого. Такие глаголы описывают агентивно-пациентивные ситуации с одушевлённым агенсом (который при этом не обязан быть прототипическим агенсом – в частности, он может не оказывать волитивного воздействия на пациенс). Требование одушевлённости агенса объясняется добавлением при непереходном употреблении семантического компонента кореферентности агенса и пациенса: агенс должен иметь возможность физически воздействовать на самого себя, а это возможно только при наличии конечностей. Протипическими рефлексивно-лабильными глаголами, таким образом, оказываются глаголы «ухода за телом» – ‘мыться’, ‘причёсываться’, ‘бриться’ и др. В связи с ограниченностью этого класса глаголов, обычно невелик и класс рефлексивных / рефлексивно-лабильных глаголов.

В языке кла-дан прототипические рефлексивы являются лабильными. Так, рефлексивную лабильность проявляют глаголы: *bàà̀ 1* ‘наряжать(ся)’, *gìì̀ 2* ‘намазывать(ся)’, *ɓà̰-kàà̀ 1* ‘чесать(ся)’, *ɓà̰-kpɔ̀* ‘раздевать(ся)’, *gú-kpʌ̀ŋ̀* ‘отряхивать(ся)’, *gú-lìèé 1* ‘переодеваться’ – ‘переодевать (одежду)’, *ɓà̰-wlɤ̀* ‘отряхивать(ся)’, *zìí* ‘тереть(ся)’, *zʉ́* ‘мыть(ся)’, *zʉ̀ʉ̀* ‘вешать(ся)’, *zíɛ̰̀ɛ̰̀nʉ̀ʉ̀* ‘вешать(ся)’.

Приведём примеры на переходное и непереходное употребления одного из глаголов этого класса:

(15а) *Fàtʉ́* *yà* *à̀* *lú* *lɩ̰́*
Фату 3SG.PRF 3SG.NSBJ дочь ребёнок
gìì̀ *tʉ́ʉ́gbɛ̃́* *ká.*
намазывать масло.каритэ с
‘Фату намазала свою дочку маслом каритэ’.

(15б) *Lɛ̰́lɛ̰́* *ɓà̀* *yì* *ká* *lɛ̀* *lʉ̰̀* *wɔ̀*
холод POSS день с женщина PL 3PL.EXI
gìì̀ *kpí́* *yɔ̰́* *ká* *kɤ̀* *à̀lʉ̰̀*
намазываться белый человек масло с CONJ 3PL.NSBJ
kpì *ɓà̰* *lɛ̀* *lʉ̰̀* *wàà̀* *ló* *flɤ̃́ɤ̃́.*
кожа поверхность место PL 3PL.PROH PROH выцветать
‘В сезон харматтана (букв. «в дни холода») женщины намазываются кремом, чтобы их кожа не шелушилась’.

Все глаголы, которые проявляют рефлексивную лабильность (15а, 15б), могут быть употреблены в переходной конструкции с рефлексивным местоимением в позиции прямого дополнения (15в), т. е. рефлексивное значение может быть выражено и специализированными маркированными средствами – рефлексивными местоимениями и несубъектными местоимениями-локуторами:

(15в) *Yà* *à* *gìì̀* *tʉ́ʉ́gbɛ̃́* *ká.*
3SG.PRF 3SG.REFL намазывать масло.каритэ с
‘Она намазалась маслом каритэ’.

1.1.3. Реципрокальная, или взаимная, лабильность. При данном типе лабильности непереходное употребление глагола является семантическим реципроком от его переходного употребления.

В кла-дан зафиксированы следующие взаимно-лабильные глаголы: *lì 3* ‘ладить, быть в согласии/подходить’, *sɛ̀ 1* ‘не ладить, быть в ссоре/не подходить’, *lí-yà 1* ‘целовать(ся)’, *bɔ̀ɔ̀* ‘совокупляться/спать с кем-либо’, *bà̰* ‘бить друг друга/бить’, *bà̰-gìì 1* ‘ранить друг друга/ранить’.

Примеры:

(16а) *Gɔ̰́lɔ̰́ yà Sítà lí-yà.*
Гондо 3SG.PRF Сита рот-класть
‘Гондо поцеловал Ситу’.

(16б) *Sítà bà̰à̰ Gɔ̰́lɔ̰́ wà lí-yà.*
Сита CONJ Гондо 3PL.PRF рот-класть
‘Сита и Гондо поцеловались’.

В кла-дан также имеется маркированное средство выражения взаимного значения: местоимение *kó* ‘друг друга’, которое может иметь в качестве генитивного зависимого рефлексивное или несубъектное (только для локуторов) местоимение:

(17) *Sìgí bà̰à̰ Sɛ̃̀ŋgɔ̰́ wà (ò kó)*
Сиги CONJ Сенго 3PL.PRF 3PL.REFL REC
bà̰-gìì làá́ ká.
поверхность-ранить нож с
‘Сиги и Сенго ранили друг друга ножом’.

Итак, в кла-дан представлены следующие типы лабильности: декаузативная, рефлексивная, реципрокальная. Если реципрокальная лабильность, благодаря своей семантической сложности, стоит несколько особняком, то два других типа лабильности тесно связаны: декаузатив и рефлексив представляют собой некоторый семантический континуум, где на одном конце находятся прототипические декаузативы, на другом – протипические рефлексивы, а посередине – автокаузативы, представляющие нечто среднее между этими двумя значениями. Кроме того, декаузатив, в свою очередь, также не имеет чёткой границы и с другой стороны, переходя в пассив.

Таким образом, предметом описания в кла-дан должны стать, с одной стороны, семантические типы лабильности, отражающие семантические отношения между разными употреблениями лабильных глаголов, а с другой – границы механизма

лабильности, что предполагает выявление классов непереходных и переходных глаголов.

1.2. Грамматическая лабильность: пассивная лабильность и переходные глаголы

Как уже упоминалось выше, явление лексической лабильности в кла-дан упирается в ту часть шкалы самопроизвольности, где начинаются глаголы, описывающие ситуации, из которых не может быть устранён агенс и непереходное употребление которых может быть проинтерпретировано только как пассив. Однако в кла-дан нам не удаётся провести чёткой границы между пассивом и декаузативом, поскольку в языке отсутствует маркированный пассив, но в то же время имеется абсолютно регулярная синтаксическая трансформация пассивизации, или грамматическая пассивная лабильность.

Наличие пассивной лабильности является уникальной чертой языков манде; это явление не встречается, по-видимому, ни в каких других языках мира (без добавления к пассивному значению дополнительных семантических компонентов – модальных, аспектуальных), являясь в то же время широко распространённым внутри семьи. Как отмечается в работах [Летучий 2006] и [Выдрина, настоящий сборник], типологическая редкость пассивной лабильности обусловлена, по-видимому, тем, что, в отличие от других типов лабильности, здесь не происходит изменения аргументной структуры глагола и его переходное и непереходное употребления не различаются по своей семантике, так что это явление сближается с коммуникативным опущением. Однако опущением пассивная лабильность не может считаться потому, что при ней меняется синтаксический статус участников: «под опущением же принято понимать такой тип изменения структуры высказывания, когда устранение одного участника не влечёт за собой изменения синтаксического статуса других участников» [Выдрина 2009: 49]. Отметим, что в работе [Haspelmath 1990] и вовсе отрицается возможность существования немаркированного пассива; отсутствие этого явления, согласно гипотезе автора, свидетельствует в пользу той точки зрения, что пассив отнюдь не является чисто синтаксическим явлением, а может быть рассмотрен как глагольная категория. Однако среди перечисляемых автором языков с наличием немаркированного пассива, в которых

это явление, согласно автору, должно быть проинтерпретировано иным образом, языки манде отсутствуют.

Итак, немаркированный пассив, или пассивную лабильность, следует считать в кла-дан исключительно синтаксическим явлением – трансформацией, преобразующей любую переходную (нерефлексивную) конструкцию в непереходную, где исходное прямое дополнение перемещается в позицию подлежащего. Синтаксическая трансформация пассивизации затрагивает все переходные конструкции – в отличие от других типов лабильности, которые, по определению, относятся к сфере лексики, объединяя два разных и, в то же время, близких значения.

Синтаксическая трансформация пассивизации преобразует переходную конструкцию в непереходную: прямое дополнение переходной конструкции перемещается в позицию подлежащего, а агенс либо вовсе устраняется (18б), либо вводится послелогами *wɔ̰̀ gúı* (18в) или *gɔ̀.*

(18а) *Sìgí* *lɛ̰̀ɛ̰́ (<lɛ̰̀ á)* *kà* *pópólı̰́* *bɛ̰́ɛ̰̀*
Сиги FOC.3SG.JNT RETR мотоцикл этот
bàà̀.
чинить.JNT
‘Это Сиги починил этот мотоцикл’.

(18б) *Pópólı̰́* *bɛ̰́ɛ̰̀* *yà* *bàà̀* *yà* *lɔ̰̀ɔ̰́gɔ̀*
мотоцикл этот 3SG.PRF чинить 3SG.PRF неделя
plɛ̀ *bò* *kɛ̰́ɛ̰́* *yà* *kpésɛ̀* *dɛ̀ɛ̀*
два осуществлять CONJ 3SG.PRF портиться новый
bò.
осуществлять
‘Этот мотоцикл был починен две недели назад, но снова сломался’.

(18в) *Pópólı̰́* *bɛ̰́ɛ̰̀* *yà* *bàà̀* *Sìgí* *wɔ̰̀* *gúı.*
мотоцикл этот 3SG.PRF чинить Сиги дело.REF в
‘Этот мотоцикл был отремонтирован Сиги’.

Именная группа *pópólı̰́ bɛ̰́ɛ̰̀* ‘этот мотоцикл’, занимающая позицию прямого дополнения в переходной конструкции в предложении (18а), посредством синтаксической трансформации пассивизации оказывается в позиции подлежащего в предложении

(18б), а агентивная именная группа, вынесенная в предложении (18а) в начальную позицию вместе с показателем фокуса, устраняется из предложения. Однако агенс может быть введён посредством послелога *wɔ̀ gúı,* как в предложении (18в).

Следует, однако, отметить исключения. Есть три глагола, которые запрещают применение трансформации пассивизации: *sɛ̀ 1* ‘не ладить, быть в ссоре/не подходить’, *lì 3* ‘ладить, быть в согласии/подходить’, *ɓò 12* ‘причинять боль’ (19а-б). По-видимому, в этих случаях запрет на детранзитивизацию обусловлен лексически.

(19а) *Ìŋɓã̀ ɓlɤ̀ɤ̀ yɛ̀ ŋ̀ ɓò-ká.*
1SG.POSS рана 3SG.EXI 1SG.NSBJ причинять.боль-IPFV
‘Моя рана причиняет мне боль’.

(19б) **Ìŋ ɓò-ká ŋ̀ɓã̀ ɓlɤ̀ɤ̀ gɔ̀.*
1SG.EXI причинять.боль-IPFV 1SG.POSS рана у

Итак, в языке кла-дан сталкиваются два различных явления: лексическая лабильность декаузативного, рефлексивного и реципрокального типа и грамматическая пассивная лабильность. В тех случаях, когда непереходное употребление глагола имеет реципрокальное или рефлексивное значение, мы имеем ясные случаи омонимии непереходной конструкции. В тех же случаях, когда имеет место декаузативная лабильность, притом лабильный глагол расположен ближе к менее самопроизвольному концу шкалы, различать декаузативное и пассивное значения становится трудно, а в некоторых случаях и вовсе невозможно.

Рассмотрим сначала случаи омонимии непереходных конструкций, сказуемыми которых являются рефлексивно- и реципрокально-лабильные глаголы.

Непереходная конструкция, где сказуемым является реципрокально-лабильный глагол, а группа подлежащего обозначает двух участников, при этом взаимное значение не маркировано специализированными средствами, имеет две возможные интерпретации – пассивную и реципрокальную. Так, предложение (20б) может быть проинтерпретировано только как результат трансформации пассивизации, поскольку ИГ подлежащего обозначает одно лицо. Напротив, предложение (20г) может получить и пассивную, и реципрокальную интерпретации.

(20а) *Sìgí* *yà* *ǎ* *gbɤ̀* *bǎ̰* *ǎ*
Сиги 3SG.PRF 3SG.NSBJ сын бить 3SG.NSBJ
yʉ́ɤ́ɤ́ *kpáǎdʌ̀* *wɔ̰̀* *gʉ́.*
поведение плохой дело.REF в
‘Сиги побил своего сына из-за плохого поведения’.

(20б) *Sìgí* *yɛ̀* *kà* *bǎ̰* *ǎ* *dʌ*
Сиги 3SG.EXI RETR бить.NTR 3SG.NSBJ отец
gɔ̀ *ǎ* *yʉ́ɤ́ɤ́* *kpáǎdʌ̀* *wɔ̰̀* *gʉ́/* *gɔ̀.*
у 3SG.NSBJ поведение плохой дело.REF в у
‘Сиги был побит отцом из-за своего плохого поведения’.

(20в) *Sìgí* *yɛ̀* *kà* *Gɔ̰̀lɔ̰̀* *bǎ̰* *lʉ́*
Сиги 3SG.EXI RETR Гондо бить.NTR дерево
kǎ̰ŋ̰ *ká.*
тонкий с
‘Сиги побил Гондо палкой’.

(20г) *Sìgí* *bǎ̰ǎ̰* *Gbǎtɔ̀* *wɔ̀* *kà* *bǎ̰*
Сиги CONJ Гбато 3PL.EXI RETR бить.NTR
lʉ́ *kǎ̰ŋ̰* *ká.*
дерево тонкий с
‘Сиги и Гондо побили друг друга палкой’ или ‘Сиги и Гбато были побиты палкой’.

Для избежания омонимии при выражении реципрокального значения могут использоваться уже описанные специализированные маркированные средства (см. 1.1.3.).

Омонимия непереходной конструкции, сказуемым которой является рефлексивно-лабильный глагол, возникает в том случае, когда подлежащее конструкции является одушевлённым. Так, предложение (21б) имеет только пассивную интерпретацию, поскольку его подлежащее является неодушевлённым. Предложение может иметь пассивную интерпретацию и при одушевлённом подлежащем, как в примере (22). Предложение (23) синтаксически устроено так же, как и предложение (22), но имеет рефлексивную интерпретацию; теоретически оно могло бы быть проинтерпретировано также и пассивно (хотя у нас нет подтверждения от информанта).

(21а) *Wɛ́ɛ́wò yà kùùlʌ̰́ lṳ̀ zṹ yágbá dò gúı.*
Вэво 3SG.PRF ложка PL мыть таз один в
‘Вэво помыла ложки в тазу’.

(21б) *Kùùlʌ̰́ lṳ̀ wò̀ kà zù Wɛ́ɛ́wò gɔ̀.*
ложка PL 3PL.EXI RETR мыть.NTR Вэво у
‘Ложки были вымыты Вэво’.

(22) *Lʌ̰́ sɛ̰̀ɛ̰̀lʌ̰́ bɛ̰́ɛ̰̀ yà zṹ à̰̀*
ребёнок маленький этот 3SG.PRF мыть 3SG.NSBJ
lɛ̀ɛ̰́ gɔ̀.
мать у
‘Этот маленький ребёнок вымыт своей матерью’.

(23) *Wɛ́ɛ́wò yɛ̀ kà zù fù̀ dò ká.*
Вэво 3SG.EXI RETR мыть.NTR мочалка один с
‘Вэво помылась мочалкой’.

Омонимия же может быть снята при помощи описанных выше специализированных средств маркирования рефлексива (см. 1.1.2.)

Омонимия имеет место и между непереходной конструкцией, сказуемым которой является декаузативно-лабильный глагол (24), и пассивной конструкцией (25б), образованной от переходной конструкции (25а) с тем же глаголом.

(24) *Zḭ̰̀ã̰̀ŋ̀ gà yɛ̀ gìɛ̀-ká kà̀kà̀ɔ́ɔ̀ lɛ̀*
дорога кость 3SG.EXI проходить-IPFV какао поле
ò bã̰̀ã̰̀ bṹ zḭ̰̀ŋ̀.
3PL.REFL CONJ лес между
‘Дорога проходит между плантацией какао и лесом’.

(25а) *Kùɛ̀ɛ̀ bìɛ̀ŋ̀ gúı wò̀ kà zḭ̰̀ã̰̀ŋ̀ gà*
год прошлый в 3PL.EXI RETR дорога кость
dò gìɛ̀ ìì pɤ́ lɤ̀.
один прокладывать.NTR 1PL.excl.POSS деревня в
‘В прошлом году проложили дорогу через нашу деревню’.

(25б) *Kùɛ̀ɛ̀ bìɛ̀ŋ̀ gúı zḭ̰̀ã̰̀ŋ̀ gà dò yɛ̀*
год прошлый в дорога кость один 3SG.EXI
kà gìɛ̀ ìì pɤ́ lɤ̀.
RETR прокладывать.NTR 1PL.excl.POSS деревня в

‘В прошлом году через нашу деревню была проложена дорога’.

В приведённых примерах (24–25) декаузатив, обозначающий спонтанно возникающую ситуацию, хорошо отличим от пассива. Однако в том случае, когда в качестве каузатора выступает не агенс, а некоторая внешняя сила или причина, граница между декаузативом и пассивом оказывается размытой. Размытость эта усугубляется ещё и тем, что каузатор (даже агентивный) и причина вводятся одними и теми же послелогами.

(26) *Blɤ̀ɤ̀lɛ́* *ɓà̀* *yì* *ká* *yí̋* *lṵ̀* *wò*
сухой.сезон POSS день с вода PL 3PL.EXI
ɓɤ̀ɤ̀ *yɛ̰̀ɛ̰̀* *gɔ̀.*
высыхать.NTR солнце у
‘Во время сухого сезона воды высушиваются солнцем’ *vs.* ‘Во время сухого сезона воды высыхают из-за солнца’.

Когда же каузатором является одушевлённый агенс, дело обстоит совсем иначе – ситуации с одушевлённым агенсом и одушевлённой причиной сильно отличаются друг от друга семантически.

В предложении (27а) в качестве каузатора выступает одушевлённый агенс.

(27а) *Fáŋlà̰* *gɔ̰̀* *yà* *à̀* *kɔ̀ɔ̀.*
Фанта муж 3SG.PRF 3SG.NSBJ худеть
‘Муж Фанты заставил её похудеть’.

Пассивное значение и декаузативное значение в данном случае легко различимы:

(27б) *Fáŋlà̰* *yà* *kɔ̀ɔ̀* *à̀* *gɔ̰̀* *gɔ̀.*
Фанта 3SG.PRF худеть 3SG.NSBJ муж у
‘Фанта похудела из-за своего мужа’.

Судя по всему (сведения от информанта по данному конкретному случаю отсутствуют), предложение (27б) может иметь и пассивное значение, являясь результатом пассивизации предложения (27а). Однако пассивное значение было передано информантом следующим предложением:

(27в) *Fáɲlə̀* *yà* *lɛ̃́-kɔ̀ɔ̀* *ã̀* *gɔ̀* *gɔ̀.*
Фанта 3SG.PRF CAUS-худеть 3SG.NSBJ муж у
‘Фанту заставил похудеть её муж’.

Показатель каузатива *lɛ̃́-* помогает снять омонимию декаузатива и пассива и однозначно выразить пассив. Показатель каузатива может употребляться вне зависимости от характера каузатора, т. е. независимо от того, является ли каузатор агенсом, как в предложении (27в), или причиной, как в предложении (28):

(28) *Yɛ̀* *kà* *lɛ̃́-kɔ̀ɔ̀* *yũã́* *gɔ̀.*
3SG.EXI RETR CAUS-худеть.NTR болезнь у
‘Она была истощена болезнью’.

Итак, оказывается, что в отношении декаузативной и пассивной лабильности мы имеем дело с двумя совершенно разными по своему статусу в системе языка явлениями, однако чёткой границы между ними провести нам не удаётся. Более того, эта граница и не может быть проведена в силу формальной немаркированности значений, ими выражаемых. Аналогичная ситуация представлена в языке какабе: «способность глагола образовать декаузатив – это скорее свойство градуального характера, разные глаголы в большей или меньшей степени способны образовать декаузатив» [Выдрина 2009: 44]. Таким образом, высокая степень «отсутствия внешнего каузатора действия (агенса исходной конструкции) может считаться достаточной, чтобы признать конструкцию декаузативной, а не пассивной... Таким образом, при каждом конкретном глаголе этот вопрос приходится решать отдельно – и это является следствием не недостатков теории, а скорее природы самого явления» [Выдрина 2009: 44].

2. Маркированный морфологический каузатив

В кла-дан существует морфологический показатель каузатива *lɛ̃́-*. Этот преверб восходит к относительному существительному *lɛ̃́* ‘кончик, остриё’ и омонимичен послелогу *lɛ̃́* ‘перед’. Показатель *lɛ̃́-* довольно регулярен, за исключением некоторых особенностей его употребления, о которых мы скажем ниже. Однако отмечены и случаи лексикализации глаголов с превебом *lɛ̃́-*:

bɔ̀ ‘снимать’ > *lɛ̃́-bɔ̀* ‘брить’,

tà ‘закрывать(ся)’ > *lɛ́-tà* ‘заканчивать’,

kṵ́ 1 ‘хватать’ > *lɛ́-kṵ́ 1* ‘начинать(ся)’, *lɛ́-kṵ́ 2* ‘передавать’,

yɛ́ ‘ломать (хворост)’ > *lɛ́-yɛ́ 2* ‘завершать’, *lɛ́-yɛ́ 1* ‘начинать танец’ (совершать движение, сигнализирующее о начале танца),

dàà̰ 1 ‘учить(ся)’ > *lɛ́-dàà̰* ‘качать (ребёнка), играть (с ребёнком)’ и др.

Кроме того, существуют случаи, когда преверб *lɛ́-* сохраняет семантику существительного, к которому восходит:

kṵ̃ʌ̃ʌ̃́ ‘резать’ > *lɛ́-kṵ̃ʌ̃ʌ̃́* ‘подрезать’ (букв. отрезать кончик),

bà̰ 2 ‘расчищать (при помощи мачете – дорогу, двор)’ > *lɛ́-bà̰ 2* ‘расчищать по краю (при помощи мачете – обочины дороги, территорию вокруг дома)’.

Показатель каузатива употребляется со всеми синтаксическими классами глаголов – непереходными (29а-в), лабильными (30а-б) и переходными (31а-б).

(29а) *Sìgí* *lɛ̀ɛ́* *yà* *fṵ̃* *Sìgí* *bà̰* *à̰*
Сиги мать 3SG.PRF сердиться Сиги на 3SG.NSBJ
yṵ́ɤ̃́ɤ̃́ *wɔ̰̀* *gúı.*
поведение дело.REF в
‘Мать Сиги разозлилась на Сиги из-за его поведения’.

(29б) *Sìgí* *yà* *à̰* *lɛ̀ɛ́* *lɛ́-fṵ̃*
Сиги 3SG.PRF 3SG.NSBJ мать CAUS-сердиться
à̰ *yṵ́ɤ̃́ɤ̃́* *ká.*
3SG.NSBJ поведение с
‘Сиги рассердил свою мать своим поведением’.

(29в) *Sìgí* *lɛ̀ɛ́* *yà* *lɛ́-fṵ̃* *Sìgí* *gɔ̰̀*
Сиги мать 3SG.PRF CAUS-сердиться Сиги у
à̰ *yṵ́ɤ̃́ɤ̃́* *wɔ̰̀* *gúı.*
3SG.NSBJ поведение дело.REF в
‘Мать Сиги была рассержена Сиги из-за его поведения’.

(30а) *Fáŋ̀là̰* *yà* *sɛ́* *(lɛ́-)kṵ́ı.*
Фанта 3SG.PRF огонь (CAUS-)зажигать
‘Фанта разожгла огонь’.

(30б) *À̰* *sɛ́* *yɛ̀* *kà*
3SG.NSBJ огонь 3SG.EXI RETR

(lɛ́-)kʊ̰̀ *Fáŋ̀lɑ̰̀* *gɔ̀.*
(CAUS-)зажигать.NTR Фанта у
‘Огонь был разожжён Фантой’.

(31а) *Yɑ̰́ɑ̰́lɛ́* *Zɑ̀kó* *yɛ̀* *kà* *tɔ̀* *lʌ̰́*
вчера Зако 3SG.EXI RETR курица ребёнок

sɔ̃́ɔ̃́lʊ́ *(lɛ́-)yrɤ̀ɤ̀* *ɑ̀bɑ̀* *pópólí* *bɑ̰̀.*
пять (CAUS-)привязывать.NTR 3SG.POSS мотоцикл на
‘Вчера Зако привязал к своему мотоциклу пять куриц’.

(31б) *Tɔ̀* *lʌ̰́* *dò* *yɛ̀* *kà*
курица ребёнок один 3SG.EXI RETR

(lɛ́-)yrɤ̀ɤ̀ *pópólí* *bɑ̰̀* *Zɑ̀kó* *gɔ̀.*
(CAUS-)привязывать.NTR мотоцикл на Зако у
‘Курица была привязана к мотоциклу Зако’ (т. е. Зако – тот, кто привязал).

Как видно из приведённых примеров, маркированные каузативные формы лабильных и переходных глаголов синонимичны лабильным глаголам в их переходном употреблении и немаркированным формам переходных глаголов соответственно. В работе [Летучий 2006] отмечается, что при наличии конкуренции между лабильностью и морфологическим каузативом оба средства кодируют один и тот же тип каузации.

В то же время, зафиксирован один переходный глагол, при котором показатель *lɛ́-* образует пермиссивный каузатив. Это глагол *gɛ̰̀yɛ̰̀ 1* ‘побеждать’:

(32а) *Ìì* *sɛ́* *yà* *flɑ́* *lʊ̰̀* *gɛ̰̀yɛ̰̀*
1PL.excl.POSS страна 3SG.PRF гвинеец PL побеждать

lɤ́ŋ̀ *zɔ̀-sʊ̀* *gʊ́.*
апельсин бросать-NMLZ в
‘Наша страна обыграла гвинейцев в футбол’.

(32б) *Ìì* *sɛ́* *yà* *flɑ́* *lʊ̰̀*
1PL.excl.POSS страна 3SG.PRF гвинеец PL

lɛ́-gɛ̰̀yɛ̰̀ *lɤ́ŋ̀* *zɔ̀-sʊ̀* *gʊ́.*
CAUS-побеждать апельсин бросать-NMLZ в
‘Наша страна позволила гвинейцам обыграть себя в футбол’.

В кла-дан существует ряд ограничений на употребление морфологического каузатива. Оказывается, что грамматичность маркированной формы глагола зависит от видо-временной конструкции, а также от того, является ли предложение, сказуемым которого является данный глагол, пассивным или активным – т. е. имеет значение, является ли конструкция переходной или непереходной пассивной. Имеется некоторая шкала грамматичности, при этом для каждого глагола устанавливается свой порог грамматичности маркированной формы. Направленность этой шкалы такова, что в пассивной непереходной конструкции вероятность грамматичности маркированной формы больше, нежели в переходной активной. Этому можно найти некоторое объяснение: как уже было сказано, немаркированная форма глагола в непереходной конструкции имеет две интерпретации – декаузативную, рефлексивную или реципрокальную, с одной стороны, и пассивную, с другой. В то же время маркированная форма может быть проинтерпретирована только как пассивная, поэтому её употребление в непереходной пассивной конструкции более мотивировано, нежели в активной, где она полностью синонимична переходному употреблению лабильного глагола (за исключением глагола *gɛ̰yɛ̰̀ 1* ‘побеждать’, о котором было сказано выше).

Что же касается зависимости употребимости маркированной формы от видо-временной конструкции, то здесь можно сказать следующее: наиболее вероятна грамматичность маркированной формы в конструкции с показателем ретроспективного сдвига, в особенности при наличии обстоятельства *yɑ̰ɑ̰́lɛ̃́* ‘вчера’. Далее расположена перфектная конструкция, а затем имперфективная, нейтральная и проспективная, т. е. относящие ситуацию к плану настоящего, будущего или имеющие хабитуальное значение. Представляется, однако, что мы имеем дело не с фактором аспекта, видо-временным или модальности, а с фактором временным. Несмотря на то, что ретроспективная конструкция имеет в числе своих значений те, которые можно считать прототипическими для показателей ретроспективного сдвига, т. е. отдалённое прошлое (33), прекращённое прошлое, аннулированный результат [Плунгян 1998], она может в то же время выражать и некоторые значения, как кажется, противоположные им – эксперенциалис, акциональный перфект (34):

(33) *Ì̀ŋ̀ lèɛ́ yá kʊ̀ʊ̀ lʌ̀*
1SG.NSBJ мать 3SG.JNT быть.JNT ребёнок
sɛ̀ɛ̀ ká ŋ̀ lɑ̀ yè kà
маленький с 1SG.NSBJ бабушка 3SG.EXI RETR
à dà làkùèè̀ gú.
3SG.NSBJ класть.NTR школа в
‘Когда моя мама была маленькой, моя бабушка привела её в школу’.

(34) [Разговаривают в комнате; тот, кто спрашивает, молоко ещё не видел.
– ‘Где деньги?’]
– *Ì̀ŋ̀ gà lɔ̀lɔ̀ lɔ̀.*
1SG.EXI RETR молоко покупать.NTR
‘Я купил молока’.

Очевидно, именно с этой разнородностью значений ретроспективной конструкции связана большая вероятность грамматичности глагольной формы с показателем каузатива в ретроспективной конструкции при наличии наречия *yɑ̀ɑ̀lɛ́* ‘вчера’:

(35а) *Fáŋ̀là̀ yè kà sà̀ìŋ̀ kpòò.*
Фанта 3SG.EXI RETR поскрёбыш отскребать.NTR

(35б) **Fáŋ̀là̀ yè kà sà̀ìŋ̀ lɛ́-kpòò.*
‘Фанта отскребла поскрёбыш’.

(35в) *Yɑ̀ɑ̀lɛ́ Fáŋ̀là̀ yè kà sà̀ìŋ̀*
вчера Фанта 3SG.EXI RETR поскрёбыш
lɛ́-kpòò.
CAUS-отскребать.NTR
‘Вчера Фанта отскребла поскрёбыш’.

В таблице 3 представлен фрагмент зависимости грамматичности каузативной формы глагола от залогового и временного факторов (наличие пустых клеток объясняется отсутствием данных).

Таблица 3. Зависимость грамматичности каузативной формы глагола от залогового и временного факторов

глагол	исходное значение	каузатив на *-lɛ̌*						пассив от каузатива			
		IMP/ PROH	PRSP	IPFV	PRF	RETR		NTR	IPFV	PRF	RETR
						-y	*+y*				
gɤ̌ 1	гореть/жечь				–		+				+
gìɛ̀ 1	проходить-переводить				+			+			
ɦɔ̀ɔ̀	созывать					–	–				+
pà	лакать				–	–	–			+	
lɩ̌-pʊ́	открывать(ся)				–	+					
mɑ̀-wɔ̀ɔ̀	ощипывать			–	+						+
gʊ́-wɔ̀ɔ̀	очищать от сорняков			–	–	+					+
bɑ̀ɑ̀ 4	улаживать		–		–		+			+	+
bɔ̀ 5	возделывать			–			+			–	+
bɤ̀ 1	есть			–			–		+		
bɔ̀ 4	вынимать (из ступы)	–			–		+			–	+
bɔ̀ 8	счищать (кожуру)	–			–		+				+
kpà I	накрывать	–			–	+	+				
kpɔ̀ɔ̀ 2	отскребать	–			–	–	+			+	
zɔ̀	бросать				–	+					+

Таблица показывает, что плюсы расположены, как правило, справа от минусов, т. е. пассивная конструкция и временной сдвиг в план прошлого увеличивают вероятность грамматичности маркированной формы. Не встречаются случаи, когда не сработали бы оба фактора, т. е. когда маркированная форма была бы запрещена в некоторой видо-временной пассивной конструкции, но была бы при этом грамматична в той же видо-временной, но переходной конструкции.

Действие фактора диатезы в чистом виде проявляется тогда, когда маркированная форма в одной и той же видо-временной конструкции запрещена в переходной конструкции (36а), но разрешена в непереходной пассивной конструкции (36б):

(36а) *Yàŋ̀ɓɔ̰̀ lʌ̰́ dò yà zɔ̰̃ yɔ̰̃*
кот ребёнок один 3SG.PRF пчела масло
*(*lɛ̃-)pà kíáà gú.*
(CAUS-)лакать тарелка в
‘Кот вылакал мёд из тарелки’.

(36б) *Zɔ̰̃ yɔ̰̃ gbà yà (lɛ̃-)pà yàŋ̀ɓɔ̰̀*
пчела масло весь 3SG.PRF (CAUS-)лакать кот
lʌ̰́ gɔ̰̀.
ребёнок у
‘Весь мёд был вылакан котом’.

Временной фактор проявляется в чистом виде тогда, когда в переходных и непереходных конструкциях с одним и тем же глаголом действуют одинаковые временные ограничения:

(37а) *Fáŋ̀là yà gìàá̃ (*lɛ̃-)ɓò lʌ̃́kʌ̃́ gú.*
Фанта 3SG.PRF маниока (CAUS-)вынимать ступа в
‘Фанта вынула маниоку из ступы’.

(37б) *Yáà̰lɛ̃ Fáŋ̀là yɛ̀ kà gìàá̃*
вчера Фанта 3SG.EXI RETR маниока
(lɛ̃-)ɓò lʌ̃́kʌ̃́ gú.
(CAUS-)вынимать.NTR ступа в
‘Вчера Фанта вынула маниоку из ступы’.

(37в) *Gìàá̃ drʊ̀ʊ̀-sʊ̀ʊ̀ yà (*lɛ̃-)ɓò*
маниока толочь-NMLZ 3SG.PRF (CAUS-)вынимать

lúkú̋ gú, lò kòó à̀ kpʌ̀ŋ̀.
ступа в идти.IMP 2SG.PROSP 3SG.NSBJ просеивать
‘Толчёная маниока вынута из ступы, иди просей её’.

(37г) *À̀ gìàá̋ drùù̀-sù̀ yè̀ kà*
3SG.NSBJ маниока толочь-NMLZ 3SG.EXI RETR
(lɛ̋-)bɔ̀ lúkú̋ gú Fáɲlà̰ gɔ̀.
(CAUS-)вынимать.NTR ступа в Фанта у
‘Толчёная маниока была вынута из ступы Фантой’.

Морфологический каузатив от глагола *bɔ̀ 4* ‘вынимать (из ступы)’ не употребляется в перфектной конструкции ни в переходной конструкции (37а), ни в непереходной пассивной конструкции (37в), но в ретроспективной конструкции маркированная форма глагола *bɔ̀ 4* употребляется и в активной переходной (37б), и в пассивной непереходной конструкции (37г).

Оба фактора – диатезный и временной – проявляют своё действие в тех случаях, когда временные ограничения в пассивной непереходной конструкции слабее, нежели в переходных конструкциях с тем же глаголом:

(38а) *Ì̀ŋ dʌ̀ yà à̀ wɔ̰ bɛ̋ɛ̰̀*
1SG.NSBJ отец 3SG.PRF 3SG.NSBJ дело этот
*(*lɛ̋-)bàà̀.*
(CAUS-)улаживать
‘Мой отец уладил это дело’.

(38б) *Ì̀ŋ dʌ̀ yè̀ kà wɔ̰ bɛ̋ɛ̰̀*
1SG.NSBJ отец 3SG.EXI RETR дело этот
(lɛ̋-)bàà̀ yà̰à̰lɛ̋.
(CAUS-)улаживать.NTR вчера
‘Мой отец уладил вчера это дело’.

(38в) *Wɔ̰ bɛ̋ɛ̰̀ yà (lɛ̋-)bàà̀ ŋ̀*
дело этот 3SG.PRF (CAUS-)улаживать 1SG.NSBJ
dʌ̀ gɔ̀.
отец у

(38г) *Wɔ̰ bɛ̋ɛ̰̀ yè̀ kà (lɛ̋-)bàà̀*
дело этот 3SG.EXI RETR (CAUS-)улаживать.NTR

ŋ̀ *dʌ̀* *gɔ̀.*
1SG.NSBJ отец у
‘Это дело было улажено моим отцом’.

Так, глагол *bàà̀* ‘улаживать’ в переходной конструкции употребляется в маркированной каузативной форме только в ретроспективной конструкции (38б) (остаётся неизвестным, грамматична ли эта форма в отсутствие наречия *yáa̰á̰lɛ́* ‘вчера’), в перфектной же конструкции (38а) маркированная форма не может быть употреблена. В непереходной пассивной конструкции маркированная форма может быть употреблена в перфектной (38в) и, тем более, в ретроспективной конструкциях (38г).

Частными случаями являются невозможность употребления маркированной формы в переходной конструкции любого вида и времени (39а-б) и отсутствие ограничений на употребление маркированной формы в непереходной пассивной конструкции при их наличии в переходных конструкциях.

(39а) *Yáa̰á̰lɛ́* *wɔ̀ɔ̀* *lʌ̰́* *lʊ̰̀* *wɔ̀* *kà* *lʊ́ʊ́*
вчера обезьяна ребёнок PL 3PL.EXI RETR дерево

bɛ̀ *lʊ̰̀* *gbà̰* *(*lɛ́-)bɤ̀* *Sʌ̀gí* *à̀*
плод PL весь (CAUS-)есть.NTR Сиги 3SG.NSBJ

kʊ́ʊ̀lʊ̀ *gʊ́.*
двор в
‘Вчера обезьяны съели все фрукты во дворе Сиги’.

(39б) *Lʊ́ʊ́* *bɛ̀* *lʊ̰̀* *wɔ̀* *(lɛ́-)bɤ̀-ká*
дерево плод PL 3PL.EXI (CAUS-)есть-IPFV

wɔ̀ɔ̀ *lʌ̰́* *lɛ̰̀ɛ̰̀lʊ̰̀* *wɔ̰̀* *gʊ́.*
обезьяна ребёнок FOC.3PL.NSBJ дело.REF в
‘Фрукты поедаются обезьянами’.

По-видимому, запреты на маркированную форму или её грамматичность могут быть также обусловлены признаком одушевлённости участника, занимающего позицию подлежащего. Так, в предложении (40), где стимул является неодушевлённым, маркированная форма запрещается информантом, а в (41), где стимул одушевлён, маркированная форма допускается:

(40) *Lʊ̀ʊ̀tʌ̀ʌ̀* *gà* *wɔ̰̀* *yà* *ŋ̀*
вождь смерть дело.REF 3SG.PRF 1SG.NSBJ

*(*lɛ́-)kɔ̰́* *tɛ̌lṵ̀ı.*
(CAUS-)удивлять очень
‘Смерть вождя меня удивила’.

(41) *Ò* *wɔ̰̀* *yà* *ŋ̀*
2SG.NSBJ дело.REF 3SG.PRF 1SG.NSBJ
(lɛ́-)kɔ̰́.
(CAUS-)удивлять
‘Ты очень удивил меня’.

Однако закономерность, связанная с факторами залога и времени, имеет скорее характер тенденции, нежели точного правила, и не только потому, что разные глаголы по-разному распределяют на шкале маркированные формы, но и потому, что запрет на маркированную форму не носит абсолютного характера. Так, в наших материалах встретилось несколько глаголов, которые в одной и той же видо-временной и синтаксической конструкции в одном случае (42), согласно информанту, могут употребляться в маркированной форме, а в другом случае (43) не могут, например:

(42) *Gbɛ̰́* *dò* *yɛ̀* *kà* *Sìgí* *ã̀*
собака один 3SG.EXI RETR Сиги POSS
gìɛ̰̀ŋ̀sɔ̀ *lṵ̀* *(lɛ́-)pɛ̀.*
штаны PL (CAUS-)рвать.NTR
‘Собака разорвала штаны Сиги’.

(43) **Fáŋ̀lã̀* *yɛ̀* *kà* *Sìgí* *ã̀* *lɛ́ɛ̀trʌ̀*
Фанта 3SG.EXI RETR Сиги POSS письмо
lɛ́-pɛ̀ *kʊ́kʊ́* *ká.*
CAUS-рвать.NTR кусок с
‘Фанта разорвала письмо Сиги на кусочки’.

Наличие ограничений на морфологический каузатив, связанных с категорией времени, представляется типологически необычным, в отличие от ограничений аспектуальных [Летучий 2006].

Как уже было сказано, показатель *lɛ́* употребляется не со всеми глаголами. Иначе говоря, некоторые из них не присоединяют его и в максимально благоприятных для него контекстах, т. е. в пассивной непереходной конструкции с показателем ретроспективного сдвига. Среди таких глаголов отчётливо выделяются два класса:

глаголы с высокой семантической переходностью и глаголы мыслительной деятельности, речепроизводства и восприятия. Перечислим их:

а) Глаголы с высокой семантической переходностью: *gbə̰̀ 1* ‘вонзать(ся)’, *wù* ‘разбивать(ся)’, *ɓə̰̀* ‘бить друг друга/бить’, *flɤ̋ɤ̋ 3* ‘лупить’, *gìì̀ 1* ‘ранить’, *kə̰́ 1* ‘резать, разделывать’, *kʊ̀ə̰̀ə̰̀* ‘отскребать’, *kpɔ̀ɔ̀ 1* ‘рыхлить (землю, вычищая сорняки)’, *pɔ̰́* ‘рыть’, *yɛ̋* ‘ломать (хворост)’, *zʌ̀* ‘убивать’, *zɔ̰̀* ‘толочь’.

б) Глаголы мыслительной деятельности, речепроизводства и восприятия, т. е. такие, при которых прямое дополнение имеет семантическую роль содержания: *dʌ̀ 18* ‘называть в честь кого-л.’, *gə̰̀ 1* ‘смотреть’, *gə̰̀ 2* ‘осматривать (о докторе)’, *gə̰̀ 3* ‘принимать (ошибочно за кого-л.)’, *dɔ̀ II 1* ‘знать’, *yè 2* ‘принимать (ошибочно за кого-л.)’, *pɤ̀* ‘говорить’, *ɓə̰̀* ‘слышать; понимать’, *zɔ̰̀* ‘показывать’, *lɛ̀* ‘звать’.

в) Другие глаголы: *dɔ̀ 1* ‘останавливать(ся)’, *gʊ́-pɔ̀ŋ̀* ‘выздоравливать/лечить’, *wɛ̰̀ŋ̀* ‘выливать(ся)’, *ɓɔ̀ 6* ‘срывать (плоды)’, *dʌ̀ 7* ‘насаживать (мачете на ручку)’, *dɔ̀ 7* ‘давать’, *dɔ̀ 9* ‘отводить, провожать’, *dɔ̀ 12* ‘протягивать (руку)’, *gə̰́ 2* ‘проводить (электричество)’, *glʊ̀* ‘распределять, делить’, *kʌ̀ 5* ‘возделывать (поле, землю)’, *kʊ̰́ 1* ‘хватать’, *lɔ́* ‘покупать’, *lɛ̀-ɓɔ̰̀ɔ̰̀* ‘искать’, *tà 1* ‘сажать (растения)’.

Подавляющее большинство этих глаголов являются переходными, но есть среди них и лабильные: *gbə̰̀ 1* ‘вонзать(ся)’, *wù* ‘разбивать(ся)’, *ɓə̰̀* ‘бить друг друга/бить’, *dɔ̀ 1* ‘останавливать(ся)’, *gʊ́-pɔ̀ŋ̀* ‘выздоравливать/лечить’, *wɛ̰̀ŋ̀* ‘выливать(ся)’.

Однако некоторые глаголы с высокой семантической переходностью всё же способны образовывать маркированную каузативную форму, например: *gɤ̋ 1* ‘гореть/жечь’, *pɛ̋* ‘рвать(ся)’, *pɛ̀ɛ̀ 1* ‘рвать(ся)’, *flɤ̋ɤ̋ 1* ‘толочь’, *drʊ̀ʊ̀* ‘толочь’, *wʊ̀ʊ̀* ‘давить’, *yɛ̀ɛ̀* ‘раздвигать (траву)’, *zʊ̀ə̀ə̀* ‘протыкать’ такие формы имеют.

Точно так же есть и глаголы мысли, речи и восприятия, которые употребляются с показателем каузатива: *bɔ̀ 11* ‘смешивать, путать’, *də̰̀ə̰̀ 2* ‘учить (что-л.)’, *lɔ̀ŋ̀* ‘считать (что-л., кого-л.)’.

Имеется и ещё одно ограничение на употребление маркированной каузативной формы глагола: иногда она оказывается под запретом из-за наличия лексикализованного глагола с превербом *lɛ̋*. Однако этот запрет не носит абсолютного характера Однако этот запрет не носит абсолютного характера. Так, в следующем примере возникает омонимия каузативной формы глагола ‘учить’

с превербным глаголом ‘ласкать (ребёнка)’, где в именная часть представлена превербом *lɛ*:

(44) *Yùùfáàlɛ̀* *yàà* *zʌ̨́lʌ́*
Юфале 3SG.EXI.3SG.NSBJ младший.сиблинг
lɛ̨́-dʌ̨̀ʌ̨̀-ká.
CAUS/перед-учить-IPFV
‘Юфале ласкает своего младшего братика/сестрёнку’, ‘Юфале учит своего младшего братика/сестрёнку’.

3. Непереходные двухвалентные глаголы

Отдельно должны быть упомянуты непереходные двухвалентные глаголы. Это такие глаголы, которые имеют по два семантических актанта, один из которых выражается подлежащим, а другой постглагольным актантом. Семантическая структура ситуаций, обозначаемых этими глаголами, неоднородна: есть среди них и такие, чьи аргументы имеют роли стимула и экспериенцера, и такие, которые имеют агентивно-пациентивную структуру, при этом прототипичность пациенса и степень семантической переходности также варьирует от глагола к глаголу.

Класс не-переходных двухвалентных глаголов представлен двумя подклассами: подклассом непереходных двухвалентных глаголов и подклассом лабильных двухвалентных глаголов:

а) непереходные двухвалентные глаголы: *bʌ̨̀ 2* ‘оскорблять’, *bɔ̀* ‘завершать’, *bɔ̀ 2* ‘набрасываться, нападать’, *bɔ̀ 8* ‘проходить (мимо чего-л., по чему-л., через что-л.)’, *ɓɔ̀ 8* ‘помогать’, *ɓɔ̀ɔ̀ 2* ‘убивать на охоте’, *dʌ̀ 9* ‘обманывать’, *dʌ̀ 11* ‘продолжать’, *dɔ̀ 4* ‘поддерживать’, *dɔ̀ 6* ‘ждать’, *dɔ̀ 13* ‘защищать’, *dɔ̀ 14* ‘соглашаться на драку (с кем-л.)’, *gùàà̀ 1* ‘одаривать’, *gʌ̨́ 3* ‘приближаться’, *kɔ̀* ‘отказываться (от)’, *kɔ̨́ 1* ‘упускать’, *yɛ̨́* ‘ругать’, *zʌ̨̀ʌ̨̀* ‘преследовать’, *lí-yà 2* ‘целовать’.

Непереходное употребление:

(45а) *Yà* *bò* *à̀ɓà̀* *ɓáálá* *ká* *kɤ̀*
3SG.PRF завершать 3SG.POSS работа с CONJ
yɛ̨́ɛ̨̀ *gɔ̀* *yíí* *pɤ̀* *kɤ̀.*
солнце голова 3SG.NEG.PFV падать ещё
‘Он закончил свою работу до захода солнца’.

Каузатив:

(45б) *Sìgí* *yà* *ŋ̀* *lɛ́-bò*
Сиги 3SG.PRF 1SG.NSBJ CAUS-завершать

ŋ̀bã̀ *bɔ́ɔ́lá* *ká.*
1SG.POSS работа с
**Sìgí yà ŋ̀ bò ŋ̀bã̀ bɔ́ɔ́lá ká.*
‘Сиги заставил меня закончить работу’.

Пассив от каузатива:

(45в) *Ì̀ŋ* *gà* *lɛ́-bɔ̀* *ŋ̀bã̀*
1SG.EXI RETR CAUS-завершать.NTR 1SG.POSS

bɔ́ɔ́lá *ká* *Sìgí* *gɔ̀.*
работа с Сиги у
‘Меня заставил закончить работу Сиги’.

б) лабильные двухвалентные глаголы с постглагольным актантом: *bàã̀ 3* ‘организовывать, подготавливать (для представления людям)’, *bɔ̀ 13* ‘поддерживать’, *bà 2* ‘набрасываться; обнимать’, *bɔ̀ 1* ‘походить, быть похожим’, *dã̀ 10* ‘обижать’, *dã̀ 12* ‘опережать’, *fɔ̀ɔ̀ 2* ‘злиться (на кого-л.)’, *gìɛ̀ 4* ‘преодолевать (трудности)’, *gú-gblʊ́ʊ́* ‘забывать’, *kã̀ 6* ‘расставаться (с кем-л.)’, *kʊ̀ʊ̀á* ‘оставлять, бросать’, *pá* ‘трогать’, *lì 4* ‘нравиться’.

(46б) *Bã̀ã̀* *dã̀* *ɤ̀* *lɛ́* *kɤ̀* *ŋ́*
2SG.PROSP опережать 2SG.NSBJ перед CONJ 1SG.OPT

ló *bɔ̃́bílí* *ã̀* *sɛ́ɛ̀lɛ́* *kʊ́* *lʌ̃́* *sʊ́.*
идти автомобиль POSS бумага кусок ребёнок брать
‘Я пойду впереди тебя, чтобы взять билеты на автобус’.

(47а) *Sìgí* *yà* *ŋ̀* *(lɛ́-)dã̀*
Сиги 3SG.PRF 1SG.NSBJ (CAUS-)опережать

ã̀ *lɛ́.*
3SG.NSBJ перед
‘Сиги заставил меня пойти вперёд него’.

(47б) *Ì̀ŋ* *gà* *(lɛ́-)dã̀* *Sìgí*
1SG.EXI RETR (CAUS-)опережать.NTR Сиги

lɛ́ *ã̀* *gɔ̀.*
перед 3SG.NSBJ у
‘Я был заставлен Сиги пойти вперёд него’.

Непереходные двухвалентные глаголы (45а-в) ведут себя сходным образом с одновалентными непереходными глаголами, а двухвалентные лабильные глаголы с постглагольным актантом (46–47) ведут себя сходным образом с двухвалентными лабильными глаголами, второй аргумент которых выражается прямым дополнением. Однако семантика переходного употребления лабильных глаголов с постглагольным актантом существенно отличается от семантики переходного употребления лабильных глаголов, второй аргумент которых выражен прямым дополнением. Если говорить о лабильности как о немаркированной деривации, то для лабильных глаголов с прямым дополнением направление деривации не ясно – на самом деле, оно и не требует выяснения. Что же касается лабильных глаголов с постглагольным актантом, то здесь направление деривации очевидно: переходное употребление является вторичным. Это связано с тем, что большинство ситуаций, описываемых этими глаголами, имеют, по крайней мере, одного одушевлённого участника, т. е. либо участник, выраженный подлежащим, является одушевлённым, либо одушевлённы оба участника. Таким образом, эти ситуации являются самопроизвольными и остаются таковыми и при переходном употреблении, в этом случае лишь вводится каузатор. Иначе говоря, переходное употребление имеет чётко выделяемый семантический компонент. Для глаголов лабильного подкласса переходное употребление полностью синонимично маркированной каузативной форме, которую могут иметь все непереходные двухвалентные глаголы.

Важной особенностью непереходных двухвалентных глаголов является то, что непереходная конструкция, сказуемым которой являются некоторые из них, может подвергаться такой синтаксической трансформации пассивизации, при которой в позицию подлежащего выносится именная группа, занимавшая в непереходной конструкции постглагольную позицию. В наших материалах встретилось не более десяти таких глаголов, все они имеют агентивного одушевлённого участника в позиции подлежащего. Так, в предложении (48а) именная группа *Gõlõ* ‘Гондо’ является постглагольным актантом, оформленным послелогом *bã,* а в (48б) она оказывается в позиции подлежащего, тогда как агенс перемещается в постглагольную позицию и оформляется слож-

ным послелогом *wə̰̀ gúú*, вводящим причину и агенса и в прототипических пассивных конструкциях, описанных выше.

(48а) *Sìgí yà bà Gə̰́lə̰́ bə̰̀ yèlɛ̰̀*
Сиги 3SG.PRF набрасываться Гондо на CONJ
yá à lɛ̰́-pɤ̀ síɑ̰̀ɑ̰̀.
3SG.JNT 3SG.NSBJ CAUS-падать.JNT на.земле
‘Сиги набросился на Гондо и повалил его на землю’.

(48б) *Gə̰́lə̰́ yɛ̀ kà bə̰̀ Sìgí*
Гондо 3SG.EXI RETR набрасываться.NTR Сиги
wə̰̀ gúú.
дело.REF в
‘На Гондо набросился Сиги’.

Глагол *kùàá* ‘оставлять’ может служить примером того, что подобная пассивизация возможна далеко не всегда:

(49а) *Fáŋ̀lə̰̀ yà ló lɔ̰́kúɤ̀ɤ̀ lɤ̀ yà kùàá*
Фанта 3SG.PRF идти рынок в 3SG.PRF оставлять
à bʌ̀ŋ́ dò sèŋ̀ zùù gʊ̰́ʊ̰́ŋ́ lɤ̀.
3SG.NSBJ ребёнок один одинокий вокруг двор в
‘Фанта ушла на рынок и оставила своего ребёнка дома одного’.

(49б) **Yòòbì yɛ̀ kà kùàà dò*
Йоми 3SG.EXI RETR оставлять.NTR один
sèŋ̀ gʊ̰́ʊ̰́ŋ́ lɤ̀.
одинокий двор в
‘Йоми был оставлен дома один’.

Интересно, что при пассивизации именная группа с семантической ролью не пациенса, а, например, пути также может продвигаться в позицию подлежащего:

(50а) *Wù lʊ̀ wò bɔ̀-ká zìə̰̀ŋ̀ bɛ̰́ɛ̰̀*
животное PL 3PL.EXI проходить-IPFV дорога этот
lɛ̰̀ɛ̰̀ tà tó wà ló yí bʊ̀ʊ̀.
FOC.3SG.NSBJ на CONJ 3PL.PRF идти вода пить
‘Животные ходят по этой дороге на водопой’.

(50б) *Zìàŋ̰ ɓɛ̰ɛ̰̀ yɛ̀ bɔ̀-ká wù*
дорога этот 3SG.EXI проходить-IPFV животное
lṵ̀ wɔ̰̀ gúı.
PL дело.REF в
‘По этой дороге ходят животные’.

4. Рефлексивные глаголы

Выводы, которые делаются в данном разделе, имеют предварительный характер по причине некоторой неполноты материалов.

Помимо переходных, непереходных и лабильных глаголов, в кла-дан имеются также рефлексивные глаголы. Однако деление множества всех глаголов на рефлексивные и нерефлексивные происходит независимо от описанного выше деления на переходные, непереходные и лабильные. Рефлексивными мы будем называть такие глаголы, которые могут выступать в переходной конструкции, где позицию прямого дополнения занимает несубъектное местоимение-локутор, совпадающее по лицу и числу с МПП клаузы, или рефлексивное местоимение-нелокутор. Такую конструкцию мы будем называть рефлексивной.

Рефлексивные местоимения составляют часть парадигмы несубъектных местоимений – местоимений, способных занимать любые синтаксические позиции за исключением позиции подлежащего, а именно: генитивного определения, прямого дополнения, зависимого в послеложной группе косвенного дополнения и сирконстанта. Рефлексивные местоимения могут быть описаны как часть парадигмы несубъектных местоимений по морфологическим и синтаксическим причинам.

Морфологическая причина заключается в том, что формально собственно несубъектные и рефлексивные местоимения различаются только в третьем лице единственного и множественного числа:

Таблица 4. Несубъектная серия местоимений

	Единственное число				Дв.ч.	Множественное число				
Лицо	1	2	3	рефл.	инкл.	1 экс.	1 инкл.	2	3	рефл.
NSBJ	*ŋ̰*	*ɤ̀/ò*	*ǎ*	*à*	*kò*	*ì*	*kùà*	*kà*	*ǎlṵ̀*	*(w)ò*

Синтаксически же рефлексивные местоимения не отличаются от несубъектных: они также могут занимать в предложении все вышеперечисленные синтаксические позиции.

В кла-дан, как видно из Таблицы 4, в парадигме несубъектных местоимений имеется тональное противопоставление локуторов и нелокуторов: локуторы имеют низкий тональный контур, нелокуторы – ультранизкий. Рефлексивные же местоимения, уподобляясь локуторам, являются низкотоновыми.

В кла-дан отсутствуют глаголы reflexiva tantum, т. е. такие, которые могут употребляться только с рефлексивным местоимением в позиции прямого дополнения. Таким образом, все рефлексивные глаголы могут быть рассмотрены как употребляющиеся в рефлексивной конструкции в результате синтаксической деривации, применяемой к исходной переходной или непереходной конструкции. На данный момент остаётся неизвестным, способен ли любой переходный глагол, чья семантика это позволяет, иметь в качестве прямого дополнения рефлексивное местоимение, однако очевидно, что наличие рефлексивных глаголов, являющихся коррелятами непереходных глаголов, делает невозможным описание рефлексивизации как простой синтаксической трансформации, где кореферентность группы прямого дополнения группе подлежащего маркируется рефлексивным местоимением.

Есть и другая причина, по которой следует выделять особый синтаксический класс рефлексивных глаголов: значение рефлексивного глагола, являющегося дериватом от переходного употребления лабильного глагола, далеко не всегда сводится к кореферентности двух именных групп – группы подлежащего и группы прямого дополнения. Более того, не все лабильные глаголы допускают прямое дополнение, выраженное рефлексивным местоимением, и сама эта возможность оказывается не выводимой из семантики глагола.

Принадлежность глагола к классу рефлексивных является его лексической характеристикой и должна фиксироваться в словаре. Сравните, например, следующие пары синонимичных глаголов: *kpàà̀* ‘расти / вызывать рост’ (нерефлексивный) – *lì 1* ‘расти / вызывать рост’ (рефлексивный); *yáà̀lṵ̀* ‘садиться’ (нерефлексивный) – *yà̀ 2* ‘садиться / сажать’ (рефлексивный).

В кла-дан имеются рефлексивные глаголы всех трёх синтаксических типов – рефлексивно-переходные, рефлексивно-непере-

ходные и рефлексивно-лабильные, т. е. способные выступать в рефлексивной конструкции наряду с переходной, непереходной или обеими, соответственно:

а) рефлексивно-непереходные глаголы: *bə̌ə̌ə̀lṵ̀* ‘падать’, *gùàá* ‘ползать на четвереньках (о детях)’, *wlùnʉ́* ‘вставать’, *klù* ‘съёживаться, сворачиваться клубком’, *wɤ̀ɤ́* ‘жаловаться’, *pɛ̀ 1* ‘тошнить’.

(51) *Fáŋlə̌* *yà* *(à)* *wɤ̀ɤ́* *ə̀bə̀* *lʉ̋ɛ̋ŋ*
Фанта 3SG.PRF 3SG.REFL жаловаться 3SG.POSS жизнь
gʉ́ʉ *kə̌* *bə̌* *ə̀* *lɛ̀ɛ̋* *bə̌.*
внутренность пересекать на 3SG.NSBJ мать на
‘Фанта пожаловалась матери на свою жизнь’.

б) рефлексивно-переходные глаголы.

Для тех переходных глаголов, для которых рефлексивизация возможна, семантические отношения между переходным и рефлексивным употреблениями являются прозрачными – рефлексивное местоимение лишь указывает на кореферентность подлежащего и прямого дополнения:

(52а) *Zə̌ɛ̋*$_i$ *yɛ̀* *à*$_i$ *tə̀-klɔ̀ɔ̀-ká.*
Зан 3SG.EXI 3SG.REFL поверхность-худеть-IPFV
‘Зан защищается’.

(52б) *Zə̌ɛ̋*$_i$ *yɛ̀* *ə̀*$_j$ *tə̀-klɔ̀ɔ̀-ká.*
Зан 3SG.EXI 3SG.NSBJ поверхность-худеть-IPFV
‘Зан его защищает’.

в) рефлексивно-лабильные глаголы

При описании рефлексивно-лабильных глаголов возникает проблема, связанная с направлением синтаксической деривации рефлексивизации. В случае с рефлексивно-непереходными глаголами рефлексивная конструкция синонимична непереходной. В случае же с рефлексивно-лабильными глаголами это не всегда так: рефлексивные употребления реципрокально-лабильных глаголов не могут быть синонимичны их непереходному употреблению. В связи с этим более адекватной представляется следующая модель описания синтаксических свойств рефлексивно-лабильных глаголов: глагол имеет два употребления – переходное и непереходное, рефлексивное же употребление является результатом синтаксической деривации от переходного. В подав-

ляющем большинстве случаев (т. е. если речь не идёт о реципрокально-лабильном глаголе) рефлексивное употребление глагола синонимично его непереходному употреблению.

В работе [Генюшене 1983] представлена классификация значений, которые в разных языках могут выражаться одним и тем же показателем, наряду с рефлексивным значением. Эта классификация основана на типе соотношения диатез исходного нерефлексивного и производного рефлексивного глаголов. В работе [Генюшене 1983] диатеза понимается как схема соответствия между единицами трех уровней – ролевой, референтной и синтаксической структур в представлении глагола.

Семантическая классификация укладывается в синтаксическую классификацию типов рефлексивных глаголов: выделяются субъектные, объектные и транзитивные рефлексивные глаголы. Субъектные рефлексивные глаголы сохраняют субъект исходного нерефлексивного глагола, объектные рефлексивные глаголы сохраняют объект исходного нерефлексивного глагола, транзитивные рефлексивные глаголы характеризуются элиминацией дативного дополнения и кореферентностью субъекта и дативной роли.

Таблица 5. Типы рефлексивных глаголов

субъектные РГ	объектные РГ	транзитивные РГ
РГ с рефлексивным значением	**декаузативные РГ**	бенефактивные РГ
посессивно-рефлексивные РГ	квазипассивные РГ	реципиентные РГ
абсолютивные РГ	рефлексивный пассив	посессивно-объектные РГ
автокаузативные РГ	конверсивные РГ	
реципрокные РГ	субъектный имперсонал	
деаккузативные РГ	автокуративные РГ	

Представим типы рефлексивных глаголов по семантическому и синтаксическому основаниям (Таблица 5), а затем подробно охарактеризуем только те типы, которые встречаются в кла-дан (в таблице они выделены полужирным шрифтом).

В кла-дан представлены следующие типы рефлексивных глаголов: РГ с рефлексивным значением, посессивно-рефлексивные, автокаузативные и декаузативные РГ.

РГ с (собственно) рефлексивным значением обозначают в рефлексивной конструкции действие, которое участник, выраженный подлежащим, направляет на себя. В наших материалах зафиксированы следующие собственно рефлексивные РГ: *bàà̀ 1* ‘наряжать(ся)’, *gìì̀ 2* ‘намазывать(ся)’, *ɓà̰-kàà̀ 1* ‘чесать(ся)’, *ɓà̰-kpɔ̀* ‘раздевать(ся)’, *gú-lìèé 1* ‘переодевать (одежду) – переодеваться’, *ɓà̰-wlɤ̀* ‘отряхивать(ся)’, *zìí* ‘тереть(ся)’, *zʉ́* ‘мыть(ся)’, *zʉ̰̀* ‘вешать(ся)’, *zɩ̰́ɛ̰̀ɛ̰̀lʉ̰̀* ‘вешать(ся)’, *tɔ̀ɔ̀* ‘мочить – мочить себя’.

(53) *Sítà̀ yà à lú lɩ̰́ bàà̀.*
Сита 3SG.PRF 3SG.REFL дочь ребёнок наряжать
‘Сита нарядила свою дочку’.

(54) *Fà̀tʉ́ yà à bàà̀.*
Фату 3SG.PRF 3SG.REFL наряжать
‘Фату нарядилась’.

Посессивно-рефлексивные РГ обозначают действие, которое участник, выраженный подлежащим, направляет на часть своего тела. В наших материалах зафиксирован посессивно-рефлексивный РГ *ɓà̰-gìì̀ 1* ‘ранить – пораниться’.

(55) *Kà̀sɔ̀ gú ɓɩ̰̀ dò sá̰ɓà̰à̰ yɛ̀*
тюрьма внутренность человек.REF один когда 3SG.OPT
bɛ̀ɩ̰̀-sʉ́ kà̀sɔ̀ kɔ̀ gú yɛ̀ kà
бег-брать тюрьма дом.REF в 3SG.EXI RETR
zà̀ɩ̰̀ yà̀à̀gà ɓà̰-gìì̀.
жандарм три поверхность-ранить.NTR
‘Когда заключённый бежал из тюрьмы, он ранил трёх жандармов’.

(56) *Yà à ɓà̰-gìì̀.*
3SG.PRF 3SG.REFL поверхность-ранить
‘Он поранился’.

Автокаузативные РГ обозначают в рефлексивной конструкции действие, которое субъект совершает скорее не над своим телом, а всем своим телом [Выдрина 2009].

(57) *À* *gìɛ̀ɛ̀* *yá* *kʊ̰̀ʊ̀* *tɑ̃́-kʌ̀-ká*
3SG.NSBJ маска 3SG.JNT быть.JNT танец-делать-IPFV

yɛ̀ *kʊ̰̀ʊ̀* *(à)* *sɪ̰̀ɛ̰̀ɛ̰́-ká*
3SG.EXI быть.NTR 3SG.REFL поворачиваться-IPFV

à *zʊ̀ʊ̀* *tɛ̃́lʊ̰̀ʊ̀* *ò* *ɓà̰à̰* *vã̰ã̰ɪ̀ɤ̀*
3SG.REFL вокруг слишком 3PL.CNTR CONJ быстро

ɓɪ̰́ɪ́ *kà* *bʊ̰̀ʊ̀ŋ̀* *à̰* *ɓà̰* *ŋ́*
1SG.NEG.PST RETR мочь 3SG.NSBJ на 1SG.OPT

à̰ *vlɛ̀ŋ̀-yrɔ̀ɔ́* *kɔ̀* *lɔ̀ŋ́.*
3SG.NSBJ кружиться раз считать
‘Маска во время танца кружилась так долго и быстро, что я не смог посчитать, сколько раз она повернулась (сколько оборотов она сделала)’.

На данном этапе исследования можно выделить следующие группы автокаузативных РГ:

а) глаголы изменения конфигурации тела и его ориентации: *kɔ̀ŋ̀ 2* ‘наклоняться’, *pìɛ̀ɛ̀* ‘сгибаться’, *sɪ̰̀ɛ̰̀ɛ̰́* ‘поворачиваться’, *lìɛ̀ɛ́* ‘поворачиваться’, *glʌ̰̀ʌ̰́* ‘поворачиваться’, *yrɔ̀ɔ́* ‘поворачиваться’, *gblʊ̃́ʊ̃̀ʊ̀lʊ̰̀ʊ̀ 1* ‘переворачиваться’, *srɔ̀ɔ́* ‘потягиваться’;

б) глаголы положения в пространстве и изменения положения в пространстве: *wɔ̀ 1* ‘лежать’, *wáà̀lʊ̰̀ʊ̀ 1* ‘ложиться’, *yà̀ 1* ‘садиться’, *tʌ̰́* ‘прислоняться’:

(58) *Lʌ̰́* *dò* *yà* *(à)* *tʌ̰́*
ребёнок один 3SG.PRF 3SG.REFL прислоняться

kɔ́ *ɓà̰.*
стена на
‘Ребёнок прислонился к стене’.

Среди лабильных глаголов, которые при непереходном употреблении обозначают одновалентные ситуации с одушевлённым участником, в рефлексивной конструкции не могут употребляться глаголы движения, а также глаголы, обозначающие внутренние процессы.

Имеются глаголы, значение которых и в рефлексивной, и в непереходной конструкциях нельзя с уверенностью отнести к рефлексивному или автокаузативному, например: *bì 1* ‘прятаться’.

Декаузативные РГ

Помимо субъектно-рефлексивных глаголов, встречаются в кла-дан также и объектно-рефлексивные глаголы с декаузативным значением: *gɔ̀-bɔ́* ‘теряться’, *kpésɛ̀* ‘портиться’, *lì 1* ‘расти’, *zrʌ̀ʌ́* ‘поскальзываться’.

(59) *Bɤ̀ɤ̀ yɛ̀ kà Gɔ̀lɔ́ gìɛ̀ zrʌ̀ʌ̀*
грязь 3SG.EXI RETR Гондо нога поскальзываться.NTR
yɛ̀lɛ̀ yá pɤ̀ síáà.
CONJ 3SG.JNT падать.JNT на.земле
‘Гондо поскользнулся в грязи (букв.: «грязь заставила скользить ноги Гондо») и упал на землю’.

(60) *Gɔ́lɔ́ yɛ̀ kà à zrʌ̀ʌ̀*
Гондо 3SG.EXI RETR 3SG.REFL поскальзываться.NTR
glɔ̀ɔ̀ kìàá tà yɛ̀lɛ̀ yá pɤ̀ síáà.
банан кожура на CONJ 3SG.JNT падать.JNT на.земле
‘Гондо поскользнулся на банановой кожуре и упал на землю’.

Кроме того, нам встретился глагол *tɔ̀ɔ̀* ‘мочить/мочить себя/намокать’, который может иметь как собственно рефлексивное значение, так и декаузативное значение, в зависимости от ситуации. При этом оказывается, что различие между этими значениями не маркируется рефлексивным местоимением, так что рефлексивная конструкция может описывать и рефлексивную (волитивную или неволитивную) (61), и декаузативную (62) ситуацию.

(61) *Fáŋlà yá kʊ̀ʊ sɔ̀ zʊ́-ká*
Фанта 3SG.JNT быть.JNT одежда мыть-IPFV
yɛ̀ kà à tɔ̀ɔ̀.
3SG.EXI RETR 3SG.REFL мочить.NTR
‘Фанта облилась, стирая одежду’ (случайно или нарочно).

(62) *Bláá́ lʊ̀ʊ wà wò tɔ̀ɔ̀ là*
баран PL 3PL.PRF 3PL.REFL мокнуть дождь
yí lʌ̀.
вода под
‘Бараны вымокли под дождём’.

Нам встретились также два синонимичных рефлексивных глагола с декаузативным значением, которые могут иметь неодушевлённый пациенс, *lìèé* и *sìɛ̀ɛ́* ‘поворачивать(ся)’:

(63) *Gùàà̀* *yá* *gò* *à̀* *lɛ́*
женитьба 3SG.JNT уходить.JNT 3SG.NSBJ перед
ŋ̀bà̀ *lʊ́ɛ́ŋ́* *yà* *à* *lìèé/sìɛ̀ɛ́*
1SG.POSS жизнь 3SG.PRF 3SG.REFL поворачиваться
à *zʊ̀ʊ.*
3SG.REFL вокруг
‘После женитьбы моя жизнь изменилась’.

Таблица 6. Преобразование значения от рефлексива к пассиву

агентивность↓ ↓	характеристика участника, выраженного подлежащим	
↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓	контролирующий волитивный физический исполнитель действия подвергается воздействию ↓	рефлексив *Маша причесалась*
↓ ↓ ↓ ↓ ↓	неволитивный физический исполнитель действия подвергается воздействию ↓	(неволитивный рефлексив) *Маша порезалась*
↓ ↓	подвергается воздействию ↓	декаузатив *Чашка разбилась*
↓ ↓	подвергающийся воздействию внешнего агенса	пассив *Дом строится рабочими*

Совмещение собственно рефлексивного значения с посессивно-рефлексивным, автокаузативным и декаузативным в одном рефлексивном показателе является вполне обычным явлением с точки зрения типологии: «По данным индоевропейских языков, у рефлексивного показателя, восходящего к возвратному местоимению, развитие набора функций идёт от возвратной через де-

каузативную к пассивной», хотя «не исключена и обратная последовательность развития значений у рефлексивного показателя “невозвратного” происхождения», где отправной точкой является значение «многократности или интенсивности действия» [Генюшене 1983: 127].

Путь семантических преобразований от рефлексивного значения к пассивному, который кажется на первый взгляд отнюдь не очевидным, подробно описан в [Haspelmath 1990] и схематически замечательно представлен в работе [Выдрина 2009], см. Таблицу 6.

В работе [Генюшене 1983] отмечается, что наличие у рефлексивного показателя декаузативной функции при отсутствии пассивной и преобладании собственно рефлексивной свидетельствует о его «зрелости». Наличие же автокаузативного значения у РП может свидетельствовать о разной степени его грамматикализованности, встречаясь как в языках с «молодым» РП, так и в языках со «старым» РП. Автор работы объясняет этот факт смысловой близостью и смежностью автокаузативных РГ с собственно рефлексивными РГ, с одной стороны, и смысловой близостью и пересечением автокаузативных РГ с декаузативными РГ, с другой стороны.

Итак, судя по имеющимся у нас данным, рефлексивная конструкция в языке кла-дан не может быть названа достаточно «зрелой», хотя нами зафиксировано несколько случаев употребления рефлексивной конструкции в декаузативном значении. Что же касается формальной стороны процесса грамматикализации, то она находится ещё на раннем этапе: рефлексивное значение выражается посредством рефлексивных и несубъектных местоимений.

5. Заключение

Лабильность в языке кла-дан не может рассматриваться как однородное явление: здесь следует различать лабильность лексическую и лабильность грамматическую. При лексической лабильности в рамках одной лексемы объединяются два разных её значения, при этом одно из них (непереходное) является семантическим декаузативом, рефлексивом или реципроком от другого (переходного). Грамматическая лабильность действует на уровне грамматики языка и является средством синтаксического преобразования практически любой переходной (нерефлексивной) конструкции в непереходную.

Лабильность сосуществует и конкурирует в языке с маркированным средством – морфологическим показателем каузатива. Также как и сфера действия механизма лабильности, сфера действия каузатива имеет некоторые ограничения – как лексические (имеется класс глаголов, не употребляющихся с показателем каузатива), так и грамматические – залоговые и временные.

Сфера же рецессивных диатетических преобразований маркируется в кла-дан рефлексивными местоименими-нелокуторами и несубъектными местоименими-локуторами в рефлексивной функции. Они употребляются в рефлексивной переходной конструкции в позиции прямого дополнения. Такая конструкция объединяет в комплексе своих значений собственно рефлексивное значение, посессивно-рефлексивное значение, а также автокаузатив и декаузатив.

Список сокращений

МПП – местоимённый предикативный показатель
РГ – рефлексивный глагол
РП – рефлексивный показатель
CAUS – показатель каузатива
CNTR – контрастивная серия местоимений
CONJ – союз
COP – копула
excl – эксклюзивное местоимение
EXI – экзистенциальная серия МПП
NTR – мена лексического тонального контура глагола в конструкциях с экзистенциальной формой МПП (местоимённого предикативного показателя)
IMP – императивная серия МПП
IPFV – показатель имперфектива
JNT – сопряжённая серия МПП; мена лексического тонального контура глагола в сопряжённых конструкциях
NMLZ – показатель герундия
NSBJ – не-субъектная серия местоимений
NTR – мена лексического тонального контура глагола в конструкциях с экзистенциальной формой МПП
OPT – оптативная серия МПП
PL – множественное число

PL – показатель множественного числа
POSS – посессивная серия местоимений, показатель посессивной связи
PRF – перфектная серия МПП
PROH – прохибитивная серия МПП; показатель прохибитива
PROSP – проспективная серия МПП
REF – референциальная мена тона существительного
REFL – рефлексивное местоимение
REL – релятивный показатель
RETR – показатель ретроспективного сдвига
SG – единственное число

Литература

Выдрина А. В. Аргументная структура и актантные деривации в языке какабе. Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики. СПб., 2009.

Выдрина А. В. Лабильность в языке какабе. Настоящий сборник.

Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983.

Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2006.

Плунгян В. А. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // Язык. Африка. Фульбе. Сборник научных статей в честь А. И. Коваль. СПб., М., 1998. С. 106–115.

Haspelmath M. The grammaticization of passive morphology // Studies in language 14–1, 1990. P. 25–72.

Haspelmath M. More on the typology of inchoative / causative verb alternations // Comrie B. and Polinsky M. (ed.). Causatives and Transitivity. Amsterdam/Philadelphia, 1993. P. 87–120.

Vydrin V. Comparative etymological dictionary of Mande family (Ms.)

О. В. Кузнецова

ЛАБИЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ ГУРО[1]

0. Введение

В работе представлены предварительные результаты изучения лабильности глаголов в языке гуро. Язык гуро относится к южной группе семьи манде, на нем говорят 332 тысячи человек (по оценке 1993 года) в центральной части Кот-д'Ивуара. Материалы для исследования собирались в ходе экспедиции в Кот-д'Ивуар в январе и феврале 2010 года от информанта Юана Би Ирие Юбера[2], носителя диалекта Зуенуля.

В нашем словаре языка гуро на настоящий момент насчитывается чуть более двухсот глаголов, половина из них была обследована на предмет лабильности. Таким образом, данное исследование не может претендовать на завершённость, однако можно надеяться, что оно всё же отражает основные тенденции. Главным образом рассматривалась лабильность как возможность глагола употребляться и в переходной, и в непереходной конструкции без изменения формы. За рамками исследования остались менее типичные случаи изменения аргументной структуры, например, поведение непереходных двухвалентных глаголов; также не до конца исследованным остаётся вопрос о соотношении лабильности и видовременных форм.

1. Залог и актантная деривация в гуро

В языке гуро нет морфологических показателей актантной деривации или залога. Рефлексивное значение выражается конструкцией с переходным глаголам, позицию прямого дополнения в которой занимает местоимение рефлексивной серии в сочетании с маркером *bò* 'сам'. Рефлексивное местоимение указывает на

---

[1] Данная работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ, государственный контракт № 02.740.11.0595.

[2] Пользуясь случаем хочу выразить Ирие благодарность. Без его помощи и терпения данное исследование было бы невозможным.

кореферентность подлежащего и прямого дополнения. Синтаксически рефлексивные конструкции не отличаются от прочих конструкций с переходными глаголами. По-видимому, ограничения на возможность переходных глаголов употребляться в этой конструкции носят чисто лексический характер (впрочем, это утверждение ещё нуждается в дополнительной проверке).

(1a) *Wò* *wó* *bò* *zùlú*[3].
3PL.SBJ 3PL.REFL сам мыть
'Они (сами) помылись.'

(1b) *Wò* *à* *zùlú.*
3PL.SBJ 3SG.NSBJ мыть
'Они помыли его.'

Таблица 1. Субъектные местоимения

	ед. ч.	мн. ч.	
		инкл.	экскл.
1	*ạ̄*	*kàà*	*kʊ̄*
2	*ī*	*kā*	
3	*è*	*wò*	

Таблица 2. Несубъектные местоимения

	ед. ч.	мн. ч.	
		инкл.	экскл.
1	*ạ̄*	*kàà*	*kʊ̄*
2	*ī*	*kā*	
3	*à*	*wò*	

Таблица 3. Рефлексивные местоимения

	ед. ч.	мн. ч.	
		инкл.	экскл.
1	*ạ́*	*kàà ~ kàá*	*kʊ́*
2	*í*	*ká*	
3	*é*	*wó*	

[3] Для обозначения тонов используются знаки Международного Фонетического Алфавита: ˊ – высокий тон, ˉ – средний тон, ˋ – низкий тон, ˇ – восходящий тон, ˆ – падающий тон.

2. А-лабильность и Р-лабильность

В зависимости от того, какой актант сохраняется при варьировании переходности глагола, выделяются два типа лабильности: А-лабильность и Р-лабильность. При А-лабильности в обоих употреблениях имеется агентивный актант, при Р-лабильности – пациентивный [Kibrik 1996].

Эти типы лабильности различаются и по другим параметрам [Летучий 2006]: значимость коммуникативной характеристики участников ситуации, степень изменения семантики и т. д. На этом основании А. Б. Летучий не причисляет А-лабильные глаголы к канонически лабильным, считая, что в этом случае речь идет скорее о коммуникативном опущении.

В гуро не представлен тип А-лабильности с исходным непереходным употреблением типа *гулять три часа.* В языках мира такой тип лабильности может быть характерен для глаголов движения, чьи актанты (путь, конечная точка, начальная точка, траектория и т. д.) могут занимать позицию прямого дополнения. В гуро же они всегда оказываются в позиции косвенного дополнения:

(2) *È* *gʊ̌* *sá* *fɛ̄í* *dʊ̄* *lā.*
3SG.SBJ идти.PFV рис поле INDF PP
‘Он ушёл на рисовое поле’.

В гуро не допускается и опущение актантов глагола. В случаях, когда объект неизвестен говорящему или несущественен, позицию прямого дополнения при глаголе занимает местоимение третьего лица или существительное с общим значением (‘вещь’, ‘дело, событие’, ‘человек’), соответствующее прототипическому дополнению при данном глаголе[4].

---

[4]Подобная стратегия используется для выражения значения имперсонала; в этом случае позицию субъекта занимает местоимение третьего лица множественного числа.

(a) *Cɛ̨ɛ́zą̀* *ɓį̄* *kʊ́* *ɓālāá.*
вор человек этот бить.PFV
‘Вор побил этого человека’.

(b) *Wò* *ɓį̄* *kʊ́* *ɓālāá.*
3PL человек этот бить.PFV
‘Этого человека побили’.

(3) *È* *fɔ̃* *ɓīlì.*
3SG.SBJ футу есть.PFV
‘Он поел футу’.

(4) *È* *fɛ̃* *ɓīlì.*
3SG.SBJ вещь есть.PFV
‘Он поел’.

Был обнаружен только один А-лабильный глагол: *bʊ̄ʊ̄* ‘испражняться’.

(5a) *Nɑ̰̂kó* *gɔ̰̄lɛ̰̄* *lʊ̰̂* *gèî* *ɓɪ̰́lɪ́* *à*
нигериец мужчина PL наркотик глотать 3SG.NSBJ
yɔ̀ù-lī *pōlīsíé* *lʊ̰̂* *lèè* *lē* *wí* *jǐ* *yē*
прятать-GER полицейский PL PP COP дело PP и
wò *à* *bʊ̀ʊ́* *évòèlā.*
3PL 3SG.NSBJ испражняться.PFV позже
‘Нигерийцы проглотили наркотики, чтобы спрятать их от полицейских, а затем испражнились ими’.

(5b) *È* *bʊ̀ʊ́.*
3SG.SBJ испражняться.PFV
‘Он испражнился’.

Р-лабильность, наоборот, широко представлена в языке гуро. Она будет рассмотрена ниже, в разделах о пассивной и декаузативной лабильностях.

3. Диатетические типы лабильности

По соотношению с маркированными типами актантных деривaций, в языках мира выделяются шесть диатетических типов лабильности: каузативный/декаузативный, рефлексивный, реципрокальный, пассивный, потенциально-пассивный и конверсивный [Летучий 2006: 68].

А-лабильность отсутствует в этом списке, так как Летучий не причисляет её к канонической лабильности; декаузативная, пассивная и потенциально-пассивная являются подтипами Р-лабильности, а рефлексивную, реципрокальную и конверсивную нельзя отнести ни к тому, ни к другому типу.

В гуро из перечисленных диатетических типов представлены декаузативный, пассивный, конверсивный и рефлексивный.

3.1. Рефлексивная лабильность

При рефлексивной лабильности одно из употреблений глагола переходно, а другое непереходно и семантически является рефлексивом, образованным от первого, например англ. *wash* ‘мыть(ся)’, *shave* ‘брить(ся)’ [Летучий 2006: 94]. По своей семантике рефлексив сочетается прежде всего с ситуациями, которые имеют одушевлённый субъект. Чаще всего рефлексивно-лабильными бывают глаголы «ухода за телом».

Рефлексивная лабильность встречается относительно редко и, как правило, бывает непродуктивной. Это объясняется прежде всего немногочисленностью класса прототипических рефлексивов. Нередко рефлексивно-лабильные глаголы имеют синонимические маркированные конструкции, ср. англ. *I washed (myself) and went to bed* ‘Я умылся и пошёл спать’ [Летучий 2006: 96].

В гуро к рефлексивно-лабильным относятся несколько глаголов ухода за телом: *ɓōò* ‘вытирать(ся)’, *pūlū* ‘раздевать(ся)’, *zùlú* ‘мыть(ся)’, *ɓa̰ kɔ̰̄ɔ̰̄*[5] ‘чесать(ся)’ – а также три глагола, к этому разряду не относящиеся, но имеющие одушевлённый субъект: *dǎ̰* ‘сравнивать себя (с кем-л.) – сравнивать кого-л. (с кем-л.)’, *dṵ̌* ‘вешать(ся)’.

Конструкциям с рефлексивно-лабильными глаголами квазисинонимичны стандартные рефлексивные конструкции.

(6a) *Wò* *wó* *bò* *zùlú.*
3PL.SBJ 3PL.REFL сам мыть
‘Они (сами) помылись’ [Vydrine 2005].

(6b) *Wò* *zùlú.*
3PL.SBJ мыть
‘Они помылись.’ [Vydrine 2005]

[5] Глагол *ɓa̰ kɔ̰̄ɔ̰̄* ‘чесать(ся)’ относится к превербным. Превербы восходят к относительным именам с локативной семантикой (в данном случае *ɓa̰* ‘поверхность’) и характеризуются некоторой степенью отделимости. Судя по имеющимся данным, превербные глаголы не проявляют каких-либо особых свойств в строении аргументной структуры, отличающих их от непревербных. Здесь и далее превербные глаголы пишутся в два слова.

(7a) *È* *é* *bò* *tūó.*
3SG.SBJ 3SG.REFL сам ранить.PFV
‘Он сам себя ранил (нарочно)’ [Vydrine 2005].

(7b) *È* *tūó.*
3SG.SBJ ранить.PFV
‘Он поранился (нечаянно)’ [Vydrine 2005].

Употребление маркированного рефлексива подчёркивает, что действие было совершено самостоятельно (6) и/или осознанно (7). Например, (6a) может быть сказано о маленьких детях, про которых не очевидно, что они выполнили действие самостоятельно.

3.2. Конверсивная лабильность

При конверсивной лабильности переходное и непереходное употребления глагола имеют по два актанта, как у немецкого *erschrecken* ‘испугаться (чего-л.)/испугать (кого-л.)’ [Летучий 2006: 100]. Такой тип лабильности характерен для глаголов эмоций и чувственного восприятия, у которых ни один из участников ситуации (стимул и экспериенцер) не обладает полным набором агентивных или пациентивных свойств. От соотношения пассива и актива его отличает большая равноправность участников, от декаузативно-инхоативных пар – обязательность присутствия экспериенцера на семантическом уровне.

В гуро был обнаружен только один глагол с таким типом лабильности, он имеет два основных значения: *kã́ 1* ‘наедаться – насыщать’ и *kã́ 2* ‘удивлять(ся)’.

(8a) *Ã* *kã́* *fɔ̃* *yã̄.*
1SG наедаться.PFV футу PP
‘Я наелся футу’.

(8b) *Fɛ̄* *lɛ̄* *à̰* *ɓìlì* *ɓɛ̄* *è*
вещь REL 1SG>3SG.NSBJ есть.PFV ART 3SG.SBJ
ã̄ *kã́* *ézìɓã́.*
1SG наедаться хорошо
‘Я вполне насытился тем, что я съел’ (то, что я съел, меня насытило).

3.3. Декаузативная лабильность

Декаузативная (или каузативная, инхоативная) лабильность – это тип лабильности, при котором переходное употребление яв-

ляется семантическим каузативом от непереходного. Этот тип широко представлен и в языке гуро. Переходное и непереходное употребления могут быть связаны различными типами каузации.

(9a) *È* *yɔ̰́lɔ̰́* *ɓúù* *ã̰* *ɓã̰.*
3SG.SBJ масло размазывать 1SG на
‘Он размазал по мне масло’.

(9b) *Yɔ̰́lɔ̰́* *ɓúù* *ã̰* *ɓã̰.*
масло размазывать 1SG на
‘Масло размазалось по мне’.

(10a) *Wūā* *yāā* *jɛ̀* *ã̰* *bēè* *kūēé.*
голова болеть болезнь 1SG друг худеть.PFV
‘Мой друг похудел из-за мигрени’.

(10b) *Ã̰* *bēè* *kūēé.*
1SG друг худеть.PFV
‘Мой друг похудел’.

В качестве каузатора может выступать как одушевлённый агентивный участник (4b), так и причина (5b).

3.4. Пассивная лабильность

При пассивной лабильности переходное и непереходное употребления семантически не различаются. Хотя агенс в непереходной конструкции может быть не выражен, он присутствует на семантическом уровне.

Пассивная лабильность – типологически редкое явление. Она представлена в берберских языках и в отдельных языках Азии и Океании [Летучий 2006: 106], однако говорить о развитом немаркированном пассиве можно прежде всего применительно к языкам семьи манде. Он засвидетельствован, в частности, в языках бамана [Vydrine 1994], какабе [Выдрина 2009], кла-дан [Макеева, настоящий сборник].

В этих языках практически любая переходная конструкция может быть преобразована в непереходную, где исходное прямое дополнение перемещается в позицию подлежащего. Такому преобразованию может подвергаться конструкция с морфологическим каузативом; оно не запрещено и при глаголах с низкой семантической переходностью, а также в случаях, когда при исходном непереход-

ном глаголе в позицию прямого дополнения вводится обстоятельство времени. Ср. в какабе [Выдрина 2009: 42]:

(11а) *Séɛ̃ku bati lér kélen kúma Fánta fɛ̃.*
Секу PRF час один говорить Фанта с
‘Секу час разговаривал с Фантой’.

(11б) *Lér kélen bati kúma.*
час один PRF говорить
‘В течение часа разговаривали’.

Таким образом, для пассивной лабильности в этих языках оказываются несущественными семантическая переходность глагола и его исходная синтаксическая переходность; принимается в расчёт только синтаксическая переходность конструкции. Это даёт основания рассматривать пассивную лабильность как синтаксическую трансформацию и противопоставлять её другим типам лабильности, существующим в этих языках (декаузативному, рефлексивному, реципрокальному), поскольку последние зависят от лексического значения глагола.

В гуро нет механизмов типа морфологического каузатива, которые позволяли бы образование переходных конструкций от исходно непереходных глаголов. Однако существует класс строго переходных глаголов, конструкции с которыми не могут подвергаться пассивизации. Поэтому пассивную лабильность в гуро, в отличие от какабе, бамана и кла-дан, нельзя считать синтаксической трансформацией. Подобно другим типам лабильности она распределена лексически.

Значение конструкций с пассивно-лабильными глаголами в гуро близко к прототипическому пассиву. При непереходном употреблении глагола может быть выражено агентивное дополнение. Впрочем, составной послелог *pɛ̀ì yā̰*, вводящий это дополнение, может иметь и значение причины.

(12а) *Tālá vàù kḭ̄lḭ̄.*
Тра рубашка шить.PFV
‘Тра сшил рубашку’.

(12b) *Vàù kḭ̄lḭ̄ (Tālá pɛ̀ì yā̰).*
рубашка шить.PFV Тра след с
‘Рубашка сшита (Тра/ из-за Тра)’.

(12c) *Vàù* *à* *é* *kīlí-lī* *(Tālá* *pɛ́ì* *yā).*
рубашка COP PR шить-GER Тра след с
'Рубашка была сшита (Тра).'

4. Распределение лабильности в глагольной лексике

Как говорилось выше, в гуро засвидетельствованы единичные примеры А-лабильности и конверсивной лабильности. Рефлексивная лабильность представлена несколько лучше, но и она сводится к небольшой группе глаголов, естественно ограниченных немногочисленностью прототипических рефлексивов.

Поэтому ниже мы будем рассматривать наиболее многочисленные классы лабильных глаголов: декаузативно- и пассивно-лабильные.

4.1. Распределение лабильности в глагольной лексике

В гуро выделяются три группы глаголов: непереходные, переходные и лабильные (в свою очередь подразделяемые по диатетическим типам лабильности).

К строго переходным глаголам относятся:

а) контролируемые процессы с неодушевлёнными пациентивными участниками – *ɓēlì 3* 'пропустить (событие)', *ɓīlī* 'есть, праздновать', *ɓūù 1* 'потерпеть неудачу', *ɓū 2* 'сбивать, собирать (плоды с дерева)', *tâ bǐn 1* 'прогонять', *bìlì 1* 'приколачивать', *dʒ̀lɛ́* 'готовить пищу', *fɛ̃ɛ̄ 1* 'раздувать (огонь)', *gìlì* 'искать';

б) некоторые глаголы с одушевлёнными пациентивными участниками – *fɛ̃ɛ̄ 5* 'обматывать', *ɓū 5* 'выкупать (невесту)', *kūū* 'успокаивать, разнимать (дерущихся)'.

К пассивно-лабильным относятся только глаголы с неодушевлённым пациентивным участником: *bɛ̀ɛ̀* 'быть сшитым – сшивать, заклеивать', *ɓīɛ̄* 'быть расчёсанным – расчёсывать', *ɓū 3* 'быть растёртым – растирать, раздавливать', *jì ɓū* 'быть выпотрошенным – потрошить', *bīɛ̀ 2* 'быть перенесённым – переносить (событие)', *fõlí 1* 'быть выкованным – ковать', *ɓā sāā* 'быть вымытым – мыть', *fɛ̃ɛ̄ 2* 'быть провеянным – провеивать', *dā* 'продаваться – продавать', *kílí 5* 'быть раскроенным, сшитым – кроить, шить' и т. д. Большая часть этих глаголов описывает контролируемое обратимое недеструктивное воздействие на пациентивного участника.

Декаузативно-лабильными являются:

а) глаголы с неодушевлённым пациентивным участником – *bɔ̄ 4* ‘быть доступным, недорогим – делать доступным, недорогим’, *jǐ bɔ̄* ‘быть чистым – очищать (о жидкостях, моющих средствах)’; *bí 2* ‘загореться – зажечь’, *bōò 2* ‘размазывать(ся)’, *búá 5* ‘переворачивать(ся)’, *līlī 2* ‘гаснуть – гасить’, *sú* ‘открываться – открывать’;

б) глаголы деструкции – *bɔ̂í 1* ‘ломать(ся)’, *bīlī 4* ‘истрепать(ся)’, *búá 4* ‘обвалиться – обрушить’, *fãã 1* ‘разламывать(ся), взрывать(ся)’, *yí bū* ‘растворять(ся)’, *sēlɛ́* ‘ломать(ся), портить(ся)’, *fūī 2* ‘изнашивать(ся)’, *fɔ̰lɔ̰ 4* ‘усыхать, сморщивать(ся)’, *wīí* ‘ломать(ся), трескаться’;

в) глаголы, обозначающие неконтролируемые извне процессы, протекание которых обусловлено внутренними свойствами неодушевлённого пациентивного участника – *bɪ̀lɪ̰ 2* ‘спрессоваться, затвердеть – трамбовать’, *bãã 2* ‘приносить урожай – быть причиной урожая’, *dɔ̄lɔ̄àlá 1* ‘остывать – охлаждать’, *gã 6* ‘высыхать – сушить’;

г) глаголы, обозначающие физиологические процессы – *fɛ̃ɛ̃* ‘тошнить – вызывать рвоту’, *vùò* ‘просыпаться – будить’, *bélí 1* ‘поправляться – лечить’, *bũã* ‘толстеть – быть причиной толстения’;

д) глаголы, обозначающие изменение положения в пространстве – *dɔ̀lɔ̀ 1* ‘распрямлять(ся)’, *dʊ̰̌ 1* ‘висеть – вешать’, *vɔ̄* ‘поднимать(ся)’, *sōì* ‘вытягивать(ся), ложиться’, *wʊ̰̄ã̀* ‘поднимать(ся)’, *búá 1* ‘нагибать(ся)’;

е) некоторые другие глаголы с одушевлённым участником в непереходном употреблении – *bɔ̄lá 3* ‘бывать, посещать – приводить, быть причиной визита’, *fūīlá* ‘рассеивать(ся), расходиться’, *bũù 3* ‘поскользнуться – заставлять поскользнуться (о скользких поверхностях)’, *dìá 3* ‘терпеть убытки – заставлять терпеть убытки’, *fūī 3* ‘переезжать – заставлять переезжать’, *zɑ̀lɑ̰́ 2* ‘страдать расстройством желудка – вызывать расстройство желудка’.

К непереходным глаголам в гуро относятся:

а) события с неодушевлённым участником:

bɔ̄ 2 ‘достигать (уровня, количества)’, *bɔ̄ 3* ‘попадать (в цель)’, *bɔ̄ɔ̀* ‘протекать (о ёмкости), просачиваться (о жидкости)’, *búá 2* ‘нависать’, *fɛ̃ɛ̃ 3* ‘портиться (о соусе)’, *tã fɪ̰̌lɪ̰ 3* ‘пройти (о времени)’;

б) неконтролируемые (или слабо контролируемые) процессы с одушевлённым участником:

bàà 2 ‘получать удовольствие’, *dɔ̄lɔ̄àlá 2* ‘успокаиваться’, *káná 1* ‘бояться’, *dɔ̀lá 4* ‘ловить на месте преступления, застигать врасплох’, *dʉ̀lʉ̀ 1* ‘стонать’, *dʉ̀lʉ̀ 2* ‘тужиться’, *fi̧lī 2* ‘дышать, отдыхать’, *gā* ‘умирать’;

в) глаголы движения с одушевлённым участником: *bìnì 1* ‘ползать (на четвереньках)’, *dā 1* ‘приходить’, *dā 3* ‘появляться’, *dùùn 3* ‘отправляться, уходить’, *dʉ̀ʉ̀ 2* ‘выскакивать’, *gʉ̄* ‘идти, уходить’, *jɛ̄ 3* ‘вбегать’;

г) некоторые другие контролируемые процессы с одушевлённым участником: *bàà 1* ‘хвастаться’, *jì bɔ̀lɔ̀* ‘думать, помнить’, *dą̌ 6* ‘барахтаться, вырываться’, *gā 2* ‘давать сигнал к завершению (танца, песни)’, *gą̄lą̄ą̀ 3* ‘потягиваться’.

Для непереходных глаголов значение каузации может быть выражено только при помощи придаточного предложения.

(13a) *È* *ką́lą́* *(bɛ̄lɛ̄* *lɛ̄è).*
3SG.SBJ бояться.PFV змея PP
‘Он испугался (змеи)’.

(13b) **Bɛ̄lɛ̄* *à* *ką́lą́.*
змея 3SG.NSBJ бояться.PFV
‘Змея его напугала’.

(13c) *È* *à* *kɛ̄lɛ́* *yɛ̄* *ą̄* *ką́lą́*
3SG.SBJ 3SG.NSBJ делать.PFV что 1SG бояться
bī̧ *kʉ̄* *lɛ̄è.*
человек этот PP
‘Он заставил меня бояться этого человека’ (он сделал так, что я стал бояться этого человека).

4.2. Факторы, влияющие на распределение лабильности

Декаузативная лабильность – это самый распространённый в языках мира вид лабильности, и часто именно она находится в центре внимания при исследовании лабильности вообще. Как правило, лабильность охватывает далеко не все теоретически возможные пары глаголов, соотносящиеся как P и каузатив от P. При исследовании механизмов каузативизации и декаузативизации и ограничений, которые накладываются на них в том или ином языке, часто используется так называемая шкала самопро-

извольности. Она охватывает зону, в которую объединяются действия, которые могут быть представлены и как произвольные, и как происходящие с участием агенса. В этой зоне семантической лабильности «язык может выбирать все возможные стратегии: маркирование каузатива и декаузатива, лабильность, эквиполентную оппозицию и супплетивизм» [Летучий 2006: 73].

Шкала, представленная в работе [Недялков 1969], состоит из четырёх глаголов и выглядит следующим образом:

wash < close < melt < laugh

Имеется в виду, что ситуации, описываемые глаголами типа *laugh,* чаще других возникают спонтанно, поэтому для глагола со значением ‘смеяться’ маловероятно быть декаузативом от глагола со значением ‘смешить’ и наоборот, ситуация, обозначенная глаголом *wash,* не может возникнуть спонтанно, поэтому ‘мыть’ вряд ли будет каузативом от ‘мыться’.

Распределение глаголов в гуро соответствует этой шкале: левая её часть представлена лабильными глаголами *zùlú* ‘мыть(ся)’, *lɛ́ tán* ‘закрывать(ся)’, *sīlí* ‘плавить(ся)’, в то время как глагол *yélí-sí*[6] ‘смеяться’, занимающий крайне правую позицию на шкале, является строго непереходным.

В работе [Haspelmath 1993] предлагается гораздо более дробная шкала самопроизвольности (см. Таблицу 4).

Как можно видеть, в гуро практически все пары представлены лабильными глаголами и только в двух случаях мы имеем дело с супплетивизмом: пары ‘умирать – убивать’ и ‘учиться – учить’ представлены разными лексемами. Таким образом, гуро относится к тем языкам, где функционирование механизма лабильности не может быть описано только при помощи шкалы самопроизвольности, в нём граница распространения лабильности проходит вне этой шкалы.

Сам параметр самопроизвольности хорошо определяется прежде всего на прототипически переходных глаголах. Поэтому, если лабильность распространяется и на ситуации, где нет прототипических агенса и пациенса, необходимо рассмотрение более широкого спектра ситуаций. В работе [Летучий 2006] предлагается

[6] Глагол *yélí-sí* ‘смеяться’ представляет собой композит из существительного *yélí* ‘смех’ и десемантизованного глагола *sí*.

классификация ситуаций, которая позволяет предсказывать огра ничения лабильности за пределами шкалы самопроизвольности:

Таблица 4. Шкала самопроизвольности Хаспельмата
в применении к гуро

кипеть-кипятить	*fìlī*	лабильный
охлаждаться-охлаждать	*dɔ̄lɔ̄àlá*	лабильный
сохнуть-сушить	*gā*	лабильный
просыпаться-будить	*vùò*	лабильный
гаснуть-гасить	*līlī*	лабильный
тонуть-топить	–	–
учиться-учить	*dą̰lą̰ą̰̀* *páá*	переходный переходный
плавиться-растапливать	*sīlí*	лабильный
останавливать(ся)	*dɔ̄*	лабильный
поворачивать(ся)	*lɔ̰̄ɔ̰̀*	лабильный
растворять(ся)	*yí-bú*	лабильный
загораться-зажигать	*bí*	лабильный
разрушать(ся)	*zą̰̀lą̰́*	лабильный
наполнять(ся)	*fɔ̰̀ą̰̄*	лабильный
заканчивать(ся)	*yą̰̄ą̰́*	лабильный
начинать(ся)	*pēlī síá*	лабильный
расстилать(ся)	*pālā*	лабильный
катить(ся)	*būlūlá*	лабильный
развивать(ся)	*gū zī lɛ́*	лабильный
терять(ся)	*są̰́*	лабильный
поднимать(ся)	*vɔ̄*	лабильный
улучшать(ся)	*bą̰̂ kɛ̄lɛ́*	лабильный
качать(ся)	*yɔ̰̀ɔ̰̀*	лабильный
соединять(ся)	*zɛ̰̄ 1*	лабильный
менять(ся)	*lɔ̰̄ɔ̰̄lá*	лабильный
собирать(ся)	*zɛ̰̄ 2*	лабильный
открывать(ся)	*sú*	лабильный
ломать(ся)	*wīí*	лабильный
закрывать(ся)	*lɛ́ tą̰́*	лабильный
раскалывать(ся)	*fĭɛ̄*	лабильный
умирать-убивать	*gā* *jɛ̄*	непереходный переходный

неэргативные (агентивные) vs. неаккузативные (пациентные) одновалентные ситуации;

(внутри неаккузативных) контролируемые изнутри vs. извне;

(внутри контролируемых извне) левая vs. правая часть шкалы самопроизвольности;

(внутри левой части шкалы) возникающие vs. не возникающие спонтанно [Летучий 2006: 77–78].

В частности, эта классификация объясняет, почему в гуро не проявляют лабильности глаголы, обозначающие события с неодушевлёнными участниками (непереходные глаголы типа *bɔ̄* 2 ‘достигать (уровня, количества)’) и слабо контролируемые процессы (непереходные глаголы типа *bàà* 2 ‘получать удовольствие’) – неаккузативные глаголы, обозначающие неконтролируемые извне ситуации, редко бывают лабильными [Летучий 2006: 78].

Непереходность глаголов, обозначающих контролируемые процессы с одушевлённым участником (в том числе глаголов движения), можно объяснить тем, что эти глаголы обозначают агентивные одновалентные ситуации, в которых соотношение между непереходными глаголами и соответствующими им переходными глаголами с двумя одушевлёнными актантами не является прототипически каузативным. «По-видимому, отличия этих глаголов от прототипа декаузативно-каузативного соотношения связаны с особой важностью в ситуации одушевлённых участников» [Летучий 2006: 88].

К другим факторам, которые могут влиять на распределение лабильности, согласно [Летучий 2006], относятся:

1) прототипичность пациенса;
2) тип агенса;
3) одушевлённость пациенса;
4) способ каузации;
5) аспектуальный класс глагола.

Из этих факторов важнейшими для гуро, по всей видимости, являются одушевлённость пациенса и тип каузации. Глаголы, обозначающие в непереходном употреблении ситуации с неодушевлённым пациенсом, составляют ядро лабильных глаголов в гуро.

К пассивно-лабильным глаголам относятся только глаголы с неодушевлённым пациентивным участником. Большая часть

декаузативно-лабильных глаголов также относится к этому типу. Исключениями являются глаголы, обозначающие физиологические процессы (типа *ɓélí* 1 ‘поправляться – лечить’), а также глаголы, обозначающие изменения в пространстве (типа *dɔ̀lɔ̀* 1 ‘распрямлять(ся)’), где в непереходном употреблении участник может быть как одушевлённым, так и неодушевлённым. В непереходном употреблении они имеют автокаузативное значение: «хотя субъект не совершает действия над собой, он с помощью своих сил каузирует себя изменить местоположение» [Летучий 2006: 87].

Также к декаузативно-лабильным относятся глаголы с одушевлённым участником в непереходном употреблении (типа *ɓūù* 3 ‘поскользнуться – заставить поскользнуться (о скользких поверхностях)’), для которых характерна дистантная каузация. У таких глаголов в переходном употреблении каузатором, выраженным подлежащим, часто оказывается не одушевлённый агентивный участник, а причина или внешняя сила.

Некоторые глаголы с неодушевлённым пациентивным участником занимают промежуточное положение между пассивно- и декаузативно-лабильными и допускают оба варианта значения непереходной конструкции:

(14a) *Ã̰ vàù fīāá.*
1SG рубашка рвать.PFV
‘Я порвал рубашку’.

(14b) *Ã̰ lē vàù fīāá.*
1SG POSS рубашка рвать.PFV
‘Моя рубашка порвалась’/ ‘Мою рубашку порвали’.

Список сокращений

ART	артикль
COP	связка
GER	герундий
INDF	неопределенный артикль
NSBJ	несубъектное местоимение
PFV	перфектив
PL	множественное число
POSS	посессивный показатель
PP	послелог

PR предлог
PRF перфект
REFL рефлексивное местоимение
REL релятивизатор
SBJ субъектное местоимение
SG единственное число

Литература

Выдрина А. В. Аргументная структура и актантные деривации в языке какабе. Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики. СПб., 2009.

Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2006.

Макеева Н. В. Лабильность и актантная деривация в языке кла-дан // Настоящий сборник.

Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Л., 1969. С. 20–50.

Недялков В. П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Вардуль И. Ф. (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969. С. 106–114.

Haspelmath M. More on the typology of inchoative / causative verb alternations // Comrie B. and M. Polinsky (ed.). Causatives and Transitivity. Amsterdam/Philadelphia, 1993. P. 87–120.

Kibrik A. A. Transitivity in lexicon and grammar // Godoberi [Lincom Studies in Caucasian Linguistics. Vol. 2] / Kibrik A. E. (ed.). München – Newcastle, 1996.

Vydrin, V. Pronoms personnels gouro // The Journal of West African Languages, Vol. XXXI, № 1–2, 2005. P. 83–107.

Vydrine V. F., Coulibaly A. D. Verbes réfléchis bambara. Première partie (Pronoms réfléchis. Groupements sémantico-syntaxiques des verbes non-réfléchies) // Mandenkan, 28, 1994.

Д. Ф. Мищенко

ПРОНОМИНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЛООМА (ДИАЛЕКТ ВОИ-БАЛАГА)[1]

1. Введение

Язык лоома входит в юго-западную группу семьи манде. Материалом для настоящей статьи послужили данные вои-балага, одного из центральных гвинейских диалектов лоома, носители которого проживают в округе Масанта в Лесной Гвинее.

По сложившейся в мандеистике традиции, при описании восточных, южных и юго-западных языков манде в них выделяют т.н. «местоименные серии». Эти серии значительно различаются как по своему морфологическому статусу, так и по выполняемым ими функциям. В зависимости от положения на шкале линейно-синтагматического континуума, синтаксической функции и особенностей морфологического поведения, прономинальные единицы в лоома можно разделить на три группы: собственно **местоимения**, **местоименные показатели** (МП) и **местоименные индексы** (МИ). К местоименным показателям относятся **местоименные предикативные показатели** (МПП) и **местоименные посессивные показатели**. Далее, приведя краткие сведения о фонологической системе лоома и о некоторых особенностях морфологического и синтаксического строя языка, я обосную необходимость выделять различные классы прономинальных единиц и рассмотрю свойства элементов, составляющих эти классы в лоома.

---

[1] Работа является частью проекта «Разработка автоматического глоссирования текстов языков с грамматическими тонами: семья манде» в рамках направления «Лингвистические аспекты исследования текста» программы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации». Я хочу выразить благодарность своему информанту Самюэлю Зуманиги за терпение и благожелательность в ходе нашей работы.

2. Некоторые особенности языковой структуры лоома

2.1. Сегментная фонология

2.1.1. Вокалическая система. Гласные фонемы в лоома представлены двумя сериями, назализованной и неназализованной.

Таблица 1. Гласные фонемы

i				*u*		*ĩ*					*ũ*
	e			*o*			*ẽ*			*õ*	
		ɛ		*ɔ*				*ɛ̃*		*ɔ̃*	
			a						*ã*		

2.1.2. Консонантная система. Согласные фонемы приведены в Таблице 2:

Таблица 2. Согласные фонемы

	губные	губно-зубные	альвеолярные	передненёбные	задненёбные	губно-задненёбные
взрывные	*p*		*t*		*k*	*kp*
	b		*d*		*g*	*gb*
щелевые		*f*	*s*			
		v	*z*		*ɣ*	
имплозивные	*ɓ*	*ʋ*				
сонанты	*w*		*l*	*y*		
носовые сонанты	*m*		*n*	*ɲ*	*ŋ*	

2.1.3. Чередование начального согласного. Отличительной чертой юго-западных языков манде, и в том числе лоома, является чередование начального согласного. Суть этого явления заключается в том, что в одних синтаксических контекстах в начале слова появляется

т.н. «сильный» согласный, а в других – парный ему «слабый». В Таблице 3 представлены пары «сильных» и «слабых» согласных; в тех случаях, когда выбор «слабого» члена пары зависит от последующего гласного, в третьем столбце приводится этот гласный.

Таблица 3. Чередование начального согласного

«сильные»	«слабые»	правый контекст
p	*w*	*u, o, ɔ*
	v	*i, e*
	υ	*ɛ, a*
t	*l*	
k	*w*	*u, o, ɔ*
	γ	*i, e, ɛ, a*
kp	*б*	
f	*v*	
s	*z*	
b	*w*	*u, o, ɔ*
	υ	*i, e, ɛ, a*
d	*l*	
z	*y*	
g	*w*	*u, o, ɔ*
	γ	*i, e, ɛ, a*
gb	*б*	
ɲ	*y*	*i, e, a*

2.2. Тональная система. Лоома – язык с двумя уровневыми тонами, высоким и низким. Носителем тона является морфема. Поверхностные тоны слов во фразе могут значительно отличаться от глубинных: в подавляющем большинстве контекстов лексический тон слова изменяется либо под влиянием тона предшествующего слова (при этом имеет значение синтаксический контекст), либо в результате воздействия грамматических тонов, выражающих то или иное грамматическое значение. В форме цитации большинство существительных и все глаголы обладают высоким тоном под влиянием присоединённого на глубинном уровне референтного префикса **ŋ́-*. Далее в статье во всех фразовых примерах будет обозначена поверхностная реализация тонов.

2.3. Синтаксис. Базовый порядок слов в глагольном предложении в лоома – SOV. Детерминативы оформляют всю именную группу в целом, присоединяясь к последнему её компоненту. Полная схема большинства простых глагольных предложений в лоома выглядит так: (S)-PPM-(DO)-V-(IO), т.е. единственными обязательными компонентами простого глагольного предложения являются МПП и глагольное сказуемое. Подробнее о структуре предложения, а также о фактативных конструкциях, представляющих собой единственное исключение из общего правила, см. ниже.

3. Местоименные показатели

Необходимость выделять МП в отдельный класс единиц в первую очередь обусловлена их синтаксической функцией. МП служат показателями синтаксических отношений того или иного типа и, в отличие от местоимений, являются обязательными элементами структуры конструкции. Местоимения же находятся в отношениях дополнительной дистрибуции с ИГ (исключения из этого правила – случаи т.н. местоименной репризы – будут рассмотрены далее).

Существует несколько формальных критериев, позволяющих отнести прономинальный элемент к МП. Подробнее об этом см. [Выдрин 2010] и [Hachaturyan 2010].

В зависимости от того, какую именно конструкцию маркируют МП, внутри этого класса следует выделять МПП и местоименные посессивные показатели.

3.1. Местоименные предикативные показатели

Серии МПП в вои-балага представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Местоименные предикативные показатели в лоома

Серия	1	1+2	2	3	1+3	1+2+3	2+3	3+3
базовая	*gè*	*dé*	*è*	*é* / ø	*gé* ~*gí*	*àdé*	*wò*	*tí*
не-прош. времени	*gà*~*nà*	*dá*	*dà*	*tóá* / *ka*	*gá*	*àdá*	*wà*	*tá*
интенцион.	*nà*	*dá*	*dà*	*tóá* / *ka*	*gá*	*àdá*	*wà*	*tá*
будущего времени	*nàà*~*gàà*	*dáá*	*dàà*	*tóá* / *ka*	*gáá*	*àdáá*	*wàà*	*táá*
ирреальная	*nà*	*dá*	*dà*	*á*	*gá*	*àdá*	*wà*	*tá*
императив.		*dé*	ø			*àdé*	*á*	

Термин «местоименный предикативный показатель» (МПП) был предложен В. Ф. Выдриным [2010]. Под ним подразумевается обязательный элемент синтаксической структуры глагольного предложения, кореферентный субъектной ИГ и не состоящий в отношениях дополнительной дистрибуции с ней. Этимологически МПП восходят к сочетаниям свободных местоимений в функции подлежащего с предикативными показателями и потому сочетают выражение значений категории лица с выражением видо-временных, модальных значений и значений категории полярности.

Рассмотрим на примере МПП базовой серии функционирование этих элементов в предложении:

(1a) *É* *Kólì* *lóá-ní.*
3SG.BASE Коли бить-AOR
‘Он побил Коли’.

(1b) *Zèzé* *Kólì* *lóá-ní.*
Зезе Коли бить-AOR
‘Зезе побил Коли’.

(2a) *Tí* *Kólì* *lóá-ní.*
3PL.BASE Коли бить-AOR
‘Они побили Коли’.

(2b) *Dɔ́sɔ́-í-tì* *tí* *Kólì* *lóá-ní.*
REF\охотник-DEF-PL 3PL.BASE Коли бить-AOR
‘Охотники побили Коли’.

В отличие от местоимений, МПП не только выражают значения лица и числа, но и участвуют в выражении глагольных значений вида, времени и наклонения – наравне с глагольным суффиксом и грамматическим тоном на глаголе. Кроме того, как видно из примеров (2a-b), МПП 3 л. мн. ч. является обязательным в предложении, в то время как полная ИГ возможна (2b), но необязательна (2a). Поскольку единицы, выражающие значение 1 и 2 л., даже потенциально не допускают замены на полную ИГ и не могут быть опущены, такие элементы следует считать МПП. При этом «аномальным» оказывается предложение (1b), в котором МПП на поверхностном уровне отсутствует. Когда, как в этом

примере, подлежащее в предложении выражено полной ИГ, мы вынуждены считать, что МПП представлен нулём[2], т. е. МПП 3 л. ед. ч. имеет два алломорфа, *é* и ø. Предложение (1b) при такой трактовке будет выглядеть так:

(3=1b) *Zèzé* ø *Kólì* *lóá-ní.*
Зезе 3SG.BASE Коли бить-AOR
'Зезе побил Коли'.

Обратимся ещё раз к Таблице 4. МПП 3 л. ед. ч. базовой и интенциональной серий, а также серий не-прошедшего и будущего времени представлены двумя алломорфами. Первый алломорф в каждом из случаев выступает при нулевом подлежащем, а второй – при полной ИГ, ср. (4a-b), где употреблены МПП серии непрошедшего времени:

(4a) *Tóá* *níkɛ́-í* *ɣɛ́dɛ̀-sù.*
3SG.NPST REF\корова-DEF быть.здоровым-IPFV
'Он лечит корову'.

(4b) *Zúnú-í* *ɣà*[3] *níkɛ́-í*
REF\мужчина-DEF 3SG.NPST REF\корова-DEF
ɣɛ́dɛ̀-sù.
быть.здоровым-IPFV
'Мужчина лечит корову'.

Как видно из примеров (1)–(4), МПП и субъектная ИГ занимают разные позиции в предложении, при этом МПП является обязательным компонентом структуры предложения, а подлежащее может быть опущено. Следовательно, как уже было сказано выше, единственными обязательными компонентами большинства простых глагольных предложений являются МПП и глагольное сказуемое.

[2] Такое решение предложено В. Ф. Выдриным в докладе «Ergativity in Subsaharan Africa: the Southwestern Mande case» и в основанной на нём статье [Выдрин, рук.].

[3] Начальный согласный МПП 3 л. ед. ч. подчиняется правилу чередования начального согласного.

Следует повторить, что основным доводом в пользу особого статуса МПП является обязательность показателя 3 л. мн. ч. в примерах типа (2b), где одновременно присутствуют подлежащее, выраженное полной ИГ, и МПП. При этом может возникнуть впечатление неоднородности состава МПП. Однако то обстоятельство, что этимологически МПП 3 л. ед. ч., *ka* и ø, восходят к единицам с другим статусом (к предикативным показателям), не мешает считать их МПП на синхронном уровне. В современном лоома они интегрированы в систему МПП в качестве алломорфов показателей 3 л. ед. ч.

Кратко рассмотрим представленные в лоома серии МПП и контексты, в которых употребляются образующие их единицы.

3.1.1. Базовая серия. Выбор этого термина объясняется тем, что в морфологическом плане данная серия является исходной для других серий МПП: по-видимому, большинство составляющих их единиц образовалось в результате присоединения предикативной связки к элементам базовой серии. МПП базовой серии употребляются в следующих конструкциях:

1) с глаголом без видо-временных показателей. Эта конструкция в независимых предложениях выражает значения **будущего времени** (5) (или **статива** (6), в зависимости от акциональных свойств глагола) и **юссива** (7).

(5) *Gè* *là.*
1SG.BASE ложиться
‘Я ложусь / Я сейчас лягу’.

(6) *È* *kwɛ́* *gà* *tónɛ́-í* *ɣà*
2SG.BASE знать INSTR REF\дождь-DEF 3SG.NPST
wù-zú *líínà.*
литься-IPFV завтра
‘Ты знаешь, что завтра будет дождь’.

(7) *Tí* *súó-í* *vé* *Fòlòmò* *yà.*
3PL.BASE REF\мясо-DEF давать Фоломо DAT
‘Пусть они дадут Фоломо мясо’.

В сопряжённых конструкциях она употребляется даже в таких контекстах, которые при независимом употреблении требуют ис-

пользования МПП другой серии. Так, в предложении тождества обычно употребляется МПП серии не-прошедшего времени (см. 3.1.2 ниже), однако при эмфатическом выносе ремы в зависимой клаузе используется МПП базовой серии (8):

(8) *Gá* *ɣà* *gé* *gà*
1PL.EXCL.DEM DEM.COP 1PL.EXCL.BASE SOC

máság-í.
REF\вождь-DEF
‘Что касается нас, то мы вожди’.

Наконец, такая конструкция употребляется в целевых клаузах (9):

(9) *Pà-vɛ́* *vɛ́* *ní* *á* *kɛ̀*
1SG.PI\приходить-FCT LOC если 3SG.IRR быть

gè *ɓàlɛ̀* *kpálág-í* *zù.*
1SG.BASE работать REF\поле-DEF в
‘Я пришёл сюда, чтобы работать в поле’.

2) в конструкциях с отрицательной предикативной связкой *là* (за исключением отрицательных презентативных предложений, см. далее):

(10) *Gè* *là* *kɛ́-á* *pɛ́-pɛ́.*
1SG.BASE NEG 3SG.PI\делать-PRF совсем-совсем
‘Я этого никогда не делал’.

3) в конструкциях с глаголом с суффиксом **аориста** *-ni*[4]:

(11) *Tí* *Kólì* *lóá-ní.*
3PL.BASE Коли бить-AOR
‘Они побили Коли’.

4) в конструкциях с глаголом с суффиксом **перфекта** *-á*[5]:

---

[4] Суффикс *-ni* не обладает собственным тоном, он принимает лексический тон глагольной основы, к которой присоединяется.

[5] При присоединении суффикса *-á* к глагольной основе, оканчивающейся на *-(g)*, конечный элемент основы попадает в интервокальную позицию, а потому становится слышимым. Если основа глагола оканчи-

(12) *Gè* *ɣìg-á.*
1SG.BASE быть.мудрым-PRF
‘Я стал мудрым’.

5) с предикативной связкой *ɣea*[6] или *ɣènì* и глаголом на *-ni*: эти конструкции передают значение **перфекта в прошлом**:

(13) *É* *ɣéá* *wùlà-nì.*
3SG.BASE PRF выходить-AOR
(– Вы его застали? – Нет,) ‘он ушёл’.

(14) *Zíé-í* *ɣɛ́nì* *lɛ́í-nì* *má-wóná*
REF\вода-DEF PST быть.холодным-AOR EMPH-год
sààgɔ̀ *ɣà.*
три DEM.COP
‘Вода была холодной три года назад’ (когда я впервые искупался здесь).

6) в конструкциях с предикативной связкой *ɣènì* или *ɣea* и глаголом на *-zu*/*-su*[7], выражающих ряд значений, которые можно обобщённо назвать **имперфективными**: **прогрессив** (15), **итератив** (16), в том числе **хабитуалис** (17), и **мультипликатив** (18) в прошлом:

(15) *Lé* *ɣà* *è* *ɣèà* *kɛ́ɛ́-zù?*
что DEM.COP 2SG.BASE PRF 3SG.PI\делать-IPFV
(– Я только что пришла с рынка. –)‘Что ты (там) делала?’

(16) *Gè* *ɣènì* *kááli* *ɣáá-zù.*
1SG.BASE PST REF\змея.DEF видеть-IPFV
(Когда я был маленьким, бывало,) ‘я видел змею’.

вается на *-a*, суффикс сливается с конечным гласным, сообщая ему высокий тон.

[6] Связка *ɣea* не имеет собственного лексического тона, её тон зависит от поверхностного тона предшествующего слова.

[7] Суффикс *-zu* не обладает собственным тоном, он принимает лексический тон глагольной основы, к которой присоединяется. Присоединяясь к глагольной основе, оканчивающейся на *-(g)*, показатель реализуется с «сильным» начальным согласным, т. е. в виде *-su.*

(17) *É* *ɣénì* *lɛ̀ɣɛ́* *mɔ́g-à-ì* *ɓɛ́tɛ̀-zù.*
3SG.BASE PST мука печь-PRF-DEF готовить-IPFV
(Когда она работала в булочной в прошлом году,) ‘она пекла хлеб’.

(18) *É* *ɣénì* *ɣàkà* *zà-sù* *zúnɔ́.*
3SG.BASE PST грудь скрести-IPFV много
(В тот день) ‘он много кашлял’.

Подводя итог употреблениям МПП базовой серии, отмечу, что они употребляются как в глагольных предложениях, не содержащих предикативной связки, так и с предикативными связками *là*, *ɣea* и *ɣènì*.

3.1.2. Серия не-прошедшего времени. Образовалась в результате слияния МПП базовой серии с предикативной связкой *ɣa*[8], восходящей, по-видимому, к глаголу *kà* ‘рождаться, находиться; видеть’. МПП серии не-прошедшего времени употребляются в следующих конструкциях:

1) в неглагольном **предложении тождества**, в котором передаётся значение принадлежности объекта некоему классу объектов:

(19) *Nà* *gà* *kpódí-ló-nù-ì.*
1SG.NPST INSTR REF\продавать-падать-человек-DEF
‘Я продавец’.

2) в конструкции с глаголами без видо-временных показателей, передающей значение, близкое к **капацитиву** или **квалитативу**:

(20) *Tóá* *dà* *sɛ̀ɣɛ́-í* *nɔ̀wɔ̀.*
3SG.NPST 2SG.POSS REF\одежда-DEF быть.грязным
(Будь аккуратнее с собакой,) ‘она может испачкать твою одежду’.

3) в конструкции с глаголами на *-zu*/*-su*; с помощью этой конструкции в вои-балага передаётся значение **дуратива** (21)–(22); кроме того, она может выражать значение **будущего времени**

[8] Тон связки *ɣa* определяется лексическим тоном предшествующего слова.

(23). Отмечу, что по сравнению с конструкцией будущего времени, образованной МПП базовой серии и глаголом без видо-временных показателей, данная конструкция выражает меньшую степень вероятности совершения действия:

(21) *Wàà* *lìì-zù* *lákólì* *zù.*
2PL.NPST идти-IPFV REF\школа.DEF в
'Вы идёте в школу'.

(22) *Tóá* *ɲíí-zù.*
3SG.NPST спать-IPFV
'Он спит'.

(23) *Nà* *yɛ̀-sú* *pɔ́* *bɛ̀.*
1SG.NPST оставаться-IPFV 1SG.PI\у LOC
(– Что ты собираешься делать сегодня вечером? –) 'Я останусь дома'.

4) в конструкции с глаголами на *-ni*. В этой конструкции, передающей значение **статива**, употребляются некоторые глаголы, обозначающие изменение положения в пространстве:

(24) *Dà* *zɛ́í-ní.*
2SG.NPST садиться-AOR
'Ты сидишь'.

5) в конструкции с показателем *dá* и глаголом без видо-временных показателей, при помощи которой в вои-балага выражается значение **хабитуалиса в настоящем времени**.

(25) *Tóá* *dá* *gúlí* *válí* *gà*
3SG.NPST HAB REF\дерево.DEF рубить INSTR
kpídí.
REF\ночь.DEF
'Он рубит деревья по ночам'.

3.1.3. Интенциональная серия. Как видно из Таблицы 4, интенциональная серия отличается от серии не-прошедшего времени только МПП 1 л. ед. ч. Чтобы объяснить назализацию гласного в форме *nà̰*, обратимся к примерам.

(26a) *Nə̀* *gá* *séɣé-í* *làɣà.*
1SG.INT INT REF\одежда-DEF шить
‘Я собираюсь шить одежду’.

(26b) *Tóá* *ná / gá* *séɣé-í* *làɣà*
3SG.INT INT REF\одежда-DEF шить
‘Он собирается шить одежду’.

(26c) *Dèè* *ɣá* *ná / gá* *séɣé-í* *làɣà*
1SG.PI\мать 3SG.INT INT REF\одежда-DEF шить
‘Моя мать собирается шить одежду’.

Итак, в 3 л. ед. ч. наблюдается полная взаимозаменяемость форм *gá* / *ná*. Поскольку в лоома существует омонимичное второй форме дейктическое слово *ná* ‘здесь’, можно предположить, что конструкция интенционала восходит к бытийному предложению, осложнённому целевой клаузой: **Nà ná gá séɣéí làɣà*, букв. ‘Я здесь, чтобы шить одежду’. Локатив и предлог слились, при этом во всех лицах образовавшаяся форма приняла вид *gá*, а в 3 л. ед. ч. допустима также форма *ná*. Тогда назализованность гласного в форме МПП *nə̀* восходит к начальному согласному дейктика *-ná*, слившегося с ним. Эта гипотеза подтверждается данными других диалектов лоома. Так, Р. Хейдорн упоминает конструкцию прогрессива со схожей структурой в диалекте вубома: *Gaŋga va* ‘Я иду’; *Dyaŋga va* ‘Ты идёшь’ [Heydorn 1971: 91]. В лулама существует конструкция с прогрессивным значением (судя по переводу А. Проста, она выражает значение именно прогрессива, хотя он и называет её инхоативной): *Na ga kaley ɓɛ* ‘Я ловлю рыбу’; *Da da kaley ɓɛ* ‘Ты ловишь рыбу’; *Tɔ ghá*[9] *na kaley ɓɛ* ‘Он ловит рыбу’ [Prost 1967: 66]. В этом диалекте данное значение передаётся при помощи дублирования МПП, и только в 1 и 3 л. ед. ч. употребляется *ga* и *gha na* соответственно. Интересно также наблюдение Проста о том, что в диалекте гизима (по-видимому, в его гвинейском варианте) в 3 л. ед. ч. употребляется *gha ga*.

3.1.4. Серия будущего времени. МПП данной серии употребляются в конструкции **будущего времени** (27) с показателем будущего времени *vààzù*, который восходит к глаголу *pà* ‘приходить’ с показателем имперфектива. Вероятно, прежде эта конст-

[9] Диграф *gh* в старой гвинейской орфографии передаёт звук [ɣ].

рукция выражала значение проспектива; в большинстве диалектов лоома она до сих пор употребляется именно в проспективном значении.

(27) *Tóá* *vààzù* *pɛ́lɛ́-í* *ɓɛ́tɛ́-zú.*
3SG.FUT FUT REF\дом-DEF готовить-IPFV
‘Он будет ремонтировать дом’.

Данная конструкция является основным способом выражения значения футурума, и, в отличие от упоминавшихся выше конструкций, также способных передавать значение будущего времени, для нее значение футурума – единственная возможная интерпретация.

3.1.5. Ирреальная серия. МПП ирреальной серии употребляются только в утвердительных зависимых клаузах; отрицательные ирреальные значения передаются в конструкции другого типа, с базовым МПП и отрицательной связкой *là*. В моих материалах отсутствуют случаи употребления МПП ирреальной серии в независимом предложении.

(28) *Nì* *ą́zánú-í* *á* *dǫ́*
если REF\женщина-DEF 3SG.IRR REF\младенец
zúnú *zɔ̀lɔ̀-nà* *tóá* *dásé* *pɛ̀*
мужчина рожать-IRR 3SG.NPST 3SG.PI\имя класть
gà *Zèzé.*
INSTR Зезе
‘Если женщина родит сына, она назовёт его Зезе’.

3.1.6. Императивная серия. МПП императивной серии являются единственным средством маркирования **императивной конструкции**. Так, следующие предложения, первое из которых является конструкцией проспектива, а второе – императива, отличаются только серией МПП:

(29) *Wà* *pɛ́lɛ́-í* *lá* *lɔ̀.*
2PL.BASE REF\дом-DEF рот ставить
‘Вы собираетесь открыть дверь’.

(30) *Á* *pɛ́lɛ́-í* *lá* *lɔ̀!*
2PL.IMP REF\дом-DEF рот ставить
‘Откройте дверь!’

3.2. Посессивные местоименные показатели

В лоома, помимо МПП, необходимо выделять также посессивные МП. Они являются маркерами определённого типа конструкции – **посессивной**, одновременно выражая категории лица и числа. Инвентарь посессивных МП представлен в Таблице 5.

Таблица 5. Посессивные местоименные показатели

	Sg.	Pl
1	*nà(g)*	*gá*
1+2	*dá*	*àdá*
2	*dà*	*wà*
3	*ná(g)*	*tá*

Элементы, образующие данную серию, являются МП, поскольку их употребление в конструкции, передающей значение обладания, обязательно, а ИГ может присутствовать, но не является обязательной, ср. (31a-b):

(31a) *dìà* *zúnú-í* *ná*
1SG.PI\старший.сиблинг мужчина-DEF 3SG.POSS
pɛ́lɛ́-í
дом-DEF
‘дом моего старшего брата’

(31b) *ná* *pɛ́lɛ́-í*
3SG.POSS дом-DEF
‘его дом’

При помощи посессивной конструкции выражается значение **отчуждаемой принадлежности** (32). В конструкциях неотчуждаемой принадлежности посессор выражается при помощи местоименного индекса на вершине (33):

(32) *nà* *sàɣá-í*
1SG.POSS баран-DEF
‘мой баран’

(33) *kpàlà-ì*
1SG.PI\нога-DEF
‘моя нога’[10]

Подробнее об этой и других функциях местоименных индексов см. раздел 5 ниже.

4. Местоимения

Собственно местоимения в вои-балага представлены 8 сериями. Они образуют отдельную парадигму, см. Таблицу 6.

Таблица 6. Местоимения

Серия	1	1+2	2	3	1+3	1+2+3	2+3	3+3
презентативная	*nà*	*dá* ~*déá*	*dà*	*tó*	*gá*	*àdá* ~ *àdéá*	*wà*	*tíá*
презентативная-2	*nà*	*dá* ~ *déyá*	*dà*	*tɔ́*	*gá* ~ *gíyá*	*àdá* ~ *àdeýá*	*wà*	*tíá*
презентативная-3	*nà*	*dá* ~ *déyá*	*dà*	*tɔ́*	*gá* ~ *gíyá*	*àdá* ~ *àdéyá*	*wà*	*tí*
сочинительная	*nà*	*dá*	*dà*	*tá*	*gá*	*àdá*	*wà*	*tíá*
эмфатическая	*nɔ̀*	*dɔ́*	*dɔ̀*	*tɔ́*	*gɔ́*	*àdɔ́*	*wɔ́*	*tɔ́*
социативная	*zè*	*díé*	*dè*	*tɔ́*	*gíé*	*àdíé*	*wòè*	*tíé*
дативная	*zèà*	*déyá*	*èyà*	*zéá*	*gíyá*	*àdéyá*	*wòyà*	*tíyá*
абсолютная посессивная	*nɔ̀nɔ́*	*dɔ́nɔ̀*	*dɔ̀nɔ́*	*nɔ́nɔ́*	*gɔ́nɔ̀*	*àdɔ́nɔ̀*	*wɔ̀nɔ́*	*tɔ́nɔ̀*

Наибольшую сложность для трактовки представляют случаи, подобные представленному в (34b), где местоимение обязательно дублирует кореферентную ему ИГ:

(34a) *Tíá* *vè.*
3PL.PRES2 PRES.COP
‘Это они’.

(34b) *Máság-í-tì* *tíá* *vè.*
REF\вождь-DEF-PL 3PL.PRES2 PRES.COP
‘Это вожди’.

[10] О несегментном местоименном индексе 1 лица ед. ч. см. раздел 5.

Несмотря на наличие ИГ в позиции подлежащего, в предложении (34b) употреблено дополнительно и местоимение. Однако в остальных случаях местоимения находятся в отношениях дополнительной дистрибуции с ИГ, как, к примеру, в (34c), и потому не формируют отдельную синтаксическую позицию, как это происходит с МП (ср. (34c) с (4b), где ИГ и МПП занимают две разные позиции).

(34c) *Máság-í* *vè*
REF\вождь-DEF PRES.COP
'Это вождь'.

Говорить о нулевой морфеме в примерах типа (34c) нет необходимости: в этом предложении нет таких значений, которые не были бы выражены другими его компонентами. Таким образом, ситуация не аналогична ситуации с базовой серией МПП. Напомню, что нулевой алломорф МПП 3 л. ед. ч. базовой серии мы вынуждены постулировать лишь потому, что в предложениях типа (1b) содержится аспектуально-темпоральная информация, выражение которой мы можем приписать только значимому отсутствию какого-либо показателя в позиции МПП.

Следовательно, единственная возможная интерпретация явления, представленного в (34b), заключается в том, чтобы считать такое употребление местоимения **местоименной репризой**. Местоименная реприза обязательна для местоимений 3 л. мн. ч. презентативных серий (см. ниже).

Местоименные серии различаются синтаксической функцией и коммуникативным статусом образующих их местоимений. Рассмотрим эти серии более подробно.

4.1. Презентативная серия

Эти местоимения употребляются в неглагольных высказываниях в значении «вот X». В Таблице 6 местоимение 3 л. ед. ч. презентативной серии представлено как *tó*, однако презентативное предложение с этим местоимением звучит как *tóà* 'Вот он', в то время как в других контекстах, в которых употребляются местоимения презентативной серии, обязательной является копула *ɣà*: *Másági̧tì tíá ɣà* 'Вот вожди'; *Másági̧ ɣà* 'Вот вождь'; *Nà ɣà* 'Вот я' и т. д. (замечу, что тональное поведение копулы *ɣà* отличается от поведения квазиомонимичных МПП 3 л. ед. ч.: тон МПП зави-

сит от лексического тона предшествующего элемента, в то время как копула *ɣà* всегда выступает с низким тоном. Утверждать, что связка всегда выступает со «слабым» альтернантом, я не могу, поскольку мне пока не удалось получить такой контекст, в котором правила чередования начального согласного требовали бы сохранения «сильного» варианта). Возникает вопрос о том, каков план выражения единиц, образующих данную серию. По-видимому, следует считать, что и в случае с местоимением 3 л. ед. ч. указательная копула в предложении присутствует, но представлена она алломорфом *à*; следовательно, приведённые выше примеры нужно представлять так:

(35a) *Máság-í-tì* *tíá* *ɣà.*
REF\вождь-DEF-PL 3PL.PRES DEM.COP
'Вот вожди'.

(35b) *Máság-í* *ɣà.*
REF\вождь-DEF DEM.COP
'Вот вождь'.

(35c) *Nà* *ɣà.*
1SG.PRES DEM.COP
'Вот я'.

(35d) *Tó* *à.*
3SG.PRES DEM.COP
'Вот он'.

Местоимения презентативной серии употребляются в следующих конструкциях:

1) в неглагольном **презентативном предложении**, в котором выражается значение нахождения объекта где-либо, а также указания на него, см. примеры (35a-d) выше;

2) в конструкции с **клефтом**, подчёркивающей тема-рематические отношения между частями предложения. В главной клаузе, выражающей рему, употребляется местоимение презентативной серии, а в зависимой клаузе, как и во всех зависимых клаузах, – МПП базовой серии.

(36) *Nà* *ɣà* *gè* *pɛ́lɛ́-í* *nì*
1SG.PRES DEM.COP 1SG.BASE REF\дом-DEF DEM

lòg-á.
вставать-PRF
‘Это я построил этот дом’.

4.2. Презентативная-2 серия

Местоимения второй презентативной серии употребляются в неглагольных **презентативных предложениях** в не-прошедшем времени (см. (34a-c) выше) и прошедшем времени (37), в отрицательных презентативных предложениях с детерминативом *dé* / *lé* в настоящем времени (38), а также в эмфатической конструкции с *ɓɔ́ɣɔ̀* ‘сам’(39).

(37) *Tɔ́* *ɣɛ̀nì* *dé* / *lé.*
3SG.PRES2 PST DET / DET
‘Это был он’.

(38) *Tɔ́* *lá* *dé* / *lé.*
3SG.PRES2 NEG DET / DET
‘Это не он’.

(39) *Tɔ́* *ɓɔ́ɣɔ̀-ì* *é* *vá-nì.*
3PL.PRES2 сам-DEF 3SG.BASE приходить-AOR
‘Пришёл он собственной персоной’.

4.3. Презентативная-3 серия

Как видно из Таблицы 6, третья презентативная серия отличается от второй лишь формой 3 л. мн. ч. Поскольку единственная конструкция, в которой употребляются эти местоимения, – это отрицательное презентативное предложение в прошедшем времени с детерминативом *dé* / *lé* (40), в котором присутствует связка *lá*, то очевидно, что эта форма, восходящая к форме МПП 3 л. мн. ч. базовой серии, появилась здесь под влиянием *lá*, с которой, как правило, употребляются именно МПП базовой серии.

(40) *Tí* *lá* *ɣɛ̀nì* *dé.*
3PL.PRES3 NEG PST DET
‘Это были не они’.

4.4. Сочинительная серия

Местоимения сочинительной серии употребляются в конструкции с разрывным союзом … *wɔ́* … *wɔ́*. По своему значению сочинённая

конструкция может соответствовать любой ИГ в составе предложения, вне зависимости от синтаксической функции последней:

(41) *Tá* *wó* *Fòlòmò* *wó* *táá*
3SG.COORD и Фоломо и 3PL.NPST
líí-zù *dɔ́bɔ́-í* *zù.*
идти-IPFV REF\лес-DEF в
'Он и Фоломо идут в лес'.

(42) *Nà* *wó* *Fòlòmò* *wó* *gá*
1SG.COORD и Фоломо и 1PL.EXCL.POSS
záɣá-í *ɣà* *vàà-zù.*
баран-DEF 3SG.NPST приходить-IPFV
'Наш с Фоломо баран приходит'.

Как видно из примеров (41)–(42), несмотря на наличие ИГ, выраженной сочинённой конструкцией, употребление кореферентного ей МП, согласующегося со всей группой в целом, обязательно: в (41) появляется МПП серии не-прошедшего времени, в (42) – посессивный МП. Однако в позиции, в которой появляется местоименный индекс, например, в позиции субъекта в конструкции результатива (43) или в позиции прямого дополнения (44), употребление сочинительной конструкции с … *wó* … *wó* нежелательно. В случае, если всё же необходимо выразить значение совместности, либо сочинительная группа выносится в крайне правую позицию, как в (43), либо употребляется другая сочинительная конструкция, с союзом *tá* (44):

(43) *Pàà-vè* *kò-ì* *zù*
1SG.PI\приходить.PRF-STAT 1SG.PI\место-DEF в
vè *nà* *wó* *Zèzé* *wó* *tá* *Fòlòmò.*
LOC 1SG.COORD и Зезе и и Фоломо
'Я пришёл к себе домой с Зезе и Фоломо' (букв. 'Я пришёл к себе домой, и я, и Зезе, и Фоломо').

(44) *Gé* *Zèzé* *tá* *Fólòmò* *loá-nì.*
1SG.BASE Зезе и Фоломо бить-AOR
'Я ударил Зезе и Фоломо'.

В позиции косвенного объекта употребление сочинительной конструкции допустимо, однако союз … *wó* … *wó* выступает в усечённой форме:

(45) *Nà* *kévég-í* *ní-tì* *vé-zù*
1SG.NPST REF\ананас-DEF этот-PL давать-IPFV
Zèzé *wó* *Fólòmò* *vɛ̀.*
Зезе и Фоломо к
‘Я дам эти ананасы Зезе и Фоломо’.

Рассмотренные выше примеры говорят о том, что сочинительная конструкция с … *wó* … *wó* функционально не аналогична обычной ИГ и отличается своим коммуникативным статусом. Она эмфатически выделена и стремится занять крайне левую или крайне правую позицию в предложении.

4.5. Эмфатическая серия

Местоимения этой серии употребляются как эмфатические в **предложении тождества**.

(46) *Wɔ́* *wà* *gà* *máság-í.*
2PL.EMPH 2PL.NPST INSTR REF\вождь-DEF
‘Вожди – вы’ (а не кто-нибудь другой).

4.6. Социативная серия

Местоимения социативной серии употребляются в функции непрямого дополнения, вводимого предлогом *gà*.

(47) *Lɔ̀ɔ̀mà* *kà* *gà* *zè.*
лоома 3SG.NPST INSTR 1SG.SOC
‘Я лоома’.

4.7. Дативная серия

Местоимения дативной серии образовались в результате слияния местоименных индексов с послелогом *yà*, восходящим, по-видимому, к существительному *zéé* ‘рука’. Они употребляются для кодирования обладателя (48), а также реципиента, если в предложении описывается ситуация передачи объекта в постоянное пользование или его возврата владельцу (49).

(48) *Sáɣá* *ɣílá* *ká* *zèà.*
REF\баран один 3SG.NPST 1SG.DAT
‘У меня есть один баран’.

(49) *Vààlè* *ø* *móló-í* *vé-à*
Ваале 3SG.BASE REF\рис-DEF давать-PRF
tíyá.
3PL.DAT
‘Ваале отдала им рис’.

4.8. Абсолютная посессивная серия

Абсолютные посессивные местоимения употребляются в функции ИГ со значением «чья-либо собственность» (50). Подобно ИГ, они способны присоединять детерминативные показатели:

(50) *Pélé-í* *ní* *ɣà* *gà*
REF\дом-DEF этот NPST.COP INSTR
gɔ́nɔ̀-ì.
1PL.EXCL.ABS.POSS-DEF
‘Этот дом наш’.

5. Местоименные индексы

Таблица 7. Местоименные индексы

	Sg.	Pl.
1	*(ǵ)*	*gé- ~ gí-*
1+2	*dé-*	*àdé-*
2	*è-*	*wò-*
3	*(ǵ)*	*tí-*

Помимо самостоятельных словоформ, значения категории лица также выражаются серией морфем, которые мы будем называть **местоименными индексами**. Их парадигма представлена в Таблице 7.

Как видно из Таблицы 7, показатели 1 и 3 л. ед. ч. не имеют сегментного экспонента. На поверхностном уровне их присутствие

выражается тем, что слово сохраняет «сильный» начальный согласный и приобретает низкий или высокий тон, соответственно[11].

МИ могут присоединяться к глаголу, существительному или послелогу, т. е. проявляют свойство транскатегориальности. Поскольку они обладают также свойствами неотделимости и непереставимости, по терминологии В. А. Плунгяна, их следует считать формантами [Плунгян 2000: 33].

МИ служат для выражения прямого объекта при нулевой объектной ИГ (51):

(51) *Gè* *ká-nì.*
1SG.BASE 3SG.PI\видеть-AOR
‘Я увидел его’.

Однако если прямой объект выражен ИГ, МИ не употребляется:

(52) *Tóá* *dá* *dǫ́gó-í-tì*
3SG.NPST HAB REF\ребёнок-DEF-PL
(* *tí-*)*kɛ́dɛ́.*
3PL.PI-быть.здоровым
‘Он лечит детей’.

Таким образом, как видно из примеров (51)–(52), МИ находятся в отношениях дополнительной дистрибуции с ИГ.

В **фактативной конструкции**, в которой реализуется наиболее типичное для данного глагола аспектуальное значение (перфективное или стативное), в непереходной конструкции глагольное согласование с подлежащим, маркированное при помощи МИ, факультативно (53):

(53) *Zúnú-í-tì* *tí-ɓɛ́tɛ́-vɛ́*
REF\мужчина-DEF-PL 3PL.PI-быть.богатым-FCT
/ *Zúnú-í-tì* *kpɛ́tɛ́-vɛ́.*
/ REF\мужчина-DEF-PL быть.богатым-FCT
‘Мужчины богаты’.

[11] То, насколько далеко распространится полученный от местоименного индекса тон, зависит от структуры слова.

Таким образом, простое непереходное глагольное предложение с конструкцией фактатива – это единственный тип простого глагольного предложения, в котором отсутствует МПП.

МИ, маркирующий косвенное дополнение с послелогами, используется только в том случае, если отсутствует полная ИГ в позиции косвенного объекта (54), в противном случае употребление МИ невозможно (55):

(54) *Fòlòmò* *ɣà* *níkɛ́-í* *wódì-zù*
Фоломо 3SG.NPST REF\корова-DEF продавать-IPFV
má.
3SG.PI\на
'Фоломо продаёт ему корову'.

(55) *Kɛ̀ɛ̀* *ɣá* *dá* *ṵ̀* *fɛ́*
1SG.PI\отец 3SG.NPST HAB голова давать
dɔ́sɔ́-í-tì (**tí-*)*mà.*
REF\охотник-DEF-PL 3PL.PI-на
'Мой отец уважает охотников'.

Кроме того, МИ являются изафетными показателями **неотчуждаемой принадлежности**; они маркируют отношения зависимости между двумя именами, присоединяясь к существительному-вершине (56):

(56) *Zèzé* *tá* *Fòlòmò* *tí-ɣɛ́* *ɣá*
Зезе и Фоломо 3PL.PI-отец 3SG.NPST
vàà-zù.
приходить-IPFV
'Приходит отец Зезе и Фоломо'.

Нужно, однако, отметить, что в этом случае употребление МИ зависит от значений категории числа, выраженного ИГ в позиции обладающего, его референциального статуса и типа существительного, выражающего обладаемое (автосемантичное или неавтосемантичное имя).

Правила употребления/неупотребления изафетного показателя при полной ИГ в позиции посессора можно представить в виде таблицы (см. Таблицу 8). Скобки указывает на факультативность

местоименного индекса; астериск внутри скобок означает запрет на употребление этого показателя.

Таблица 8. Правила употребления местоименных индексов в качестве показателей неотчуждаемой принадлежности

Референциальный статус обладателя	Тип имени в позиции обладаемого			
	автосемантичное		неавтосемантичное	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
референтный	(*PI)-N	(PI-)N	PI-N	PI-N
нереферентный	(*PI)-N	(PI-)N	(PI-)N	(PI-)N

6. Заключение

Подводя итог описанию прономинальной системы вои-балага, ещё раз обращу внимание на её неоднородность: единицы, выражающие значение лица, представлены четырьмя разными по своему морфологическому статусу классами. Помимо собственно местоимений, в лоома необходимо также выделять МП – словоформы, служащие показателями синтаксических отношений определённого типа, и МИ, не обладающие статусом самостоятельных словоформ.

Для восточных, южных и юго-западных языков манде характерна развитая прономинальная система, однако даже между близкородственными языками могут наблюдаться большие расхождения в отношении её состава. Этимологически родственные элементы на синхронном уровне в каждом из языков группируются по-разному в зависимости от синтаксической функции и морфологических особенностей. К примеру, МПП следует выделять в таких языках южной группы манде, как гбан и идиомы дан, однако ситуация в тура, ещё одном представителе этой группы, оказывается значительно более сложной [Выдрин 2010].

Даже наиболее близкие к лоома языки юго-западной группы манде довольно сильно отличаются от него по составу прономинальной системы. Так, в кпелле собственно личных местоимений немного, зато МП представлены не только МПП и посессивными МП, но и дативными МП; кроме того, в этом языке существуют спрягаемые коплементайзеры [Коношенко 2009]. В зиало выде-

ляется четыре класса личных показателей: собственно личные местоимения, МПП, две серии личных префиксов (полифункциональные и посессивные) и квотативные маркеры [Бабаев, настоящий сборник]. Вполне вероятно, что критический подход к описанию других языков данной группы даст новые интересные сведения о возможных структурах прономинальных систем в манде.

Список сокращений

\ – морфема-операция
ИГ – именная группа
МП – местоименный показатель
МПП – местоименный предикативный показатель
ABS – абсолютный
AOR – аорист
BASE – базовый
COP – копула
COORD – сочинительный
DAT – дативное местоимение; дативный послелог
DEF – определённый
DEM – указательный
DO – прямое дополнение
EMPH – эмфатический
EXCL – эксклюзивное местоимение (1 + 3 лицо)
FCT – фактатив
FUT – будущее время
IMP – императив
INT – интенционал
IO – непрямое дополнение
IRR – ирреалис
IPFV – имперфектив
LOC – локативный показатель
NEG – отрицательный
NPST – не-прошедшее время
OBL – косвенное дополнение
PI – местоименный индекс
PL – множественное число
PM – предикативный показатель
POSS – посессивный
PPM – местоименный предикативный показатель

PRES – презентативный
PRES2 – презентативный-2
PRES3 – презентативный-3
PST – прошедшее время
REF – референтный
S – подлежащее
SG – единственное число
SOC – социативное местоимение
V – глагол

Литература

Бабаев К. В. Личное маркирование в юго-западных языках манде: опыт сравнения и реконструкции // Настоящий сборник.

Выдрин В. Ф. Ещё раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели? // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания: Синтаксис именных и глагольных групп. М., 2010. С. 385–400.

Коношенко М. Б. Местоименные показатели в гвинейском кпелле. Хэндаут доклада на Шестой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, 26–28 ноября 2009, СПб.

Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.

Hachaturyan, M. The syntactic approach to pronominal systems in South and South-Western Mande languages // Konstantin Pozdniakov, Valentin Vydrin, Alexander Zheltov (eds.). Personal pronouns in Niger-Congo languages: International workshop. St. Petersburg, September 13–15, 2010. Abstracts and papers: Working materials. St. Petersburg, 2010, P. 42–47.

Heydorn, R. W. Grammar of the Loma Language // Afrika und Übersee, Band 54, Heft 1/2, 1971. P. 77–99.

Prost, R. P. A. Le lɔghɔma. Documents linguistiques, № 13. Dakar, 1967.

М. Л. Хачатурьян

ГЛАГОЛЬНОЕ СПРЯЖЕНИЕ В ГВИНЕЙСКОМ МАНО[1]

1. Введение

1.1. Краткая информация о языке и народе мано

Мано относится к южной группе языковой семьи манде, входящей в нигеро-конголезскую макросемью. Этот язык распространен по обе стороны границы между Либерией и Гвинеей: в графстве Нимба на северо-востоке Либерии и в префектурах Нзерекоре, Лола и Йому на юго-востоке Гвинеи. Различают два варианта мано: либерийский и гвинейский. В данной работе будут рассмотрены данные гвинейского варианта.

1.1.1. Фонемный инвентарь

Таблица 1. Консонантная система мано

смычные глухие	*p*	*t*		*k*	*kw*	*kp*
смычные звонкие	*b*	*d*		*g*	*gw*	*gb*
имплозивные	*ɓ*					
щелевые глухие	*f*	*s*				
щелевые звонкие	*v*	*z*				
неносовые сонанты	*w*	*l*	*y*			
носовые сонанты	*(m)*	*(n)*	*(ɲ)*	*ŋ*	*(ŋw)*	

[1]Материалы по гвинейскому варианту языка мано были собраны в ходе двух этнолингвистических экспедиций в Западную Африку под руководством В. Ф. Выдрина в 2009 и в 2010 годах в рамках проекта «Разработка автоматического глоссирования текстов языков с грамматическими тонами: семья манде» в рамках направления «Лингвистические аспекты исследования текста» программы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации».

Таблица 2. Вокалическая система мано

i	*u*	*N*	*ĩ*	*ũ*
e	*o*		*ẽ*	*õ*
ɛ	*ɔ*		*ɛ̃*	*ɔ̃*
a			*ã*	

Комментарии к таблицам: 1) долгие гласные в мано не имеют фонемного статуса, 2) носовые сонанты имеют промежуточный статус между самостоятельными фонемами и аллофонами ртовых фонем (и потому приводятся в скобках), 3) имеется гласный нулевой степени открытости */N/* (подробнее о сегментной фонологии см. [Хачатурьян 2009а]).

1.1.2. Слоговая структура

Абсолютное большинство корневых морфем в мано имеют следующие типы структуры: CV, CV_1V_1, CV_1V_2, CV_1CV_1, CV_1CV_2. Кроме того, часть местоимений имеет структуру: N, NN (местоимения 1 л. ед. ч. различных серий) и V, VV.

Для мано, как и для других южных манде, релевантно понятие метрической стопы, которая определяется как односторонняя единица плана выражения более высокого уровня, чем слог, которая может состоять из одного или нескольких слогов и обладает повышенной степенью внутренней связанности. Внутренняя связанность в стопе в мано обеспечивается следующими средствами:

- гармония гласных: по ряду (либо гласные совпадают по ряду, либо одна из них – *a*) и по назальности;
- гармония согласных по назальности и ограничение инвентаря срединных согласных в структурах CVCV.

Одностопный или многостопный характер лексемы определяет ее поведение при присоединении супрасегментных морфем: в неодностопной лексеме грамматическое изменение тона происходит только на последней стопе (см. тон в имперфективе, 2.1.4, тон в сопряженной конструкции, 2.1.5).

1.1.3. Краткая информация о грамматике

Базовый порядок слов в мано – SOV. Простые предложения в мано делятся на предложения с местоименно-предикативными показателями (МПП, или AUX, см. полный список в таблице 3) и копулятивные предложения.

Предложения с МПП имеют следующую структуру:

(S) – AUX – (DO) – V – (IO – (PP)).

МПП согласуется с субъектом и выражает, соответственно, грамматические категории лица, числа и ТАМ. МПП присутствует в предложении, даже если подлежащее представлено полной именной группой (существительным с зависимыми, фокализованным местоимением и т. п.). В противном случае МПП является единственным носителем информации о субъекте. Глагол при этом может присоединять некоторые сегментные морфемы, такие как суффиксы кондиционалиса и прогрессива, а также супрасегментные морфемы (тон в имперфективе, тон в сопряженной конструкции). В ряде случаев, однако, глагол остается без изменений; в бытийных и прогрессивных предложениях в настоящем времени глагол отсутствует (см. 2.1.1.1) Как показано в работах [Выдрин 2010] и [Khachaturyan 2010], МПП синтаксически принадлежат к глагольной группе и выполняют функцию, аналогичную терминальной категории Aux в терминах грамматики составляющих.

В мано существуют две копулы – утвердительная *lɛ̄* и отрицательная *wɔ́*. Копулативные предложения имеют следующую структуру:

S – Cop – (имя или послеложная группа).

Подробнее о том, что могут выражать имя или послеложная группа, следующие за копулой, см. 2.1.1.1.

Предложения с копулой структурно отличаются от предложений с МПП. Копула – часть речи, отличная от глагола, поскольку она, во-первых, неизменяема, а во-вторых, дополнительно распределена с МПП. Глагол в предложениях с копулой возможен только в нефинитной форме.

В форме герундия, образованного с помощью суффикса *-à* (который ассимилируется последним гласным по назальности и, факультативно, по качеству), глагол занимает позицию определения при субъекте:

(1) *Lɛ̀ɛ̄* *bã̄-ã̀* *lɛ̄.*
дождь падать-GER COP
‘Выпал дождь’, букв. ‘Это выпавший дождь’. Ср.:

(2) *Ká* *gbùò* *lɛ̄.*
дом большой COP
‘Это большой дом’.

В форме инфинитива[2], употребляющейся для образования прогрессивной конструкции, глагол занимает позицию постконпульного локативного имени, сохраняя валентность на прямой и косвенный объекты:

(3) *Mā* *wɔ́* *gbą̀* *gɛ̀-pɛ̀lɛ̀.*
1SG.FOC COP.NEG собака видеть-INF
'Я не вижу собаки', букв. 'Я не в видении собаки'. Ср.:

(4) *Mā* *wɔ́* *kɛ́í*
1SG.FOC COP.NEG дом.LOC
'Я не дома'.

Таким образом, в предложениях с копулой глагол не является сказуемым и всегда равносилен прилагательному или локативному имени. Поэтому мы считаем правомерным называть предложения с копулой нефинитными, предложения с МПП – соответственно, финитными, а сочетание МПП + глагол – спрягаемой формой глагола. Поскольку предметом данной статьи является глагольное спряжение, а не словоизменение вообще, в дальнейшем мы будем рассматривать, в основном, конструкции с МПП и не будем подробно останавливаться на копулативных предложениях.

1.2. Типологические замечания и принципы построения работы

Языки манде являются типичными представителями языков с «линейной» глагольной системой, по терминологии У. Уельмерса. Эти глагольные системы характеризуются тем, что в них «граммемы всех грамматических категорий, присутствующих в этой системе, всегда выражаются кумулятивно, т. е. с

[2] Диахронически эта форма строится из сочетания отглагольного имени, образованного конверсией, с существительным *pɛ̀lɛ̀* 'место', которое существует в современном мано. Это подтверждается с точки зрения типологии: в коранко суффикс прогрессива *la/na* происходит из послелога *lá* [Kastenholz 1983]; между тем, на синхронном уровне в коранко это, несомненно, суффикс, поскольку он демонстрирует фузию с глагольной основой (что проявляется в чередовании начальной согласной), а также не является акцентно самостоятельным (не несет собственного тона). Схожим образом прогрессив образуется в менде (также с помощью МПП экзистенциальной серии и отглагольного имени в сочетании с существительным 'место') и в других языках манде.

помощью одного, не членимого в плане выражения, показателя» [Плунгян 2003, 11]. В южных языках манде такими показателями являются МПП. МПП объединяются в серии – группы словоформ, которые, как правило, имеют некоторую общую сегментную (фонема) или супрасегментную (тон или комбинация тонов) часть, которая несет определенные значения из сферы ТАМ.

Кроме того, У. Уельмерс отмечал, что «линейные» глагольные системы «часто лучше поддаются описанию с помощью единого списка показателей, чем с помощью таблиц с несколькими входами типа *вид, время* и *наклонение*» [Плунгян 2003, 11], и традиционно описание глагольной системы в южных и юго-западных манде включало расписывание местоименных серий и их употребления. Для каждой серии указывался номер и/или название, относящее к основным случаям употребления. Мы также будем следовать этой традиции.

Также в связи с кумулятивным выражением аспектуальных, временных и модальных характеристик в МПП мы собираемся применить кластерный подход к их описанию, предложенный В. А. Плунгяном [Плунгян 2010].

Описание глагольного спряжения построено следующим образом. Сводная таблица 3 содержит все серии МПП. В МПП выделяются основы, которые также группируются по сериям, серии таких основ собраны в таблице 4. Затем следует подробное описание морфологии этих серий и глагольных конструкций, которые они образуют. В конце работы суммируются сведения о морфологии, структуре системы глагольного спряжения, а также делается несколько замечаний относительно диахронического развития системы МПП.

Если в каждой серии МПП отделить общую сегментную и супрасегментную часть, отвечающую за значения ТАМ, легко выделяется основа, которая выражает значения лица и числа. Все такие основы сведены в таблицу 4.

2. Глагольное спряжение в гвинейском мано

МПП в мано представлены в таблице 3.

Таблица 3. Местоименно-предикативные показатели в мано

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL
I.1 экзистенциальная	*N̄*	*ī*	*lɛ̄*	*kō*	*kā*	*ō*
I.2 экзистенциальная +3	*māā̄*	*ɓāā̄*	*lāā̄*	*kōà*	*kāā̄*	*wāā̄*
II.1 претерит	*N̄*	*ī*	*ɛ̄*	*kō*	*kā*	*ō*
II.2 претерит +3	*mā̄*	*ɓā̄*	*ā*	*kōà*	*kā̄*	*wā̄*
III перфект	*māà*	*ɓāà*	*āà*	*kōà*	*kāà*	*wāà*
IV.1 имперфектив	*ÍN̄*	*íī*	*lɛ́ɛ̄*	*kóō*	*káā̄*	*óō*
IV.2 имперфектив+3	*ÍÑ*	*ɓáà*	*lɛ́à/láà*	*kóà*	*káà*	*óò*
V сопряженная	*máā̄*	*ɓáā̄*	*áā*	*kóā*	*káā̄*	*wáā̄*
VI.1 отрицательная	*ÑÍ*	*ìí*	*lɛ̀ɛ́*	*kòó*	*kàá*	*òó*
VI.2 отрицательная+3	*ÑÍ*	*ɓàá*	*làá*	*kòó*	*kàá*	*òó*
VII.1 конъюнктивная	*Í*	*í*	*ɛ́*	*kó*	*ká*	*ó*
VII.2 конъюнктив-ная+3	*Í*	*ɓá*	*á*	*kó*	*ká*	*ó*
VIII императивная	–	*Ø*	*ɛ̀*	*kò*	*kà*	*ò*
IX прохибитивная	*máá*	*ɓáá*	*áá*	*kóá*	*káá*	*wáá*
X.1 футуральная	*Í*	*í*	*lɛ́* *(lɛ́ɛ̄)*	*kó* *(kóō)*	*ká* *(káā̄)*	*ó* *(óō)*
X.2 футуральная отри-цательная	*Ì*	*ì*	*lɛ̀*	*kò*	*kà*	*ò*
XI.1 зависимый им-перфектив	*Ì*	*ì*	*ɛ̀*	*kò*	*kà*	*ò*
XI.2 зависимый им-перфектив+3	*Ì*	*ɓà*	*ɛ̀ à*	*kò*	*kà*	*ò*
XII проспективная	*mòlò*	*ɓòlò*	*yɛ̀lɛ̀*	*kòlò*	*kàwòlò*	*wòlò*

Примечания. Группы, обозначенные римскими цифрами, объединяют функционально близкие серии МПП. Все серии, кроме отрицательной, футуральной отрицательной и прохибитивной, характеризуются положительной полярностью. Знак «+3» означает, что серия является контрактивной (портманто) и представляет собой МПП, слитый с несубъектным местоимением 3SG *à,* которое может находиться как в прямообъектной позиции (таким образом, такая серия МПП представляет собой результат слияния с прямым объектом), так и в позиции посессора при релятивном имени; эта же серия используется при слиянии с артиклем *à,* который восходит к несубъектному местоимению. К глоссам МПП этой серии бу-

дет добавляться знак >3SG. Отсутствие в группе серии, обозначенной «+3» (например, в группе перфекта, III, и в сопряженной группе, V), означает, что серия способна «поглощать» следующее за ней несубъектное местоимение 3SG *à*. В частности, эти МПП могут употребляться как в непереходных, так и в переходных контекстах без необходимости дополнительно выражать прямой объект, при этом если при переходном глаголе прямой объект не выражен, на глубинном уровне присутствует несубъектное местоимение 3SG *à*. В последнем случае к глоссам МПП этой серии будет также добавляться знак >3SG. Таким образом, исходя из глубинной структуры, одна и та же форма в переходных и непереходных контекстах будет иметь разные глоссы. Система представления имеет прототипом систему, введенную Д. А. Паперно [Паперно 2006].

Таблица 4. Основы МПП мано

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	
1A	N	i	lɛ	ko	ka	o	экзистенциальная имперфективная, отрицательная, футуральная, футуральная отрицательная серии
1B	N	i	e	ko	ka	o	претеритная, императивная, конъюнктивная серии, серия зависимого имперфектива
2A	ma	ɓa	la	ko	ka	wa	экзистенциальная серия +3
2B	ma	ɓa	a	ko	ka	wa	претерит +3, перфектная, сопряженная, прохибитивная серии
3A	N	ɓa	lɛ/la	ko	ka	o	имперфективная, отрицательная серии +3
3B	N	ɓa	a	ko	ka	o	конъюнктивная +3
3C	N	ɓa	e	ko	ka	o	зависимый имперфектив +3

2.1. МПП и их употребление

2.1.1. Серии экзистенциальной группы

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
I.1 экзистенциальная	*Ñ*	*ī*	*lɛ̄*	*kō*	*kā*	*ō*	EXI
I.2 экзистенциальная >3SG	*māā*	*ɓāā*	*lāā*	*kōà*	*kāā*	*wāā*	EXI>3SG

Морфологическое выражение

Показателем серий экзистенциальной группы является средний тон. В местоименно-предикативных показателях серии I.1, экзистенциальной, выделяются основы группы 1А. В МПП серии I.2 (экзистенциальной +3) выделяются основы группы 2А, к которым присоединяется показатель объекта 3SG *-à*. Этот показатель ассимилируется по тону в случаях, когда основа заканчивается на *-a*, то есть во всех случаях, кроме 1PL, где результирующий тон словоформы «средний-низкий».

Употребление

МПП экзистенциальной группы употребляются для образования прогрессива презенса, а также в различных бытийных предложениях.

2.1.1.1 Бытийное предложение

Формулы:

		NP + *ká* (конструкция тождества)
(S)	AUX.EXI	ADJ (+ *ká*) (атрибутивное предложение)
		NP, PP, ADV (локативное предложение)

Результативная конструкция:

(S) AUX.EXI V-GER *ká*

(5) *Ī* *ká* *lé* *mɔ̀.*
2SG.EXI дом рот под
‘Ты дома’.

(6) *Ī* *gbùò.*
2SG.EXI большой
‘Ты большой’.

(7) *Là* *sa̰ā̰* *kɛ̄-à* *lɛ̄* *gbùò.*
3SG.POSS работа делать-GER 3SG.EXI большой
‘Он много поработал’ (досл. ‘Его сделанная работа большая’).

2.1.1.2. Прогрессив

Формулы:

а) Непереходная конструкция

(S) AUX.EXI V-*pɛ̀lɛ̀*

б) Переходная конструкция

(S) AUX.EXI DO (кроме местоимения 3SG) V-*pèlè*

(S) AUX.EXI>3SG V-*pèlè*

(8) *Ñ ló-pèlè.*
я идти-INF
'Я иду'.

(9) *Ēlì lē̄ ló-pèlè.*
Эли 3SG.EXI идти-INF
'Эли идет'.

(10) *Ēlì lē̄ wìì lɔ́-pèlè.*
Эли 3SG.EXI мясо покупать-INF
'Эли покупает мясо'.

(11) *Māā̄ lɔ́-pèlè.*
1SG.EXI>3SG покупать-INF
'Я его покупаю'.

Отрицание указанных выше конструкций образуется с помощью полной ИГ или местоимения фокализованной серии (в варианте без конечного *-e*) и отрицательной копулы *wɔ́*.

Таблица 5. Фокализованные местоимения мано

1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL
mī(ē)	*ɓī(ē)*	*(à)yē̄*	*kō(ē)*	*kā(ē)*	*ōē̄*

Отрицательное бытийное предложение. Формулы:

NP + *ká* (конструкция тождества)
NP / PRON.FOC *wɔ́* ADJ (+ *ká*) (атрибутивное предложение)
NP, PP, ADV (локативное предложение)

Отрицательная результативная конструкция:

(S) / PRON.FOC *wɔ́* V-GER *ká*

Отрицательный прогрессив:

NP / PRON.FOC *wɔ́* (DO) V-*pèlè*

(12) *Ɓī wɔ́ gbùò.*
2SG.FOC COP.NEG большой
'Ты не большой'.

(13) *Mā* *wɔ́* *wìì* *lɔ́-pɛ̀lɛ̀.*
1SG.FOC COP.NEG мясо покупать-INF
‘Я не покупаю мясо’.

Отрицательная копула сливается с объектными местоимениями 3SG и 2SG:

(14) *Mā* *wáá (wɔ́ + à)* *kànā-pɛ̀lɛ̀*
1SG.FOC COP.NEG>3SG чесать-INF
‘Я его не чешу’.

(15) *Mā* *wɛ́ī (wɔ́ + ī)* *kànā-pɛ̀lɛ̀*
1SG.FOC COP.NEG>2SG.NSBJ чесать-INF
‘Я тебя не чешу’.

2.1.2. Серии претеритной группы

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
II.1. претерит	*Ñ*	*ī*	*ē*	*kō*	*kā*	*ō*	PRET
II.2. претерит +3	*mā*	*ɓā*	*ā*	*kōà*	*kā*	*wā*	PRET>3SG

Морфологическое выражение

Показателем серий претеритной группы является средний тон. В МПП серии претерита II.1 выделяются основы группы 1B. В МПП серии претерита +3 II.2 выделяются основы группы 2B, кроме того, к МПП 1PL присоединяется показатель объекта 3SG -*à*.

Употребление

Употребляются для образования прогрессива в прошедшем, бытийных предложений в прошедшем (с использованием бытийного глагола *kɛ̄*), а также аориста. Поскольку один и тот же показатель – МПП – совмещает граммемы перфектива и имперфектива, его правомерно называть претеритным; однако минимальная конструкция с этим МПП (МПП плюс глагол) имеет перфективные значения, а значит, по терминологии В. А. Плунгяна, должна называться аористом. Таким образом, во избежание терминологической путаницы, необходимо обозначить сразу, что аористная конструкция в мано строится на базе претеритного МПП.

2.1.2.1. Бытийное предложение в прошедшем

Формулы:

			NP *ká* (конструкция тождества)
(S)	AUX.PRET	*kɛ̄*	ADJ (*ká*) (атрибутивное предложение)
			NP, PP, ADV (локативное предложение)

Результативная конструкция:

(S) AUX.PRET *kɛ̄* V-GER *ká*

(16) *Ī* *kɛ̄* *gbùò.*
3SG.PRET быть большой
‘Ты был большим’.

(17) *Kō* *ká* *ē* *kɛ̄* *gbùò.*
1PL.NSBJ дом 3SG.PRET быть большой
‘Наш дом был большим’.

(18) *Ɛ̄* *kɛ̄* *ɓɔ̄-ɔ̀* *ká.*
3SG.PRET быть выходить-GER с
‘Его не было (он вышел)’.

2.1.2.2. Прогрессив в прошедшем

Формула:

(S) AUX.PRET *kɛ̄* (DO) V-*pɛ̀lɛ̀*

(19) *Yé* *ī* *lòkó* *ē* *gó*
вчера 2SG.NSBJ мать 3SG.PRET прийти
lɔ́ɔ́yí *ā* *ē* *kɛ̄* *sa̰ā̰* *kɛ̄-pɛ̀lɛ̀*
рынок TOP 3SG.PRET быть работа делать-INF
là *ɓòō* *ɲɛ́nɛ̄.*
3SG.POSS овощ поле
‘Вчера, когда твоя мать пришла с рынка, он работал в своем огороде’.

(20) *Ɛ̄* *kɛ̄* *gbɔ̄ɔ̄* *pɛ́lɛ́-pɛ̀lɛ̀.*
3SG.PRET быть котелок мыть-INF
‘(Раньше) он мыл котелки (а теперь не моет)’.

Из примеров ясно, что прогрессив в прошедшем является типичным имперфективным кластером, поскольку сочетает хабитуальные и дуративные значения.

2.1.2.3. Аорист

Формулы:

а) Непереходная конструкция

(S) AUX.PRET V

б) Переходная конструкция

(S) AUX.PRET DO (кроме местоимения 3SG) V

(S) AUX.PRET>3SG V

(21) *Ē* *lǒ* *ká* *lé* *mɔ̀.*
3SG.PRET идти дом рот под
‘Он ушел домой’.

(22) *Ē* *wìì* *lɔ́.*
3SG.PRET мясо покупать
‘Он купил мясо’.

(23) *Ā* *lɔ́.*
3SG.PRET>3SG покупать
‘Он его купил’.

Об отрицании конструкций с претеритным МПП см. 2.1.6.

2.1.3. Перфект

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
III перфект	*māà*	*ɓāà*	*āà*	*kōà*	*kāà*	*wāà*	PRF; PRF>3SG

Морфологическое выражение

В перфектном МПП выделяется основа 2B, к которой присоединяется суффикс *-à*. Тональный контур у серии «средний-низкий».

Употребление

Формулы:

а) Непереходная конструкция

(S) AUX.PRF V

б) Переходная конструкция

(S) AUX.PRF DO (кроме местоимения 3SG) V

(S) AUX.PRF V

(24) *Māà* *lǒ.*
1SG.PRF уходить
‘Я ушел’.

(25) *Gbą̀* *āà* *lǒ.*
собака 3SG.PRF уходить
‘Собака ушла’.

(26) *N̄* *lòkó* *āà* *wìì* *lɔ́.*
1SG.NSBJ мать 3SG.PRF мясо покупать
‘Моя мать купила мясо’.

(27) *N̄* *lòkó* *āà* *lɔ́.*
1SG.NSBJ мать 3SG.PRF>3SG покупать
‘Моя мать его купила’.

В простом предложении перфект обозначает событие, произошедшее в недавнем прошлом, он не сочетается с обстоятельствами времени, за исключением тех, которые относят к недавнему прошедшему – в пределах суток (сегодня, сегодня утром и т. п.). В сложных предложениях он приобретает таксисные значения (см. ниже), поэтому не может относиться к категории сугубо временной дистанции. Нередко передает результативное значение:

(28) *Āà* *gbóó* *ɓō.*
3SG.PRF рыдание снимать
(У нее все лицо мокрое.) ‘Она плакала’.

Другие доводы в пользу того, что данная форма обозначает именно перфект, а не недавнее прошедшее, см. в сравнении перфекта и аориста. Об отрицании см. 2.1.6.

Аорист vs перфект

Аорист является немаркированным прошедшим, поскольку может заменить перфект в простом предложении в большей части контекстов – в том числе в тех, которые свойственны перфекту, например, экспериенциальных.

(29) *Gɔ̃* *ɓɛ̄* *ɛ̄* *sɔ́ɓɛ́*
мужчина DEM 3SG.PRET тростниковая.крыса
gɛ̃̀ *dō.*
видеть однажды
‘Этот мужчина однажды видел тростниковую крысу’.

Однако существуют диагностические контексты, которые позволяют четко развести аорист и перфект. Так, аористная конструкция сочетается со всеми обстоятельствами времени, а перфект – только с теми, которые обозначают недавнее прошедшее (см. выше). В целом, наши информанты приписывают аористу значение более отдаленного прошедшего.

Перфект и аорист взаимозаменимы в ситуации, когда совершенное действие имеет результат в настоящем; однако перфект невозможен в контекстах с отмененным результатом.

(30) *N̄* *pɛ̄lɛ̀ɛ̄* *gīnī.*
1SG.PRET деньги терять
‘Я потерял деньги’ (они так и не нашлись / они впоследствии нашлись).

(31) *Māà* *pɛ̄lɛ̀ɛ̄* *gīnī.*
1SG.PRF деньги терять
‘Я потерял деньги’ (они так и не нашлись / *они впоследствии нашлись).

В делимитативных конструкциях оказывается существенным, включено ли настоящее в указанный отрезок (по терминологии В. А. Плунгяна, в «окно наблюдения»): если включено, то употребляется перфект, если нет – аорист.

(32) *Ɛ̄* *sa̰ā̰* *kɛ̄* *kɛ̀ɛ̀* *dōó* *pɪ́ɛ́.*
3SG.PRET работа делать год один в
‘Он проработал год (и больше не работает)’.

(33) *Āà* *sa̰ā̰* *kɛ̄* *kɛ̀ɛ̀* *dōó* *pɪ́ɛ́.*
3SG.PRF работа делать год один в
‘Он проработал год (работает и сейчас)’.

Также в делимитативных конструкциях отрезок времени, в которое входит настоящее, может выражаться в виде конструкции с глаголом *kɛ̄* ‘делать’; при этом употребляется перфектный МПП:

(34а) *Ńn̄* *dɔ̰̃* *zɛ̄* *āà* *kɛ̄*
1SG.IPFV кашель убивать 3SG.PRF делать
ménɛ́ *yààkā* *ká.*
месяц три с
‘Я кашляю уже 3 месяца’.

Аористная конструкция невозможна:

(34б) **Ńn̄ dɔ̰̃ zɛ̄ ɛ̄ kɛ̄ ménɛ́ yààkā ká.*

В сложных предложениях аорист и перфект выражают, помимо аспектуальных значений, еще и таксисные. Так, выбор между аористной и перфектной конструкциями однозначен в предложениях с придаточным времени, где МПП в главном предложении определяет последовательность событий: аористная конструкция означает, что действие, описанное в главном предложении, про-

изошло после действия, описанного в придаточном, а перфектная – наоборот. Во втором случае необходима конструкция, которая, судя по всему, обозначает ретроспективный сдвиг: *ɛ̄+kɛ̄* (3SG.PRET + быть).

(35) *(Yé)* *N̄* *lòkó* *ɛ̄* *nū* *pɛ̰́*
когда 1SG.NSBJ мать 3SG.PRET прийти вчера
ká *lé* *mɔ̀* *ɔ̄* *ɛ̄* *béī* *kɛ̰́.*
дом рот под TOP 3SG.PRET маниок резать
‘После того, как моя мать вчера пришла домой, она порезала маниок’.

(36) *(Yé)* *N̄* *lòkó* *ɛ̄* *nū* *pɛ̰́*
когда 1SG.NSBJ мать 3SG.PRET прийти вчера
ká *lé* *mɔ̀* *ɔ̄* *ɛ̄* *kɛ̄* *āà* *béī*
дом рот под TOP 3SG.PRET быть 3SG.PRF маниок
kɛ̰́.
резать
‘Когда моя мать пришла вчера домой, она уже порезала маниок’.

В бессоюзных сочиненных предложениях с кореферентными подлежащими, обозначающими последовательность действий, невозможно, чтобы в первом предложении был аорист, а во втором – перфект (остальные комбинации возможны), поскольку последовательность событий по умолчанию такая же, как и порядок соответствующих частей.

(37а) *Āà* *kɔ́nɔ́* *ɓèlè* *āà* *ɛ̄* *zúlú.*
3SG.PRF еда есть 3SG.PRF 3SG.REFL мыться
‘Он поел и помылся’ (перфект + перфект);

(37б) *Āà kɔ́nɔ́ ɓèlè ɛ̄ ɛ̄ zúlú* (перфект + аорист);

(37в) *Ɛ̄ kɔ́nɔ́ ɓèlè ɛ̄ ɛ̄ zúlú* (аорист + аорист);

(37г) **Ɛ̄ ɛ̄ zúlú āà kɔ́nɔ́ ɓelè (*аорист + перфект).

При этом в бессоюзном сложном предложении с некореферентными подлежащими комбинация аорист-перфект возможна в случае, если второе действие предшествовало первому. Очевидно, что

в этом случае перфект также выражает таксисное значение: предшествование действию, выраженному аористной конструкцией.

(38) *Ñ* *gɛ̨̀* *bāà* *sɔ̄* *yīè*
1SG.PRET видеть 2SG.PRF одежда хороший
lɔ́.
покупать
'Я видел, что ты купил хорошую одежду'.

Только перфект употребляется в протазисе условных предложений с хабитуальным значением (по значению очень близких к временным придаточным). Это происходит ровно по той же причине: очевидно, что условие должно осуществиться раньше следствия. Кроме того, поскольку следствие непосредственно вытекает из условия, «окно наблюдения»,[3] в котором совершается действие, обозначаемое перфектом (т. е. условие), включает в себя момент совершения действия, обозначаемого имперфективом (т. е. следствие), – хабитуальное настоящее.

(39а) *Āà* *nū* *là* *wìì* *ká* *ā,*
3SG.PRF приходить 3SG.POSS мясо с TOP
lɛ́ɛ̄ *là* *wìì* *kpɔ̄* *ɛ̄* *pɪ́é* *kɛ́í.*
3SG.IPFV 3SG.POSS мясо класть REFL у дом:LOC
'Если он приносит мясо, он его кладет у себя'.

Аористная конструкция невозможна:

(39б) **Ē nū là wìì ká ā, lɛ́ɛ̄ là wìì kpɔ̄ ɛ̄ pɪ́é kɛ́í.*

Таким образом, перфект обозначает недавнее прошедшее, а также имеет таксисные значения – предшествование некоторому моменту в прошлом или в настоящем; при этом нередко оказывается существенным применение понятия «окна наблюдения», которое, как правило, включает настоящее: актуальное (момент речи) или

[3] Всякое высказывание, содержащее темпорально охарактеризованную глагольную форму, является утверждением о временной соотнесенности двух участков временной оси: один из них – это момент речи (или другая выделенная точка отсчета [...]), тогда как другой – это тот момент или период времени, который находится в фокусе внимания говорящего. [...] Такой выделенный момент называется «окном наблюдения» или «периодом наблюдения» [Плунгян 2010].

неактуальное (хабитуальное, в условных предложениях с реальным условием). Подобное расширенное окно наблюдения, включающее не только момент совершения действия (в прошлом), но и настоящее, является типичным свойством перфекта [Плунгян 2010]. По этой причине перфект невозможен в контекстах с отмененным результатом, делимитативных конструкциях, в которых отрезок времени не включает настоящий момент, и не употребляется с обстоятельствами времени, отсылающими к отдаленному прошедшему.

С точки зрения аспектуальной характеристики и аорист, и перфект покрывают значения перфективного кластера.

2.1.4. Серии имперфективной группы

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
IV.1 имперфектив	*ŃÑ*	*íī*	*lɛ́ɛ̄*	*kóō*	*káā*	*óō*	IPFV
IV.2 имперфектив+3	*ŃÑ̀*	*ɓáà*	*lɛ́à/láà*	*kóà*	*káà*	*óò*	IPFV>3SG

Морфологическое выражение

Имперфективная серия IV.1 образуется с помощью основ группы 1А, к которым применяется операция удвоения гласной, результирующая словоформа имеет тональный контур «высокий-средний». Имперфектив +3 образуется с помощью основ группы 3А, к которым применяется операция удвоения гласной (за исключением варианта основы 3SG, *lɛ̄*, и основы 1PL *ko*, к которым присоединяется суффикс -*à*), результирующая словоформа имеет тональный контур «высокий-низкий». При этом вариативность основы *lɛ/la* можно описывать как вариативность регрессивной ассимиляции гласной основы показателем объекта 3SG -*a*.

При образовании конструкции с МПП имперфективной группы используется специальная форма глагола с тоном, пониженным до среднего или низкого. Конкретная модель изменения тона зависит от тонального класса глагола. При этом если глагол является производным и/или многостопным, то тон понижается только на его последней стопе, при обсуждении тональных классов мы будем иметь в виду только тон последней стопы (см. также 1.1.2.).

Ниже приводится таблица тональных классов (Таблица 6). Учитываются все глаголы, у которых хотя бы один гласный в базовой форме имеет не низкий тон.

Таблица 6. Тон в имперфективе

пример	исходная форма, тональный класс	имперфектив	количество слов в тональном классе[4]
sí ‘брать’	H	M, L	25
wɔ́ɔ́ ‘собирать’	HH1	LL	12
fílí ‘пениться’	HH2	LL, LM	1
láá ‘прорастать’	HH3	MM	1
bã̄ ‘падать’	M1	M, L	3
kɛ̄ ‘делать’	M2	L	1
ɓā ‘плодоносить’	M3	M	28
gbīnī ‘ополчиться’	MM	LL	6
bɔ̀ló ‘выжимать’	LH1	LM	3
sɔ̀nɔ́ ‘вырвать с силой’	LH2	LL	1
tɛ̀nɛ̄ ‘льстить’	LM	LM	19

Как видно из таблицы, в некоторых тональных классах имеются факультативные варианты. Не исключено, что в ходе дальнейшего исследования обнаружатся факультативные варианты и у глаголов каких-то других тональных классов. В этом случае количество тональных классов существенно сократится.

Употребление

Формула:

а) Непереходная конструкция

(S) AUX.IPFV V:IPFV

б) Переходная конструкция

(S) AUX.IPFV DO (кроме местоимения 3SG) V:IPFV

(S) AUX.IPFV>3SG V:IPFV

(40) *Gbã̄́* *lɛ́ɛ̄* *lō.*
собака 3SG.IPFV уходить:IPFV
‘Собака уходит’.

[4] Подсчёт произведен по словарю мано, собранному автором.

(41) *N̄* *lòkó* *lɛ́ɛ̄* *wìì* *lɔ̄.*
1SG.NSBJ мать 3SG.IPFV мясо покупать:IPFV
‘Моя мать покупает мясо’.

(42) *N̄* *lòkó* *láà* *lɔ̄.*
1SG.NSBJ мать 3SG.IPFV>3SG покупать:IPFV
‘Моя мать его покупает’.

Конструкция с имперфективным МПП имеет значения имперфективного кластера: хабитуалис и актуальное настоящее; кроме того, из хабитуалиса развиваются ирреальные значения: будущего (предиктив и запланированное будущее) и оптатива.

(43) *Ń N̄* *lō* *lɔ́ɔ́* *yí* *ɲɛ́nɛ́* *sɛ̨́ɛ̨́* *ká.*
1SG.IPFV идти:IPFV рынок в день каждый с
‘Я хожу на рынок каждый день’.

(44) *Ń N̄* *lō* *lɔ́ɔ́* *yí.*
1SG.IPFV идти:IPFV рынок в
‘Я иду на рынок’.

(45) *Láà* *zɛ̄!*
3SG.IPFV>3SG убивать
‘Да он его убьет!’ / ‘Пусть же он его убьет!’

(46) *íī* *bɛ́ī* *kɩ̨̀* *pɛ́nɛ̄.*
2SG.IPFV маниок резать:IPFV сегодня
‘Сегодня ты порежешь маниок’.

2.1.5. Сопряженная серия

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
V сопряженная	*máā*	*báā*	*áā*	*kóā*	*káā*	*wáā*	JNT; JNT>3SG

Морфологическое выражение

МПП сопряженной серии образуются на базе основы 2B, к которой присоединяется суффикс *-a*. Результирующая форма имеет тональный контур «высокий-средний».

При образовании конструкции с МПП сопряженной серии используется форма глагола с низким тоном на последней стопе (подробнее о ее образовании см. часть 1.1.2.).

Употребление

Формула:

а) Непереходная конструкция

(S) AUX.JNT V:JNT

б) Переходная конструкция

(S) AUX.JNT DO (кроме местоимения 3SG) V:JNT

(S) AUX.JNT>3SG V:JNT

Сопряженная конструкция употребляется в бессоюзных придаточных предложениях; она означает, что действие происходит одновременно с действием, описанным в главном предложении, и/или происходит в настоящем времени. Субъект придаточного предложения не обязательно кореферентен субъекту главного.

(47) *Yɔ̀ɔ́* *ɛ̄* *kɛ̄* *tą́* *ɓō-pɛ̀lɛ̀*
Йо 3SG.PRET быть песня снимать-INF
Zą̄ *áā* *gɛ̰̀.*
Зан 3SG.JNT>3SG смотреть:JNT
‘Йо пел, а Зан на него глядел’.

(48) *Māà* *kɔ́nɔ́* *ɓèlè* *ŃÑ* *zùlù.*
1SG.PRF еда есть 1SG.JNT мыться:JNT
‘Я поел и теперь моюсь’ / ‘Я поел, моясь’.

Сопряженная конструкция может также участвовать в выражении значения ограничения и фокуса:

(49) *Lɛ̄* *áā* *tàà.*
3SG.EXI 3SG.JNT гулять:JNT
‘Он только и делает, что гуляет (букв.: он есть, он гуляет)’.

Главное предложение может быть выражено бытийной конструкцией:

(50) *Ɛ̄* *kɛ̄* *áā* *gbóó* *ɓò.*
3SG.PRET быть 3SG.JNT плач осуществлять:JNT
‘А она давай плакать’.

2.1.6. Отрицательные серии

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
VI.1 отрицательная	*ÑŃ*	*ìí*	*lɛ̀ɛ́*	*kòó*	*kàá*	*òó*	NEG
VI.2 отрицательная+3	*ÑŃ*	*ɓàá*	*làá*	*kòó*	*kàá*	*òó*	NEG>3SG

Морфологическое выражение

Показателем отрицательных серий является тональный контур «низкий-высокий». В отрицательной серии VI.1 выделяются основы группы 1А, к которым применяется операция удвоения гласной. В отрицательной серии +3 VI.2 выделяются основы группы 3А, к которым также применяется операция удвоения гласной.

Употребление

Отрицательные серии употребляются для образования отрицательного аориста, имперфектива и сопряженной конструкции, а также экспериенциалиса. Тон глагола лексический во всех конструкциях.

- ***(S) AUX.NEG + V***

Минимальная конструкция с отрицательным МПП имеет значение отрицательного имперфектива.

Формула:

а) Непереходная конструкция

(S) AUX.NEG V

б) Переходная конструкция

(S) AUX.NEG DO (кроме местоимения 3SG) V

(S) AUX.NEG>3SG V

(51) *Lɛ̀ɛ́ ló lɔ́ɔ́kpánā là.*
3SG.NEG идти рынок на
‘Он не ходит / не идет на рынок’.

(52) *Lɛ̀ɛ́ gbą́ lɔ́.*
3SG.NEG собака покупать
‘Он не покупает собак’ (возможна и хабитуальная, и актуальная интерпретации).

(53) *Làá lɔ́.*
3SG.NEG>3SG покупать
‘Он их не покупает’ (возможна и хабитуальная, и актуальная интерпретации).

- ***(S) AUX.NEG + gbā + V***

Данная конструкция имеет значение отрицательного аориста.

Формула:

а) Непереходная конструкция

(S) AUX.NEG *gbā* V

б) Переходная конструкция

(S) AUX.NEG *gbā* DO (кроме местоимения 3SG) V

(S) AUX.NEG *gbāā (= gbā + à)* V

(54) *Lèɛ́* *gbā* *ló.*
3SG.NEG NEG идти
'Он не ушел'.

(55) *Lèɛ́* *gbā* *wìì* *lɔ́.*
3SG.NEG NEG мясо покупать
'Он не купил мясо'.

(56) *Lèɛ́* *gbāā* *lɔ́.*
3SG.NEG NEG>3SG покупать
'Он его не купил'.

- ***(S) AUX.NEG + V + dō***

Данная конструкция имеет значение отрицательного экспериенциалиса и образуется точно так же, как отрицательный имперфектив, с той разницей, что за глаголом следует наречие *dō* (однажды). Таким образом, значение экспериенциалиса передается лексически.

(57) *Lèɛ́* *ló* *dō* *Kólówálá.*
3SG.NEG идти однажды Кот д'Ивуар
'Он никогда не бывал в Кот д'Ивуаре'.

Это наречие встречается и в отрицательной аористной конструкции; таким образом, аорист снова оказывается способен заменить экспериенциалис:

(58) *Lèɛ́* *gbā* *ló* *dō* *Kólówálá.*
3SG.NEG NEG идти однажды Кот д'Ивуар
'Он никогда не бывал в Кот д'Ивуаре'.

2.1.7. Серии конъюнктива

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
VII.1 конъюнктив	*Ń*	*í*	*ɛ́*	*kó*	*ká*	*ɔ́*	CONJ
VII.2 конъюнктив+3	*Ń ~ Ńà*	*ɓá*	*á*	*kó ~ kóà*	*ká*	*ɔ́ ~ ɔ́à*	CONJ>3SG

Морфологическое выражение

Показателем конъюнктивных серий является высокий тон. В серии конъюнктива VII.1 выделяются основы группы 1B. В серии конъюнктива +3 VII.2 выделяются основы группы 3B, при этом в 1SG, 1PL, и 3PL может факультативно присоединяться показатель объекта 3SG *-à.*

Употребление

Серии конъюнктива используются:

1) В сложных предложениях в придаточных цели, в полипредикативных конструкциях с глаголом *bɛ̀ī* ‘мочь’ (в значении ‘возможно, что’ с временной референцией к будущему), с глаголом *nāā* ‘любить, хотеть’, *tùò* ‘бояться’, в позиции сентенциального актанта существительного *dùá* ‘долг’ (в значении: X должен...), в конструкции с проспективным МПП, во временных придаточных с союзом *fǫ́pē* и *fɔ́ɔ́* ‘до тех пор пока’ и в других конструкциях, где имеется оттенок ирреальности;

2) при обозначении второго и следующих действий в императиве;

3) в протазисе условных предложений с реальным условием;

4) в сравнительных конструкциях.

2.1.7.1. Придаточное со значением ирреальности.

Формула:

а) Непереходная конструкция

(S) AUX.CONJ V

б) Переходная конструкция

(S) AUX.CONJ DO (кроме местоимения 3SG) V

(S) AUX.CONJ>3SG V

(59) *Láà* *gèē* *Ñ* *lɛ̀ɛ̄*
3SG.IPFV>3SG говорить 1SG.NSBJ для
Ń *ló* *ká* *lé* *mɔ̀.*
1SG.CONJ идти дом рот под
‘Он говорит, чтобы я ушел домой’.

(60) *Lùā* *vɔ̀* *wāà* *lūú* *kɛ̄* *ó*
женщина.PL PL 3PL.PRF брусса чтобы 3PL.CONJ
tóló *nāā.*
гриб собирать
‘Женщины отправились в бруссу, чтобы собирать грибы’.

(61) *Lɛ́ɛ̄* *bɛ̀ī* *í* *gā.*
3SG.IPFV быть.возможным 2SG.CONJ умирать
‘Возможно, ты умрешь’.

(62) *Ī* *dàā* *lɛ́ɛ̄* *yɛ́lɛ́* *tàà*
2SG.NSBJ отец 3SG.IPFV ум прогуливать:IPFV
ɛ́ *ló* *tòò.*
3SG.CONJ идти завтра
‘Твой отец думает завтра уехать’.

(63) *Ñ* *dàā* *ā* *yí*
1SG.NSBJ отец 3SG.PRET>3SG внутренность
dą̰ *(kɛ̄)* *ɛ́* *kìɛ̄* *zɛ̄*
пробовать чтобы 3SG.CONJ шимпанзе убивать
kálá *ā* *ɓúó.*
но 3SG.PRET>3SG промахиваться
‘Мой отец попытался убить шимпанзе, но промахнулся’.

(64) *Lɛ̄* *yɛ́lɛ́-zɛ̀* *(kɛ̄)* *í* *nɛ̀* *kɛ̄.*
3SG.EXI стыд-ADJ чтобы 2SG.CONJ ложь делать
‘Врать стыдно’.

2.1.7.2. Второе и следующее действия в последовательности действий в императиве

Конструкция строится аналогично зависимой предикации в предыдущем пункте.

(65) *Lɔ̄* *lɔ́ɔ́* *yí* *í* *wìì* *lɔ́* *yí.*
идти рынок в 2SG.CONJ мясо покупать в
‘Иди на рынок и купи там мяса’.

2.1.7.3. Протазис условного предложения

Формула:

а) Непереходная конструкция

(S) AUX.CONJ V+*á*

б) Переходная конструкция

(S) AUX.CONJ DO (кроме местоимения 3SG) V+*á*

(S) AUX.CONJ>3SG V+*á*

В аподозисе используется конструкция футурума.

(66) *Ká* *mā-á* *ā* *ká*
2PL.CONJ>3SG слышать-COND TOP 2PL.FUT
lō *yéí* *sí-à.*
идти:IPFV смех брать-GER
‘Когда вы услышите (это), вы будете смеяться’.

Подобная конструкция с глаголом *kɛ̄* ‘делать’ используется в косвенных вопросах:

(67) *É* *kɛ̄-á* *ī* *wìì*
3SG.CONJ делать-COND 2SG.PRET животное
zɛ̀ *ɛ̄* *ǸŃ* *yí* *dɔ̄.*
убивать TOP 1SG.NEG внутренность знать
‘Убил ли ты животное, я не знаю’.

Хотя на синхронном уровне внутренняя форма сочетания *ékɛ̄á* достаточно прозрачна, возможно, имеет смысл считать его составным союзом, вводящим косвенный вопрос.

2.1.7.4. Конструкция сравнения

Конструкция сравнения представляет собой сложное предложение, у которого главную (по порядку – первую) часть занимает бытийное адъективное предложение (в случае сравнения прилагательных) или финитная конструкция с наречием (в случае сравнения наречий), а в придаточной – глагол *dīɛ̄* ‘превосходить’ с суффиксом кондиционалиса *á* и МПП конъюнктивной серии, согласованным с субъектом главной части.

Формула сравнения прилагательных:

(S) AUX.EXI$_i$ (*ɓɛ̌ɛ́ɓɔ̄* ‘менее’) Adj AUX.CONJ$_i$ *dī-á* NP *là*

(68) *Ǹ* *lìì* *lɛ̄* *gbùò*
3SG.NSBJ старший.сиблинг 3SG.EXI большой
é *dī-á* *ī* *là*
3SG.CONJ превосходить-COND 2SG.NSBJ на
‘Мой старший брат толще, чем ты’.

Пример на сравнение наречий:

(69) *Mā* *kɛ̄* *ɓɛ̌ɛ́ɓɔ̄* *kpɛ̌ɛ̄ī*
1SG.PRET>3SG делать менее хороший
Ń *dī-á* *ī* *là.*
1SG.CONJ превосходить-COND 2SG.NSBJ на
‘Я сделал хуже, чем ты’.

2.1.8. Императивная серия

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
VIII императив	-	*Ø*	*è*	*kò*	*kà*	*ò*	IMP

Морфологическое выражение

В МПП императивной серии выделяются основы группы 1B. Показателем серии является низкий тон.

Употребление

Императивные МПП употребляются в императиве, в том числе при переходном глаголе, при этом объектное местоимение 3SG факультативно опускается. Это местоимение обязательно только при субъекте 2SG. При этом, напомним, значение императива может выражаться и конструкцией, образуемой с помощью имперфективной серии.

(70) *Ló* *lɔ́ɔ́* *yí!*
идти рынок в
'Сходи на рынок!'

(71) *À* *lɔ́* *lɔ́ɔ́* *yí!*
3SG.NSBJ покупать рынок в
'Купи это на рынке!'

(72) *È* *(à)* *zɛ̄!*
3SG.IMP 3SG.NSBJ убивать
'Пусть он его убьет!'

2.1.9. Прохибитивная серия

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
IX прохибитивная	*máá*	*ɓáá*	*áá*	*kóá*	*káá*	*wáá*	PROH

Морфологическое выражение

В МПП прохибитивной серии выделяются основы группы 2B, к которым присоединяется суффикс *-a* и высокий тон.

Употребление

Формулы:

а) Непереходная конструкция

(S) AUX.PROH V

б) Переходная конструкция

(S) AUX.PROH DO (кроме местоимения 3SG) V

(S) AUX.PROH>3SG V

Прохибитивная серия употребляется в прохибитиве и в отрицательных конъюнктивных конструкциях.

(73) *Láà* *gèē* *N̄* *lɛ̀ɛ̄*
3SG.IPFV>3SG говорить 1SG.NSBJ для
máá *ló* *ká* *lé* *mɔ̀.*
1SG.PROH идти дом рот под
'Он говорит, чтобы я не шел домой'.

(74) *Áá* *zɛ̄!*
3SG.PROH>3SG убивать
'Пусть он его не убивает!'

Также прохибитивная серия используется в аподозисе условных предложений с нереальным условием:

(75) *È* *kɛ̄-á* *ī* *wìì*
3SG.DIPFV делать-COND 2SG.PRET животное
zɛ̄ *ɛ̄* *kóá* *ɓèlè.*
убивать TOP 1PL.PROH>3SG есть
'Если бы ты убил животное, мы бы его съели'.

2.1.10. Серии будущего

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
X.1 будущее	*Ń*	*í*	*lɛ́(ɛ̄)*	*kó(ō)*	*ká(ā)*	*ó(ō)*	FUT
X.2 будущее -	*Ǹ*	*ì*	*lɛ̀*	*kò*	*kà*	*ò*	FUT.NEG

Морфологическое выражение

МПП серии будущего X.1 образуются на базе основ группы 1A; факультативно у 3SG и у 1PL, 2PL, 3PL к основам применяется операция удвоения конечной гласной. Результирующая словоформа с краткой гласной имеет высокий тон, а с долгой – тональный контур «высокий-средний». МПП серии отрицательного будущего X.2 образуются на базе основ группы 1A и несут низкий тон[5].

[5] Очевидно, что футуральная положительная серия происходит из имперфективной серии, а МПП футуральная отрицательная – из отрицательной. Футуральная положительная серия отличаются от имперфективной, а футуральная отрицательная – от просто отрицательной тем, что в первых усечен последний слог. При этом в некоторых лицах и числах факультативно последний слог может сохраняться. Точно так

Употребление

Серии будущего времени используются в конструкции будущего времени и в конструкциях с проспективным МПП, о последних см. 2.1.12.

Формулы:

а) Утвердительное будущее

AUX.FUT *ló*:IPFV (DO) V-GER

б) Отрицательное будущее

AUX.FUT.NEG *ló* (DO) V-GER

Напомним, что имперфектив может выражать и значения из сферы будущего (предиктив и запланированное будущее).

(76) *Í* *lō* *béī* *kạ́-ạ̀* *pɛ́nɛ̄.*
2SG.FUT идти:IPFV маниок резать-GER сегодня
‘Сегодня ты порежешь маниок’ (я так решил только что, конструкция будущего).

(77) *Íī* *béī* *kạ̀* *pɛ́nɛ̄.*
2SG.IPFV маниок резать:IPFV сегодня
‘Сегодня ты порежешь маниок’ (так было уговорено; имперфективная конструкция).

(78) *Ì* *lō* *béī* *kạ́-ạ̀* *pɛ́nɛ̄.*
2SG.FUT.NEG идти маниок резать-GER сегодня
‘Сегодня ты не будешь резать маниок’ (я так решил только что).

(79) *Ìí* *béī* *kạ́* *pɛ́nɛ̄.*
2SG.NEG маниок резать сегодня
‘Сегодня ты не будешь резать маниок’ (не было такого уговора).

же, как и в имперфективной конструкции, в конструкции утвердительного будущего глагол *ló* меняет тон на средний, а в конструкции отрицательного будущего, как и в конструкции с отрицательным МПП, глагол *ló* тон не меняет. Кроме того, серия зависимого имперфектива заменяет не только серию имперфектива, но и серию футурума. Очевидно, следует связывать усечение конечной гласной МПП имперфективной серии с грамматикализацией сочетания имперфективного МПП с глаголом *ló* ‘идти’ в значении будущего времени.

Эти пары конструкций практически синонимичны, с той разницей что конструкция с имперфективным МПП обозначает бо́льшую степень уверенности в том, что событие произойдет.

2.1.11. Зависимый имперфектив

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
XI.1 зависимый имперфектив	*Ǹ*	*ì*	*è*	*kò*	*kà*	*ò*	DIPFV
XI.2 зависимый имперфектив+3	*Ǹ*	*ɓà*	*è à*	*kò*	*kà*	*ò*	DIPFV>3SG

Морфологическое выражение

В серии зависимого имперфектива XI.1 выделяются основы группы 1B, показателем серии является низкий тон. В серии зависимого имперфектива +3 XI.1 выделяются основы группы 3C, показателем серии также является низкий тон. В случае, если в структуре присутствует несубъектное местоимение 3SG, используется серия +3, за исключением МПП 3SG, при котором несубъектное местоимение 3SG *à* обязательно должно быть выражено.

При образовании конструкции с МПП зависимого имперфектива используется форма глагола с пониженным тоном – точно такая же, как в имперфективе (см. 2.1.4).

Употребление

Серия зависимого имперфектива используется в относительных придаточных в качестве функционального аналога имперфектива и будущего.

Формулы:

а) Непереходная конструкция

(S) AUX.DIPFV V:IPFV

б) Переходная конструкция

(S) AUX.DIPFV DO (кроме местоимения 3SG) V:IPFV

(S) AUX.DIPFV>3SG V:IPFV

(80) *Ɲɛ́nɛ́ lɛ́ è lō pɛ̄lɛ̀è ā*
день REL 3SG.DIPFV идти:IPFV деньги ART

sɔ̀lɔ̀ɓɔ̄ à ká ā lɛ́ lō pɛ̄
достигать 3SG.NSBJ с TOP 3SG.FUT идти:IPFV вещь

yīè dō lɔ́-ɔ̀ là lɛ̄ɛ̄ lɛ̀ɛ̄.
хороший один покупать-GER 3SG.POSS жена для

‘В день, когда он получит деньги, он купит одну хорошую вещь своей жене’.

(81) *Pìà̰* *lɛ́* *ɓà* *vɔ̄* *ɔ̄*
история FOC 2SG.DIPFV>3SG рассказывать TOP
lɛ̄ *gbùò.*
3SG.EXI большой
‘История, которую ты рассказываешь, длинная’.

Также МПП 3SG серии зависимого имперфектива, наряду с бытийным глаголом *kɛ̄* с суффиксом кондиционалиса, входит в состав конструкции *èkɛ̄á.* Эта конструкция функционирует как сложный союз, вводящий протазис условных предложений с нереальным условием. Она выражает значение ретроспективного сдвига, относя (нереальное) условие к сфере отдаленного прошедшего.

(82) *È* *kɛ̄-á* *ī* *wìì*
3SG.DIPFV быть-COND 2SG.PRET животное
zɛ̀ *ɛ̄* *kóá* *ɓèlè.*
убивать TOP 1PL.PROH>3SG есть
‘Если бы ты убил животное, мы бы его съели.’

2.1.12. Проспективная серия

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL	Глосса
XII проспективная	*mòlò*	*ɓòlò*	*yèlè*	*kòlò*	*kàwòlò*	*wòlò*	PROSP

Морфологическое выражение

Основа МПП проспективной серии уникальна. Только МПП этой серии имеют структуру CVCV, МПП 2PL и вовсе имеет структуру CVCVCV. У МПП 1SG, 2SG, а также 1PL и 3PL хорошо выделяется первая согласная фонема, которая коррелирует с соответствующей фонемой в основах групп 2A, 2B и 4, а также квазисуффикс *-òlò.* Этот же суффикс выделяется в МПП 2PL, однако подобная логика в этом случае не работает, поскольку показатель имеет иную структуру: основа 2SG (которая одинакова во всех группах основ) и суффикс *-wòlò.* У МПП 3SG первая согласная коррелирует с соответствующей фонемой в основе группы 4, но при этом квазисуффикс *-òlò* не выделяется. Однако можно заметить, что обе гласные совпадают с гласной основы из той же

группы 4, а также в целом структура совпадает со структурой других МПП этой серии, кроме МПП 2PL: C-VlV.

Употребление

Проспективная серия – единственная, которая является результатом слияния местоимения не с предикативным маркером, а с самим предикатом: об этом свидетельствует тот факт, что после нее употребляется еще один МПП, согласованный с ней.

Конструкции с проспективным МПП, хотя и имеют различное значение, образованы по одной и той же формуле:

(S) AUX.PROSP AUX (DO) V

МПП, образующие такие конструкции, всегда кореферентны.

Семантика проспективной серии на данный момент до конца не ясна, однако можно выделить три основных значения.

Главным значением является собственно проспектив (по терминологии [Плунгян 2010]), при этом дублирующей серией МПП является конъюнктивная:

(83) *Yèlè* *é* *dà* *gùlù* *yí.*
3SG.PROSP 3SG.CONJ падать дыра внутренность
‘Он вот-вот упадет в яму’.

(84) *Wìì* *yā* *yèlè* *é* *gélé.*
мясо DEM 3SG.PROSP 3SG.CONJ гореть
‘Это мясо вот-вот подгорит’.

Во-вторых, проспективная серия употребляется при волеизъявлении, при этом дублирующей серией МПП также является конъюнктивная:

(85) *Mòlò* *Ń* *ɓū* *ɓèlè.*
1SG.PROSP 1SG.CONJ рис есть
‘Я хочу есть рис’.

В-третьих, проспективная серия употребляется для передачи вербальных сообщений (X говорит, что...), то есть в функции спрягаемого квотативного маркера, при этом в качестве дублирующей серии могут использоваться различные серии в зависимости от ТАМ-характеристики предиката. В состав конструкции со значением будущего входит имперфективная конструкция и футуральный МПП:

(86) *Bòlò* *í* *dà* *gùlù* *yí.*
1SG.PROSP 2SG.FUT падать дыра внутренность
‘Ты говоришь, что упадешь в яму’.

(87) *Bòlò* *ī* *dà-pèlè̄* *gùlù* *yí.*
1SG.PROSP 2SG.EXI падать-INF дыра внутренность
‘Ты говоришь, что падаешь в яму’.

2.2. Морфология МПП

Морфология МПП в мано является крайне любопытной темой для отдельного исследования, поскольку основы показателей не возводятся к праязыковому состоянию, реконструированному В. Ф. Выдриным [Выдрин 2006].

Таблица 7. Реконструкция прономинальной системы в ПЮМ [Выдрин 2006]

Лицо	**Единственное число**			**Мн.ч.**	**Дв.ч.**	**Множественное число**		
	1	2	3	1 экскл.	1 инкл.	1 инкл.	2	3
Субъектная базовая	**N̄*	**ī/ē*	**è*	**yī/ō*	**kō/kū*	**kòá*	**kā*	**wò*
Оптатив	**Ń*	**í*	**é*	**yí/ó*	**kó/kú*	**kóá*	**ká*	**wó*
Императив	–	**ɓè*	–	–	**kò/kù*	**kòà*	**kà*	–
Не-субъектная	**N̄*	**ī/ē*	**à*	**yī/ō*	**kō/kū*	**kòá*	**kā*	**ànù*
Рефлексивная	**N̄*	**ī/ē*	**ē*	**yī/ō*	**kō/kū*	**kòá*	**kā*	**wō*
Фокал./Независ.	**mā*	**ɓī/yī*	**yè*	**yī/ō*	**kō/kū*	**kòá*	**kā*	**wò*
Портманто /эргатив	**mā*	**ɓī/yī*	**yà*	**wā*	**kō/kū*	**kòà*	**kā*	**wà*

В ряде прономинальных серий в мано наблюдается смешение основ из нескольких реконструируемых серий. Например, в имперфективной, отрицательной, конъюнктивных сериях портманто (+3) и других основах группы 3, указанных в таблице 4, основа 1SG сводится к базовой серии, а 2SG – к фокализованной.

Кроме того, необходимо обратить внимание на основу 3SG *lɛ* и *la,* которая образована от первой слиянием с различными формантами, см. [Выдрин 2006: 381]). Эта основа является яркой

особенностью мано и имеет немного параллелей – в уан и локо, одном из юго-западных манде.

2.3. Анализ системы глагольного спряжения

Как и в большинстве африканских языков, в мано не выражено временное противопоставление, зато выражено аспектуальное: выделяются две граммемы перфективного кластера, перфект и аорист, которые различаются таксисными употреблениями и соотнесенностью с моментом речи, и граммема имперфективного кластера.

Временная соотнесенность определяется семантикой МПП в той или иной конструкции. Иногда наречия могут выполнять функции показателя ретроспективного сдвига – при том что семантика МПП по умолчанию относит ситуацию к настоящему времени.

(88) *Kpá* *lɛ́ɛ̄* *sa̰ã̰* *kɛ̄.*
давно 3SG.IPVF работа делать

или

(89) *Lɛ̄* *kpá* *sa̰ã̰* *kɛ̄-pɛ̀lɛ̀.*
3SG.EXI давно работа делать-INF
‘Раньше он работал’.

Примечательно, что в мано существуют МПП, маркирующие исключительно зависимые предикации: это серии конъюнктива и зависимого имперфектива, а также сопряженная серия. Их наличие является синтаксическим свидетельством того, что МПП не относятся к группе подлежащего. В целом при любой финитной форме глагола обязательно употребление МПП, из чего следует вывод, что МПП сродни показателю согласования. Подробнее об этом см. [Khachaturyan 2010].

По терминологии Матти Миестамо, который составил типологию систем отрицания в разных языках мира [Miestamo 2005], отрицание в мано относится к типу Asy, то есть оно полностью асимметрично: не существует ни одной пары утвердительных и отрицательных конструкций, которые отличались бы только наличием показателя отрицания.

Это связано с тем, что, во-первых, существуют специальные отрицательные МПП и ни одна серия, употребляющаяся в положительной полярности, не употребляется в отрицательной, и наоборот.

В терминологии Матти Миестамо это явление называется A/Cat (различие в маркировании глагольных категорий в утвердительных и отрицательных конструкциях). Эта разновидность асимметрии называется системной асимметрией (different-system asymmetry).

Во-вторых, парадигма отрицательной полярности редуцирована: отрицательные конструкции со значением имперфектива, претерита, перфекта и сопряженной серии образуются при помощи одной и той же серии МПП. В терминологии Матти Миестамо такая разновидность асимметрии называется парадигматической асимметрией (paradigmatic asymmetry).

В-третьих, помимо отрицательных МПП, существуют отрицательные частицы (копула *wɔ́* в отрицательных конструкциях с фокализованным МПП, *gbā* в отрицательных конструкциях с МПП отрицательной серии при отрицании претерита и бытийных предложений в прошедшем), которые всегда следуют за МПП и предшествуют прямому объекту. То, что они употребляются не во всех конструкциях, создает дополнительную асимметрию.

Нередко при изучении южных языков манде встает вопрос о контрактивных сериях (то есть сериях, представляющих собой слияние собственно МПП с местоимениями, предикативными показателями и другими единицами, в случае мано это несубъектные местоимения 3SG): выделять ли их в отдельные серии или рассматривать как факультативные варианты, обусловленные регулярными фонетическими процессами. При выделении контрактивных серий мы исходим из принципа, сформулированного Н. В. Кузнецовой [Кузнецова 2008].

Контрактивные МПП выделяются в отдельную серию, если:

- существует хотя бы одно местоимение в группе, не имеющее в синхронии неслитного варианта,
- существует хотя бы одно местоимение, не выводимое по существующим в языке правилам контракции.

Что касается правил контракции в мано, то, например, демонстратив *yā*, присоединяясь к существительным и становясь артиклем (этот процесс можно наблюдать в синхронии), нередко теряет начальный согласный; однако никогда не бывает так, чтобы он ассимилировался предыдущим гласным в отношении тембра и тона. Точно так же ведет себя глагольный суффикс кондиционалиса *-á* (см. п. 2.1.7, 2.1.9). Глагольный суффикс герундия *-à* может ассимилироваться предыдущим гласным по качеству, но

никогда не ассимилируется по тону. Между тем, несубъектное местоимение 3SG *à* чаще всего ассимилируется по тону (исключение составляет серия имперфектива+3) и нередко ассимилирует гласный корня (например, в серии экзистенциалиса+3*: lɛ̄ + à = lāā)* – то есть ведет себя противоположным образом. Кроме того, зачастую отличия серий МПП, употребляющихся в непереходных контекстах, от соответствующих МПП +3 касаются не только тонов и вокализма, но и консонантизма. Так, основа МПП 2SG +3 зачастую имеет вид *ɓa,* при том что соответствующий МПП, употребляющийся в непереходных контекстах, имеет вид *i.* Подобные случаи невозможно объяснить фонетической контракцией типа *i + a = ɓa*, поскольку они не подпадают ни под какие естественные фонетические процессы. По всей видимости, здесь следует и вовсе говорить о другой серии основ; такой позиции мы и будем придерживаться.

Кроме того, имеются факты, показывающие, что контрактивное местоимение воспринимается как единый МПП, не разложимый на предикативную часть и прямообъектное местоимение. Так, в превербных глаголах преверб не может быть отделен от прямого объекта, выраженного местоимением или полной ИГ, но может быть отделен наречием от контрактивного МПП.

(90) *Mā* *tíá̰* *mɛ́* *gbṵ̄-pɛ̀lɛ̀.*
1SG.EXI>3SG еще поверхность хватать-INF
‘Я еще жду его’.

(91а) *Ñ* *Élī* *mɛ́* *gbṵ̄-pɛ̀lɛ̀* *tíá̰.*
1SG.EXI Эли поверхность хватать-INF еще
‘Я еще жду Эли’.

(91б)* *Ñ Élī tíá̰ mɛ́ gbṵ̄-pɛ̀lɛ̀.*

При этом контрактивные местоимения нередко имеют в синхронии неслитный вариант, который употребляется в медленной речи:

(92) *Mā* *mɛ́* *gbṵ̄-pɛ̀lɛ̀.*
1SG.EXI>3SG поверхность хватать-INF
‘Я жду его.’

(93)	*N̄*	*à*	*mɛ́*	*gbṵ̄-pɛ̀lɛ̀.*
	1SG.EXI	3SG.NSBJ	поверхность	хватать-INF
	‘Я жду его.’			

Неслитную форму, по всей видимости, следует рассматривать именно как синонимичный вариант, а не как исходную точку фузионных процессов, поскольку эти процессы не поддаются наблюдению – они применяются только для образования контрактивных серий, нигде больше в языке не встречаются и, следовательно, не являются регулярными фонетическими процессами.

Таким образом, контрактивные местоимения следует рассматривать как отдельные серии.

Список сокращений

+3	Контрактивная серия МПП, слитых с прямообъектным местоимением 3SG
1	1 лицо
2	2 лицо
3	3 лицо
ADJ	суффикс прилагательного
ADV	суффикс наречия
ART	артикль
AUX	местоименный предикативный показатель
COND	суффикс кондиционалиса
CONJ	конъюнктив
COORD1	сочиненная серия местоимений (семантическая «сумма» конъюнктов)
COORD2	сочиненная серия местоимений (второй конъюнкт)
COP	копула
DEM	демонстратив
DIPFV	зависимый имперфектив
DO	прямой объект
EXI	экзистенциальная серия МПП
FOC	фокус, фокализованная серия местоимений
FUT	будущее время
H	высокий тон
INF	инфинитив
IMP	императив
IO	непрямой объект

IPFV	МПП серии имперфектива
JNT	сопряженная серия МПП
L	низкий тон
LOC	локативный послелог, локативное имя
M	средний тон
NEG	отрицание
NP	именная группа
NSBJ	несубъектная серия местоимений
PFV	МПП серии перфекта
PL	множественное число
POSS	притяжательная серия местоимений
PP	послеложная группа
PRET	претерит
PROH	прохибитив
PROSP	проспектив
GER	герундий
REFL	рефлексив
S	субъект
SG	единственное число
TAM	время, аспект, модальность
TOP	показатель топика
V	глагол
ГГ	глагольная группа
ИГ	именная группа
МПП	местоименный предикативный показатель

Литература

Выдрин В. Ф. Личные местоимения в южных языках манде // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Том. II. Ч. 2. Mandeica Petropolitana. СПб., 2006. С. 333–419.

Выдрин В. Ф. Ещё раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели? // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания: Синтаксис именных и глагольных групп. М., 2010. С. 385–400.

Кузнецова Н. В. Морфология личных местоимений в языке гуро // В. Ф. Выдрин (ред.). Африканский сборник – 2007. СПб., 2008. С. 367–409.

Плунгян В. А. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания: глагол. М., 2003. С. 5–41.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М., 2010.

Хачатурьян М. Л. Сегментная фонология гвинейского мано // В. Ф. Выдрин (ред.). Африканский Сборник – 2009. СПб., 2009. С. 403–416.

Хачатурьян М. Л. Метрическая стопа в языке мано // VIII международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Москва, 22–24 сентября 2009 года): Тезисы и доклады. М., 2009. С. 184–199.

Kastenholz, R. Note sur les marques prédicatives en koranko // Mandenkan 6. 1983. P. 55–73.

Khachaturyan M. The syntactic approach to pronominal systems in South and South-Western Mande languages // Konstantin Pozdniakov, Valentin Vydrin, Alexander Zheltov (eds.). Personal pronouns in Niger-Congo languages: International workshop. St. Petersburg, September 13–15, 2010. Abstracts and papers: Working materials. St. Petersburg, 2010. P. 42–47. http://mandelang.kunstkamera.ru/files/mandelang/xachat_pron_tez.pdf

deZeeuw P., Kruah R. A Learner Directed Approach to Mano: A handbook on communication and culture with dialogs, texts, cultural notes, exercises, drills and instructions. East Lansing, Michigan University, 1981.

Neal V. C.; Sinclair W. C.; Finn B. J.; Compton M. Beginning Mano. A course for Speakers of English. San Francisco. Ms. 1946.

Miestamo M. Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. Berlin–New York, 2005.

Zheltov A. Le système des marqueurs de personnes en gban : Morphème syncrétique ou syncrétisme des morphèmes ? // Mandenkan, 41, 2005. P. 23–28.

В. Ф. Выдрин

ЭЛЕКТРОННЫЙ ГЛОССИРОВАННЫЙ КОРПУС ТЕКСТОВ ЯЗЫКА БАМАНА: ПЕРВЫЙ ЭТАП[1]

0. Введение

В предыдущих публикациях, посвящённых электронному корпусу бамана [Выдрин 2008а; Выдрин 2008б; Vydrine 2008], были высказаны предварительные соображения о необходимости и возможности создания такого корпуса, а также намечались пути решения некоторых конкретных трудностей, которые неизбежно должны были возникнуть в этой работе. Эти идеи стали предметом обсуждения на Второй Международной конференции по языкам манде (СПб, сентябрь 2008) и были поддержаны коллегами из разных стран; обсуждение было продолжено на VI Всемирном конгрессе по африканской лингвистике (Кёльн, август 2009). Осенью 2009 года в Петербурге была создана рабочая группа по разработке модели электронного корпуса текстов бамана, в которую, помимо автора, вошли лингвист-программист Кирилл Александрович Маслинский и специалисты по языкам манде Анна Владимировна Эрман и Артём Витальевич Давыдов. К систематической работе группа приступила в марте 2010 года (после окончания очередной зимней экспедиции российских лингвистов в Гвинею и Кот-д'Ивуар). В качестве метаязыка корпуса был выбран французский, который является официальными языком и основным языком образования в Мали.

В данной статье мы постараемся представить обзор конкретных проблем, решением которых занималась рабочая группа в течение полугода (с марта по сентябрь 2010 г.), и обоснования принятых решений.[2]

---

[1] Данное исследование выполнено в рамках проекта «Разработка модели электронного корпуса текстов языков манден (манинка, бамана)», поддержанного грантом РФФИ № 10-06-00219-а.

[2] Здесь не будут рассматриваться проблемы, связанные с подбором текстов и их метаразметкой; им посвящена статья А. В. Давыдова в данном сборнике.

Общие соображения о значимости электронного корпуса текстов на языках манде были высказаны в уже упомянутых публикациях, что позволяет не излагать их здесь и сразу перейти к более техническим вопросам.

Напомним принцип действия всех программ автоматического анализа текста, предназначенных для создания языковых корпусов. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что программное обеспечение состоит из «словарного» файла, а также из программы автоматического анализа (морфологического, синтаксического и др.), т. е. рабочего файла (или, скорее, совокупности файлов), содержащего в себе правила построения словоформ, их сочетаемости между собой и т. д.; «движок» связывает текстовый и словарный файлы. В словарный файл вносятся морфемы (или лексемы, или словоформы[3]) описываемого языка; при каждой морфеме (или словоформе), в другом поле, даётся её эквивалент на метаязыке (который может совпадать с описываемым языком, – в таком случае мы получаем одноязычное глоссирование, – а может быть иным; в нашем случае метаязыком является французский). Для служебных слов и морфем, как правило, даётся условный эквивалент, в соответствии с принципами Лейпцигских правил глоссирования. В особом поле даётся частеречная помета.

Несколько упрощая картину, принцип автоматического анализа можно описать так. Когда даётся команда «анализировать текст», программа-«движок» находит в словарном файле каждую лексему и морфему, представленную в тексте (при этом она членит слова на морфемы), создаёт в текстовом файле строку «парсинга» (поморфемной разбивки) и подставляет к каждой морфеме исходной фразы её эквивалент на метаязыке. Если же морфема в словарном файле не обнаруживается, то программа сигнализирует об этом, предлагая лингвисту различные варианты выбора: создать новую карточку в словаре; отметить слово как иноязычное вкрапление; устранить орфографическую ошибку в тексте.

Организационные структуры всех трёх компонентов корпуса – программы-анализатора, словаря и проанализированного текста –

[3] Последнее может быть необходимо для флективного языка. Поскольку языки манден изолирующие, с элементами агглютинации, то в дальнейшем возможность введения в словарь словоформ рассматриваться не будет.

тесно взаимосвязаны. Тем не менее, в целях удобства изложения, эти компоненты и связанные с ними проблемы будут рассмотрены раздельно.

1. Программа-анализатор (парсер)[4]

На предварительном этапе я склонялся к тому, что компьютерная программа Toolbox – наиболее подходящее средство для создания электронного корпуса текстов на языках манден [Выдрин 2008б]. Однако в ходе дальнейших обсуждений с коллегами и в рамках рабочей группы стало очевидно, что некоторые недостатки этого программного продукта создают труднопреодолимые препятствия в работе над большим корпусом, насчитывающим миллионы словоупотреблений. Назовём лишь три таких недостатка:

1) закрытый характер этой программы, т. е. недоступность её исходных текстов. Это делает невозможным для разработчиков корпуса вносить изменения в программу парсинга для устранения конструктивных дефектов (с которыми доводилось сталкиваться, по-видимому, всем пользователям Тулбокса), а также с целью её приспособления к особенностям конкретного языка;

2) невозможность парсинга без ручного снятия омонимии. Эта особенность Тулбокса автоматически сводит его функцию к созданию микро-корпусов и делает невозможной обработку больших массивов текстов;

3) отсутствие в Тулбоксе средств для обработки внеязыковых вкраплений в текст на анализируемом языке – таких как слова или фразы из других языков (французские вкрапления нередки в текстах на бамана; в мусульманской религиозной литературе могут встречаться неадаптированные арабские слова и т. п.) и окказионализмы.

В результате было принято решение о создании специальной программы-анализатора текста на бамана; разработкой этой программы занимается К. А. Маслинский, в режиме постоянных консультаций с остальными членами рабочей группы. В качестве

[4] Термин «парсер» чаще всего используется в значении «синтаксический анализатор», однако иногда его употребляют и в смысле «морфологический анализатор» (в частности, разработчики программы Toolbox). В данной статье этот термин будет применяться в основном в последнем значении.

языка программирования был избран Python, при этом рассматривается возможность перевода программы в дальнейшем на другой, более экономный язык.

На данном этапе речь идёт о разработке морфологического анализатора; разработка синтаксического анализатора текста на бамана – значительно более сложная задача, к решению которой предполагается перейти на более позднем этапе работы.

Для проверки работы парсера используется «пилотный корпус» разножанровых текстов на бамана, записанных в старой орфографии, объёмом в 102 тыс. слов (ок. 455 тыс. знаков). Этот файл был любезно предоставлен в наше распоряжение Жераром Дюместром.

В ходе разработки морфологического парсера были созданы следующие продукты:

1.1. Правила преобразования старой орфографии бамана в новую

Старая орфография основывалась на принципах, выработанных на совещании экспертов западноафриканских стран в Бамако в 1963 году и была официально принята в Мали в 1967 году. В 1986-1990 гг. она была замещена новой системой, основанной на африканской версии МФА. Эти две системы различаются в обозначении четырёх фонем (или шести, если учитывать вокалическую долготу): *è, ò, èe, òo, ny, ng* в старом написании соответствуют *ɛ, ɔ, ɛɛ, ɔɔ, ɲ, ŋ* в новом. Трудность представляют два диграфа, которые в старой орфографии не различали релевантные фонологические сущности: *ny* в серединной позиции в слове мог обозначать как носовой сонант /ɲ/, так и сочетание носового гласного с последующим палатальным сонантом, /Ṽy/; *ng* в начале знаменательной морфемы обозначал как носовой сонант /ŋ/, так и преназализованный велярный смычный /ng/. Эта неоднозначность не позволяет конвертировать тексты, имеющиеся в старой орфографии, путём простых автозамен. В то же время программа, предусматривающая обращение к словарю, решает эту проблему почти без остатка: в словаре Ш. Байоля обнаруживается только одна минимальная пара, демонстрирующая оппозицию /ɲ/ и /Ṽy/ – *kɛ́ɲɛ* ‘препятствовать; терпеть неудачу’ : *kɛ́nyɛ* ‘выравнивать’ (поскольку тоны ни в старой, ни в новой орфографии бамана на письме не обозначаются, следует учитывать и то-

новые квазиомонимы: *kɛ̀ŋɛ* 1. песок, *kɛ̀ŋɛ* 2. лобок, *kɛ̀ŋɛ* 3. воск).[5] Минимальных пар на оппозицию /ŋ/ : /ng/ в словаре нет.

1.2. Правила обозначения тонов на письме

В ныне действующей практической орфографии бамана тоны не обозначаются,[6] а в научных публикациях в этом отношении царит анархия: практически каждый автор придерживается своих собственных правил.

В создаваемом корпусе предполагается сплошное тонирование текстов (за исключением, разумеется, иноязычных вкраплений), поэтому весьма актуальным становится формулирование правил, по возможности экономных, но в то же время не допускающих утраты релевантной для языковой системы информации.

Некоторые идеи относительно принципов тональной нотации в корпусе текстов на бамана были высказаны в статье [Выдрин 2008а]. Не повторяя здесь всей аргументации, ограничимся изложением самих правил.

Предлагается использовать следующие тональные диакритики: акут – высокий тон, гравис – низкий тон, гачек – восходящий тон (последний используется редко, только в словах трёх маломестных миноритарных классов,[7] для восходящего тона перед высоким – но не перед низким; в последнем случае обходимся грависом, исходя из правила: «низкий перед низким реализуется как восходящий»).

В словах «стандартных» тональных классов обозначается только тон первого слога (высокий или низкий), вне зависимости от длины слова.

---

[5] Конечно, нельзя исключать возможность возникновения омонимии в результате продуктивного словосложения.

[6] Точнее, обозначение тонов допускается, но не считается обязательным; при этом правила тональной нотации не формулируются. В публикациях на бамана, предназначенных для малийцев, а также в школьном и университетском преподавании этого языка в Мали тоны не обозначаются практически никогда. Единственным исключением является, по-видимому, различение местоимений 3SG *à* и 2PL *á*: последнее пишется со знаком апострофа в постпозиции, и это правило соблюдается авторами текстов довольно последовательно.

[7] В принципе, можно было бы обойтись и без гачека, но тогда пришлось бы вводить значок плавающего низкого тона внутри слова или циркумфлекс, т.е вместо *nkárǎngé* – *nká`ránge* или *nkâránge* ‘ловушка’.

В префиксных глаголах тон (высокий или низкий) обозначается и на префиксе, и на первом слоге глагольной основы: *lákólo* ‘воспитывать’, *lákìrin* ‘вызывать обморок’, *màmìnɛ* ‘бронировать; обручаться’, *màgàn* ‘стараться’, *màjìra* ‘показывать’.

Этот же принцип применяется и в причастиях (образуемых суффиксами *-len/-nen, -tɔ, -ta, -bali*), которые сохраняют тоны исходных глаголов (*lákìrinnen, màmìnɛtɔ, lákìrinbali, màjìrata*), – но не в отглагольных именах (образованных по конверсии или при помощи суффикса *-li/-ni*), тоны которых становятся компактными (*lákirinni* ‘вызывание обморока’*, màminɛli, màminɛ* ‘помолвка’*, màgan* ‘усилие; прилежание’).

Для глаголов-компаундов (типов N+V, [N+Pref.]+V) тон обозначается и на первом слоге именной части, и на первом слоге глагольной основы: *kɔ́nɔnafìli* ‘тревожить’, *kɔ́nɔmíiri* ‘размышлять’, *kùnkɔrɔtà* ‘способствовать успеху’, *kùnnadá* ‘попрекать’.

В бамана, помимо глаголов-компаундов, менее 10% всех слов имеют нерегулярные тональные схемы; это почти исключительно существительные, наречия и служебные слова. Многие слова с нерегулярными тональными схемами малочастотны в текстах (в основном это названия биологических видов), и нередко их тональный контур варьируется от диалекта к диалекту (или даже идиолекту). Ниже даётся список тональных классов по [Dumestre 1987]; примеры также даются из диссертации Дюместра, при этом формы нередко отличаются от тонов соответствующих слов в словаре Ш. Байоля (H – высокий тон, L – низкий тон, R – восходящий тон).

Таблица 1. Тоновая нотация для слов различных тональных классов

Структура слова и тон. схема	Пример (в «полной» записи)	Предлагаемая орфография	Комментарий
CV: L	*kà* показатель инфинитива, *à* 3ед.	*kà, à*	только эти два слова
Двусложные:			
CV-CV: HL	*báwò* ‘потому что’, *kúnùn* ‘вчера’	*báwò*, *kúnùn*	не бывает на существительных
CV-CV: R-R	*gɛ̌lǔ, gɛ̀ɛ́lù* ‘маленький африканский филин’, *tɛ̀ɛ́ndǎ, tɛ̌ndǎ* ‘молотоглав’	*gɛ̀lù, tɛ̀ndà*	долгота гласного автоматическая

Структура слова и тон. схема	Пример (в «полной» записи)	Предлагаемая орфография	Комментарий
CVV-CV: R-L	*lààlà* ‘возможно’	*lààlà*	редкий
Трёхсложные:			
CV-CV-CV: H-L-H	*bámànán* ‘бамана’, *tásàlén* ‘чайник для омовений’	*bámànan*, *tásàlen*	самый многочисленный тип
CV-CVV-CV или CVV-CVV-CV: H-H-R	*náanáalĕn* ‘ласточка’, *bákɔ́ɔ́nĭn* ‘большая ржанка’	*náanaalèn, bákɔɔ́nìn*	
CV-CV-CV: H-R-H	*nkárăngé* ‘ловушка’, *dɔ́rɔ̆mé* ‘5 франков’	*nkárăngé*, *dɔ́rɔ̆mé*	
CV-CVV-CV: L-H-R	*bòjáarǎ* ‘колючий молочай’, *bàŋ́náandĭ* ‘сенегальский ткачик’	*bòjárà*, *bàŋ́nándì*	долгота второго гласного автоматическая
CVV-CV-CV: R-B-H	*jɔ̀ɔ́nkɔ̀mí* ‘чёрный скорпион’, *màángòró* ‘манго’	*jɔ̀nkɔ̀mi, màngòro*	долгота первого гласного автоматическая
Четырёхсложные (все **-** CV-CV-CV-CV)**:**			
H-H-L-H	*késékèlé* ‘зоб (птицы)’, *fógónfɔ̀gón* ‘лёгкое’	*késekèle*, *fógonfɔ̀gon*	частотный тип
H-H-R-H	*bábúgŭnín* ‘муравьиный лев’	*bábugŭnín*	редкий тип; некоторые слова реализуют тон факультативно как H-R-H-H
H-H-H-R	*búnúnkóorŏ* ‘шпорцевый гусь’, *kɔ́lɔ́bóorŏ* ‘коричневый цвет’	*búnunkoorò, kɔ́lɔborò*	редкий тип; долгота предпоследнего гласного автоматическая
H-L-L-H	*wánjàlàká* ‘жираф’	*wánjàlaka*	редкий тип
H-L-H-H	*cóbàjírí* ‘храбрец’	*cóbàjiri*	редкий тип
L-H-L-H	*dùnúnkàlé* ‘оса-строительница’, *kòlókòló* ‘ощипанная курица’	*dùnunkàle, kòlokòlo*	частотный тип

Структура слова и тон. схема	Пример (в «полной» записи)	Предлагаемая орфография	Комментарий
L-H-R-H	*kànkálĭbá* ‘напиток кенкелиба’, *fàbúrĕmá* ‘мелкий сорт батата’	*kànkálĭbá, fàbúrĕmá*	редкий тип
L-H-H-R	*gìngérénĭn* ‘дневная хищная птица’, *kàkílákă* ‘фараонова курица’	*gìngérenìn, kàkílakà*	редкий тип
L-L-H-R	*tòrìmáaná* ‘пиявка’, *ngòròbáanĭn* ‘капская горлица’	*tòrímanà, ngòrobanìn*	редкий тип; долгота предпоследнего гласного автоматическая

К сожалению, нельзя быть уверенным, что этот список исчерпывает все возможности, допустимые в различных диалектах бамана. С другой стороны, поскольку подавляющее большинство подлежащих анализу исходных текстов не будет иметь тоновой нотации, для них эта проблема будет нерелевантной.

Если от существительного с нерегулярной тональной схемой образуется дериват или если такое существительное входит в составное слово, оно переходит в регулярный тональный класс (тон первого слога определяет тональный контур всего слова). Например: *nkárăngé* ‘ловушка’ ⇒ *nkárangenin* ‘ловушечка’, *bámànán* ‘бамана’ ⇒ *bámanankan* ‘язык бамана’.

В бамана выделяется особый класс существительных-композитов, которые, вслед за Жераром Дюместром [Dumestre 1987/1994, 261-285], принято называть «конгломератами». Эти существительные (в отличие от «обычных») образуются не по моделям именных групп и могут сохранять тоны своих компонентов. По наблюдению Ж. Дюместра, более краткие конгломераты (до 3 слогов) имеют сильную тенденцию к приобретению компактных схем, а более длинные – к сохранению исходных тонов компонентов. Нередко в произнесении конгломератов наблюдаются колебания между компактной и некомпактной тоновыми схемами, например: *sìgíńfɛ̃* (предлагаемая орфография: *sìgí-ń-fɛ̃*) ~ *sìgìnfɛ́* (*sìginfɛ*) ‘мигрант’, *táakàsègín* (предлагаемая орфография: *táa-kà-sègin*) ~ *táakáségín (táakasegin)* ‘хождение туда и

обратно', *jèníkàɲìmí* (предлагаемая орфография: *jèni-kà-ɲìmi*) ~ *jènìkàɲímí* (*jènikaɲimi*) 'благоприятный случай'.

Конгломераты образуют открытый список; они образуются по различным моделям, причём каждая модель имеет самые разные варианты наполнения, в связи с чем исчисление тональных схем, допустимых для конгломератов, представляется невозможным.

Серьёзный вопрос представляет собой обозначение на письме тонового артикля бамана. В статье [Выдрин 2008a] он уже обсуждался и обосновывалась необходимость его фиксации. Однако реальность такова, что в огромном большинстве имеющихся текстов артикли (как и тоны в целом) не обозначены; соответственно, расстановку артиклей должен осуществлять или парсер, или человек (очевидно, тот, кто занимается ручным снятием омонимии). Однако правила употребления артикля ясны далеко не во всех деталях[8] (их выявлению препятствует как раз малое количество имеющихся текстов, в которых артикли были бы обозначены), так что программировать автоматическую расстановку артиклей в настоящее время невозможно – парсер отразил бы, в лучшем случае, неполноту наших знаний по этой части и создал бы ложную иллюзию у пользователя. Очевидно, расстановку артиклей мог бы осуществить носитель языка бамана (обученный соответствующим образом) или лингвист, обрабатывающий текст при содействии носителя языка. Поэтому надеяться на то, что в обозримом будущем удастся получить значительное количество текстов с обозначенными тоновыми артиклями, вряд ли приходится.

Как уже говорилось в статье [Выдрин 2008a], игнорирование тонового артикля ведёт, в частности, к неразличению разных видов синтаксических отношений в рамках именной группы, что весьма нежелательно. Однако в письменной практике бамана

[8] Можно упомянуть в этой связи работу [Creissels 2009], где для манинка р-на Кита упоминаются контексты употребления и неупотребления артикля, о которых не шла речь ни в предыдущих работах этого автора по языкам манден, ни в трудах других исследователей. Проверка аналогичных контекстов в бамана показала, что по крайней мере некоторые сформулированные Кресельсом правила можно распространить и на этот язык.

можно отметить следующую тенденцию: именные группы генитивного типа, характеризующиеся компактным типом связи между своими составляющими (лексический тон неначального компонента устраняется, тон первого компонента распространяется на всю синтагму), часто пишут слитно, в одно графическое слово. Иначе говоря, такие ИГ трактуются скорее как сложные слова. При всей теоретической спорности такой трактовки,[9] подобное написание имеет практический смысл, указывая на отсутствие тонового артикля у первого компонента ИГ. Орфографическое правило слитного написания для тонально-компактных ИГ такого типа можно было бы предложить, по крайней мере, для нетонированных текстов.

1.3. Усовершенствование практической орфографии бамана

Как это ни удивительно, при всём внимании к вопросам орфографии со стороны малийских лингвистов, этот интерес фокусируется в основном на составе графем и лишь минимально затрагивает проблем слитного/раздельного написания и использования дефиса [Guide 1979; Guide 1993]. Во всяком случае, никакого детального свода правил орфографии, где затрагивались бы эти вопросы, по-видимому, опубликовано не было.[10]

Очевидно, что для автоматического анализа текста унификация орфографии необходима. Можно поставить вопрос и другой стороной: разработка корпуса глоссированных текстов на бамана – это хороший повод для стандартизации орфографии.

В ходе работы над Корпусом весной 2010 года в международной электронной рассылке прошла дискуссия относительно правил использования дефиса в бамана. Участники дискуссии сошлись во мнении, что дефис следует употреблять в двух случаях:

– при редупликации глаголов и прилагательных со значением интенсивности: *tíɲɛ* ‘портить’ – *tíɲɛ-tíɲɛ* ‘портить сильно и мно-

[9] Отметим при этом, что Дени Кресельс в своей грамматике манинка Кита [Creissels 2009], а также Шарль Байоль [2000] идут ещё дальше, предлагая рассматривать как сложные слова и иные типы тонально-компактных единств (прежде всего, атрибутивную синтагму).

[10] В устных беседах в июне 2010 года в Бамако малийские лингвисты говорили о том, что когда-то такие правила обсуждались и вырабатывались и что свод этих правил должен где-то храниться. Однако его местонахождение нам установить не удалось.

го'; *ɲùman* 'хороший' – *ɲùman-ɲùman* 'очень хороший'. Дефис не употребляется при немотивированной редупликации (т. е. в тех случаях, когда соответствующая нередуплицированная форма в языке отсутствует), например, *wɔ̀roworo* 'шуметь (о ветре)' (в отсутствие соотносимой лексемы **wɔ̀ro*);[11]

– для соединения компонентов конгломерата, если эти компоненты сохраняют свои исходные тоны (см. примеры в предыдущем разделе).

В ходе дальнейшей работы, несомненно, будут сформулированы и другие правила.

1.4. Упорядоченное представление словоизменительной и деривативной морфологии

Составление полного списка словоизменительных морфем абсолютно необходимо для автоматического анализа текста; без этого невозможно опознание очень многих текстовых словоформ даже в таком преобладающе-изолирующем языке как бамана. Однако, с точки зрения задач парсинга, различие между словоизменительными и регулярными словообразовательными морфемами (такими как суффиксы причастий и номинализации, суффиксы диминутива и огмантатива и др.) оказывается несущественным: регулярные дериваты также, как правило, не даются в словаре, и парсер должен уметь членить их на аффиксы и основы, даже если и не ставить задачи полного морфологического разбора словоформ.

Таким образом, стала очевидной необходимость полного списка аффиксов бамана, с указанием их алломорфов и правил сочетаемости, а также их стандартных глосс на метаязыке. Составление инвентаря аффиксов существенно облегчалось тем, что словоизменение и деривация в бамана изучены достаточно хорошо (можно упомянуть, в первую очередь, работы [Dumestre 1987/1994, 187-233, 281-321; Dumestre 2003]). Оставалось лишь свести аффиксы в таблицы, более формально представить их алломорфы и снабдить каждый аффикс глоссой. Кроме того, была составлена таблица служебных слов и их унифицированных глосс. Отдельная задача – выявление допустимых и запретных сочетаний аффиксов друг с другом и с основами, что позволяет

[11] Это правило – впрочем, сформулированное не вполне чётко – имеется и в упомянутых малийских изданиях [Guide 1978; Guide 1993].

существенно сократить количество вариантов разбора, предлагаемых парсером. Для непродуктивных аффиксов были составлены максимально полные (в идеале – исчерпывающие) списки образуемых с их помощью дериват. Таблицы служебных морфем и слов, с предлагаемыми стандартными глоссами (см. приложение к данной статье), выносились на обсуждение в международную электронную рассылку, так что предлагаемые глоссы можно теперь считать, применительно к бамана, международным стандартом.[12]

1.5. Представление композитов

Большую сложность для автоматического анализа текста на бамана представляет обилие композитов, образующихся по продуктивным моделям (особенно если последовательно применять правило слитного написания всех тонально-компактных комплексов, о котором шла речь в 1.2) – и, соответственно, не представленных в словаре. Если парсеру ставится задача не только вычленять деривативные и словоизменительные аффиксы, но и пытаться анализировать каждую словоформу как композит (при этом в каждой его компоненте, в свою очередь, также могут выделяться деривативные аффиксы), то количество теоретически допустимых вариантов морфологического разбора словоформы резко возрастает. Чтобы сократить их количество (и, таким образом, повысить качество работы парсера), необходимо найти и сформулировать реально существующие ограничения на словосложение – или попытаться исчислить допустимые в бамана модели словосложения. Попытка такого исчисления была сделана; её результаты не приводятся здесь лишь из соображений экономии места. Однако следует быть готовым к умеренной результативности работы по этой модели – она осложняется, во-первых, возможностью рекурсивности в применении моделей словосложения, во-вторых – уже упоминавшейся анархией в отношении словоделения в большинстве публикуемых текстов на бамана. В целом композиты, по-видимому, будут представлять одну из главных трудностей для автоматического анализа баманского текста.

[12] В дискуссии приняли активное участие Жерар Дюместр, Эрвин Эберман, Дмитрий Идиатов, Клаудиа Домбровски.

1.6. Поморфемное глоссирование

Как правило, в электронных корпусах различных языков программа автоматического анализа выдаёт, в качестве конечного продукта, лемматизированный текст, т. е. такой текст, где каждая словоформа снабжена пометами, отражающими её словоизменительные характеристики. Это совершенно оправдано для индоевропейских и иных языков с развитым словоизменением и достаточно чёткими словесными границами.[13] Бамана же относится к языкам, где (а) словоизменение минимально, причём крайне немногочисленные словоизменительные морфемы – это аффиксы, присоединяемые агглютинативно; (б) очень развито словосложение, при этом провести границу между сложным словом и словосочетанием часто очень непросто. В таких языках лемматизация оказывается малоэффективной.

Поэтому наша рабочая группа приняла решение о двух уровнях глоссирования – лексемном (с представлением словоизменения) и поморфемном, в котором будет систематически отражаться морфемный состав каждого графического слова бамана. Таким образом, во-первых, отчасти снимается проблема разграничения словосочетаний и композитов; во-вторых, пользователь корпуса получает возможность поиска не только по лексемам, но и по морфемам (как служебным, так и знаменательным).

2. Словарное обеспечение

2.1. Основной словарь

Шарль Байоль, автор наиболее популярного бамана-французского словаря, неоднократно переиздававшегося в Мали (последнее издание – [Bailleul 2007]), предоставил электронную версию этого словаря в формате Toolbox в распоряжение рабочей группы по созданию корпуса, что существенно облегчило её задачу. В то же время, довольно быстро стало очевидным, что для использования в качестве программного продукта для электронного корпуса бамана этот словарь нуждается в весьма существен-

[13] К сожалению, я не знаком с практикой корпусной лингвистики для языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, типа китайского или вьетнамского. Можно ожидать, что принятые для этих языков подходы могут быть схожи с теми, которые мы выработали для бамана.

ной доработке. Перечислим те параметры, которые затронула эта доработка.

2.1.1. Орфографическая конверсия. В словаре Ш. Байоля используется авторская версия тоновой нотации: низкий тон обозначается (знаком грависа) над каждой гласной; высокотоновые слоги остаются без тональных диакритик; восходящий тон (который фактически является аллотоном низкой тонемы на односложном сегменте, если за ним следует другая низкотоновая тонема) маркируется гачеком. Существительные и прилагательные даются в своей «артиклевой» форме (т. е. с повышением тона на конце низкотоновых слов), глаголы – с тоновым контуром позиции перед паузой (без повышения тона на конце низкотоновых слов).

Автоматическая трансформация такой нотации в принятую у нас оказалась возможной только для слов, принадлежащим двум основным тональным классам – «высокотоновому» и «низкотоновому». Автоматизация конверсии для миноритарных тональных классов потребовала бы такого сложного алгоритма, что более простым решением оказалась ручная замена.

2.1.2. Фонетические варианты и отсылочные статьи. Даже в письменной форме «стандартного бамана», на которую, в первую очередь, ориентируется проект по созданию электронного корпуса текстов, сохраняется достаточно высокая вариативность. Так, многие корни могут выступать в виде вариантов Ciɲɛ и Ciyɛn (*tìɲɛ ~ tìyɛn* ‘правда’, *bíɲɛ ~ bíyɛn* ‘печень’ и т. д.);[14] неустойчивой может быть назализация (*díla ~ dílan* ‘изготавливать’, *bùnte ~ bùnten* ‘размалывать в муку’ и т. д.) и гласные (*ɲɛ́ ~ ɲá* ‘глаз’, *mɔ̀gɔ ~ màa* ‘человек’) – при этом одна лексема может иметь достаточно большое количество вариантов. Конечно, в большинстве случаев фонетические варианты – диалектного происхождения,[15] однако их встречаемость в текстах на бамана (как устных, так и

[14] Следует отметить, что Guide de transcription рекомендует в данном случае формы типа Ciɲɛ, однако на практике авторы текстов очень часто используют и альтернативные варианты.

[15] В «стандартном бамана» за основу взят диалект столицы Мали, Бамако, однако выходцы из различных районов страны привносят формы из своих диалектов, что облегчается слабостью политики кодификации языка со стороны государственных органов.

письменных) требует приведения таких вариантов в словаре. В то же время, учёт в словаре всех диалектных вариантов невозможен: во-первых, очень многие слова будут представлены в таком случае десятками вариантов, что, к тому же, резко увеличит омонимию и затруднит парсинг. Во-вторых, надеяться на полное представление в словаре всех диалектных вариантов всё равно не приходится – хотя бы потому, что диалекты бамана для этого недостаточно полно описаны. В-третьих, в диалектном континууме манден трудно провести границы между говорами бамана, манинка, дьюла и т. д., так что стороннику тотального включения диалектных вариантов в словарь было бы провести границу между языками.

В словаре Байоля последовательно представлены формы трёх локальных диалектов бамана; разумеется, отражён и стандартный бамана. Наша рабочая группа приняла решение сохранять имеющиеся в словаре варианты, но с некоторыми оговорками. В частности, иногда словарь Байоля даёт формы из периферийных диалектов, появление которых в текстах на стандартном бамана маловероятно, при этом такие формы создают омонимию с употребительными словами. Например, среди форм лексемы *díla, dílan* ‘изготавливать’ даётся и южная форма *bíla.* Последняя оказывается омонимичной (в отсутствие тоновой нотации) весьма употребительному глаголу *bìla* ‘класть’. Если учесть, что словоформа *bìla* может быть также проанализирована как сочетание основы *bì* (диалектный вариант глагола *bìn* ‘падать’) с суффиксом прогрессива *-la,* то количество вариантов анализа каждой встретившейся в тексте словоформы *bila* превосходит все рамки здравого смысла. В то же время, словарь Байоля не даёт аналогичные диалектные формы для многих других слов, например, *blɔ̀* (стандартный бамана: *dɔ̀lɔ*) ‘пиво’, *blɔ̀ki* (стандартный бамана: *dùlɔkil*) ‘рубаха’ и др. В этой ситуации представляется предпочтительным убрать такие диалектные формы, которые сильно увеличивают «шум» и затрудняют работу парсера.

В словаре Байоля принят принцип подачи каждого фонетического варианта на своём алфавитном месте в виде особой статьи, с отсылкой к основной статье. Впрочем, в реальности тут много непоследовательного: по своему оформлению отсылочные статьи часто мало отличаются от основных и содержат полный набор информации о лексеме; иногда отсылочная статья содержит ин-

формацию, в главной статье не представленную. Не так уж редко лексема, имеющая фонетические варианты, оказывается представлена в словаре двумя полноценными статьями, не содержащими эксплицитных отсылок друг к другу.

Надо сказать, что для парсера отсылочные статьи не нужны вовсе, поскольку он может осуществлять поиск по всем фонетическим вариантам, упомянутым в основной статье, без обращения к отсылочной статье. Более того – упоминание фонетического варианта и в основной статье, и в отсылочной лишь осложняет его работу, продуцируя «фиктивную омонимию», поскольку парсер учитывает оба упоминания этого варианта (в главной и в отсылочной статьях).

В такой ситуации наиболее простым путём для упорядочивания информации было признано уничтожение всех отсылочных статей (а также дублирующих статей), с обязательным перенесением, в случае необходимости, всей содержательной информации в главную статью.

2.1.3. Подбор французских эквивалентов и проблема полисемии. Выбор переводного эквивалента при глоссировании нередко оказывается весьма непростым делом, особенно если идёт речь о большом корпусе текстов. Изначально рабочая группа приняла технически простое решение: если в статье в словаре Байоля поле \ge (предназначенное для французского эквивалента) встречается более одного раза,[16] то программа берёт в качестве глоссы для баманской лексемы содержимое первого по порядку поля \ge. При этом исходили из того, что при описании семантики полисемичного глагола лексикограф ставит на первое место, по умолчанию, наиболее прототипическое значение лексемы, из которого легче всего вывести все остальные.

В ходе дальнейшей работы выявились две главные трудности; первая из них (подбор эквивалента) – субъективного характера, вторая (проблема полисемии) – объективного.

[16] Toolobox представляет собой базу данных, приближенную по структуре к текстовому процессору; в частности, в пределах одной карточки может быть несколько полей с одинаковым названием. Эта особенность программы даёт большую свободу маневра лексикографу, но сильно затрудняет конвертацию словарного файла в формате Toolbox в форматы других баз данных, более строгих по структуре.

2.1.3.1. Подбор эквивалента. В словаре Байоля (как, впрочем, и в очень многих других) граница между толкованием значения и собственно эквивалентом на метаязыке (т. е., в идеале, – слова, которое можно использовать в тексте на языке перевода) оказывается нечёткой, а распределение информации по полям базы данных (которой является программа Toolbox) – довольно произвольным. Очень часто обнаруживается, что в первом по счёту поле \ge оказывается не один эквивалент, а два, например:

\lx nɔ̀.ra.da
\va nɔ̀nada
\va nwána
\ps n
\ge cadet, puîné

Там же может оказаться, помимо эквивалента, также и толкование или его часть – при этом вторая часть толкования оказывается нередко перенесённой во второе поле \ge:

\lx npàana
\va pàana
\ps v
\ge écarter (les jambes
\ge les bras ...)

Наконец, предлагаемый автором словаря эквивалент может быть просто слишком длинным и потому неудобным для глоссирования текста:

\lx npóko
\va nfúku
\ps n
\ge taon noir à la piqûre cuisante

Эти и некоторые другие особенности организации исходного словаря заставили думать о необходимости его тотального просмотра и доработки с точки зрения потребностей парсера. В результате интенсивной работы всей рабочей группы в июле-августе 2010 г. было проведено упорядочивание словаря по перечисленным выше параметрам, а именно: в первое по порядку следования поле \ge внесён один эквивалент, по возможности

краткий[17] и представляющий прототипическое значение лексемы, а все остальные данные из этого поля устранены; устранены отсылочные статьи.

2.1.3.2. Проблема полисемии. Если словарь показывает, что идентифицированное в бамана слово полисемично, то встаёт вопрос выбора между его значениями. Какое из значений должна отражать глосса? Всегда ли использовать в качестве глоссы данной лексемы один и тот же эквивалент или, в зависимости от контекста, использовать разные эквиваленты (отражающие разные значения)?

Технически несравненно проще считать одну глоссу «постоянным представителем» одной лексемы, в каком бы из своих значений эта лексема ни выступала в тексте. Исходя из потребностей глоссирования этого типа и проводилась адаптация электронной версии словаря Байоля. Иное решение потребовало бы разработки семантически чувствительного парсера, что практически эквивалентно созданию достаточно совершенной программы машинного перевода с бамана на французский. Конечно, о такой задаче можно и нужно думать, но вряд ли она стоит в ближайшей повестке дня.

Возможно и компромиссное решение (хорошо известное в компьютерно-интернетовской практике): лексема всегда представлена одной и той же глоссой, но пользователю предлагается опция «показать полисемию», при выборе которой во всплывающем окне показываются все зафиксированные в словаре значения лексемы (иначе говоря, содержимое всех полей \ge, имеющихся в словарной карточке). Так, для глагола *dún* в качестве основной глоссы фигурирует *manger,* а при включении опции «показать полисемию» будут продемонстрированы также значения *dépenser, rouler qn*.

С точки зрения устройства парсера такое решение не представляет особых трудностей, но оно требует значительно более глубокой доработки словаря, чем та, которая была осуществлена

[17] В тех случаях, когда подобрать односложные эквиваленты оказалось невозможным, части многосложного эквивалента даются без пробела и разделяются точками, например:

\lx jáfulate

\ge arbre.Hannoa.undulata.

на настоящем этапе, поскольку некоторые лексемы бамана имеют многие десятки значений, а их подача в словаре Байоля пока что очень далека от той, которая необходима для автоматизированного представления полисемии. Доработку словаря в этом направлении имеет смысл планировать на следующем этапе работы (предположительно, в 2011-2012 гг.).

2.1.3.3. Поморфемное членение. В словаре Байоля лексемы-дериваты и композиты обычно даются с указанием членения на морфемы, а в специальном поле, \lt, приводится покомпонентный перевод. Однако при более тщательном рассмотрении оказалось, что

1) морфемное членение приводится далеко не всегда – нередко в слове указывается только одна морфемная граница из двух или трёх (*màakɔrɔ.ba* ‘vieillard’ – ср. полное членение: *màa.kɔrɔ.ba*), и достаточно систематически не приводится морфемное членение в фонетических вариантах лексемы (что, действительно, может считаться избыточным для «бумажной» версии словаря, но совершенно необходимо для парсинга) – например:

\lx màa.dolo
\va mɔ̀gɔdolo
\ge Orion;

2) иногда вычленяемые автором словаря знаменательные морфемы не представлены в словаре – таким образом, они оказываются «отсылками в никуда»;

3) предлагаемый в поле \lt покомпонентный перевод плохо соотносится с эквивалентами вычленяемых знаменательных морфем (см. раздел 2.1.3.1.).

Таким образом, мы пришли к необходимости второй систематической переработки словаря, которая и была осуществлена силами нашей группы в сентябре 2010 года. В результате все лексемы в словаре (в каждом из своих фонетических вариантов) теперь представлены с полным морфемным членением, при этом каждая вычлененная корневая морфема снабжена стандартным переводным эквивалентом, совпадающим с тем её эквивалентом, который даётся в основной статье, посвящённой этой морфеме. В качестве эквивалентов деривационных морфем даны стандартные глоссы из списка, который приводится в Таблице 3 в Приложении.

2.2. Дополнительные словари

В словаре Ш. Байоля представлены, за единичными исключениями,[18] только нарицательные существительные языка бамана. При этом очевидно, что в текстах имена собственные составляют достаточно большой процент всех словоупотреблений. На момент начала работы над Корпусом у меня имелись словари географических названий, личных имён и клановых имён бамана, в основном в рукописной форме. А. В. Давыдов осуществил компьютерный набор этих словарей (в формате Toolbox), а в ходе экспедиции в Мали в июне-июле 2010 года протонировал их.[19] На данный момент эти словари ни в коей мере не претендуют на исчерпывающий характер (насколько вообще возможно говорить о достижении предела в расширении таких словарей), они будут пополняться в ходе работы по ручному снятию омонимии.

Только предстоит создать словарь аббревиатур (отметим, что большинство аббревиатур, встречающихся в баманских текстах, – французские, а не собственно баманские: SIDA – syndrome de l'immunodéficience acquise, CMDT – Compagnie malienne du développement des textiles, ODIPAC – Office de Développement Intégré pour les Productions Arachidières et Céréalières и т. д.)

Ещё одна категория словоупотреблений, которые являются источником трудностей для парсинга, – неадаптированные французские слова (при том что адаптированные заимствования, по-видимому, следует включать в основной словарь). Для их частичной идентификации предполагается использовать метод поиска нетипичных в языке бамана позиций и сочетаний графем (сочетание двух гласных; согласные в конце слова и т. п.).

2.3. Пополнение словарей в ходе ручной разметки Корпуса

Странно было бы ожидать, что все лексемы из текстов бамана, включаемых в Корпус (даже если не учитывать неадаптированных иностранных слов), будут содержаться в уже имеющихся

[18] Такими как традиционные «порядковые имена» детей у бамана (*Ncì, Ngòlo ~ Ŋòlo, Nsǎn* и т. д.) и, окказионально, прозвища некоторых кланов (*nɔ̀gɔ.ka* appellation des « Tarawele »).

[19] Нужно иметь в виду, что имена собственные у народов манден допускают повышенную тоновую вариативность. Впрочем, для автоматического анализа нетонированных текстов это обстоятельство дополнительных трудностей не создаёт.

словарях. Поэтому предполагается, что работа над Корпусом станет важнейшим источником пополнения словаря языка бамана. Это пополнение может осуществляться на этапе ручного снятия омонимии в текстах – т. е. на том этапе, который следует за метаразметкой и автоматическим парсингом. Поскольку ручное снятие омонимии, по крайней мере на начальных этапах работы, предполагается проводить силами российских (или, шире – европейских) студентов и специалистов по языку бамана, т. е. теми, для кого бамана не является родным языком, можно предвидеть, что создание новых словарных статей в словаре может вызвать у них затруднение. По-видимому, имеет смысл предусмотреть такой алгоритм работы: 1) устанавливается, что слово, не опознанное парсером, не является скорее всего именем собственным, аббревиатурой, иностранным словом или результатом опечатки; 2) такое слово вносится в некий временный словарь; 3) слова из временного словаря (в контекстах, в которых они встретились в текстах Корпуса) проверяются с информантами, для которых язык бамана является родным, после чего принимается решение о внесении (или невнесении) их в основной словарь.

3. Структурирование анализируемого текста: Уровни представления текста и глоссирования

Обработанный и глоссированный текст – это то, с чем, в обычном случае, будет иметь дело пользователь Корпуса. Рассмотрим, каким образом предполагается организовать этот текст. Сразу оговоримся, что:

а) Корпус будет открытым для доступа любому пользователю Интернета;

б) пользователь не будет иметь доступа к полным текстам документов, включённым в Корпус (это ограничение связано с охраной авторских прав);

в) не планируется устанавливать ограничений на количество фразовых примеров, которые пользователь получает по запросу (ср. практику подобных ограничений, скажем, в Британском Национальном Корпусе). Доступ к полному списку примеров, обнаруженных в Корпусе, необходим для углублённых исследований.

Всякий текст в Корпусе будет представлен на нескольких уровнях анализа.

1) Исходный вид. Текст воспроизводится в том виде, в котором он представлен в источнике – с сохранением орфографии, пунктуации, опечаток и описок. Это необходимо для осуществления контроля: если программа-парсер или разметчик (человек, осуществляющий ручное снятие омонимии) допускает ошибку (например, принимает французское вкрапление за баманское слово, написанное с опечаткой), эта ошибка может быть обнаружена при обращении к исходной форме текста. Кроме того, особенности текста, в том числе опечатки и пунктуация, могут сами по себе являться предметом исследования лингвиста, и было бы неразумным закрыть эту возможность для пользователей Корпуса.

2) Запись в «нормализованной орфографии», с тоновой нотацией. При переходе на этот уровень осуществляется автоматическая конвертация старой орфографии в новую, ручное исправление орфографических ошибок, автоматическая идентификация словоформ, обозначение тонов в соответствии с принятыми принципами. Если в исходном тексте тоны указаны, то осуществляется автоматическое преобразование исходной тоновой нотации в ту, которая принята в Корпусе.

3) Представление текста с вычленением словоизменительных морфем.

4) Представление с полным поморфемным разбиением (отделение словообразовательных морфем, расчленение композитов на составляющие).

5) Представление текста с синтаксической разметкой: обозначение границ именных групп; связывание финитных глаголов с предикативными показателями; связывание глаголов (финитных и нефинитных форм) с управляемыми ими послелогами; обозначение границ клауз и т. д. Этот уровень представления предполагается обеспечить на более поздних этапах проекта.

6) Строка лемматизации: каждой лексеме и каждой словоизменительной морфеме бамана дан в соответствие французский эквивалент.

7) Строка глоссирования: каждой морфеме бамана (как словоизменительной, так и словообразовательной) дан в соответствие французский эквивалент.

8) Литературный перевод на французский.

Примечание: 1) В представлении пользователю уровни со 2 до 5 могут быть, по-видимому, объединены без ущерба для со-

держания. 2) Литературный перевод текста на французский может быть добавлен только вручную.

Корпус бамана планируется сделать неоднородным по степени анализа. Наименьшую его долю будут составлять тексты со снятой вручную омонимией и с проставленными тоновыми артиклями (как уже отмечалось, расстановка артиклей должна производиться теми, для кого язык бамана является родным, или, во всяком случае, с участием таких информантов). Небольшим будет также подкорпус с литературным переводом на французский. Следующий, более широкий круг, будет являть собой подкорпус со снятой вручную омонимией. Наконец, все остальные тексты в Корпусе будут только автоматически обработаны парсером; даже при сохранении неснятой омонимии такие тексты могут дать пользователю Корпуса много полезной информации.

Соответственно, пользователь сможет осуществлять поиск только по каким-то из этих подкорпусов или по всему корпусу в целом – в зависимости от того, нужно ли ему максимально возможное количество примеров (какое-то количество которых при этом может оказаться неправильным) или он предпочитает получить меньшее количество более надёжных примеров (без «шума»).

4. Некоторые перспективы проекта «Корпус текстов бамана»

В июне-июле 2010 мы с А. В. Давыдовым совершили поездку в Гвинею и Мали, главной целью которой был сбор материалов для Корпуса, а также налаживание контактов с лингвистами (и другими заинтересованными кругами) этих стран, которые могли бы быть полезными в ходе работы над проектом. Попытаюсь обобщить впечатления от этой поездки.

4.1. Мали

Реакция лингвистов была позитивной; идею создания Корпуса поддержали все наши собеседники. Особенно заинтересовала их перспектива использовать результаты корпусного проекта для упорядочивания орфографии языка бамана и, в перспективе, для создания программы автоматической проверки орфографии. Другое дело, что на нынешнем этапе участие малийцев в работе над проектом может быть лишь весьма ограниченным – в частности, требуется их помощь в получении электронных версий книг и

газет, публикуемых на бамана. В дальнейшем, когда удастся добиться некоего минимального уровня качества работы парсера и приступить к созданию полноценного корпуса текстов, они могут быть привлечены к снятию омонимии. Очень желательной была бы помощь малийцев в транскрибировании аудиозаписей – это позволило бы создать подкорпус устной речи бамана.

Очевидно, что для налаживания сотрудничества в этой области потребуются дополнительные финансовые ресурсы, превышающие рамки исследовательского гранта РФФИ.

4.2. Гвинея

В Конакри, столице страны, и в Канкане, административном центре населённой манинка области Верхняя Гвинея, мы провели серию встреч с гвинейскими лингвистами, а также с активистами культурно-образовательного движения н'ко. В частности, мы присутствовали на специальном заседании *Ńkó`* *Dúnbu`* 'Академии н'ко', по своим функциям сходной с Французской Академией. Члены Академии занимаются регламентацией орфографии н'ко, а также проводят большую лексикографическую работу: пополняют одноязычный словарь манинка (первое издание которого насчитывает около 32 500 словарных статей), готовят к изданию н'ко-французский словарь; они переводят на н'ко законодательные тексты Гвинейской Республики и т. д. – причём вся эта работа проводится без какого бы то ни было финансирования со стороны государственных органов или международных организаций.

Наш рассказ о проекте Корпуса вызвал у членов Академии большой энтузиазм; они выразили свою готовность к сотрудничеству. Но в данном случае речь идёт не просто о работе с текстами на другой графической основе, но и с другим языком: языки манинка и бамана, хотя и близки друг к другу, различаются всё же достаточно сильно для того, чтобы парсер и словарь бамана можно было применять к текстам на манинка (тем более если говорить о работе с текстами на «литературном н'ко», который отличается от письменного «стандартного бамана» ещё больше, чем разговорные варианты манинка и бамана). При этом, несомненно, наработки по баманскому корпусу сильно облегчат процесс создания корпуса манинка.

Если всё же иметь в виду перспективу создания корпуса текстов на манинка, то необходимо иметь в виду препятствия, которые имеются на этом направлении. На настоящий момент можно, в частности, упомянуть (помимо, само собой разумеется, проблемы получения финансирования) следующие трудности:

– плохая обеспеченность Конакри (и, тем более, других гвинейских городов) электроэнергией, что существенно затрудняет работу с компьютером;

– отсутствие манинка-французского словаря (аналогичного бамана-французскому словарю Шарля Байоля); это означает, что такой словарь надо создавать заново.

5. Заключение

В целом можно отметить, что работа над электронным корпусом текстов бамана пока что идёт по оптимистическому сценарию:

– к моменту написания данной статьи практически готова первая рабочая версия парсера и необходимый для её функционирования словарь;

– ясны конкретные задачи по совершенствованию этих инструментов, стоящие перед рабочей группой;

– имеется достаточно большое количество текстов в электронном виде, готовых для введения в Корпус;

– работа над Корпусом встречает понимание и поддержку коллег из разных стран, что открывает хорошие перспективы для международного сотрудничества в данной области.

Литература

Выдрин В. Ф. На пути к электронному корпусу языка бамана: обозначение тонов // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2008». СПб., 2008а. С. 122–134.

Выдрин В. Ф. Электронные корпуса африканских языков: завтра или послезавтра? // А. Ю. Желтов (ред.). Петербургская африканистика. Памяти Андрея Алексеевича Жукова. СПб., 2008б, С. 29–39.

Давыдов А. В. Электронный корпус языка бамана: Комплектование и принцип метатекстовой разметки // Настоящий сборник.

Bailleul Ch. Cours pratique de bambara. Bamako, Editions Donniya, 2000.

Bailleul Ch. Dictionnaire Bambara-Français. 3e édition corrigée. Bamako, 2007.

Creissels D. Le malinké de Kita. Köln, 2009.

Davydov A. Towards The Manding Corpus: Texts Selection Principles and Metatext Markup. Eds. Guy De Pauw, H. J. Groenewald, and Gilles-Maurice de Schryver. Proceedings of the Second Workshop on African Language Technology (AfLaT 2010). Valletta, Malta: European Language Resources Association (ELRA), 2010, P. 59–62. http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2010/workshops/W5.pdf

Dumestre G. Le bambara du Mali: Essai de description linguistique. Thèse de Doctorat d'Etat. INALCO. Paris, 1987. 2e édition : Paris : Les Documents de Linguistique Africaine, 1994, Tomes 1, 2.

Dumestre G. Grammaire fondamentale du bambara. Paris, 2003.

Guide de transcription et de lecture du Bambara. Bamako, 1979.

Guide de transcription et de lecture du Bambara. 2e édition, revisé par Demba Konarɛ, Moussa Diaby, Soumana Kanɛ. Bamako, 1993.

Vydrin V. Glossed electronic corpora of Mande languages: A perspective that we cannot avoid // Mande languages and linguistics. 2nd International Conference, St. Petersburg (Russia), September 15–17, 2008. Abstracts and Papers. V.Vydrin (ed.). St. Petersburg, 2008, P. 15–22.

Приложение. Стандартные глоссы для аффиксов и служебных слов бамана

Таблица 2. Словоизменение

Аффикс	**Алломорфия**	**Глосса**	**Частеречная сочетаемость**	**Значение**
-la/-na	*-na* после носового гласного, *-la* в остальных случаях	PROG	v	суффикс прогрессива (в сочетании с pm *bɛ́* (утвердительная конструкция), *tɛ́* (отрицательная конструкция))
-ra/ -la/ -na	*-na* если предшествующий слог содержит назальный звук; *-la* если предшествующий слог неносовой и содержит *r, l;* *-ra* во всех остальных случаях	IPFV.INTR	v (v.i)	показатель имперфектива для интранзитивных глаголов
-*w*		PL	n, adj, dtm, prn	показатель множественного числа (присоединяется к последнему слову ИГ)
-`	проявляется как даунстеп последующего высокотонового слова	ART	n, adj	артикль (присоединяется к последнему слову ИГ)

Таблица 3. Словообразование

Аффикс	**Алломорфия**	**Глосса**	**Частеречная сочетаемость**	**Часть речи дери-вата**	**Значение**
			Суффиксы		
-ba		AUGM	n, adj, ptcp	= ис-ходной	аугментатив
-baa/ -baga	варианты *-baa и -baga* в свободном варьировании	AG.OCC	v	n, (adj)	имя окказионального деятеля
-bali		PTCP.PRIV	v	ptcp	приватив ное причастие
-ka		GENT	n	n	суффикс имени жителя какого-л. мес-та или выходца из этого места («ген-тильный»)
-la/-na	*-na* после носового гласно-го, *-la* в остальных случаях	AG.PRM	v	n	суффикс имени деятеля
-la/-na	*-na* после носового глас-ного, *-la* в остальных слу-чаях	LOC	n	n	суффикс имени места
-la/-na	*-na* после носового глас-ного (факультативно – и после слога «носовой согласный + неносовой гласный») , *-la* в осталь-ных случаях	PRICE	num	n	суффикс имени стоимости («количе-ство товара стоимостью в X»)

Аффикс	**Алломорфия**	**Глосса**	**Частеречная сочетаемость**	**Часть речи дери-вата**	**Значение**
-la/-na	распределение между алломорфами отчасти факультативное, отчасти лексикализованное	MNT1	v, n, pp	n	суффикс имени ментальной деятельности или её результата
-lata/ -nata	распределение между алломорфами отчасти факультативное, отчасти лексикализованное; отличия от MNT1 минимальны	MNT2	v, n, pp	n	суффикс имени ментальной деятельности или её результата
-lama/ -nama	*-nama* после носового гласного, *-lama* в остальных случаях	STAT	n	adj	суффикс отыменных прилагательных со значением «под видом X», «в качестве X», «сделанный из X», «будучи X»
-lan/ -nan	*-nan* после носового гласного, *-lan* в остальных случаях; *-ran* – редкий лексически распределённый вариант *-lan*	INSTR	v	n	суффикс имени инструмента
-len/ -nen	*-nen* после носового гласного, *-len* в остальных случаях	RES	v	ptcp	суффикс результативного причастия

Аффикс	**Алломорфия**	**Глосса**	**Частеречная сочетаемость**	**Часть речи дери-вата**	**Значение**
-li/-ni	*-ni* после носового гласного, *-li* в остальных случаях	NMLZ	v	n	суффикс отглагольного имени
-ma		COM	n	adj, (n)	суффикс отыменного прилагательного с комитативным/орнативным значением
-ma		RECP.PRN	n	n	суффикс взаимности отношений
-ma		DIR	v	v	непродуктивный суффикс, сочетающийся главным образом с основами глаголов направленного действия, часто не меняя исходного значения
-man		ADJ	vq	adj	адьективизатор квалитативных глаголов
-nan		ORD	num	adj	суффикс порядковых числительных
-nin		DIM	n, adj, ptcp	= исходной	диминутив
-ntan		PRIV	n	adj, (n)	суффикс отыменного привативного прилагательного
-nci		AG.EX	n, adj, v	n	суффикс «имени неумеренного деятеля»

Аффикс	**Алломорфия**	**Глосса**	**Частеречная сочетаемость**	**Часть речи дери-вата**	**Значение**
-ɲɔgɔn/ -ɲwan/ -ɲwaan	варианты – разного диалектного происхождения	RECP	v, n	n	суффиксоид «имени партнёра по деятельности»
-ta		PTCP.POT	v	ptcp	суффикс причастия с потенциальным значением
-tɔ		PTCP.PROG	v	ptcp	суффикс прогрессивно-проспективного причастия (прогрессив – от непредельных глаголов, проспектив – от предельных)
-tɔ		PTCP.ST	n	n, adj	имя субъекта состояния (чаще – неблагоприятного)
-ya		DEQU	vq	n, v	суффикс, образующий динамические глаголы и имена качеств от квалитативных глаголов
-ya		ABSTR	n, adj, (v)	n, (v)	суффикс имени статуса или состояния (от имён, обозначающих лиц и некоторых животных), имени качества (от производных прилагательных); (редк.) суффикс глаголов с инхоативным значением

Аффикс	Алломорфия	Глосса	Частеречная сочетаемость	Часть речи дери-вата	Значение
		Глагольные префиксы			
lá-/ná-	*ná-* факультативно после носового гласного, *lá-* в остальных случаях	CAUS	v	v	каузативный префикс (часто – с лексикализованным нерегулярным значением)
mà- ~ màn-	алломорф *màn-* только в единичных глаголах	SUPER	v	v	префикс с затемнённой семантикой (этимологически, очевидно, суперэссивной)
rá-/rɔ́-	не в стандартном бамана; фонетические варианты – разного диалектного происхождения	IN	v	v	префикс с затемнённой семантикой (этимологически, очевидно, инэссивной)
sɔ̀-		EN	v	v	непродуктивный префикс (3 глагола перемещения), восходит к слову *sɔ̀n* ‘сердце’

Комментарии:
В графе «Частеречная принадлежность деривата» в скобках указывается второстепенное образование по конверсии (более или менее лексикализованное).

Таблица 4. Служебные слова

Форма	**Глосса**	**Часть речи**	**Позиция**	**Значение**	**Алломорфия**
à	3SG	pers	любая ИГ	неэмфатическое местоимение 3 лица ед. числа	
á	2PL	pers	любая ИГ	неэмфатическое местоимение 2 лица мн. числа	
ánw	1PL.EMPH	pers	любая ИГ	эмфатическое местоимение 1 лица мн. числа	
án	1PL	pers	любая ИГ	неэмфатическое местоимение 1 лица мн. числа	
áw	2PL.EMPH	pers	любая ИГ	эмфатическое местоимение 2 лица ед. числа	
bɛ́	BE	cop	после ИГ подлежащего	копула неглагольного локативного предложения	
bɛ́ ~ bí ~ bɛ́	IPFV.AFF	pm	после ИГ подлежащего	показатель утвердительного имперфектива	диалектные варианты
bɛ́ kà	PROG.AFF	pm	после ИГ подлежащего	показатель утвердительного прогрессива	
bɛ́ka ~ bɛ́ga ~ bága ~ búga	PFV.TR.AFF	pm	после ИГ подлежащего	показатель перфектива при переходном глаголе	редкая диалектная форма, синоним *yé*

Форма	**Глосса**	**Часть речи**	**Позиция**	**Значение**	**Алломорфия**
bɛ́nà ~ bínà ~ bénà	FUT.AFF	pm	после ИГ подлежащего	показатель утвердительного будущего	
bìlen ~ bìle ~ bèlen	COND.NEG	pm	после ИГ подлежащего; иногда сопровождается предикативным показателем *yé* или *má*	показатель отрицательного условного наклонения	архаичный и редкий показатель
dè	FOC	prt	после фокализуемого слова	показатель контрастивного фокуса	
dòn	PRES	cop	после ИГ подлежащего	копула неглагольного презентативного предложения	
dùn	TOP.CNTR	prt	следует за ИГ субъекта или иной ИГ, вынесенной в крайне левую позицию	показатель контрастивной топикализации подлежащего	
é`	2SG.EMPH	pers	любая ИГ	эмфатическое местоимение 2 лица ед. числа	
í	2SG	pers	любая ИГ	неэмфатическое местоимение 2 лица ед. числа	
í	REFL	pron	любая несубъектная ИГ; субъектная ИГ придаточного предложения	рефлексивное местоимение	

Форма	**Глосса**	**Часть речи**	**Позиция**	**Значение**	**Алломорфия**
ìn	DEF	dtm	стоит после ИГ	«новый определённый артикль»	
kà	INF	pm	перед ИГ прямого дополнения; в её отсутствие – перед глаголом	показатель инфинитива	
ká	OPT	pm	после ИГ подлежащего	показатель оптатива	
ká	POSS	conj	после ИГ посессора	посессивная связка	
ká	QUAL.AFF	pm	после ИГ подлежащего	показатель утвердительного квалитативного предложения	
kànà́ ~ kà́nà	PROH	pm	после ИГ подлежащего	показатель прохибитива	
kɔ̀ni	TOP	prt	после топикализуемой ИГ	показатель контрастивного топика	
mà ~ màa	DES	pm	после ИГ подлежащего, представленной словом *Ala* ‘Бог’; глагол присоединяет суффикс *–ra/-la/-na* PFV.INTR	предикативный показатель в предложении, обозначающем благопожелание	
má	PFV.NEG	pm	после ИГ подлежащего	показатель отрицательного перфектива	

Форма	**Глосса**	**Часть речи**	**Позиция**	**Значение**	**Алломорфия**
mán	QUAL.NEG	pm	после ИГ подлежащего	показатель отрицательного квалитативного предложения	
mána ~ máa	COND.AFF	pm	после ИГ подлежащего	показатель утвердительного кондиционалиса	*máa* – форма в северных диалектах
mín	REL	dtm, pron	после релятивизируемой ИГ в левосторонней придаточной клаузе; в позиции ИГ в правосторонней придаточной клаузе	маркер релятивизации	
nà ~ ná	CERT	pm	после ИГ подлежащего	показатель уверенного будущего	
nìn	DEM	dtm, pron	вместо, перед или после ИГ	указательное местоимение	
ɲɔ́gɔn	RECP	pron	любая несубъектная ИГ	взаимное местоимение	
ó`	DISTR	conj	между двумя ИГ	показатель дистрибутивной связи	
ò	ANAPH	pron	замещает ИГ	анафорическое местоимение	
òlú	ANAPH.PL	pron	замещает ИГ	плюральное анафорическое местоимение; эмфатическое местоимение 3 л. мн. ч.	

Форма	Глосса	Часть речи	Позиция	Значение	Алломорфия
tɛ́	COP.NEG	cop	после ИГ подлежащего	копула неглагольного отрицательного локативного предложения	
tɛ́ ~ tí ~ té	IPFV.NEG	pm	после ИГ подлежащего	показатель отрицательного имперфектива	диалектные варианты
té kà	PROG.NEG	pm	после ИГ подлежащего	показатель отрицательного прогрессива	
tɛ́ka ~ tɛ́ga	PFV.TR.NEG	pm	после ИГ подлежащего	показатель отрицательного перфектива при переходном глаголе	редкая диалектная форма, синоним *yé*
tɛ́nà ~ ténà ~ tínà	FUT.NEG	pm	после ИГ подлежащего	показатель отрицательного будущего	
tùn	PST	prt	чаще всего перед pm или cop	показатель ретроспективного сдвига	
wà	Q	prt	в конце предложения	частица общего вопроса	
yé	PFV.TR	pm	после ИГ подлежащего	показатель утвердительного переходного перфектива	
yé	EQU	cop	после ИГ подлежащего	копула в эквативном неглагольном предложении	

Форма	**Глосса**	**Часть речи**	**Позиция**	**Значение**	**Алломорфия**
yé	IMP	pm	следует за ИГ подлежащего, выраженного местоимением 2 мн.	показатель императива при подлежащем во 2 мн.	
yé kà	RCNT	pm	после ИГ подлежащего	показатель недавнего прошлого	малоупотребительный

А. В. Давыдов

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОРПУС ЯЗЫКА БАМАНА: КОМПЛЕКТОВАНИЕ И ПРИНЦИПЫ МЕТАТЕКСТОВОЙ РАЗМЕТКИ[1]

Введение

Настоящая статья является результатом обсуждений, которые в марте-апреле 2010 г. велись рабочей группой по созданию электронного корпуса языка бамана[2]. Некоторые предварительные результаты уже были опубликованы в [Davydov 2010].

1. Комлектование корпуса и критерии отбора текстов

Известно, что лингвистический корпус, будучи ограниченным по объёму, обязан адекватно отражать явления, характерные для языка в целом, т. е. быть представительным. Для того, чтобы быть представительным, корпус должен иметь не только достаточный объём, но и специфическую структуру, которая задаётся при помощи критериев отбора текстового материала. В настоящей статье рассматриваются критерии, используемые нашей рабочей группой для отбора текстов на языке бамана.

Дж. Синклер [Sinclair 2005] выделяет два теоретически возможных типа критериев отбора текстов для лингвистического корпуса. Внутренние (internal) критерии опираются непосредственно на материал языка, в то время как внешние (external) критерии учитывают коммуникативные функции текста. Синклер

---

[1] Данное исследование выполнено в рамках проекта «Разработка модели электронного корпуса текстов языков манден (манинка, бамана)», поддержанного грантом РФФИ № 10-06-00219-а.

[2] О составе группы см. сс.9-11 в статье В. Ф. Выдрина, опубликованной в настоящем сборнике.

подчёркивает, что при наполнении корпуса необходимо учитывать только внешние критерии – иными словами, тексты для корпуса следует отбирать, не обращая внимания на язык, который они содержат. Скажем, создавая корпус языка X, мы не вправе были бы отвергнуть какой-либо текст только на основании того, что в нём есть многочисленные грамматические ошибки, неадаптированные заимствования и т. п. С другой стороны, если нам известно, что этот же текст порождён человеком, для которого язык X не является родным, мы можем отказаться от него на основании внешнего критерия, согласно которому только тексты, созданные носителем, могут быть включены в корпус.

При всей рациональности этой методологической установки, на практике она едва ли полностью выполнима. Она предполагает, что лингвисты располагают исчерпывающей метаинформацией о каждом из текстов, который они включают в корпус, что, конечно, далеко не всегда соответствует действительности. В реальности именно внутренние, собственно языковые, критерии зачастую и являются единственным средством выяснить внешние обстоятельства создания текста.

Кроме того, как будет показано ниже, на начальном этапе создания корпуса использование внутренних критериев отбора текстов оказывается весьма целесообразным.

Проиллюстрируем это на примере устных текстов. Малийское общество не одноязычно. Бамана-французское двуязычие чрезвычайно распространено среди горожан и, как следствие, неадаптированные заимствования из французского языка в баманской речи и переключение кодов отнюдь не являются редкостью. Для того, чтобы включить подобные тексты в корпус, нам понадобились бы инструменты для автоматической обработки не только баманского, но и французского языкового материала, что существенно усложнило бы задачу. В то же время, существует достаточное количество источников, которые отражают устную форму языка бамана в достаточно «чистой»

форме (например, полевые записи лингвистов и этнологов, собранные в деревнях). На наш взгляд, именно таким текстам и нужно отдавать предпочтение на первом этапе разработки корпуса.

Что касается письменных текстов, и особенно художественной литературы, то язык, который они содержат, зачастую крайне неестественен. Например, роман малийского писателя Самбы Ньаре *Kanuya wale* ‘История любви’ был сначала написан автором по-французски и лишь затем переведён им на бамана (см. об этом более подробно в [Derive 2006]). По словам самого автора, он поступил так по той причине, что не мог выразить свои мысли сразу на родном языке. Этим объясняется тот факт, что роман содержит синтаксические конструкции, словоупотребления и даже морфологические черты, нехарактерные для разговорного бамана. Отдельные его места практически невозможно понять, не имея под рукой исходного французского текста.

По-видимому, таким способом могли быть созданы бамана-язычные произведения и каких-то других малийских писателей, но вряд ли приходится надеяться на то, что все авторы выступят с публичными признаниями по этому поводу, подобно Самбе Ньаре. Поскольку достоверной информации о каждом произведении нет, создателям корпуса письменных текстов на бамана не остаётся ничего другого, как использовать внутриязыковые критерии, чтобы отсеять переводные тексты или снабдить их соответствующими пометами.

Из этой проблемы вытекает естественный вопрос: могут ли вообще быть включены в корпус тексты, переведённые с других языков? В крупные корпуса европейских языков переводные тексты, как правило, не включаются (например, их нет в Национальном корпусе русского языка). Однако, по нескольким причинам, мы приняли решение включать в наш корпус переводные тексты. Во-первых, они составляют существенный процент всех публикаций на языке бамана, причём качество некоторых переводов (например, Библии) очень высокое. Во-вторых, было бы

странно игнорировать тот факт, что по крайней мере часть баманаязычной литературы создаётся под сильнейшим влиянием французского языка. С другой стороны, разумеется, пользователю корпуса должно быть позволено исключить переводные тексты из результата поискового запроса. Для этой и многих других целей каждый текст в корпусе снабжается подробной метатекстовой информацией, структура которой будет рассмотрена в следующем параграфе.

2. Метатекстовая разметка

Для того, чтобы отслеживать процесс наполнения корпуса новым текстовым материалом и оценивать его баланс, мы разработали систему метатекстовой разметки. Она во многом опирается на опыт предшественников, в первую очередь – на рекомендации по типологии текстов EAGLES [Sinclair 1996] и метатекстовую разметку Национального корпуса русского языка (в том виде, как она описана С. О. Савчук [2005]). В то же время, наша система метатекстовой разметки учитывает специфику функционирования языка бамана.

Вся метаинформация в корпусе делится на два непересекающихся блока: данные об источниках текстов и данные о текстах. Несколько текстов могут восходить к одному и тому же источнику, а какой-либо источник может быть задействован в корпусе не в полном объёме.

2.1. Данные об источниках

Выделяются источники девяти типов. Для каждого из типов предлагается свой набор параметров, по которым должен быть охарактеризован источник. Эти параметры пользователь корпуса сможет использовать при создании поисковых запросов. Кроме того, для каждого типа источников предусмотрено поле, в которое в свободной (но структурированной) форме вносится прочая релевантная информация, не предназначенная, однако, для поиска.

Типы источников:

1) *Отдельные издания художественной, научно-популярной и учебной литературы.* Для них указывается стандартная библиографическая информация: название; место и год издания; издательство, в котором вышла книга; количество страниц.

2) *Научные публикации текстов* (чаще всего – фольклорных). Указывается: имя собирателя или редактора; название труда, в котором опубликован текст; место и год издания; издательство; количество страниц.

3) *Газеты и журналы:* название; номер; место и время издания; издательство; количество страниц.

4) *Рукописи:* название (если его нет, то условное); время и место создания (если они точно не известны, то предполагаемые); количество страниц. В свободной форме (не для поиска) указываются краткие сведения о палеографии: тип материала (бумага, дощечка для письма и т. д.), тип инструмента (шариковая ручка, карандаш, печатная машинка).

5) *Полевые записи:* имя человека, записавшего текст; время и место записи.

6) *Плакаты, постеры:* локализация; время и место создания.

7) *Теле- и радиопередачи:* название; канал вещания; дата трансляции; локализация студии.

8) *Видео- и аудио-издания:* название; издательство; время и место издания.

9) *Электронные источники:* ссылка; дата публикации; дата доступа.

2.2. Данные о текстах

Тексты характеризуются по двум десяткам параметров, которые делятся на несколько подгрупп. Одни параметры («основные») будут использоваться для поиска и балансировки корпуса, а другие («дополнительные») – нет, они предоставляют пользователю дополнительную информацию о тексте.

Можно возразить, что введение большого количества параметров для характеристики текстов – неоправданное решение:

если корпус мал по объёму или недостаточно сбалансирован, то при создании прицельного запроса, учитывающего сразу несколько параметров, пользователь может получить на выходе лишь очень скромный результат, а то и вовсе не найти никаких текстов, соответствующих всем заданным параметрам. Но, с другой стороны, едва ли какую-либо дополнительную информацию о текстах можно признать лишней. Поэтому само деление параметров на основные и дополнительные носит условный характер. По мере того как корпус будет расширяться, некоторые параметры из дополнительных смогут перейти в основные, и напротив, статус других параметров может быть понижен до уровня дополнительных, если в этом возникнет необходимость.

Кроме того, параметры делятся на закрытые и открытые. Закрытые параметры могут принимать лишь ограниченное количество значений; например, параметр «пол автора или исполнителя» может принимать три значения: «мужской», «женский», «неизвестен». Открытые параметры (например, «имя автора или исполнителя») могут принимать потенциально неограниченное количество значений. Есть также ряд параметров, которые можно назвать условно закрытыми, или расширяемыми; например, при заполнении параметра «родной язык автора или исполнителя» разметчику предлагается выбор из основных языков Республики Мали, но при необходимости этот список может быть пополнен и другими языками.

Всего для метаразметки текстов в корпусе используется пять групп параметров: 1) характеристика автора или исполнителя; 2) формальная характеристика текста; 3) жанровая характеристика текста; 4) тематическая классификация; 5) техническая информация. Рассмотрим все эти параметры более подробно (в скобках после названия параметра указывается его тип: основной / дополнительный, открытый / закрытый).

2.2.1. Характеристика автора или исполнителя:

Имя (основной, открытый). Указывается имя всех авторов текста. Если автор использует псевдоним, его настоящее имя

тоже указывается (если оно известно). Отметим, что имя автора косвенно указывает на его этническое и кастовое происхождение, что делает ценность данного параметра весьма высокой даже в том случае, если автор не относится к числу популярных писателей, известных телеведущих и т. п.

Пол (основной, закрытый): мужской, женский или неизвестен.

Год рождения (основной, открытый). Предполагается, что при поиске пользователь сможет задать интересующий его диапазон.

Главные места языковой социализации автора или исполнителя: где он родился, вырос, провёл значительную часть жизни и т. д. Для указания этой информации предполагается создать закрытый (но потенциально расширяемый) список основных диалектных зон манден, включая диаспоры.

Родной язык (основной; закрытый – расширяемый).

Дополнительно могут приводиться сведения из биографии автора, которые способны повлиять на его языковое поведение, а именно (неполный список): его этническое и кастовое происхождение, образовательный уровень, род занятий, с кем (в языковом отношении) состоит в браке, какими языками (помимо бамана) владеет и т. д.

2.2.2. Характеристика текста:

Название. Если название у текста отсутствует, то ему присваивается некое условное название (с соответствующей пометой).

Дата создания. Если точная дата неизвестна, то указывается приблизительная или предположительная (на основании косвенных признаков).

Размер. Указывается в количестве слов; подсчёт производится автоматически.

Оригинальный текст или перевод. Для переводов также указывается язык оригинала. В дальнейшей перспективе переводные тексты могут лечь в основу двуязычного параллельного корпуса (бамана-французского, бамана-арабского...).

Ссылка на характеристику источника.

Техническая информация: где текст расположен в источнике (страницы).

Канал передачи (основной, закрытый): устный, письменный, электронный.

Тип письменности (основной, закрытый). Для языка бамана используется несколько систем письма.

1) Письменность на основе латинской графики, используемая в качестве официальной для бамана в республике Мали. Существуют две орфографические нормы этой письменности. Старая существовала до 1987-1990, после чего она сменилась новой, которая действует по сей день (впрочем, старая орфография эпизодически используется и поныне). Графемам *ɛ, ɔ, ɲ* и *ŋ* в новой орфографии соответствуют *è, ò, ny* и *ng* в старой.

Универсальная транскрипция, которая используется для представления всех текстов в корпусе, базируется на новой малийской орфографии, но, в отличие от неё, имеет тоновую нотацию.

Автоматическая конвертация текстов из старой орфографии в новую возможна. При этом возникает затруднение, связанное с тем, что сочетание *ng* в старой орфографии может обозначать как носовой сонант /ŋ/, так и преназализованный велярный смычный /ng/ (в новой орфографии эти фонемы обозначаются графемами *ŋ* и *ng*, соответственно), а сочетание *ny* – как палатальный носовой сонант *ɲ*, так и сочетание носового гласного с последующим палатальным сонантом *y*. Возникающую из-за этого графическую омонимию (её случаи, впрочем, крайне немногочисленны) приходится снимать вручную.

Подавляющее большинство текстов в корпусе изначально записаны латинской графикой (в старой или новой орфографии).

2) Письменность на основе латинской графики, копирующая французскую орфографию («колониальная»). Часто используется людьми, умеющими читать и писать по-французски, но не знакомыми (или плохо знакомыми) с орфографической систе-

мой своего родного языка. В частности, такого рода надписи повсеместно встречаются в Мали на рекламных плакатах, вывесках и т. п. Естественно, ни о какой орфографической норме в таких случаях говорить не приходится. Однако подобные тексты имеют много общих черт, например, использование диграфов *ou* и *gn* для обозначения /u/ и /ɲ/, соответственно. В «колониальной орфографии» зачастую игнорируются базовые фонологические противопоставления и используются неожиданные и громоздкие орфографические решения. Приведём в качестве примера рекламный слоган одного из малийских сотовых операторов, который гласит: *«Sini yi ta yé»*. Вот как эту фразу следовало бы записать, пользуясь официальной орфографией:

(1)	*Sinin*	*y'*	*i*	*ta*	*ye*
	завтра	EQ	2SG	собственность	pp

'Завтра принадлежит тебе'.

Как видно из примера, в слове *sinin* 'завтра' игнорируется наличие признака назализованности у второй гласной (в официальной орфографии он обозначается буквой *n* после гласной). Копула конструкции тождества *ye*, гласный которой подвергся элизии, и местоимение 2 л. ед. ч. *i* записаны слитно и не разделены апострофом, как это предписывает орфография. На гласной *e* послелога *ye* стоит французский диакритический знак accent aigu – очевидно, для того, чтобы буква *e* была прочитана как /e/ и не воспринималась как немая графема (в соответствии с правилами французской орфографии). Таким образом, из пяти слов, имеющихся в этой фразе, только запись слова *ta* 'собственность' соответствует орфографии языка бамана. Разумеется, автоматически конвертировать подобные тексты в официальную орфографию невозможно. С другой стороны, если говорить о выполненных в «колониальной орфографии» слоганах, то их объём вряд ли будет велик, так что конвертация может быть сделана вручную.

Существуют, однако, и весьма объёмные источники, использующие «колониальную» графику, – например, рукописи, которые легли в основу публикаций [Dumestre, Touré 1998, 2007].

3) Письмо Нко. Было создано для языка манинка в 40-е годы XX века выдающимся гвинейским учёным-просветителем Сулейманом Канте и получило широкое распространение в значительной части зоны расселения народов манден, особенно среди гвинейских манинка. Популярность письма Нко в Мали возрастает. Малийскими активистами Нко издаётся большое количество книг и несколько периодических изданий.

Для последователей письменной традиции Нко характерны пан-мандингские взгляды, которые выражаются, в частности, в том, что они признают все языки манден (манинка, бамана, мандинка, дьюла и т. д.) диалектами одного языка, который они называют «Нко» (от *ń kó* ‘я говорю’). Наиболее радикальные сторонники идеологии Нко склонны полностью отрицать любые различия между языками манден, хотя это с очевидностью противоречит языковым фактам.

Как выяснилось в ходе поездки в Гвинею и в Мали в июне-июле 2010 г., малийские последователи Нко пользуются в своих публикациях исключительно литературной нормой, основанной на диалекте манинка г. Канкана (манинка-мори), несмотря на то, что сами являются по большей части носителями языка бамана. Никаких публикаций на языке бамана в графике Нко, по-видимому, пока что нет.

Тем не менее, проблема конвертации Нко в латинскую графику всё равно существует. Во-первых, публикации на бамана в графике Нко могут появиться. Во-вторых, предполагается, что на определённом этапе будет создан и корпус текстов манинка, а большая часть публикаций на этом языке создана именно в графике Нко. Скорее всего, серьёзных технических затруднений конвертация Нко в латинскую графику не вызовет, т. к. графика Нко очень регулярна и отражает все важнейшие фонологические

противопоставления языка манинка, включая лексические тоны и тоновый артикль.

4) Аджами – письменность на основе арабской графики. На языке бамана большого развития не получила, хотя широко используется для близкородственного языка мандинка. Однако отдельные баманские тексты на аджами существуют – и они, безусловно, должны быть включены в корпус. Как и «колониальная» графика, аджами существует во множестве локальных и индивидуальных вариантов.

2.2.3. Жанровая характеристика. Параметры «жанр», «тематика текста», «предметная область» и т. д. используются для метаразметки в большинстве крупных корпусов европейских языков. Для корпуса языка бамана мы разработали достаточно краткий список жанров по двум причинам: во-первых, разнообразие баманских текстов, по сравнению с европейскими языками, невелико; во-вторых, сравнительно небольшой корпус (несколько миллионов словоупотреблений), который мы разрабатываем, не потребует очень дробной классификации.

Предлагаемый ниже список не претендует на полноту и будет дополняться по мере необходимости. В то же время, он учитывает, какие тексты на языке бамана реально доступны на сегодняшний день.

Фольклор: сказки, анекдоты, эпос, пословицы и поговорки, загадки, тексты традиционных песен, традиционный театр.

Художественная литература: проза, киносценарии, пьесы, поэзия, тексты популярных песен, документальная литература, сакральные тексты, комиксы.

Образование: формальное образование, ликвидация неграмотности, научно-популярная литература.

Академическая литература: исследования, справочная литература.

Личная коммуникация: личные записи, переписка, диалоги.

Информация: реклама, новости, газетные и журнальные статьи, интервью, нарративы, публичные выступления.

Документация: инструкции, нормативные документы.

2.2.4. Тематическая классификация. Предлагаемый ниже список также не претендует на полноту и будет дополняться по мере необходимости. Он был составлен с учётом того, публикации на какие темы действительно имеются в наличии.

Список тем: *история*, *языкознание*, *естественные науки*, *технологии*, *христианство*, *ислам*, *традиционные религии*, *право*, *философия*, *антропология*, *военное дело*, *политика*, *общество*, *экономика и финансы*, *сельское хозяйство*, *спорт*, *транспорт*, *путешествия*, *частная жизнь*, *здоровье и медицина.*

2.2.5. *Техническая информация.*

Наконец, для того, чтобы отслеживать процесс наполнения корпуса, каждый текст снабжается следующими сведениями: имя участника проекта, который добавил текст в корпус; дата добавления текста в корпус.

Литература

Выдрин В. Ф. Электронный глоссированный корпус текстов языка бамана: первый этап // Настоящий сборник.

Савчук С. О. Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005, С. 62–88.

Davydov A. Towards the Manding corpus: Texts selection principles and metatext markup // Eds. Guy De Pauw, H. J. Groenewald, and G.-M. de Schryver. Proceedings of the Second Workshop on African Language Technology (AfLaT 2010). Valletta, Malta, 2010, P. 59–62.

Derive J. Le parcours sinueux d'un roman bambara: Kanuya Wale (un acte d'amour) de Samba Niaré // X. Garnier and A. Ricard, éds. L'Effet roman. Arrivée du roman dans les langues d'Afrique. Paris: CENEL/Harmattan, 2006, P. 265–285.

Dumestre G., Touré S. Chroniques amoureuses au Mali. Paris: Karthala, 1998.

Dumestre G., Touré S. Maléfices et manigances. Chroniques maliennes. Paris, 2007.

Sinclair J. Corpus and text – basic principles // M. Wynne (ed.). Developing linguistic corpora: a guide to good practice. Oxford: Oxbow Books, 2005, P. 1–16.
http://ahds.ac.uk/linguistic-corpora/ [Accessed 26.07.2010].

Sinclair J. Preliminary recommendations on text typology. EAGLES Document EAG-TCWG-TTYP/P, 1996.
http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/texttyp/texttyp.html [Accessed 26.07.2010].

К. В. Бабаев

ЛИЧНОЕ МАРКИРОВАНИЕ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ЯЗЫКАХ МАНДЕ: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ

0. Вводные замечания

Задачами настоящей статьи являются, во-первых, краткое сводное описание систем личного маркирования в языках юго-западной группы семьи манде нигеро-конголезской макросемьи (далее – языки ЮЗМ) и, во-вторых, осуществление предварительной реконструкции элементов праязыковой системы. Статья представляет собой тезисное изложение материала более объёмного исследования, в настоящий момент готовящегося к печати.

Область распространения языков ЮЗМ расположена в зонах саванн и экваториальных лесов Западной Африки. В состав группы входят:

1. Банди (англ. Bandi, фр. bandi) распространён в графстве Лофа в северной части Либерии и является родным для около 100 тыс. чел. (2001). В диалектном отношении банди вполне однороден: от основного массива отличается своими фонологическими особенностями диалект района Явиазу.

2. На кпелле (англ. Kpelle, Kpese, фр. guerzé) говорит ок. 800 тыс. чел., территория его распространения разделена примерно поровну между Гвинеей (пров. Нзерекоре) и северными районами Либерии. Диалекты кпелле, которых насчитывается до полутора десятков, довольно сильно различаются между собой: выделяют обычно гвинейскую и либерийскую группы диалектов.

3. Локо имеет ок. 140 тыс. носителей (2006), он распространен в северной части Сьерра-Леоне. Выделяют диалекты лого и ландого.

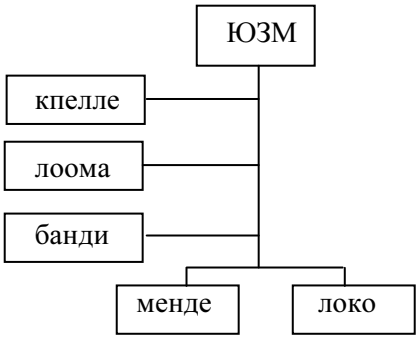
4. Язык лоома (англ. Looma, Lorma, Loghoma, фр. toma) распространён в юго-восточных районах Гвинеи (пров. Нзерекоре) и смежном с ним графстве Лофа в Либерии, на нём говорят ок. 300 тыс. чел. Как сами лоома, так и лингвисты различают не менее десяти крупных диалектных групп с довольно глубокими расхождениями.

5. Язык менде (англ. Mende, фр. mendé) является крупнейшим языком республики Сьерра-Леоне – не менее 1,5 млн. носителей (2006) – и распространён в юго-восточной половине страны. Небольшая группа менде проживает на территории северной Либерии. Выделяется четыре-пять крупных диалектных кластеров.

6. К анализу в данной работе будут впервые привлечены данные языка зиало, обнаруженного и записанного в ходе Российской лингвистической экспедиции в Западную Африку в январе-феврале 2010 г. По нашим оценкам, зиало является родным языком для около 25 тыс. чел., проживающих в нескольких десятках деревень в западной части гвинейской провинции Нзерекоре (префектура Масанта). Ранее зиало был упомянут в ряде работ миссионеров как один из северных диалектов языка лоома, однако его предварительное изучение показало системные различия между двумя языками как в области фонологии, так и в морфосинтаксисе. По своему лексическому составу зиало наиболее близок к языкам банди и менде. Первое описание грамматики зиало опубликовано в [Бабаев 2011].

На сегодняшний день родство между языками ЮЗМ, замеченное ещё С. Кёлле [Koelle 1854], учёными не оспаривается. Существующий консенсус относительно внутренней классификации языков ЮЗМ (кроме зиало) [Dwyer 2005: 32], в основном подтверждённый лексикостатистическим анализом [Vydrin 2009], отражён на Схеме 1.

Схема 1. Классификация ЮЗМ по Д. Двайру



Между тем, на сегодняшний день не существует сколько-нибудь целостной системной реконструкции праязыка ЮЗМ. Существенные шаги к такого рода реконструкции (показатели плюральности, начальный консонантизм и система начальных чередований согласных) успешно сделаны В. Ф. Выдриным [2006а]. Сравнительная тонология языков группы была предметом исследования Д. Двайра [Dwyer 1973], затронувшего также вопрос строения посессивных синтагм. В целом же система личных показателей, синхронно описанная для ряда языков ЮЗМ вполне подробно, для праязыка остаётся не реконструированной.

В работе использованы синхронные грамматические описания и учебные пособия по языкам ЮЗМ. Формы и примеры языка банди приводятся по материалам грамматического очерка [Heydorn 1940/41], работ [Kovac 1978; Rodewald 1985], диссертации и словаря Р. Гроссман [Grossmann 1992; Grossmann & al. 1991], а также краткой анонимной грамматики, помеченной в списке литературы как [Bandi, ms.]. Данные по языку кпелле даются в соответствии с грамматиками [Casthelain 1952; Lassort 1952], учебником [Thach & Dwyer 1981], очерку грамматики либерийской разновидности языка [Leidenfrost & McKay 2005], статей и докладов М. Б. Коношенко по гвинейским диалектам кпелле [2008, 2009]. Для анализа языка локо привлекались два наиболее полных на сегодняшний день исследования [Innes 1964; Kimball 1983], а также краткий очерк М. С. Морозовой [2006]. Использованная литература по языку менде – это прежде всего грамматики [Aginsky 1935; Sengova 1981], учебные пособия [Spears 1967; Innes 1971], также в ряде случаев привлекаются данные грамматического очерка [Migeod 1908]. Материалы по языку лоома включают работы У. Сэдлера [Sadler 1949/2006, 1951] и Р. Хейдорна [Heydorn 1971] по либерийским диалектам, грамматическое описание гвинейского диалекта лулама [Prost 1967], учебник [Dwyer & al. 1981], сводную работу В. Ф. Выдрина [1987], диссертацию Л. Уилхойт [Wilhoit 1999] и исследования Д. Ф. Мищенко по диалекту вои-балага [2009, 2010]. Отдельные данные по всем указанным языкам взяты из комплексного сравнительного исследования тонологии ЮЗМ Д. Двайра [Dwyer 1973]. Данные по языку зиало приводятся по записям, собранным в ходе экспедиции 2010 г.

Помощь в настоящем исследовании оказала статья В. Ф. Выдрина о реконструкции системы личного маркирования праязыка южной группы семьи манде [2006b], методология которой была взята за основу при структурировании данной статьи.

Работа построена по синтагматическому методу описания: от формы к значению. В первых разделах проводится краткий анализ синхронного состояния систем личных показателей в шести языках группы, за которыми следуют выводы о реконструкции праязыкового состояния. Личные местоимения и предикативные личные показатели каждого языка приводятся по парадигмам (называемым по традиции «сериями»), поименованным в единой последовательности согласно их грамматическим функциям идентично для всех языков группы. Таким образом, императивной серии (IMP) в языке банди соответствует серия IMP во всех остальных языках, а также серия IMP, реконструируемая для праязыка.

Необходимо при этом отметить, что сводный анализ показателей лица предусматривает объединённый анализ всех морфосинтаксических типов показателей. Таких типов в языках ЮЗМ четыре:

1. Собственно личные местоимения, т. е. автономные лексемы, обладающие всеми свойствами независимых морфосинтаксических единиц и возможные в клаузе, в частности, в позиции подлежащего.

2. Предикативные личные показатели (называемые в отечественной мандеистике «местоименными предикативными показателями», или МПП), т. е. неавтономные, часто клитические морфемы, выражающие согласование субъекта с предикатом в лице и числе, но не являющиеся подлежащим. Многообразие серий МПП объясняется в языках ЮЗМ слиянием маркеров лица с глагольными модификаторами, несущими аспектно-темпоральные, модальные и полярные значения [Creissels 2005]. В клаузе с субъектной ИГ большинства финитных конструкций требуется наличие МПП 3 лица, традиционно называемого рекапитулятивным (повторным) показателем.

3. Префиксальные личные показатели (ПП), т. е. связанные, неотделимые и непереместимые морфемы, выражающие различные значения (субъекта квалитативной конструкции, прямого объекта, в именной группе – посессивности).

4. Квотативные показатели с согласованием по лицу и числу, диахронически представляющие собой слияние МПП с глаголом

речи различной степени грамматикализованности. Используются преимущественно для введения косвенной речи.

Серии показателей лица, отражённые во всех или большинстве рассматриваемых языков и преимущественно восходящие к соответствующим сериям в праязыке, расположены в приводимых парадигматических таблицах в следующем порядке:

BAS	базовая серия МПП;
DEP	фактативная серия МПП в зависимой клаузе
IPFV	имперфективная серия МПП;
FOC	фокализованная серия местоимений;
COM	комитативно-инструментальная серия местоимений;
CONJ	сочинительная серия местоимений;
PF	полифункциональные ПП;
POSS	посессивные ПП;
CNTR	контрактивная серия местоимений косвенного объекта;
COND	условная серия МПП;
IMP	императивная серия МПП;
NEG1	негативные МПП-1;
NEG2	негативные МПП-2;
PROG	прогрессивные МПП;
QUOT	квотативные индексы.

В отдельных языках засвидетельствованы и другие серии, которые в таблицах следуют за перечисленными выше.

Целесообразно сделать ряд замечаний о строении фонологических систем анализируемых языков. Системы вокализма всех языков ЮЗМ состоят из семи ртовых фонем:

i *u*
e *o*
ɛ *ɔ*
a

Данному набору фонем соответствуют долгие гласные, обозначаемые на письме сочетаниями двух кратких: *аа, ее, εε, ii, оо, ɔɔ, ии.* Менее ясен статус носовых фонем *ã, ẽ, ɛ̃, ĩ, õ, ɔ̃, ũ* (долгие носовые гласные выделяются лишь в некоторых языках, однако в системах личных показателей они не фигурируют). В ряде языков (в т. ч. менде, локо, в диалектах лоома) они являются в большинстве своём позиционными аллофонами соответствующих ртовых

фонем и самостоятельного фонематического статуса не имеют, либо употребляются в крайне ограниченном числе лексем – в большинстве своём служебных. Наиболее отчётливо носовые гласные фонемы выделяются в языке зиало.

Слоговая носовая фонема *ŋ реконструирована для пра-ЮЗМ У. Уэлмерсом [Welmers 1973], она сохранилась в своём сегментном виде лишь в языке кпелле. Тем не менее, в скрытом виде её рефлексы сохраняются почти во всех языках группы и оказывают существенное влияние на морфонологию. В нашей работе данная фонема обозначается в реконструируемых формах, её рефлексы указываются в скобках там, где это необходимо для понимания структуры конструкции или фразы.

Инвентарь согласных фонем языков ЮЗМ приводится в сводной Таблице 1 с целью унификации орфографий языков группы в различных источниках.

Таблица 1. Сводный инвентарь согласных в ЮЗМ

		губные	губно-зубные	зубные	палатальные	задне-язычные	заднеязычные огуб-лённые	ларин-гальные	лабио-велярные
смычные	звонкие	b		d	j	g	gw		gb
	глухие	p		t	c	k	kw		kp
	имплозивные	ɓ		ɗ					
	преназализованные	mb		nd	ɲj	ŋg	ŋgw		ŋgb
фрикативные	звонкие		υ v	z		γ			
	глухие		f	s				h	
сонанты	неносовые			l/r	y				w
	носовые	m m̃		n	ɲ ỹ	ŋ		h̃	ŋw

Система начальных консонантных чередований является общей чертой всех языков ЮЗМ. Чередования имеют место в определённых морфосинтаксических позициях и состоят в том, что т. н. «сильные» начальные согласные меняются на свои фиксированные «слабые» эквиваленты. В частности, «сильные» согласные сохраняются в начале морфемы в том случае, если ей предшествует рефлекс праязыковой слоговой фонемы *ŋ, и «слабеют», следуя за любым иным исходом.

Тон играет важнейшую роль при описании систем личного маркирования в ЮЗМ. Все языки группы, кроме кпелле, имеют два уровневых тона: высокий (обозначаемый акутом: *á*) и низкий (обозначается грависом: *à*). Явление даунстепа обозначено штрихом перед соответствующим высокотоновым слогом (ˈá). Восходящий и нисходящий контурные тоны в менде и кпелле обозначены циркумфлексом (*â*) и гачеком (*ǎ*), соответственно. Тон не указан там, где он отсутствует в источниках.

При описании аспектно-темпоральных и модальных значений финитных глагольных конструкций рассматриваемых языков используется терминология, принятая в трудах по общей морфологии [Плунгян 2000] и общему синтаксису [Тестелец 2001], а также ряде обзорных типологических работ по африканским языкам, в т. ч. [Welmers 1973; Плунгян 2003].

Категория лица представлена в языках ЮЗМ тремя граммемами. Маркеры третьего лица в языках группы, в отличие от многих других языков нигеро-конголезской макросемьи, на синхронном уровне составляют неотъемлемую часть парадигмы личных показателей.

Категория числа выражается двумя или тремя граммемами, включая (в языке зиало, ряде диалектов лоома) двойственное число. Личные показатели императивной серии используют противопоставление дв. ч. и мн. ч. во всех языках группы. Кроме того, показатели мн. ч. в банди, локо, зиало, лоома, гвинейских диалектах кпелле различаются по категории клюзивности.

1. Банди

Показатели лица в языке банди суммированы в Таблице 2. Некоторые формы варьируют по тону и долготе гласных по различным источникам, что может объясняться как диалектными расхождениями, так и небрежностью в записи: такие варианты приводятся через

запятую или путём добавления гласной в скобках. Через знак косой черты (/) даются морфонологически обусловленные варианты. Супрасегментные показатели (высокий тон, низкий тон) отмечены знаком нулевой фонемы с соответствующим маркером тона.

Таблица 2. Личные показатели в банди

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
BAS	ŋgí	yí	ì / ŋgì	mù, mò	nì	wú	tì
DEP	ŋgí	yí	í / ŋgí	mù, mò	nì	wú	tí
IPFV	ŋgá(à)	yá(à)	á(à)/ŋgà	má(à)	ná(à)	wá(à)	tá(à)
FOC	ɲá	yá	àá/ ŋgàá, làá	mùyà, mùà, mìá	nìá	wúyá, wúá, wá	tìá
COM	ŋgé	íyè/íyé	là, lá	mùyè, múyé	nìyè, níyé	wúyè, wúyé	tìyè, tíyé
CONJ	-	-	-	màá, má	nàá, ná	wá(á)	tà(á)
PF	ǿ-	í-	ò-	mù- / mú-	nì- / ní-	wú-	tì- / tí-
POSS	ní-	í-	ŋgì-	mù-	nì-	wú-	tì-
COND	ŋgɔ́(ɔ)	yɔ́(ɔ)	ɔ́ɔ̀, ɔ̀ɔ / ŋgɔ̀ɔ	mɔ́(ɔ)	nɔ́(ɔ)	wɔ́(ɔ)	tɔ̀(ɔ)
IMP	-	ø	-	mu (дв.), àmu (мн.)	-	à	-
NEG1	ŋgáá	yáá, yàa	àà/ŋgàà, láà	màà	nàá	wáá, wàa	tàà
NEG2	ŋgɛ́í	yɛ́í	ɛ̀ì / ŋgɛ̀i	mɔ̀ì, mɛ́i	nɛ̀í, nɛ́i	wɛ̀ì, wɛ́i	tɛ̀ì
PROG	ɲáŋgà	yáyà, yaa	áà / ŋgaa	mámá, maa	náná, naa	wáwá, waa	tátá, taa
QUOT	ŋgɛ̀	yɛ	ɛ		nɛ	wɛ	tɛ
HAB	ŋgɔ́ɔ̀	yɔ́ɔ̀	ɔ́ɔ̀	mɔ́ɔ̀	nɔ́ɔ̀	wɔ́ɔ̀	tɔ́ɔ̀

Примечание. В формах 3 ед. начальная преназализованная *ŋg-* появляется в рекапитулятивных маркерах под влиянием *-*ŋ* в ауслауте последнего члена предшествующей субъектной ИГ:

(1) *ɲàhá* *áà* *lì*
REF\женщина 3SG.IPFV идти
'(Некая) женщина пойдёт', но

(2) *màsà(*ŋ)* *ŋgáá* *lì*
REF\вождь 3SG.IPFV идти
'(Некий) вождь пойдёт' [Rodewald 1989: 29].

Ниже дана сводная таблица основных предикативных конструкций с использованием каждой из приведённых серий, с последующими фразовыми примерами. Знаком *V* в схемах конструкций обозначен предикат.

Таблица 3. Функции личных показателей банди

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
BAS	*BAS V-ní*	претерит	(7) – (8)
	BAS V-a / -ŋga	комплетив	
	BAS V-i	аорист	
	BAS V-ŋgɔ́	перфект	
DEP	*DEP V*	в зависимой (прежде всего релятивной) клаузе: фактатив, оптатив, дебитив, поссибилитив	
IPFV	*IPFV V*	прогрессив, хабитуалис и проспектив, а также в придаточных клаузах условия и времени, относящих действие к плану непрошедшего	(1) – (3)
FOC	*FOC (lɔ)*	контрастивный фокус, эмфаза	(4) – (5)
	FOC lɔ(a) V	прогрессив, предиктив	
	FOC lɔ V.STAT-ní	статив	
COM	*V ŋgáà COM*	косвенный объект со значением комитатива; в 3 ед. предлог *ŋgáà* опускается	(6) – (8)

COM	*CONJ COM(-ní)*	в сочинительной конструкции – второй местоименный конъюнкт, формы мн. ч. присоединяют аффикс детерминированной плюральности *–ni*	
CONJ	*CONJ COM(-ní)*	в сочинительной конструкции – первый местоименный конъюнкт	(8)
PF	*S PF-V(-TA)*	индекс прямого объекта на глаголе	(9), (13), (15)
	PF-V.QUAL-ŋgɔ́lɛ̀	индекс аргумента квалитативного глагола	
	PF-NP.REL	индекс посессора при относительном имени	
	PF-PP	индекс косвенного объекта на послелоге	
POSS	*POSS-NP*	индекс посессора при автосемантичных именах и терминах родства	(10)
COND	*COND V*	ирреалис: объединяет модальные значения нереального условия, дебитива, проспектива намерения	(12)
IMP	*IMP V*	императив / хортатив	(13)
NEG1	*NEG1 V*	отрицание видовременных значений базовой и прогрессивной серий МПП, прохибитив	(14)
	NEG1 V.STAT-ni	отрицание статива, квалитатива	
NEG2	*NEG2 V*	отрицание имперфективной серии и значений нереального условия	(15)
PROG	*PROG V* *PROG va V-ma*	прогрессив, инхоативная фаза	(16)
QUOT	*QUOT CL*	вводит косвенную речь	(17)
HAB	*HAB V*	прекращённый хабитуалис	(18)

(3) *tàá* *kpɔ́-ŋgì* *lò* *náà*
3PL.IPFV REF\виселица-DEF строить сейчас
‘Они сейчас строят виселицу’ [Grossmann 1992: 23].

(4) *yá* *lɔ̀* *hèì-ní*
2SG.FOC COP сидеть-STAT
‘Ты сидишь’ [Bandi, ms.: II, 10].

(5) *ɲá* *ŋgí* (ˋ)-*tɔ-a*
1SG.FOC 1SG.BAS 3SG.PF-видеть-COMPL
‘Именно я это увидел’ [Heydorn 1940/41: 190].

(6) *ŋgàlà* *ndó-ŋgɔ́* *lè* *ŋgáà* *íyé*
REF\бог любить-QUAL COP с 2SG.COM
‘Бог любит тебя’ [Rodewald 1985: 11].

(7) *ŋgí* *(ˋ)-kɔ̀lɔ́* *là*
1SG.BAS 3SG.PF-знать 3SG.COM
‘Я знаю это от него’ (букв. ‘с ним’) [Bandi, ms.: I, 20].

(8) *ŋgí* *lìì-ŋgɔ́* *táa* *h̃u*
1SG.BAS идти-PERF REF\город в
naa *tíye-ni*
1PL.EXCL.CONJ 3PL.COM-PL
‘Я поехал в город вместе с ними’ (букв. ‘я поехал в город, мы с ними’) [Heydorn 1940/41].

(9) *í-lùkpú-ŋgɔ́* *lè*
2SG.PF-короткий-QUAL COP
‘Ты невысок’ [Bandi, ms.: II, 17].

(10) *ní-vɛ́lɛ̀-í*
1SG.POSS-дом-DEF
‘Мой дом’ [Bandi, ms.: I, 20].

(12) *ŋgɔ* *i-lɔ* *lina*
1SG.COND 2SG.PF-видеть завтра
‘Я собираюсь увидеть тебя завтра’ [Heydorn 1940/41: 200].

(13) *a* *ti-loli!*
2PL.IMP 3PL.PF-звать
‘Позовите их!’ [Heydorn 1940/41: 201].

(14) *àà* *lìì-má*
3SG.NEG1 идти-IPFV
‘Он не едет’ [Rodewald 1985: 17].

(15) *kɔ̀-í* *ɛ̂ì* *tí-gúlà*
REF\война-DEF 3SG.NEG2 3PL.PF-разрушать
‘Война не могла бы разрушить их’ [Grossmann 1992: 24].

(16) *ɲáŋgà* *và* *lì-má*
1SG.PROG приходить идти-IPFV
‘Я уезжаю’ [Bandi, ms.: II, 10].

(17) *ŋgɛ̀* *(ˆ)-má* *ɓá*
1SG.QUOT 3SG.PF-PP нет
‘Я сказал ему «нет»’ [Bandi, ms.: II, 19].

(18) *ɓàndì-á-ì* *kpɛ́lɛ̀ɛ̀* *tɔ́ɔ̀* *nìkà*
REF\банди-PL-DEF все 3PL.HAB REF\корова
lɛ̀í-ŋgì *hòù*
чёрный-DEF ловить
‘Все банди когда-то ловили чёрных коров [для жертвоприношений]’ [Grossmann 1992: 22].

2. Менде

Таблица 4 представляет парадигмы маркеров личного согласования в языке менде.

Таблица 4. Личные показатели в менде

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
BAS	ŋgí	bí	ì	mú	wú	tí
DEP	ŋgí	bí	í	mú	wú	tí
IPFV	ŋgá	bá	à	má, múá	wá, wúá	tá
FOC	ɲá, ŋgí(á)	bíá	tá	mùá, múá, màá	wùá, wúá, waa	tìá, tíá, tàá
CONJ	ŋgé(é)	bíé	ŋgìé (одуш.), là (неодуш.)	mùé(-nì)	wùé(-nì)	tìé(-nì)
PF	ɲá-	bí-	ŋgì- / ŋgí- (одуш.), ɔ̀- (неодуш.)	mù- / mú-	wù- / wú-	tì- / tí-

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
POSS	ɲá-	bí-	ŋgì-	mù-	wù-	tì-
CNTR	-	bíɛ́, bɛ	ŋgìɛ́, ŋguɛ́	mùɛ́	wùɛ́	tìɛ́
COND	ŋgàá	bàá	àá	màá	wàá	tàá
IMP	-	ø	-	mù (дв.), àmù (мн.)	à	-
NEG1	ŋgîì	bîì	ìì	múì, múù	wúì, wúù	tîì
NEG2	ŋgɛ́ɛ̀	bɛ́ɛ̀	ɛ̀ɛ̀	múɛ̀, mɛ́ɛ̀	wúɛ̀, wɛ́ɛ̀	tɛ́ɛ̀
QUOT	ŋgɛ̂	bɛ̂	yɛ̀, ɛɛ	mɛ̂, múɛ̀	wɛ̂	tɛ̂

Примечание. Серия QUOT засвидетельствована только в диалекте ко; в диалекте кпа на её месте используется квотативный предикатор с МПП базовой серии: *ŋgí yɛ́* ‘я сказал’ [Aginsky 1935: 75-76].

Таблица 5. Функции личных показателей в менде

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
BAS	*BAS V-ní (lɔ̀)*	пунктивный аорист	(19)
	BAS V-á / -ŋgá	результатив	
	BAS V-i (lɔ̀)	при динамических глаголах – перфект, при стативных – дуратив	
	BAS V-mà lɔ̀	проспектив	
	BAS (yɛ) lɔ̀	в бытийных предложениях со значением существования и дейксиса	
	BAS V lɔ̀	статив (собственно-процессное значение) с глаголами интеллектуального состояния	
DEP	*DEP V*	в зависимой клаузе: фактатив и различные модальные значения	(20)
IPFV	*IPFV V lɔ̀*	проспектив, хабитуалис, а также модальные значения плана будущего: предиктив, дебитив, дезидератив	(21), (22)
FOC	*FOC (lɔ̀)*	контрастивный фокус, эмфаза, бытийные предложения со значениями дейксиса и идентификации	(20), (22)

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
	FOC lɔ̀ V ma	дуратив, прогрессив, хабитуалис	
	FOC lɔ̀ V.STAT-ní	статив	
	FOC CONJ (-nì)	в сочинительной конструкции – первый местоименный конъюнкт	
CONJ	*V à CONJ*	косвенный объект со значением комитатива / инструменталиса; в 3 ед. при неодушевлённом объекте предлог *à* опускается	(23), (24)
	FOC CONJ (-nì)	в сочинительной конструкции – второй местоименный конъюнкт, формы мн. ч. присоединяют аффикс детерминированной плюральности *-ni*	
PF	*S PF-V (-TA)*	прямой объект глагола	(21), (25)
	PF-V.QUAL-ŋgɔ́ (lè)	субъект квалитативного глагола, субъект пассивного залога при динамичных глаголах	
	PF-NP.REL	посессор при относительных именах (термины родства, части тела, физиологические жидкости)	
	PF-PP	аргумент послелога в функции косвенного объекта	
POSS	*POSS-NP*	посессор при автосемантичных именах	
CNTR	*V CNTR*	косвенный объект: контаминация личного показателя полифункциональной серии и директивно-бенефактивного послелога *mbɛ* ‘для’	(26)
COND	*COND V*	ирреалис: нереальное условие в плане будущего времени, отрицание в зависимой клаузе, прохибитив	(27)
IMP	*IMP V*	императив, в 1 дв. и 1 мн. хортатив	(24,28)
NEG1	*NEG1 (yà) V-ni*	отрицание видовременных значений базовой серии МПП, кроме проспектива	(29)
	NEG1 V mà	отрицание видовременных значений прогрессива, хабитуалиса	

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
	NEG1 V	отрицание с собственно-процессными глаголами типа *kɔɔ* ‘знать’	
NEG2	*NEG2 V*	отрицание аспектуальных и модальных значений плана будущего времени	(30)
QUOT	*QUOT CL*	вводит косвенную речь	(31)

(19) *ŋgí* *(ˆ)-tɔ̀-nì* *gbéŋgí* *lɔ̀*
1SG.BAS 3SG.PF.INANIM-видеть-AOR вчера COP
‘Я его вчера видел’ [Innes 1971: 132].

(20) *ɲá* *ló-ŋgɔ̀* *Kpàná* *í* *lì*
1SG.FOC хотеть-QUAL Кпана 3SG.DEP идти
tɛ̀-í *hù*
REF\город-DEF в
‘Я хочу, чтобы Кпана пошёл в город' [Innes 1971: 123].

(21) *ŋgá* (ˆ)-*píé* *lɔ̀* *fóló* *gbí* *mà*
1SG.IPFV 3SG.PF-делать COP REF\день каждый IPFV
‘Я делаю это каждый день’ [Innes 1971: 150].

(22) *ɲá* *lɔ̀* *va* *mà*
1SG.FOC COP приходить IPFV
‘Я [сейчас] подхожу’ [Migeod 1908: 70].

(23) *lí* *à* *tìé*
идти с 3PL.CONJ
‘Отнеси их’ [Aginsky 1935: 25].

(24) *wàá* *tìé-nì* *à* *li* *mia*
2PL.FOC 3PL.CONJ-PL 2PL.IMP идти туда
‘Вы и они, идите туда’ [Migeod 1908: 70-71].

(25) *ɲá-kɛ̀ɲa* *ló* *(ˆ)-mɛ́* *mà*
1SG.PF-дядя COP 3SG.PF.INANIM-есть IPFV
‘Мой дядя (по матери) ест это’ [Spears 1967a: 334].

(26) *pɛ́nɛ̀* *vɛ̀* *mùɛ́*
REF\пенни давать 1PL.CNTR
‘Дай нам пенни’ [Innes 1971: 119].

(27) *ɲáà* *yeŋge* *má* *kɔ̀ɔ́* *ŋgàá*
1SG.FOC работать IPFV чтобы 1SG.COND

hǎ *à* *ndɔ̀lɛ́*
умирать с REF\голод
‘Я работаю, чтобы с голоду не умереть’ [Innes 1971: 123].

(28) *àmú* *(ˋ)-pɛ́ɛ̀*
1PL.INCL.IMP 3SG.PF-делать
‘Давайте [все вместе] будем это делать’ [Spears 1967: 483].

(29) *tɛ́* *tàá* *kpɛ́kpɛ́* *tîì*
REF\курица 3PL.FOC REF\таракан 3PL.NEG1
lò-nì *ɲɔ́ùɲɔ́ù*
хотеть-STAT друг.друга
‘Курица и таракан не любят друг друга’ [Innes 1971: 188].

(30) *ŋgɛ́ɛ̀* *ná* *wíé* *síná*
1SG.NEG2 то делать завтра
‘Я не буду делать этого завтра’ [Innes 1971: 151].

(31) *ŋgí* *(ˋ)-ndɛ̂ì* *lɔ̀* *ŋgì-má*
1SG.BAS 3SG.PF-сказать COP 3SG.PF.ANIM-PP
ŋgɛ̂ *í* *wá*
1SG.QUOT 3SG.DEP приходить
‘Я сказал ему, чтобы он пришёл’ [Innes 1971: 139].

3. Локо

Таблица 6 представляет парадигмы личного согласования в языке локо.

Таблица 6. Личные показатели в локо

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
BAS	ŋgí	bí	ì	mí	ní	wú	tí
DEP	ŋgí	bí	í	mí	ní	wú	tí
IPFV	ŋgáá	báá	áá	màá	nàá	wáá	tàá
FOC1	ɲá(á)	bíá(á)	àlá(á)	mùá(á)	nùá(á)	wùá(á)	tùá(á)
FOC2	ɲɛ́ɛ̀	bíɛ́ɛ̀	àlɛ́ɛ̀	mùɛ́ɛ̀	nùɛ́ɛ̀	wùɛ́ɛ̀	tùɛ́ɛ̀
COM	ŋgé(é)	bíé(é)	ŋgee/là	mùé(é)	nùé(é)	wue(e)	tùé(é)
CONJ	-	-	-	mɛɛ	nɛɛ	wɛɛ	tɛɛ
PF1	ø-	bí	ɔ̀-	mì, mù	nì	wú	tì

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
PF2	ɲá-	bí-	àlá-	mì-, mú- / mù-	ní- / nì-	wú-	tí- / tì-
POSS	ní-	bí-	ŋgì- / ŋgí-	mì-, mù- / mú-	nì-	wú-	tì- / tí-
CNTR	ɲɛ́ɛ́	bíɛ́ɛ́	-		nùɛ́ɛ́	wúɛ́ɛ́	tùɛ́ɛ́
IMP	-	ø	-	mí (дв.), àmí (мн.)	-	à	àtí
NEG1	ŋgɛ̀ɛ́	bɛ̀ɛ́	ɛ̀ɛ́	mɛ̀ɛ́	nɛ̀ɛ́	wɛ̀ɛ́	tɛ̀ɛ́
NEG2	ŋgáí	báí	àì	màí	nàí	wàí	tàí
NEG3	ŋge	be	e	me	ne	we	te
QUOT	ŋgɛ́ɛ́		ɛ̀gɛ́			wɛ́ɛ́	tɛ̀ɛ́
PUNC	ŋgéé	béé	éé	méé	néé	wéé	téé
RES	ŋgóó	bóó	òó	mòó	nòó	wóó	tòó
PROSP	ŋgɔ́ɔ́	bɔ́ɔ́	ɔ̀ɔ̀	mɔ̀ɔ́	nɔ̀ɔ́	wɔ́ɔ́	tɔ̀ɔ́

Примечание. Показатель 3 ед. *ŋgee* в комитативной серии засвидетельствован только в [Innes 1964].

Таблица 7. Функции личных показателей в локо

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
BAS	*BAS V(-í/-ní)* *BAS V-ní-á*	претерит	(32), (34)
	BAS V-a/-ŋga	результатив	
	BAS V-í/-ní -ɔ́	предшествование в претерите (плюсквамперфект)	
	BAS bá V(-a/-na)	конъюнктив	
	ká BAS V-a/-ŋga	аорист	
	kà BAS V	имперфект	
DEP	*DEP V*	в релятивной клаузе: фактатив, дебитив, поссибилитив	
IPFV	*IPFV V(-a/-na)*	прогрессив, хабитуалис, в зависимой клаузе – проспектив, поссибилитив, предиктив	(33)
	kà IPFV V	дебитив	
FOC1	*FOC1 (lɔ̀) V-í/-ni*	статив	(34)
	FOC1 (lɔ̀)	субъект бытийной клаузы	

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
	CONJ FOC-o	второй местоименный конъюнкт сочинительной конструкции	
FOC2	*FOC2*	субъект бытийной клаузы: контаминация маркеров серии FOC1 и глагола *nwɛ̀* ‘быть’	
COM	*V ŋgàà / àà COM*	косвенный объект глагола со значением комитатива / инструменталиса; в 3 ед. предлог *ŋgàà* опускается	(35)
CONJ	*CONJ FOC-o*	первый местоименный конъюнкт сочинительной конструкции	(36)
PF1	*S PF-V(-TA)*	прямой объект переходного глагола	(37)
	PF-V-ŋgɔ́	субъект пассивного залога динамичного глагола в наст. вр.	
	PF-V-ŋgɔ́ɔ́	субъект пассивного залога динамичного глагола в прош. вр.	
	PF-V.QUAL-ɔ́	аргумент квалитативного глагола в наст. вр.	
	PF-V.QUAL-ɔ́ɔ́	аргумент квалитативного глагола в прош. вр.	
	PF-N.REL	посессор при относительных именах, кроме формы 1 ед.	
	V PF-PP	аргумент послелога в функции косвенного объекта	
PF2		дублирует большинство функций серии PF (кроме маркирования неодушевлённого прямого объекта)	
POSS	*POSS-N.AUT*	посессор при автосемантичных именах	(38), (39)
CNTR	*V CNTR*	косвенный объект: контаминация личного показателя полифункциональной серии и директивно-бенефактивного послелога *mbɛ* ‘для’	(39)

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
IMP	*IMP V-a/-na*	императив / хортатив	
NEG1	*NEG1 V*	прохибитив, отрицание значений серии DEP	(40)
NEG2	*NEG2 V(-TA)*	отрицание основных видовременных и модальных значений базовой и имперфективной серий	(37), (42)
	NEG2 lɛ̀ V	отрицание имперфекта	
	NEG2 bɔ V	отрицание ирреалиса в конъюнктивной клаузе	
	NEG2 ba V	отрицание реального условия в конъюнктивной клаузе	
	NEG2 lɛ̀	отрицательное местоимение в бытийной клаузе	
NEG3	*NEG3*	контаминация серии NEG2 и бытийного глагола *lɛ:* субъект отрицательной бытийной клаузы	
QUOT	*QUOT CL*	вводит косвенную речь	(43)
PUNC	*PUNC V(-a/-na)*	пунктив с указанием времени совершения действия или с постпозитивом, темпоральные клаузы со значением аориста	(44)
RES	*RES V-a/ŋga*	результатив	(41)
	RES V-aa	результатив в условной клаузе	
PROSP	*PROSP V*	проспектив в зависимой клаузе	(39), (43)
	PROSP V-a/-na	проспектив в главной клаузе	
	PROSP gɔ V(-a/-na)	отрицание проспектива	
	PROSP bɔ V-a/-na	ирреалис	

(32) *ká* *tí* *hélé* *lɔ́-à*
AOR 3PL.BAS REF\слон видеть-RES
‘Они увидели слона’ [Kimball 1983: 47].

(33) *Alɛ̀ɛ̀nì* *lɔ́* *áá* *kpààlì* *bélé*
Аллен COP 3SG.IPFV REF\письмо делать
‘Аллен сейчас пишет’ [Kimball 1983: 45].

(34) *ɲá* *nwɛ̀* *ŋgí* (ˋ)-ˈ*pélé-ní*
1SG.FOC COP 1SG.BAS 3SG.PF-делать-PRET
‘Это я сделал его’ [Kimball 1983: 36, 39].

(35) *ɲá-lo-ŋgɔ* *à* *bíé*
1SG.PF-любить-QUAL с 2SG.COM
‘Я люблю тебя’ [Innes 1964: 135].

(36) *mɛɛ* *tùá-o*
1PL.INCL.CONJ 3PL.FOC-CONJ
‘Мы с ними’ [Морозова 2006: 24].

(37) *ŋgáí* *lɛ* *àlá-lɔ́-í*
1SG.NEG2 COP 3SG.PF-видеть-PRET
‘Я не видел его’ [Kimball 1983: 58].

(38) *ní-bɛ́rɛ̀-ná*
1SG.POSS-дом-DEF
‘Мой дом’ [Innes 1964: 135].

(39) *ŋgɔ́ɔ́* *nì-ɲaɦ̃alou-na*
1SG.PROSP 1PL.EXCL.POSS-дочь-DEF

he-a *bíɛ́ɛ́*
давать-PROSP 2SG.CNTR
‘Я отдам нашу дочь тебе’ [Морозова 2006: 25].

(40) *tɛ̀ɛ́* *mbá-ná* *nwɛ̀*
3PL.NEG1 REF\рис-DEF есть
‘Пусть они не едят рис’ [Kimball 1983: 59].

(41) *ŋgóó* *mbá-ná* *nwààsíà-á*
1SG.RES REF\рис-DEF продавать-PERF
‘Я продал рис’ [Kimball 1983: 51].

(42) *ŋgáí* *lè* *mbá* *nwɛ́*
1SG.NEG2 NEG REF\рис есть
‘Я не ел этого риса [тогда]’ [Kimball 1983: 58].

(43) *tɛ̀ɛ́* *nɔ̀ɔ́* *bɛ̀ɛ̀la-a*
3PL.QUOT 1PL.EXCL.PROSP возвращаться-PROSP
‘Они сказали, мол, мы вернёмся’ [Kimball 1983: 70].

(44) *ŋgéé* *lì* *pɛlɛ-na* *h̃u*
1SG.PUNC идти REF\дом-DEF в
‘Я вошёл в дом’ [Морозова 2006: 24].

4. Кпелле

Диалектную диверсифицированность языка кпелле необходимо учитывать при анализе форм личных показателей. Исходя из этого, варианты гвинейских диалектов выделены в Таблице 8 курсивом. При каждом примере указана его диалектная принадлежность: (либ.) для либерийских диалектов, (гв.) для гвинейских.

Таблица 8. Личные показатели в кпелле

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
BAS	ŋá, *ŋé*	í, *é*	è	*gù, gŭ*	kú	ká	dí, *dĭ*
DEP	ŋá, *ŋé*	í, *é*	é	*gù, gŭ*	kú	ká	dí, *dĭ*
IPFV	ŋā	ɓā, yā	ā	*guā*	kwā, *kūā*	kā	dā
FOC	ɲá(ā), *ɲã*	yá, ɓía, *yɛ*	ɲàā, là, *ya*	*guo*	kūá, kúā, *kuo*	káā	dīā, *die*
CONJ	ŋà	ɓà, yà	à	*guà, gwà*	kwà, *kua*	kà	dà
PF	Ń-	í-, *é-*	ȍ-	*gò-, gù-*	kú-, kó-	ká-	dí-, ddí-, *dì-, dè-*
POSS	ŋá-, a-, *ŋɔ́-, ŋé-*	í-, *é-, yɛ-*	ŋȍ-, ŋà-, *ŋè-*	*gù-, guo-*	kú-, *kuo-*	ká-	dí-, ddí-, *die-,diɛ-, dia-*
CNTR1	mâ	yâ	mà	*gùô*	kûā, *kúô*	kâā	dîā, *die*
CNTR2	mî	yɛ̂	mì, mɛ̀		kûɛ̄	kâā	dîɛ̄, *dìê*
COND1	ŋà, *ŋàà*	ɓà, yà, *yàà*	à	*guà, gwà*	kwà, *kua*	kà	dà
COND2	ŋâī	îī	èì		kûī	kâī	dîī
IMP	-	ø, yē, ɓē, *ɓè*	*è*	*gu, kagu*	kú	kā, *kà*	*dĭ*

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
QUOT	ɲ́ɛ̄ɛ̄, *gɛ̂*	íyɛ̀ɛ̄, ɓīyɛ̀ɛ̄, *yɛ̂*	ɲ̀ɛ̄ɛ̄, *yɛ̀*	*gùò*	*kúô*	*káà, ka*	dīyɛ̄ɛ̄, dīyɛ̀ɛ̄, *dìè*
HAB	*ŋǎ*	*yǎ*	*ǎ*	*gwǎ*	*kwǎ*	*kǎ*	*dǎ*
STAT	ŋā(ā)	ɓā(ā), yā(ā)	ā(ā)		kwā(ā)	kā(ā)	dā(ā)
RES	ŋāâ, ŋàá	ɓāâ, yàá	āâ, àá	gwàá	kwāâ, kwàá	kāâ, kàá	dāâ, dàá

Примечания.

1. Отрицательные финитные формы в кпелле строятся с помощью слабоотделимых приглагольных формантов, снабжённых личными маркерами полифункциональной серии и восходящих, по-видимому, к негативному бытийному глаголу. В ряде видовременных форм негативные форманты контаминировали с показателями ТА:

Dí-fɛ́ lònō-ī ‘они не считают’.

Kú-fā kpèlɛɛwōō ɓò ‘мы не говорим на кпелле’ [Thach & Dwyer 1981: 82, 87].

Дискуссия о том, образуют ли данные маркеры на сегодняшнем синхронном срезе языка отдельные серии МПП, при всей её важности, для реконструкции праязыковых форм решающего значения не имеет и потому выходит за рамки данного исследования.

2. В гвинейских диалектах выделяется гласная среднего ряда *ə*, являющаяся аллофоном *e*. В данной работе оба аллофона обозначаются через *e*.

3. Показатель 3 ед. фокализованной серии *là* употребляется только в комитативно-инструментальной конструкции с неодушевлённым косвенным объектом.

4. Местоимения фокализованной серии, скорее всего, фонетически совпали с комитативной серией.

Таблица 9. Функции личных показателей в кпелле

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
BAS	***BAS V***	претерит	(45), (46)
DEP	***DEP V***	фактатив, дебитив в релятивной клаузе	(46), (49)
IPFV	***IPFV V***	хабитуалис	(47), (49)

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
	IPFV V-i	прогрессив, поссибилитив	
	IPFV li-i V-i	проспектив	
FOC	*FOC*	субъект бытийной клаузы	(48), (49)
	FOC-ŋ	контрастивный фокус, эмфаза субъекта	
	V à FOC	косвенный объект со значением комитатива, в 3 ед. предлог *à* опускается перед *là*	
	CONJ FOC(-nī)	второй местоименный конъюнкт сочинительной конструкции, во мн. ч. присоединяет аффикс детерминированной плюральности	
CONJ	*CONJ FOC(-nī)*	первый местоименный конъюнкт сочинительной конструкции	(50)
PF	*S PF-V(-TA)*	прямой объект переходного глагола	(46), (51)
	PF-V.STAT-i	субъект стативного и квалитативного глагола	
	V PF-PP	аргумент послелога в функции косвенного объекта	
	PF-N.REL	посессор при относительных именах	
	PF-pɔ̀ N.AUT	в ряде диалектов – посессор при автосемантичных именах	
POSS	*POSS(-ŋɔ̀) N.AUT*	посессор при автосемантичных именах в либерийских диалектах	
CNTR1	*V CNTR1*	косвенный объект: контаминация личного показателя серии PF и локативного послелога *mà* ‘на’	(52)
CNTR2	*V CNTR2*	косвенный объект: контаминация личного показателя серии PF и бенефактивного послелога *mì* ‘для’	(53)
COND1	*COND1 V*	кондиционалис	(54)
	COND1 là/wàlā V	отрицание кондиционалиса	
COND2	*COND2 V*	ирреалис (обычно в плане прошедшего времени)	(55)
IMP	*IMP V*	императив / хортатив	(57)

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
QUOT	*QUOT CL*	вводит косвенную речь, а также обозначает желание, намерение, чувственное восприятие, неудачную попытку	(56)
HAB	*HAB V*	в гвинейских диалектах – хабитуалис	
STAT	*STAT V-i/-ni*	слияние маркеров серии IPFV и копулы: статив	
RES	*RES V*	результатив предельного процесса	(51)

(45) *núū* *náāŋ* *dí* *pá*
REF\человек четыре 3PL.BAS приходить
(либ.) ‘Пришли четыре человека’ [Leidenfrost & McKay 2005: 66].

(46) *è* *pà* *é* *lónō* *í-pɔ́*
3SG.BAS приходить 3SG.DEP говорить 2SG.PF-к
(либ.) ‘Он приходил поговорить с тобой’ [Leidenfrost & McKay 2005: 79].

(47) *dā* *kpèlɛ̄ɛ̄* *wōō* *ɓò*
3PL.IPFV REF\кпелле язык говорить
(либ.) ‘Они говорят на кпелле (т. е. владеют языком)’ [Thach & Dwyer 1981: 86].

(48) *é* *wɛ́í* *é* *ɓɛ́láá* *yá;*
2SG.BAS EMPH 2SG.BAS REF\баран покупать
ɲáá-ŋ́ *ŋé* *ɓòlǔ* *yá*
1SG.FOC-CNT 1SG.BAS REF\коза покупать
(гв.) ‘Ты купил барана, а я купил козу’ [Коношенко 2009].

(49) *ŋā* *ŋwɛ̂lī-ī* *í* *lí* *à* *ɲáā*
1SG.IPFV хотеть-STAT 2SG.DEP идти с 1SG.FOC
(либ.) ‘Я хочу, чтобы ты взял меня с собой’ [Leidenfrost & McKay 2005: 55].

(50) *dà* *dīā-nī* *dā* *bɛ́rɛ̄-ī*
3PL.CONJ 3PL.FOC-PL 3PL.IPFV REF\дом-DEF
tɔ̄ɔ̂-ī
строить-PROG

(либ.) ‘Они с ними строят дом’ [Leidenfrost & McKay 2005: 55].

(51) *ŋàá* *Pépèè* *wɔ̀* *ɓɛ́láá* *káá*
1SG.RES Пепе POSS баран видеть
(гв.) ‘Я увидел барана [принадлежащего] Пепе’ [Коношенко 2009].

(52) *è* *(ˆ)-mò* *nú-à-ī* *dîā*
3SG.BAS 3SG.PF-сказать человек-PL-DEF 3PL.CNTR1
(либ.) ‘Он рассказал это людям’ [Thach & Dwyer 1981: 59].

(53) *è* (ˆ)-*gɛ̀* *mî*
3SG.BAS 3SG.PF-делать 1SG.CNTR2
(либ.) ‘Он сделал это для меня’ [Leidenfrost & McKay 2005: 54].

(54) *à* *wàlā* *kpálà*
3SG.COND1 NEG сохнуть
(либ.) ‘Если он не высохнет’ [Thach & Dwyer 1981: 91].

(55) *gáàloŋ* *èì* *kɛ̀* *ɓɛ́,*
REF\вождь.DEF 3SG.COND2 быть здесь
èì *tɔ̂ŋ* *pù* (ˊ)-*máà*
3SG.COND2 REF\закон класть 1SG.PF-на
(либ.) ‘Если бы вождь был здесь, он наказал бы меня’ [Leidenfrost & McKay 2005: 77].

(56) *gɛ* *kɛli* *ŋe* *to*
1SG.QUOT едва 1SG.DEP падать
(гв.) ‘Я едва не упал’ [Casthelain 1952: 45].

(57) *kagu li* (гв.) ‘Пойдёмте!’ [Casthelain 1952: 78].

Таблица 10. Личные показатели в зиало

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 дв. инкл.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
BAS	gè	yè	é, gé	mó	àmó	né	wò	té
DEP	gè	yè	è	mó	àmó	né	wò	té
IPFV	nã̄gá	yá	á	mámà	ámámà	nánà	wá	tátá
FOC	ɲà	yà	á / éyà	móyá	àmóyá	néyá	wà, wòyà	tíyá
COM	gè	yè	á, lá	mòyè	àmòyè	nèyè	wòyè	tìyè
PF	ɔ̀-	ì-	ɔ́-	mó-	àmó-	né-	wò-	tí-
POSS	nè-	ì-	gé-, gí-	mó-	àmó-	né-	wò-	tí-
CNTR	gèyà	èyà	géyà	móyá	àmóyá	néyà	wòyá	tíyá
COND	nã́gá	néyá	nà	nàmá	ànàmá	nàná	nàwá	nàtá
IMP	-	ø	-	mó	àmó		á, wà	
PROH	-	yà	-	mà	àmà	nà	àwà	-
NEG1	gɛ̀y	yɛ̀y	ɛ́y	mɛ́y, mɔ́y	àmɛ́y, àmɔ́y	nɛ́y	wɛ̀y	tɛ́y
NEG2	(nè)gɛ̀yè	(n)ɛ̀yè	(n)ɛ́yè	(nà)mɔ́yè	(nà)nɛ́yè	à(nà)mɔ́yè	(nà)wɛ̀yè	(nà)tɛ́y
EMPH	ɲàyɛ́y(-gì)	yàyɛ́y(-gì)	ɛ́yáy(-gì)	móyáy(-gì), mɛ́y(-gì)	àmóyáy(-gì)	néyáɛ̀y(-gì), nɛ́y(-gì)	wɛ̀y(-gì)	tíyáy(-gì)
IRR	gà	yà	á, gá	má	àmá	ná	wà	tá

5. Зиало (Таблица 10)

Примечания к Таблице 10.

1. МПП 3 ед. базовой серии *gé* и серии ирреалиса *gá* употребляются только в качестве репризы при субъектной именной группе с финальным *-*ŋ* : *masa(*ŋ) gá lì* ‘король пойдёт’.

2. Серия ирреалиса (IRR) по происхождению соответствует серии IPFV других языков ЮЗМ.

3. Две формы 3 ед. комитативной серии являются синонимичными. Форма *lá* при этом является основной, а форма *á*, скорее всего, заимствована из фокализованной серии.

Таблица 11. Функции личных показателей в зиало

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
BAS	***BAS V***	фактатив с глаголами эмоционального и интеллектуального состояния, фазовыми глаголами, квотативным предикатором *kɛ́* ‘сказать’	(58)
	BAS V-ní	претерит	
	BAS V-gɔ̀	аорист	
	BAS V-a	результатив, пассив	
	BAS ya V	хабитуалис	
	BAS V.STAT-ní	статив	
DEP	***DEP V***	фактатив в релятивной клаузе	
IRR	***IRR V***	проспектив в релятивных и условных клаузах	(68)
	IRR wɔ̀ V	проспектив	
	IRR wɔ̀ va V=mà	дебитив, оптатив	
	IRR bɛ́ V(-ní)	нереальное условие	
	IRR lá V(-TA)	отрицание значений базовой и прогрессивной серий	
	IRR lá V-ní	отрицание стативных глаголов и пассива динамичных глаголов	
	IRR li ya V	отрицание хабитуалиса	
FOC	***FOC CL***	контрастивный фокус	(59)
	FOC V.EXI	субъект бытийного глагола в плане настоящего времени	
	FOC tɔ̀ V.STAT-ní	статив	

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
	FOC ɔɔ FOC ɔɔ	сочинительное местоимение	
COM	***V gà COM***	косвенный объект со значением комитатива / инструменталиса, в 3 ед. предлог *gà* опускается	(60)
	V.EXI gà COM	презентатив в бытийной клаузе	
PF	***S PF-V(-TA)***	прямой объект переходного глагола	(61)
	PF-V.QUAL-a	аргумент квалитативного глагола	
	V PF-PP	аргумент послелога в функции косвенного объекта	
	PF-N.REL	посессор при относительном существительном	
POSS	***POSS-N***	посессор при автосемантичном существительном	(61), (68)
CNTR	***V CNTR***	косвенный объект: контаминация личного показателя серии PF, существительного **gèyà* ‘ладонь’ и локативно-директивного послелога *yà* ‘на, у, к’	(62)
COND	***COND V***	кондиционалис	(63)
IMP	***IMP V***	императив / хортатив	
NEG1	***NEG1 V*** ***NEG1 wɔ̀ V***	отрицание значений серии IRR	(65)
NEG2	***NEG2 V***	отрицание кондиционалиса	(65)
PROH	***PROH lá V***	прохибитив	(64)
EMPH	***EMPH CL***	эмфаза субъекта	(66)
PROG	***PROG V***	прогрессив, инхоативная фаза	(63), (67)
	PROG ya V	хабитуалис	
	PROG va V=mà	интентив	

(58) *gè* *mɛ́yã́-gì* *γéyá-gɔ̀* *bɛ̃́gì*
1SG.BAS REF\банан-DEF покупать-AOR вчера
‘Я вчера купил бананы’.

(59) *ɲà* *ɔ́ɔ̀* *wà* *ɔ́ɔ̀,* *àmó*
1SG.FOC CONJ 2PL.FOC CONJ 1PL.INCL.BAS
vàà̀-gɔ̀
приходить-AOR
‘Мы с вами (я и вы) пришли’.

(60) *gè* *vàà-gɔ̀* *gà* *wòyè*
1SG.BAS приходить-AOR с 2PL.COM
‘Я привёл вас’ (букв. ‘Я пришёл с вами’).

(61) *nè-kɛ́ɛ́γɛ̀* *lɔ́* *ɛ́* *ì-lɔ̀-gɔ̀*
1SG.POSS-отец COP 3SG.BAS 2SG.PF-видеть-AOR
‘Это мой отец тебя видел’.

(62) *dápá-y* *mùnɔ̀* *vè* *gèyà*
REF\сумка-DEF вон.тот давать 1SG.CNTR
‘Дай мне вон ту сумку’.

(63) *nɛ́yà* *ɓɔ̀γɔ̀* *zàγà* *yà*
2SG.COND REFL ранить 2SG.PROG
ɲáw̃á-y *lɔ̀*
REF\кровь-DEF видеть
‘Если поранишься, увидишь кровь’.

(64) *àmà* *lá* *(̀)-tɛ́vɛ́*
1PL.INCL.PROH NEG 3SG.PF-резать
‘Давайте не будем её резать!’

(65) *nɛ̀yɛ̀* *γɛ́* *ɓɔ̀γɔ̀* *zàγà-ní* *yɛ̀y*
2SG.NEG2 быть REFL ранить-PRET 2SG.NEG1
ɲáw̃á *lɔ̀*
REF\кровь видеть
‘Если не поранишься, крови не увидишь’.

(66) *ɲàyɛ́y-gì* *nã̀gá* *lì*
1SG.EMPH-DEF 1SG.PROG идти
‘Это именно я иду’.

(67) *tátá* *lì* *làkɔ́lì-y* *zù*
3SG.PROG идти школа-DEF в
‘Они собираются идти в школу’.

(68) *gà* *wɔ̀* *nè-jɛ̀-y* *nɛ́nɛ́*
1SG.IRR PROSP 1SG.POSS-мать-DEF посещать
‘Я схожу к своей матери’.

Таблица 12. Личные показатели в лоома

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 дв. инкл.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
BAS	**gè**	**è**	**é**	**dé**	*àdé*	gé, *gí*	**wò**, *wɔ̀*	té, tí
IPFV	**gà(a)**, *nà(à)*	yà(a), jà, *dà(à)*	**tɔ́**, tówà(à), *tɔ́γà*, *tóá*, *tɔ́wà*, *túa;* **á**, **γá**	**dá(a)**, *dà*	*àdá(á)*, *adà*	**gá(á)**, *gà*	**wà(à)**, wá, àwà, *wùa*	**tá(á)**, *tà*
FOC1	**nà**	*dà*, jà	**tɔ́**, tóá	**dá**, *déyá*	*àdá*, *adeya*	**gá**, *gíyá*	*wà*, woá	**tíá**, *tá*
FOC2	*nõõ, nɔ̃̀*	*dõõ, dɔ̃̀*	*tõõ, tɔ̃́*	*dõõ, dɔ̃́*	*àdõõ,àdɔ̃́*	*gõõ, gɔ̃́*	*wõõ, wɔ̃́*	*tõõ, tɔ̃́*
FOC3	nàì, *ney*	yàì, *dey*	núì, *tey*	dáì(tìɛ̀),*dey*	-	gáì(tìɛ̀), *gey*	wàì(tìɛ̀), *wey*	táì(tìɛ̀), *tey*
COM	*zè,* zù	*dè*, *je,* yè	**dá**, lá, *là, tɔ̃́*	*dí(y)é*, díɛ́, díɛ̀	*àdí(y)é*	*gí(y)é*, gíɛ́, gíɛ̀	*we/wó(y)é*, wìɛ̀	*tí(y)é*, tíɛ́, tíɛ̀
CONJ	*nà*	*dà*	*tá*	*dá*	*àdá*	*gá*	*wà*	*tíá*
PF	**ɔ̀-**	**è-**	**ɔ́-**	**dé-**, dí-	*àdé-*	**gé-**, gí-	**wò-**, à-	**té-**, tí-
POSS1	**nà-**, nɛ̀-	yà-, jà-, yè-, *dà-*	**ná-**, nɛ́-	**dá-**, dé-	*àdá-*	**gá-**, gé-	**wà-**, à-, wù-, wùa-, gbà-	**tá-**, té-
POSS2	*nɔ̀nɔ́,* nɔ̀dɔ̀	*dɔ̀nɔ́,* jɔ̀dɔ̀	*nɔ́nɔ́,* nɔ́dɔ́	*dɔ́nɔ̀,* dɔ́dɔ̀	*àdɔ́nɔ̀,* àdɔ́dɔ̀	*gɔ́nɔ̀,* gɔ̀dɔ̀	*wɔ̀nɔ́,* wɔ̀dɔ̀	*tɔ́nɔ̀,* tɔ́dɔ̀
CNTR	**zè(e)à**	**è(y)à**	**zé(e)á**	**dé(y)á**	*àdéyá*	géa, *gíyá*	woea, *wèa, wòyà*	tea, *tí(y)á*
COND1	gɔ̀	ɔ̀	ɔ́	dɔ́	-	gɔ́	wɔ̀, à	tɔ́
COND2	*nà*	*dà*	*á*	*dá*	*àdá*	*gá*	*wà*	*tá*
IMP	-	**ø**	*é*	**dé**	**àdé**	-	**á**	*tí*
NEG	gɛ̀	ɛ̀	ɛ́	dɛ́	ádɛ́	gɛ́	(á)wɛ̀, wɔ̀	tɛ́
PROG	*naga, nà̃ga,* gaŋga, gaga	jaŋga, yaga, *dàga, dada*	tɔγaga, *tóága, tɔγana*	*dada, dága*	*àdága*	*gága*	*wawa, wàga*	*tata, táága*
QUOT	gìɛ̀	yìɛ̀, yè	yíɛ́, yé	díɛ́, dìɛ́	-	gíɛ́, gìɛ́	wìɛ̀	tíɛ́, tìɛ́

Примечание. МПП 3 ед. базовой серии *gé*, как и в зиало, употребляется только в качестве рекапитулятивного маркера при субъектной именной группе с финальным *-*ŋ*.

6. Лоома

Система личного маркирования в языке лоома имеет значительные диалектные расхождения. В целях общего сравнения данные всех описанных на сегодняшний день диалектов сведены в Таблицу 12. При этом формы северных (гвинейских) диалектов помечены *курсивом*, обычным шрифтом даются данные центральных и южных диалектов (преимущественно либерийских), в то время как формы, засвидетельствованные во всех трёх диалектных группах, даны **жирным** шрифтом. Сводная таблица личных показателей с указанием диалектов дана в Приложении 1 к настоящей статье (Таблица 28).

Таблица 13. Функции личных показателей в лоома

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
BAS	*BAS V*	фактатив (преимущественно в зависимой клаузе), некоторые модальные значения	(71), (81)
	BAS V.DYN-ní	аорист	
	BAS V.STAT-ní	статив	
	BAS V-á/-gá	результатив	
	BAS ɣɛ-ní V-ní	перфект предшествования (плюсквамперфект)	
	BAS ɣɛ-ní V-zu	имперфект	
	BAS la V(-TA)	отрицание значений базовой серии (северные гвинейские диалекты)	
IPFV	*IPFV V-zu* *IPFV ɣa V-zu*	прогрессив, в некоторых диалектах также проспектив	(69), (70)
	IPFV sa V-zu	прогрессив (диалект гизима)	
	IPFV V	проспектив	
	IPFV V-ní	статив / дуратив	
	IPFV da V	хабитуалис	
FOC1	*FOC1 CL*	ассертивный фокус	(71)
	FOC1 V.EXI	субъект бытийного глагола в плане наст. вр.	
	FOC1 ɣɛ-ní V.EXI	субъект бытийного глагола в плане прош. вр.	
FOC2	*FOC2 CL*	контрастивный фокус	(72)
FOC3	*FOC3 CL*	ассертивный фокус (серия FOC1 с добавлением детерминатива)	

Серия	Конструкция	Значения	Примеры
COM	*V gà COM*	косвенный объект со значением комитатива; в 3 ед. предлог *gà* опускается	(73)
	V.EXI gà COM	презентатив / экватив в бытийной клаузе	
CONJ	*CONJ wó CONJ wó*	сочинительные местоимения	(74)
PF	*S PF-V(-TA)*	прямой объект переходного глагола	(72)
	PF-V.QUAL-(a)vɛ̀	аргумент квалитативного глагола	
	V PF-PP	аргумент послелога в функции косвенного объекта	
	PF-N.REL	посессор при относительном существительном	
POSS1	*POSS1-N*	посессор при автосемантичном существительном	
POSS2	*POSS2(-DEF)*	«абсолютный» посессив в предикативной функции	(75)
CNTR	*V CNTR*	косвенный объект: контаминация личного показателя серии PF, имени *zee* ‘ладонь’ и локативно-директивного послелога *yà* ‘у, к’	(76)
COND1	*COND1 V*	нереальное условие (центральные и южные диалекты); прекращённый хабитуалис (либерийские диалекты)	(77)
COND2	*COND2 V*	кондиционалис (диалект воибалага)	(78)
IMP	*IMP V*	императив / хортатив	
NEG	*NEG lɛ V(-TA)*	отрицание значений серий BAS, COND1	(79)
	NEG lɛ V-a	отрицание значений имперфективной серии	
PROG	*PROG V*	прогрессив, инхоативная фаза	(80)
QUOT	*QUOT V* *QUOT CL*	предикаторы с глаголами речи, чувственного восприятия, желания, а также в зависимой клаузе (центр. и юж. диалекты)	(81)

(69) *to* *γa* *seγe* *vɛlɛ-zu*
3SG.IPFV IPFV REF\одежда ткать-PROG
‘Он [сейчас] ткёт одежду’ [Heydorn 1971: 93].

(70) *nà* *da* *kale-y* *ɓɛ*
1SG.IPFV HAB REF\рыба-DEF ловить
‘Я [обычно] рыбачу’ [Prost 1967: 65].

(71) *tɔ́* *ɓɔ́ɣɔ̀-ì* *é* *vá-nì*
3PL.FOC1 сам-DEF 3SG.BAS приходить-AOR
‘Пришёл он собственной персоной’ [Мищенко 2010].

(72) *nõõ* *(ˆ)-kpàle-ave,*
1SG.FOC2 1SG.PF-работать-QUAL
dõõ *è-lowo-gave*
2SG.FOC2 2SG.PF-отдыхать-QUAL
‘Я работал, а ты отдыхал’ [Prost 1967: 41].

(73) *tɔ́* *tíì* *γèɛ̀-zu* *lá*
3SG.IPFV REF\работа делать-PROG 3SG.COM
‘Он с этим работает’ [Sadler 1949/2006: 84].

(74) *nà* *wó* *tá* *wó*
1SG.CONJ CONJ 3SG.CONJ CONJ
gé *vaa-ni*
1PL.EXCL.BAS приходить-AOR
‘Мы с ним пришли’ [Мищенко, полевые материалы].

(75) *gɔnɔ-y* *γa* *kpala-gi*
1PL.EXCL.POSS2-DEF COP REF\поле-DEF
‘Это поле – наше’ [Prost 1967: 49].

(76) *so-y* *γa* *zèa*
REF\лошадь-DEF COP 1SG.CNTR
‘У меня есть лошадь’ [Prost 1967: 52-53].

(77) *gɔ* *li* *kɛ* *ga* *zeeɓɛ́-zu*
1SG.COND1 идти но 1SG.IPFV болеть-PROG
‘Я бы пошёл, но болен я’ [Sadler 1949/2006: 59].

(78) *nì* *á* *dṍ* *zúnú*
если 3SG.COND2 REF\ребёнок мужчина

zɔ̀lɔ̀-nà *tóá* *dásé* *pɛ̀* *gà* *Zèzé*
рожать-IRR 3SG.IPFV 3SG.PF-имя класть с Зезе
‘Если она родит мальчика, она назовёт его Зезе’ [Мищенко 2010].

(79) *gɛ̀* *lɛ̀* *Mambuu* *loli-ni*
1SG.NEG NEG Мамбу звать-AOR
‘Я Мамбу не звал’ [Heydorn 1971: 90].

(80) *naga* *kale-y* *bɛ*
1SG.PROG REF\рыба-DEF ловить
‘Я [сейчас] рыбачу’ [Prost 1967: 66].

(81) *yiɛ* *wɛ́lɛ̀* *té* *vá*
2SG.QUOT смотреть 3SG.BAS приходить
‘Ты смотришь, как они подходят’ [Sadler 1951].

7. Обсуждение

1. Анализ систем личного маркирования в ЮЗМ позволяет сделать вывод, что в праязыке ЮЗМ, как и в современных языках группы, помимо собственно личных местоимений, различался ряд серий МПП, маркировавших как значения лица и числа, так и аспектно-темпоральные и модальные значения, а также полярность. Все МПП представляют собой контаминации личных маркеров с видовременными и модальными глагольными модификаторами (предикативами) различной степени грамматикализации.

Сопоставительный анализ позволяет выявить ряд примерных инвариантных значений для большинства серий показателей лица, присутствующих во всех или большинстве языков группы. Эти значения представлены в Таблице 14.

2. Граммема двойственного числа реконструируется только для императивной серии глагольного согласования. Её распространение на все парадигмы произошло независимо в зиало и гвинейских диалектах лоома.

3. Категория клюзивности засвидетельствована во всех ЮЗМ, кроме менде. Однако, если формы эксклюзива в зиало, локо и банди имеют общее происхождение, родство с ними форм гвинейского кпелле *gu* и лоома *dé* не просматривается.

Таблица 14. Сводная таблица значений серий личных показателей в ЮЗМ

Серия	Инвариантные значения	Языки наличия
BAS	фактатив, собственно-процессное значение, видовременные значения плана прошедшего времени	все
DEP	фактатив и модальные значения в зависимой клаузе	банди, менде, локо, кпелле
IPFV	имперфектив: прогрессив, проспектив, хабитуалис	все
FOC	фокус субъекта, субъект бытийной клаузы	все
COM	косвенный объект (комитатив / инструменталис) с предлогом	банди, менде, локо, зиало, лоома
CONJ	сочинительные местоимения	банди, менде, локо, кпелле, лоома
PF	прямой объект глагола, неотчуждаемая принадлежность, аргумент квалитативного глагола	все
POSS	отчуждаемая принадлежность	все
CNTR	косвенный объект (контаминация с послелогами бенефактива и директива)	все
COND	конъюнктив, кондиционалис	все
IMP	императив	все
NEG1	отрицание действия в плане прошедшего времени	банди, менде, локо, зиало
NEG2	отрицание действия в проспективе	банди, менде, локо, зиало, лоома
PROG	прогрессив, инхоатив	банди, зиало, лоома
QUOT	квотативные маркеры / предикаторы	банди, менде, локо, кпелле, лоома

По-видимому, в лоома эксклюзивная форма мн. ч. восходит к МПП 1 ед. *gè* (чему в различных языках мира имеется много аналогий), а его смыслоразличительный тон «позаимствован» из соседнего по парадигме маркера 1 мн. инкл. Инклюзивные формы кпелле *gu / gwa*, по-видимому, являются показателями типа портманто, образованными слиянием маркера 1 ед. *ŋ́*- и немарки-

рованного мн. ч. *kú / kwá*, что также имеет широкие аналогии в языках Западной Африки [Babaev 2008, также см. парадигму языка сусу ниже в п. 5]. Можно считать, таким образом, что категория клюзивности является инновацией различных языков ЮЗМ.

4. Вопрос происхождения форм 1 и 2 л. мн. ч. кпелле с начальным *k-* заслуживает отдельного исследования. Прежде всего, формы 2 мн. могут представлять собой распространение маркера императива 2 мн. **ka*, соответствия которому видны в показателях императива 2 мн. *à* в банди, менде, локо, *á* в зиало и лоома. Тот же показатель, по-видимому, являлся в праязыке элементом составного маркера хортатива 1 мн.: *à-mó / à-mu* (банди, зиало) или *à-dé* (лоома). Прямым соответствием этой модели является форма 1 мн. инкл. гвинейского кпелле *kà-gu* [Casthelain 1952: 78], что в совокупности порождает следующую цепочку соответствий в системе показателей императива:

Таблица 15. Формы императивных показателей в ЮЗМ

	1 дв. инкл.	1 мн. инкл.	2 мн.
банди	*mu*	*àmu*	*à*
менде	*mù*	*àmù*	*à*
локо	*mí*	*àmí*	*à*
зиало	*mó*	*àmó*	*á*
лоома	*dé*	*àdé*	*á*
кпелле	*gu*	*kàgu*	*kā, kà*

Типологически подобное сложение в форме 1 мн. императива характерно для языков региона: ср. тура *kà-kò* [Bearth 1971: 273], букв. ‘вы-мы’. Есть и генетические соответствия: напр., сусу *wó-mù* ‘мы (мн.)’.

При этом соответствие начального *k-* в кпелле *ɣ-* или нулю в других языках ЮЗМ наблюдается и в ряде других служебных морфем: ср. копулу **ka* > кпелле *ká*, лоома *ka / γa / a*, локо, банди *a*. Можно считать вполне достоверным, что показатель 2 мн. **ka* (с различными тонемами) в кпелле являются рефлексом пра-ЮЗМ формы. Её сохранение и распространение на формы показателей всех серий могло произойти не столько по аналогии, сколько под влиянием соседних языков южной группы семьи манде (ЮМ), где форма 2 мн. **kà* реконструируется для праязыка

во всех основных сериях [Выдрин 2006b]. Важно помнить, что кпелле – единственный из языков ЮЗМ, граничащий с зоной ЮМ. Вероятно и возведение **kà* к более высокому уровню праязыка, ср. сонинке *xa* (2 мн.) [Diagana 1990] и др.

В то же время маркеры 1 мн. экскл. *kú / kwV* в кпелле также могут представлять собой результат ареального влияния языков ЮМ. Согласно В. Ф. Выдрину [2006b], показатель 1 мн. в пра-ЮМ языке реконструируется как **kū* ‘мы (инкл.)’. Форма эта вполне может быть возведена к более раннему праязыковому состоянию, в т. ч. и пра-манде, и хотя делать твёрдые выводы об этом рано, возможные параллели находятся также в западных языках манде: ср. дьялонке *n-xo* (1 мн. инкл.) vs. *n* (1 ед.) [Lüpke 2005: 106].

Таким образом, контактное влияние ЮМ на систему личных показателей кпелле могло стать причиной сохранения двух архаичных показателей на *k-*, один из которых (2 мн.) к тому же имеет надёжные соответствия во всех остальных языках ЮЗМ.

5. Лексические тоны основных парадигм личных показателей в праязыке ЮЗМ (базовая, имперфективная, фокализованная, полифункциональная, посессивная серии) могут быть реконструированы следующим образом:

Таблица 16. Лексические тоны личных показателей в ЮЗМ

язык	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
банди	H	H	L	L	L	H	L
менде	H	H	L	H	-	H	H
локо	H	H	L	?	?	?	?
кпелле	H	H	L	L	H	H	H/L
зиало	L	L	H	H	H	L	H
лоома	L	L	H	H	H	L	H
праязык ЮЗМ	**H**	**H**	**L**	**L**	**L**	**H**	**L**

Тоны лоома и зиало последовательно демонстрируют явление «тоновой инверсии» [Dwyer 1973]. Тоны банди, по мнению Д. Двайра, являются наиболее архаичными, что также подтверждает реконструкцию. Данные других языков западной ветви се-

мьи манде служат дополнительным подтверждением, ср. парадигму личных местоимений в сусу [Touré 2004: 57]:

Таблица 17. Личные местоимения в сусу

1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
ń	*í*	*à*	*wǒn*	*mùxú*	*wó*	*è*

6. Показатели базовой серии, по-видимому, представляют собой соединение личных маркеров и нулевого [Выдрин 1987] (или супрасегментного, ср. [Spears 1967: 366]) предикативного форманта. В Таблице 18 даны их реконструкции для пра-ЮЗМ в сравнении с формами пра-ЮМ [Выдрин 2006b].

Таблица 18. Реконструкция базовой серии

BAS			
лицо/число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ	пра-ЮМ
1 ед.	gé, gè, ŋá, ŋgí	*ŋé	*N̄
2 ед.	(y)í, è / bí, ɓí	*í / *é	*ī / *ē
3 ед.	ì, è, é	*ì / *è	*è
1 мн. инкл.	mó, mí, mù / gú / dé	*mù	*kō / *kū
1 мн. экскл.	nì, ní, né / gí, gé / kú	-	*yī / *ō
2 мн.	wó, wò, wú / ká	*wó	*kā
3 мн.	té, tí, dí	*tì / *tè	*wò

Комментарии:

1 ед. Соответствие *ŋg-* в банди/менде и *g-* в зиало/лоома регулярно, ср. банди *ŋgala* vs. зиало, лоома *gàlá* ‘бог’ и пр.

2 ед. Две основы: банди, зиало и лоома **í / *é*, локо и менде **bí*, в кпелле употребляются обе. Первая основа находит широкие генетические параллели в различных группах языков манде: ср. лигби, дьюла, сонинке, бамана, ваи, дьялонке и др. Те же формы восстанавливаются в ЮМ, позволяя возводить их на уровень праманде. Основа **bí / *ɓí* также имеет соответствия в ЮМ, однако лишь в парадигмах независимых (фокализованных) и императивных маркеров. К обсуждению этой основы мы вернёмся чуть ниже.

3 ед. Хотя гласная варьирует по языкам, **ì* можно сравнить с детерминативным маркером **-ì,* восстанавливаемым для пра-ЮЗМ [Выдрин 2006а]; типологически это сравнение выглядит надёжным, ср. прямое соответствие между показателем 3 мн. **tì* и маркером детерминированной плюральности **-tì*.

1 мн. Форма *dé* в лоома является инновацией, развившейся по аналогии со 2 ед. *dà*. Обсуждение форм кпелле см. выше. Данных банди, менде, локо и зиало достаточно для реконструкции **mù* для пра-ЮЗМ только с учётом внешнего сравнения: ср. ваи 1 мн. *mu* [Heydorn 1970/71], сусу *mù-xú* [Touré 2004: 57] и пр. Форма *mí* в локо является диалектной. При развитии категории клюзивности форма **mù* закрепилась за инклюзивом, в то время как эксклюзивные формы развились из показателей 1 ед., что типологически вполне распространено в языках Африки.

Форма эксклюзива может быть восстановлена только для группы банди-локо-менде-зиало, позже она была устранена в менде (о причинах упрощения морфологии менде см. [Dwyer 2005]).

2 мн. Сужение гласного **wo > wu* произошло в банди, менде и локо в результате выравнивания с формой 1 мн. инкл. Зиало и лоома сохранили оригинальный вокализм праязыка, подтверждаемый формами ваи *wo*, сусу *wó*. Форма кпелле *ká*, как указывалось выше, распространилась из императивной серии под влиянием ЮМ.

3 мн. Озвончение дентальной в кпелле неясно: ср. его объяснение предшествующим **ŋ* в [Welmers 1962]. Форма с узким вокализмом **tì* кажется предпочтительнее, чем **tè,* т. к. совпадает с формой детерминированного плюрального маркера: обе формы скорее всего имеют общее происхождение из демонстратива [Выдрин 2006а: 169-170], ср. кпелле *tí* ‘тот’.

Маркер 3 ед. зависимой серии **é* выделяется своим высоким тоном, остальные показатели этой серии идентичны маркерам базовой парадигмы. Тем не менее, это важное отличие фиксируется в банди, менде, локо, кпелле и зиало (в последнем он закономерно имеет низкий тон), позволяя восстановить зависимую серию и

для уровня праязыка. Отсутствие этой серии в лоома можно объяснить, в частности, наличием низкотонового показателя 2 ед. *è*, препятствующего сохранению омонимии.

7. Давно было выдвинуто предположение, что происхождение имперфективной серии (Таблица 19) связано со слиянием маркеров лица с предикативом (часто называемым копулой) **ka / *γa > a*, ср. лоома (лулама) *Folomo γà kale-y ɓɛ-zu* ‘Фоломо рыбу ловит’ [Prost 1967: 40, 66]. Долгая гласная в этой серии в лоома, банди, локо и гвинейском кпелле подтверждает контракцию: напр., **wo γà > *wáà*. Идея Хейдорна [Heydorn 1940/41: 199] о происхождении этой серии из контаминации с глаголом *pa* ‘приходить’ представляется несостоятельной.

Таблица 19. Реконструкция имперфективной серии

IPFV		
лицо/число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
1 ед.	ŋgáa, ŋàá, gàa / nà	*ŋ́-áà
2 ед.	yáa, dà, jà, yà / ɓáa, ɓa	*yáà < *í-áà
3 ед.	á, à(a), ŋgá / tɔ́(γà), tɔ́wà	*ŋ̀-àà
1 мн. инкл.	mà(a), má / dá / gua, gwa	*màà
1 мн. экскл.	ná(a) / gá(a) / kwàá, kwa	-
2 мн.	wáà, wà(a) / kàá	*wáà
3 мн.	táà / dàá	*tàà

1 ед. Формы 1 ед. лоома *nà / gà*, видимо, происходят из слияния **ŋ̀-γà*.

2 ед. Дентализация глайда в диалектах лоома: *y- > j- > d-* распространялась с юга на север. Локо и менде унифицировали здесь формы на **ɓ-* (см. о них в комментариях к фокализованной серии ниже).

3 ед. Формы *tɔ́, tɔ́γà* и пр. в лоома имеют дейктическое происхождение: ср. демонстративы на *tɔ-* ‘тот’ [Prost 1967: 27].

Таблица 20. Реконструкция фокализованной серии

FOC			
лицо/ число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ	пра-ЮМ
1 ед.	ɲá, ɲà, nà	*ɲá < *ŋ́-yá	*mā
2 ед.	bíá, ɓía / dà, jà, yà, yá	*í-yá / *ɓí-yá	*yī / *ɓī
3 ед.	à, á / àlá, lɔ̀, lɔ́, tɔ́ / ɲàa	*à	*yè
1 мн. инкл.	mùa, móyá / dá / guo	*mù-yà	*kō/*kū
1 мн. экскл.	nùá, néyá / gá, gíyá / kúa, kuo		*yī / *ō
2 мн.	wùá, wòyà, wà, woá / káa	*wó-yá	*kā
3 мн.	tìá, tùá, tíá, tíyá, dia	*tì-yà	*wò

8. Серия фокализованных местоимений (Таблица 20) происходит из слияния личных маркеров с показателем фокуса **yá*, сохранившимся в зиало. Типологические параллели такого механизма находятся в других языках манде, ср. ваи *mu* ‘мы’ (МПП), *mu-wa* ‘мы’ (местоимение с добавлением маркера фокуса) [Heydorn 1970/71: 161]. В зиало и банди интервокальный глайд **-y-* сохраняется.

1 ед. Анлаутный палатальный сонант представляет собой развитие **ŋ́-yá*. Обычная дентализация видна в лоома.

2 ед. Реконструируемая на основании менде, локо, кпелле форма **ɓí-yá* заслуживает отдельного анализа. В пра-ЮМ **ɓè / *ɓī* реконструируются в основном для серий синтаксически независимых местоимений, а также императива (исходная форма 2 ед. которого – нулевая, так что **ɓè* в ней – рефлекс независимого усилительного местоимения) [Выдрин 2006b]. В ЮЗМ противопоставление предикативных **í / *é* и независимого **ɓí* подверглось эрозии: первый полностью исчез в менде-локо, второй – в банди-зиало-лоома. Однако данные не только ЮМ, но и других нигеро-конголезских языков[1] позволяют рассматривать фор-

[1] **bə* ‘ты’ в языках убанги [Moniño 1988: 143]; **bɪ / *fɪ* 'ты' реконструируется для праязыка гур [Manessy 1975: 175]; сюда же, скорее всего,

му **bí* как архаичную форму серии независимых местоимений, а не ареальную инновацию.

3 ед. Показатель лица предшествует копуле *tɔ / lɔ*. Её генезис из глагола **tɔ* ‘видеть’ вполне вероятен.

9. Вполне оправданным выглядит выделение элемента **-(y)e* со «слабым» начальным (данных для восстановления сильного альтернанта недостаточно), контракция с которым образовала маркеры комитативной серии (Таблица 21).

Таблица 21. Реконструкция комитативной серии

COM		
лицо/число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
1 ед.	ŋgé(é), gè, zè	*ŋ́-ye
2 ед.	íyé, dè, yè / bíé	*í-ye
3 ед.	lá, là / ŋgíé / á / nɔ̀	*là
1 мн. инкл.	mùyè, mùé, mòyè / díé	*mù-ye
1 мн. экскл.	nìyè, nùé, nèyè, gíé	-
2 мн.	wúyè, wùé, wòyè, wóé	*wó-ye
3 мн.	tìyè, tìé, tùé, tíé	*tì-ye

1 ед. Дентализация в лоома **ŋ-ye > *nje > *ze* вполне регулярна, ср. банди *njowo* vs. лоома *zowo* ‘маниок’, банди *njɛ* vs. лоома *zɛ, ziɛ* ‘вода’, и др.

3 ед. **là* ‘с ним/ней’ по происхождению является локативным послелогом **dà*, заменяющим во всех языках ЮЗМ предложную группу со значением комитатива / инструменталиса. В ряде языков (менде, локо) рефлексы **là* маркируют только неодушевлённый объект, для одушевлённого используется новообразованная по аналогии форма, подобная другим формам парадигмы.

относятся реконструируемые формы бенуэ-конго и ква **we* [Бабаев 2010, Babaev 2010].

Таблица 22. Реконструкция сочинительных местоимений

CONJ		
лицо/число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
1 мн.	má, màá, mɛɛ / dá / kwà	*mà
2 мн.	wá, wáá, wá, wɛɛ / kà	*wá
3 мн.	tà, tàá, tɛɛ / dà	*tà

10. Особое внимание требуется обратить на местоимения-участники сочинительной группы (Таблица 22). Модель построения такой группы едина для всех языков ЮЗМ, кроме зиало: два конъюнкта принадлежат к разным сериям местоимений, при этом конъюнкт-1 имеет только формы мн. ч., выражая лицо и число всей группы в совокупности, а конъюнкт-2 может модифицироваться показателем определённой плюральности *-*ni*, выражающим при этом граммему числа конъюнкта-1, ср. в банди:

(82) *má* *wúyé* *máá* *lì*
1PL.INCL.CONJ 2PL.COM 1PL.INCL.IPFV идти
‘[Я и вы,] мы с вами пойдём’, но

(83) *má* *wúyé-ní* *máá* *lì*
1PL.INCL.CONJ 2PL.COM 1PL.INCL.IPFV идти
‘[Мы и вы,] мы с вами пойдём’ [Bandi, ms.: I, 20].

Порядок конъюнктов в данной конструкции не случаен: первый из них представляет участника «высшего» лица по иерархии агентивности Силверстейна: «1л. – 2л. – 3л.».

В качестве первого конъюнкта в большинстве языков ЮЗМ выступают местоимения сочинительной серии (CONJ), в качестве второго – обычно маркеры комитативной серии (COM). Фонетическая близость серии CONJ с фокализованными местоимениями приводит к нередкому их слиянию, однако различение обеих серий на праязыковом уровне неоспоримо.

11. Супрасегментные полифункциональные показатели 1 ед. и 3 ед. (Таблица 23; плюральные формы совпадают с базовой серией и в таблице опущены) были корректно реконструированы У. Уэлмерсом [Welmers 1973] и Д. Двайром [Dwyer 1974]. Форма менде-локо *bí-*, по нашему мнению, является результатом аналогического распространения (см. выше).

Таблица 23. Реконструкция полифункциональных форм ед. ч.

PF			
лицо/число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ	пра-ЮМ
1 ед.	ǿ-, ȍ-, Ń-	*ŋ́-	*N̄
2 ед.	bí- / í-, ì-, è-	*í-	*ī / *ē
3 ед.	ǿ-, ȍ-	*ŋ̀-	*à

12. Притяжательные местоимения (Таблица 24). Маркеры отчуждаемой принадлежности, по-видимому, контаминированы с вокалическим формантом неизвестного происхождения, который Д. Двайр реконструирует как *-*i* на основании данных банди, локо и менде. В 1 ед. и 3 ед. в кпелле видим конструкцию из маркеров полифункциональной серии и посессива *wɔ,* отсюда 1 ед. *ŋ́ɔ* < **ŋ́-wɔ.*

Таблица 24. Реконструкция притяжательных местоимений

POSS			
лицо/ число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ	пра-центр. ЮЗМ[2] [Dwyer 1973: 235-237]
1 ед.	ní-, né-, nè-, nà / ŋá-, ŋɔ́-	*ŋ́í- / *ŋ́é-	*ní-
2 ед.	í-, ì-, é- / bí- / dà-, jà-, yà-	*í- < *íí-	*bí-
3 ед.	ŋgì-, gé-, ná, ŋɔ̀-	*ŋ̀ì-	*ngìí-

(84) *zúnù-ì* *ná* *(ˊ)-kɔ́lɔ̀-ì*
мужчина-DEF 3SG.POSS 3SG.PF-книга-DEF
‘Книга мужчины’ [Sadler 1949/2006: 74].

Таким образом, притяжательные показатели лоома 1 ед. *nà,* 3 ед. *ná* являются по происхождению синтаксически независимыми местоимениями, скорее всего, фокализованной серии.

3 мн. Форма кпелле *ddí* приведена Д. Двайром [Dwyer 1973] для либерийских диалектов и объясняется им как происходящая из **ní-tí.* Подтверждений такой реконструкции на материале других языков ЮЗМ не обнаруживается, как не засвидетельствовано и наличия геминат в кпелле.

[2] Термин «центрально-ЮЗМ праязык» понимается Д. Двайром как праязыковое сообщество ЮЗМ после выделения кпелле [Dwyer 1973: 4].

13. Серия CNTR представляет собой слияние личных маркеров полифункциональной серии с послелогами директивно-бенефактивной семантики. Общая тенденция создания такого рода контаминированных конструкций распространена по всей Западной Африке, однако считать, что какие-либо из них в ЮЗМ могут быть возведены к генетическому архетипу в пра-ЮЗМ, достаточных оснований нет.

14. Показатели императива могут быть восстановлены Таблица 25) для 2 л. ед.-мн. ч. и 1 л. дв.-мн. ч. (последние обычно называют хортативными).

Таблица 25. Реконструкция императивной серии

IMP			
лицо/число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ	пра-ЮМ
2 ед.	ø / ye / ɓe	*ø	*ɓè
1 дв. инкл.	mù, mú / dé / ku	*mù	*kò / *kù
1 мн. инкл.	àmù, àmú / àdé / kagu	*kàmù	-
2 мн.	à, á / kà	*kà	*kà

2 ед. Нулевой показатель реконструируется вполне надёжно. Ненулевые формы представляют собой местоимения, факультативно употребляющиеся в ряде языков с целью усиления повеления или фокализации субъекта.

1 мн. Формы всех языков является соположением показателей 2 мн.+1 дв.инкл. (букв. «мы с вами»). Основание для реконструкции элемента **mù* см. выше.

2 мн. Реконструкция показателя **kà* основывается на соображениях, рассмотренных выше в п. 4.

Таблица 26. Реконструкция негативной серии-2

NEG2		
лицо/число	формы в ЮЗМ	пра-ЮЗМ
1 ед.	ŋgɛ́í, ŋgɛ́ɛ̀, ŋgɛ̀ɛ́, gɛ̀y, gɛ̀	*ŋ́-ɛ́ɛ̀
2 ед.	yɛ́í, yɛ̀y, ɛ̀ / bɛ́ɛ̀, bɛ̀ɛ́	*yɛ́ɛ̀ < *í-ɛ́ɛ̀
3 ед.	ɛ̀ì, ŋgɛ̀ì, ɛ̀ɛ̀, ɛ̀ɛ́, ɛ́y, ɛ́	*ŋ̀-ɛ̀ɛ́
1 мн. инкл.	mɛ́i, múɛ̀, mɛ̀ɛ́, mɛ́y / dɛ́	*mù-ɛ̀ɛ́
2 мн.	wɛ́i, wúɛ̀, wɛ̀ɛ́, wɛ̀y, wɛ̀	*wó-ɛ́ɛ̀
3 мн.	tɛ̀ì, tɛ́ɛ̀, tɛ̀ɛ́, tɛ́y, tɛ́	*tì-ɛ̀ɛ́

15. Негативная серия (Таблица 26) представляет собой слияние личных маркеров с показателем негатива **εε*, который иногда рассматривается как развитие негативной копулы **lε*, засвидетельствованной в лоома, менде и локо. Представительность показателей этой серии позволяет относить её к пра-ЮЗМ языковому состоянию.

16. Прогрессивная серия (PROG) является общей инновацией праязыка банди-зиало-лоома на основании слияния с наречным формантом **nà* ‘сейчас’.

17. Квотативная серия маркеров, происходящих из слияния личных показателей с глаголом **kε* ‘сказать’, заслуживает особой дискуссии уже потому, что в языках ЮЗМ представлено исключительно редкое явление – квотативные маркеры с согласованием по лицу и числу. Типология квотативных морфем («индексов») была предложена Т. Гюльдеманом [Güldemann 2008], который разделяет их на четыре группы по степени морфологизации. Так, квотативные глаголы представляют собой автономные словоформы, обладающие всеми синтаксическими признаками нормального предиката, но служащие исключительно для введения косвенной речи, напр. в банди:

(85) *ì* *γε-a* *(ˆ)-ma* *(ˆ)-tókó*
3SG.BAS сказать-COMPL 3SG.PF-PP 1SG.PF-рука
lɔ *(ˆ)-mbu*
COP 1SG.PF-под
‘Он сказал ему: «Я согласен»’ [Grossmann 1992: 161].

Квотативные предикаторы теряют свои предикативные свойства (напр., МПП) и могут быть названы «дефектными глаголами» [Güldemann 2008:15]. Этот уровень грамматикализации представлен в зиало:

(86) *té* *γɛ́* *gílè-y* *sìnɛ̀-y*
3PL.BAS QUOT REF\собака-DEF этот-DEF
é *lɔ̀vè-gɔ̀* *ɣálè?*
3SG.BAS пройти-AOR как
‘Они говорят: «А собака-то как прошла?»’

Почти полностью морфологизованными служебными морфемами можно назвать квотативные маркеры и комплементайзеры (т. е. подчинительные союзы), выступающие в роли неизменяе-

мых дискурсивных морфем, маркирующих любое обращение к косвенной речи и не имеющих самостоятельного лексического значения. Комплементайзеры могут переводиться на русский язык союзом во фразе «X сказал, что». Согласуемые квотативные маркеры, ещё сохраняющие ряд свойств предиката, наблюдаются в банди, менде, локо и лоома, тогда как в кпелле они уже начинают терять личное согласование и находятся на пути превращения в комплементайзеры, в терминологии Гюльдемана.

В работах Д. Идиатова [Idiatov 2009, 2010, рукопись] демонстрируется ареальный характер явления квотативных маркеров в западных языках манде. Можно сделать вывод, что это явление затронуло и все языки ЮЗМ, хотя и в разной степени.

8. Выводы

Сводная Таблица 27 суммирует предложенные варианты реконструкции показателей лица в ЮЗМ.

Таблица 27. Реконструкция системы личных показателей в пра-ЮЗМ

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
базовая	*ŋ́é	*í / *é	*ì/*è	*mù	*wó	*tì
зависимая	*ŋ́é	*í / *é	*í/*é	*mù	*wó	*tì
имперфективная	*ŋ́àá	*yáà	*ŋ̀àà	*màà	*wáà	*tàà
фокализованная	*ɲá	*íyá / *ɓíyá	*à	*mùyà	*wóyá	*tìyà
комитативно-инструментальная	*ŋ́-yé	*íyé	*lá	*mùyè	*wóyè	*tìyè
сочинительная	-	-	-	*mà	*wá	*tà
полифункциональная	*ŋ́-	*í-	*ŋ̀-	*mù-	*wó-	*tì-
посессивная	*ŋ́í- / *ŋ́é-	*í-	*ŋ̀ì-	*mù-	*wó-	*tì-
императивная	-	*ø	-	*mù (дв.), *kàmù (мн.)	*kà	-
негативная	*ŋ́ɛ̀ɛ̀	*yɛ́ɛ̀	*ŋ̀ɛ̀ɛ́	*mùɛ̀ɛ́	*wóɛ́ɛ̀	*tìɛ̀ɛ́

Несмотря на то, что на уровне пра-ЮЗМ мы вынуждены реконструировать столь большое число серий личных показателей, легко видеть, что многие из них являются производными, образованными с помощью присоедения ряда неличных предикативных показателей и других морфем-клитик к собственно показателям лица. Дальнейшая работа по сравнительному анализу и реконструкции праязыковой системы более высокого уровня (возможно, пра-западного манде) представляется в этой связи возможной и должна быть продолжена.

Список сокращений

дв., DU	двойственное число
ед., SG	единственное число
инкл., INCL	инклюзив
мн., PL	множественное число
МПП	местоименно-предикативный показатель
неодуш., INANIM	неодушевлённое
одуш., ANIM	одушевлённое
ПП	префиксальный личный показатель
экскл., EXCL	эксклюзив
ЮЗМ	юго-западные языки манде
ЮМ	южные языки манде
AOR	аорист
AUT	автосемантичное существительное
BAS	базовая серия
CL	клауза
CNT	контрастивный фокус
COM	комитатив
COMPL	комплетив
COND	кондиционалис
CONJ	сочинительная серия
CNTR	контрактивное местоимение
COP	копула
DEF	определённая форма
DEP	зависимая серия
DYN	динамический глагол
EMPH	эмфатическое местоимение
EXI	бытийный глагол

FOC	фокализованное местоимение
HAB	хабитуалис
IMP	императив
IPF	имперфект
IPFV	имперфектив
IRR	ирреалис
NEG	негатив
NP, ИГ	именная группа
PERF	перфект
PF	полифункциональная серия
POSS	посессив
PP	послелог
PRET	претерит
PROSP	проспектив
PUNC	пунктив
QUAL	квалитатив
QUOT	квотативный маркер
REL	относительное существительное
RES	результатив
S	субъект
TA	видовременной маркер
STAT	статив
V	предикат

Литература

Бабаев К. В. О реконструкции личных местоимений в праязыке ква // Вопросы языкознания, № 4, 2010. С. 81–108.

Бабаев К. В. Язык зиало: грамматический очерк и словарь. М., 2011.

Выдрин В. Ф. Язык лоома. М., 1987.

Выдрин В. Ф. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // Труды Института лингвистических исследований. Т. II, ч. 2. СПб., 2006. С. 9–252.

Выдрин В. Ф. Личные местоимения в южных языках манде // Труды Института лингвистических исследований. Т. II, ч. 2. СПб., 2006. С. 327–413.

Коношенко М. Б. Фонологическая система гбали (северного диалекта языка кпелле). Курсовая работа. СПб., 2008.

Коношенко М. Б. О границах множества личных местоимений в гвинейском кпелле // VIII Международная конференция по языкам Дальнего

Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (LESEWA VIII), Москва, ИНИОН РАН, 22–24 сентября 2009 г. Раздаточный материал.

Мищенко Д. Ф. Тональная система лоома (диалект вои-балага). Курсовая работа. СПб., 2009.

Мищенко Д. Ф. Маркирование категории лица в лоома (диалект вои-балага). Дипломная работа. СПб., 2010.

Морозова М. С. Очерк грамматики языка локо. Курсовая работа. СПб., 2006.

Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.

Плунгян В. А. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания: глагол. М., 2003. С. 5–41.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Aginsky, Ethel. A Grammar of the Mende Language. Philadelphia, 1935.

Babaev, Kirill. Reconstructing Niger-Congo Personal Pronouns I: Proto-Bantoid // Journal of West African Languages. Vol. XXXV: 1–2, 2008. P. 131–183.
http://www.nostratic.ru/benue-congo1.pdf

Babaev, Kirill. Reconstructing Niger-Congo Personal Marking II: Proto-Benue-Congo // Journal of Language Relationship, vol. 4, 2010, 2010, P. 1–45.
http://www.nostratic.ru/benue-congo2.pdf

(A Bandi Grammar). Unpublished Manuscript. Monrovia: The Institute for Liberian languages. Vol. I–II.

Casthelain, J. La langue guerzé: Grammaire et dictionnaire. Dakar, 1952. P. 1–302.

Creissels, Denis. A typology of subject and object markers in African languages // E.K.E. Voeltz (ed.). Studies in African languages typology. Amsterdam/Philadelphia, 2005. P. 445–459.

Diagana, Yacouba. Eléments de grammaire du Soninke. Paris: Institut national des langues et civilisations orientales (Thèse de Doctorat), 1990.

Dwyer, David. The comparative tonology of Southwestern Mande nominals. Michigan State University, Ph. D. Thesis, 1973.

Dwyer, David. The Mende Problem // Koen Bostoen & Jacky Maniacky (eds.). Studies in African comparative linguistics. Tervuren, 2005. P. 29–42.

Dwyer, David, P. Bodegie & J. Baque. Lorma, a reference handbook of phonetics, grammar, lexicon and learning procedures. East Lansing: African Studies Center, Michigan State University, 1981.

Grossmann, Rebecca et al.. Bandi Dictionary. Manuscript, 1991.

Grossmann, Rebecca. Discourse grammar of Bandi. Univ. of Texas at Arlington, 1992.

Güldemann, Tom. Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey. Berlin, 2008.

Heydorn, Richard. Die Sprache der Bandi im nordwestlichen Liberia // Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen. Bd. XXXI, H. 2, 1940, S. 81–114; H. 3, 1941, S. 188–217.

Heydorn, Richard. The Vai language in Liberia // Afrika und Übersee, Band 54, 1970/71. P. 149–205.

Heydorn, Richard. Grammar of the Loma Language // Afrika und Übersee, Band 54, Heft 1/2, 1971. P. 77–99.

Idiatov, Dmitry. Quotative markers in Western Mande // Report presented at Societas Linguistica Europaea 2009. University of Lisbon, 9–12 September 2009.

Idiatov, Dmitry. Person-number agreement on complementizers in Mande. Рукопись, 2010.

Innes, Gordon. An outline grammar of Loko with texts // African Language Studies, V, 1964. P. 115–178.

Innes, Gordon. A Practical Introduction to Mende. London: School of Oriental and Classical Studies, 1971.

Kimball, Les. A description of the grammar of Loko. Freetown: Institute for Sierra Leonean Languages, 1983.

Koelle, Sigizmund. Polyglotta Africana. London, 1854.

Koly, Dominique. Étude phonologique du Loma avec application au parler du sud de Macenta. Conakry, 1970.

Kovac, Don. A Preliminary phonology of Bandi. Manuscript.

Lassort, P. Grammaire guerzé. Dakar, 1952. P. 304–426.

Leidenfrost, Theodore & John McKay. Kpelle-English Dictionary with a grammar sketch and English-Kpelle finderlist. Moscow (USA), 2005.

Lüpke, Friederike. A grammar of Jalonke argument structure. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistic Research (Ph.D. Thesis), 2005.

Migeod, F. W. H. The Mende language. London, 1908.

Prost, André. Le loghoma, esquisse grammaticale suivie de textes et d'un glossaire. Documents linguistiques, no. 13. Dakar, 1967.

Rodewald, Michael. From morpheme to clause in Bandi: a language learning grammar. Manuscript, 1985.

Rodewald, Michael. A grammar of Bandi and Mende tone. Arlington, 1989.

Sadler, Wesley. A complete analysis of the Looma language // Mandenkan, 42, 2006 [1949]. P. 5–109.

Sadler, Wesley. Untangled Loma. Baltimore: United Lutheran Board, 1951.

Sengova, Matthew Joko. A classification of tense, aspect and time specification in the verb system of Mende. Ph.D. thesis. Madison, 1981.

Spears, Richard. Basic course in Mende. Evanston: Northwestern University, 1967.

Thach, Sharon & David Dwyer. Kpelle: a reference handbook of phonetics, grammar, lexicon, and learning procedures. East Lansing, 1981.
Touré, Aboubacar. Parlons soso. Paris, 2004.
Vydrin, Valentin. On the problem of the Proto-Mande homeland // Journal of Language Relationship, vol. 1, 2009. P. 107–142.
Welmers, William. African language structures. Berkeley – Los Angeles – London, 1973.
Wilhoit, Laura. A principles and parameters approach to Loma grammar. M.A. Thesis. Arlington, 1999.

Приложение 1. Формы личных показателей лоома

Каждая форма в Таблице 28 снабжена указанием на диалект согласно приведенному ниже списку. Данные либерийских диалектов гизима, булуйема и зиема (зиама) содержатся в работах У. Сэдлера, который не указывал диалектную принадлежность форм. Исходя из этого, данные Сэдлера маркированы единой аббревиатурой.

Формы, приведенные без диалектной пометы, распространены в большинстве диалектов.

Северная группа (Гвинея):

B вои-балага [Мищенко 2009, 2010]
K коимеи [Wilhoit 1999]
L лулама [Prost 1967]
N нинибу (один из диалектов группы лулама) [Выдрин 1987]

Центрально-южная группа (Гвинея, Либерия):

D боде (бунде, гбунде) [Heydorn 1971; Dwyer 1973]
G гизима [Heydorn 1971; Prost 1967; Koly 1970]
S гизима, булуйема, зиема [Sadler 1949/2006, 1951]
V векема [Выдрин 1987]
W вубомаи [Heydorn 1971]
Z зиема (зиама, сиема) [Heydorn 1971; Выдрин 1987]
Zz зозо (зорзор) [Heydorn 1971].

Таблица 28. Формы личных показателей лоома по диалектам

	1ед.	2ед.	3 ед.	1 дв. инкл.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
BAS	gè	è	é	dé	KLB àdé	gé, KLB gí	wò, L wɔ̀	té, KB tí, L té / ti
IPFV	gà(a), KLB nà	yà(a), KW jà, LB dà	tówàà, K tóγà, BWG tóá, S tɔ́, L tɔ́wà, N túa, V yá/yé/tówà/tù	dá(a), L dà	KB àdá(á), L adà	gá(á), L gà	wà(à), V àwà, G wá, N wùa	tá(á), L tà
FOC1	nà	LB dà, W jà	tɔ́, WB tóá	dá	KLB àdá	gá, B gá/gíyá	LB wà, W woá	tíá, B tá
FOC2	L nõõ, B nɔ̃	L dõõ, B dɔ̃	L tõõ, B tɔ̃	L dõõ, B dɔ̃	L adõõ, B àdɔ̃	L gõõ, B gɔ̃	L wõõ, B wɔ̃	L tõõ, B tɔ̃
FOC3	S nàì, L ney	S yàì, L dey	S núì, L tey	L dey, S dáì(tìɛ̀)		S gáì(tìɛ̀), L gey	wàì(tìɛ̀), L wey	táì(tìɛ̀), L tey
COM	KLB zè, SV zù	LB dè, K je S yè	S là, K da, B tɔ́	LB díé, K diye, G díɛ́, S díɛ̀	B àdíé, K adiye	LB gíé, K giye, G gíɛ́, S gíɛ̀	LB we, wóé, K woye, S wìɛ̀	LB tíé, K tiye, G tíɛ́, S tíɛ̀
CONJ	B nà	B dà	B tá	B dá	B àdá	B gá	B wà	B tíá
PF	ɔ̀	è	ɔ́	dé, G dé/dí	KLB àdé	gé, G gé/gí, KB gí	wò, V à	té, KGLB tí

	1ед.	2ед.	3 ед.	1 дв. инкл.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
POSS1	nà, VG nɛ̀	yà, KW jà, LB dà, GVZz yè	ná, VG nɛ́	dá, V dé	KLB àdá	gá, V gé	wà, V à, N wùa/gbà, Zo wù	tá, V té
POSS2	LB nɔ̀nɔ̀, Z nɔ̀dɔ̀	LB dɔ́nɔ̀, Z jɔ̀dɔ̀	LB nɔ́nɔ́, Z nɔ́dɔ́	LB dɔ́nɔ̀, Z dɔ́dɔ̀	Z àdɔ́dɔ̀, B àdɔ́nɔ̀	LB gɔ́nɔ̀, Z gɔ̀dɔ̀	LB wɔ̀nɔ́, Z wɔ̀dɔ̀	LB tɔ́nɔ̀, Z tɔ́dɔ̀
CNTR	WLB zèà, S zèèà	W èya LB èà	WL zéá, S zééá	LW déa, B déyá	B àdéyá	W géa, LB gíyá	W woea, L wèa, B wòyà	W tea, L tía, B tíyá, S téyá
COND1	S gɔ̀	S ɔ̀	S ɔ́	S dɔ́		S gɔ́	S wɔ̀, V à	GS tɔ́
COND2	B nà	B dà	B á	B dá	B àdá	B gá	B wà	B tá
IMP		ø	B é	B dé	B àdé		á	B tí
NEG	WDS gɛ̀	WDS ɛ̀	WDS ɛ́	WDS dɛ́	S ádɛ́	WDS gɛ́	D wɛ̀,S áwɛ̀, W wɔ̀	WDS tɛ́
PROG	L naga, W gaŋga, D gaga, B nã̀ga	L da da, W jaŋga, D yaga, B dàga	L tɔγa na, G tɔγaga, D tata, B tóága	L dada, B dága	B àdága	BL gága	L wawa, B wàga	LD tata, B táága
QUOT	GS gìɛ̀	G yìɛ̀, S yè	G yíɛ́, S yé	G díɛ́, S dìɛ́		G gíɛ́ S gìɛ́	S wìɛ̀	G tíɛ́ S tìɛ́

	1ед.	2ед.	3 ед.	1 дв. инкл.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
BAS	gè	è	é	dé	KLB àdé	gé, KLB gí	wò, L wɔ̀	té, KB tí, L té / ti
IPFV	gà(a), KLB nà	yà(a), KW jà, LB dà	tówàà, K tóγà, BWG tóá, L tɔ́wà, N túa, S tɔ́, V yá/yé/tówà/tù	dá(a), L dà	KB àdá(á), L adà	gá(á), L gà	wà(à), V àwà, G wá, N wùa	tá(á), L tà
FOC1	nà	LB dà, W jà	tɔ́, WB tóá	dá	KLB àdá	gá, B gá/gíyá	LB wà, W woá	tíá, B tá
FOC2	L nõõ, B nɔ̃̃	L dõõ, B dɔ̃̃	L tõõ, B tɔ̃̃	L dõõ, B dɔ̃̃	L adõõ, B àdɔ̃̃	L gõõ, B gɔ̃̃	L wõõ, B wɔ̃̃	L tõõ, B tɔ̃̃
FOC3	S nàì, L ney	S yàì, L dey	S núì, L tey	S dáì(tìɛ̀), L dey		S gáì(tìɛ̀), L gey	wàì(tìɛ̀), L wey	táì(tìɛ̀), L tey
COM	KLB zè, SV zù	LB dè, K je S yè	S là, K da, B tɔ́	LB díé, K diye, G díɛ́, S díɛ̀	B àdíé, K adiye	LB gíé, K giye, G gíɛ́, S gíɛ̀	LB we, wóé, K woye, S wìɛ̀	LB tíé, K tiye, G tíɛ́, S tíɛ̀
CONJ	B nà	B dà	B tá	B dá	B àdá	B gá	B wà	B tíá
PF	ø	è	ǿ	dé, G dé/dí	KLB àdé	gé, G gé/gí, KB gí	wò, V à	té, KGLB tí

	1ед.	2ед.	3 ед.	1 дв. инкл.	1 мн. инкл.	1 мн. экскл.	2 мн.	3 мн.
POSS1	nà, VG nɛ̀	yà, KW jà, GVZz yè, LB dà	ná, VG nɛ́	dá, V dé	KLB àdá	gá, V gé	wà, V à, N wùa/gbà, Zo wù	tá, V té
POSS2	LB nɔ̀nɔ̀, Z nɔ̀dɔ̀	LB dɔ́nɔ̀, Z jɔ̀dɔ̀	LB nɔ́nɔ́, Z nɔ́dɔ́	LB dɔ́nɔ̀, Z dɔ́dɔ̀	Z àdɔ́dɔ̀, B àdɔ́nɔ̀	LB gɔ́nɔ̀, Z gɔ̀dɔ̀	LB wɔ̀nɔ́, Z wɔ̀dɔ̀	LB tɔ́nɔ̀, Z tɔ́dɔ̀
CNTR	WLB zèà, S zèèà	W èya LB èà	WL zéá, S zééá	LW déa, B déyá	B àdéyá	W géa, LB gíyá	W woea, L wèa, B wòyà	W tea, L tía, B tíyá, S téyá
COND1	S gɔ̀	S ɔ̀	S ɔ́	S dɔ́		S gɔ́	S wɔ̀, V à	GS tɔ́
COND2	B nà	B dà	B á	B dá	B àdá	B gá	B wà	B tá
IMP		ø	B é	B dé	B àdé		á	B tí
NEG	WDS gɛ̀	WDS ɛ̀	WDS ɛ́	WDS dɛ́	S ádɛ́	WDS gɛ́	D wɛ̀, S áwɛ̀, W wɔ̀	WDS tɛ́
PROG	L naga, W gaŋga, D gaga, B nã̀ga	L da da, W jaŋga, D yaga, B dàga	L tɔɣa na, G tɔɣaga, D tata, B tóága	L dada, B dága	B àdága	BL gága	L wawa, B wàga	LD tata, B táága
QUOT	GS gìɛ̀	G yìɛ̀, S yè	G yíɛ́, S yé	G díɛ́, S dìɛ́		G gíɛ́ S gìɛ́	S wìɛ̀	G tíɛ́ S tìɛ́

Сведения об авторах

Бабаев Кирилл Владимирович — кандидат филологических наук, заместитель директора ИЯз, Москва. Электронная почта: babaev@yandex.ru

Выдрин Валентин Феодосьевич — доктор филологических наук, заведующий отделом МАЭ РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: vydrine@gmail.com

Выдрина Александра Валентиновна — магистрант кафедры общего языкознания Филологического факультета СПбГУ, Санкт-Петербург. Электронная почта: sogolon@yandex.ru

Давыдов Артем Витальевич — аспирант кафедры африканистики Восточного факультета СПбГУ, Санкт-Петербург. Электронная почта: sidiki@yandex.ru

Коношенко Мария Борисовна — магистрант кафедры общего языкознания Филологического факультета СПбГУ, Санкт-Петербург. Электронная почта: eleiteria@yandex.ru

Кузнецова Ольга Васильевна — младший научный сотрудник ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: siilille@yandex.ru

Макеева Надежда Владимировна — аспирант ИЯз РАН, Москва. Электронная почта: Umuta11@yandex.ru

Мищенко Дарья Федоровна — магистрант кафедры общего языкознания Филологического факультета СПбГУ, Санкт-Петербург. Электронная почта: zenitchiki@yandex.ru

Паперно Денис Аронович — аспирант Университета Калифорнии, Лос-Анжелес. Электронная почта: denis.paperno@gmail.com

Хачатурьян Мария Леонидовна — аспирант ИЯз РАН, Москва. Электронная почта: mashaha@gmail.com

Аннотации и ключевые слова

К. В. Бабаев. Личное маркирование в юго-западных языках манде: опыт сравнения и реконструкции

В статье приводится обзор систем показателей лица в шести языках юго-западной группы африканской семьи манде, а также реконструкция элементов праязыкового состояния. В работе впервые приведены данные языка зиало, обнаруженного в 2010 г. в ходе Российской лингвистической экспедиции в Западную Африку.

Ключевые слова: личные местоимения, личные показатели, сравнительный анализ, реконструкция, языки манде, нигеро-конголезские языки

В. Ф. Выдрин. Электронный глоссированный корпус текстов языка бамана: первый этап

Электронный глоссированный корпус текстов на языке бамана состоит из трёх компонентов: электронного словаря, программы-анализатора и проанализированных текстов. В статье рассматривается устройство каждого из этих компонентов и обосновываются пути решения трудностей, встающих перед рабочей группой.

Ключевые слова: электронный корпус текстов, бамана, автоматический анализатор

А. В. Выдрина. Рефлексивные местоимения в языке какабе

На материале языка какабе демонстрируется, что распространение лабильности может определяться шкалой самопроизвольности: в какабе глаголы, обозначающие события, которые чаще всего происходят без воздействия внешнего каузатора, при употреблении в переходной конструкции требуют присоединения каузативного показателя и, следовательно, не являются лабильными. Напротив, глаголы, обозначающие события, которые чаще всего происходят под воздействием внешнего каузатора, лабильны. Кроме того, в части диалектов какабе лабильность покрывает даже самую нижнюю часть шкалы самопроизвольности, являясь тем самым немаркированным аналогом пассива.

Ключевые слова: аргументная структура, каузатив, пассив, лабильность, актантная деривация, переходность

А. В. Давыдов. Электронный корпус языка бамана: комплектование и принципы метатекстовой разметки

В статье обсуждаются критерии, используемые для отбора текстов при создании электронного глоссированного корпуса языка бамана. При создании корпуса младописьменного языка критерии неизбежно отличаются от тех, которые используются при создании корпусов языков с долгой письменной традицией. Даётся описание структуры метатекстовой разметки в этом корпусе. Вся метаинформация в корпусе делится на два блока: данные об источниках текстов и данные о текстах. Для характеристики источников и текстов используются десятки параметров, имеющих разный иерархический статус. Особое внимание уделяется вопросам письменности и орфографии.

Ключевые слова: языки манден, язык бамана, корпусная лингвистика, типология текстов

М. Б. Коношенко. Тональные системы диалектов языка кпелле

В статье описывается супрасегментный фонологический компонент диалектов языка кпелле (манде > юго-западные манде); в частности, обсуждаются базовые вопросы супрасегментного устройства кпелле: вопрос о сегментной базе тона, о статусе контурных тонов, о соотношении тона и ударения. Далее производится последовательное описание инвентаря и правил контекстных реализаций тонов в трех диалектах, обнаруживающих достаточно много фонологических и грамматических различий. Демонстрируется, что все различия в супрасегментном устройстве диалектов кпелле касаются, в основном, поверхностной реализации одних и тех же глубинных тонов. При этом в диалектах кпелле инвентарное разнообразие тонов и степень их контекстной изменчивости находятся в обратной зависимости: чем больше в диалекте противопоставлено тональных уровней, тем менее они склонны к контекстным изменениям, и наоборот.

Ключевые слова: тон, тонема, тональный класс, ударение, даундрифт, даунстеп, плавающий тон, слог

О. В. Кузнецова. Лабильность в языке гуро

Статья посвящена описанию лабильности в языке гуро (манде > южные манде). Обсуждаются диатетические типы лабильности, представленные в гуро: конверсивная, рефлексивная и, прежде всего, декаузативная и пассивная. Рассматривается распределение этих типов ла-

бильности в глагольной лексике и выявляются факторы, влияющие на характер распространения лабильности в гуро: тип ситуации и её самопроизвольность, одушевлённость пациенса, способ каузации.

Ключевые слова: пассивная лабильность, декаузативная лабильность, рефлексивная лабильность, шкала самопроизвольности, одушевлённость пациенса, способ каузации, язык гуро

Н. В. Макеева. Актантная деривация и лабильность глагола в кла-дан

В работе рассматриваются формальные средства языка кла-дан для выражения диатезных преобразований и актантных дериваций: лабильность, показатель каузатива и рефлексивный показатель. В кла-дан следует различать два типа лабильности: лексическую и грамматическую. Первая является механизмом, объединяющим в рамках одной лексемы два разных её употребления. В языке кла-дан лексическая лабильность очень продуктивна: выделяются декаузативный, рефлексивный и реципрокальный семантические типы лабильности. Грамматическая же лабильность является средством синтаксического преобразования любой переходной (нерефлексивной) конструкции в непереходную.

Лабильность конкурирует в языке с морфологическим показателем каузатива. Сфера действия каузатива имеет лексические, а также грамматические – залоговые и временные – ограничения.

Сфера рецессивных диатезных преобразований обслуживается в кла-дан рефлексивным показателем, которым служат рефлексивные местоимения-нелокуторы и несубъектные местоимения-локуторы. Переходная конструкция, в которой они занимают позицию прямого дополнения, называется рефлексивной. Такая конструкция объединяет в комплексе своих значений собственно-рефлексивное значение, посессивно-рефлексивное значение, а также автокаузатив и декаузатив.

Ключевые слова: лабильность, рефлексивная конструкция, актантные деривации, декаузатив, автокаузатив, пассив, каузатив

Д. Ф. Мищенко. Видо-временная система языка лоома (диалект вои-балага)

Прономинальную систему лоома образуют собственно местоимения, местоименные показатели (МП) и местоименные индексы (МИ).

В зависимости от своей синтаксической функции, МП делятся на две группы: первую группу образуют местоименные предикативные показатели (МПП), которых в вои-балага насчитывается 6 серий. Они участвуют в выражении ТАМ и полярности, являясь обязательными компонентами структуры глагольного предложения. Вторую группу составляют местоименные посессивные показатели, употребление которых в посессивной конструкции обязательно.

Местоимения представлены 8 сериями. В большинстве контекстов они находятся в отношениях дополнительной дистрибуции с ИГ, но в некоторых случаях местоимения 3 л. ед. ч. дублируют ИГ.

МИ служат для выражения прямого и косвенного дополнений в том случае, если они не представлены полной ИГ; для выражения субъекта в фактативной конструкции и для передачи значения неотчуждаемого обладания на вершинном имени. В последнем случае употребление или неупотребление МИ зависит от типа имени в позиции обладаемого и референциального статуса участников.

Ключевые слова: автосемантичное имя, местоимение, местоименный показатель (МП), местоименный предикативный показатель (МПП), местоименный посессивный показатель, местоименный индекс (МИ), лоома, неавтосемантичное имя, неотчуждаемая принадлежность, отчуждаемая принадлежность, фактатив, юго-западные манде.

Д. А. Паперно. Грамматический очерк языка бен

В очерке дается описание языка бен на всех грамматических уровнях. Отдельные разделы посвящены фонологии, морфологии и основным аспектам синтаксиса: структуре простого предложения, кодированию ТАМ и полярности, структуре именной группы, полипредикативности, способам выражения информационной структуры. К описанию прилагается краткий образец текста на бен с грамматическим анализом. Очерк написан на основе полевой работы.

Ключевые слова: язык бен, языки манде, синтаксис, морфология, фонология, полевое описание, местоименные серии, редупликация, вид, лабильность, аргументная структура, коммуникативная структура

М. В. Хачатурьян. Система глагольного спряжения языка мано

Рассматривается глагольное спряжение языка мано (южные манде). Анализ основан на описании системы местоименно-

предикативных показателей, их морфологии и употребления. Анализ делается с точки зрения типологии кластеризации ТАМ-граммем, а также с точки зрения типологии отрицания. Кроме того, указываются некоторые морфологические особенности, создающие трудности для диахронического анализа.

Ключевые слова: язык мано, южные языки манде, глагол, спряжение, местоимения, кластеризация, типология отрицания, отрицание, аспектуальная типология

Annotations and keywords

Kirill Babaev. Person marking in South-Western Mande: Comparison and reconstruction.

The article presents a brief comparative analysis of the systems of person marking in six languages of the South-Western group of the Mande family and a tentative reconstruction of the Proto-South-Western person markers. The paper includes data from the newly-discovered Zialo language recorded in 2010 by the Russian linguistic expedition to West Africa.

Keywords: personal pronouns, person marking, comparative analysis, reconstruction, Mande languages, Niger-Congo languages

Artem Davydov. A Bamana electronic corpus and descriptive metadata

The paper describes the criteria used when selecting texts for an electronic corpus of Bamana. Criteria for building a corpus of a language that has only recently become a written language are necessarily different from those for languages with a long tradition of writing. The structure of the descriptive metadata is discussed. The descriptive metadata are subdivided into two blocks, one for text sources, and the other for the texts themselves. Dozens of parameters, arranged into hierarchies, are used to characterize each source and text. Special attention is paid to the issue of the orthography.

Keywords: Manding languages, Bamana language, language corpus, typology of texts

Maria Konoshenko. Tonal systems in the Kpelle dialects

The article deals with the suprasegmental phonological component in three dialects of Kpelle (Mande > South-Western Mande). In particular, the following questions concerning the suprasegmental structure of Kpelle are discussed: the segmental base of tone, the status of contour tones, the relation between tone and stress. The tonal inventory and the rules of tonal realization are described in three dialects showing considerable difference in their phonology and grammar.

However, the difference in suprasegmental organization of the dialects concerns only the surface realizations of the same underlying tones. The richness of tonal inventory is inversely proportional to the contextual changeability of tones in the dialects: the more tones are opposed in a dialect, the less they are likely to change in their surface realization, and vice versa.

Keywords: tone, toneme, tonal class, pitch, down-drift, down-step, floating tone, syllable

Olga Kuznetsova. Lability in Guro

Lability types in Guro (Mande > South Mande) are classified in relation to the diathesis. Four types are attested: conversive lability, reflexive lability, decausative (inchoative) lability, and passive lability. The distribution of these types in the vocabulary and the factors contributing to this distribution are discussed: situation type, spontaneity, animacy/non-animacy of the patient, causation type.

Keywords: passive lability, inchoative lability, reflexive lability, spontaneity scale, animacy of the patient, type of causation, Guro language

Nadezda Makeeva. Lability and valency-changing derivation in Kla-Dan

This paper deals with diathesis transformations and argument derivations in Kla-Dan, including lability, causativity, and reflexivity. Two types of lability, lexical and grammatical, are to be distinguished in Kla-Dan. Lexical lability shows high productivity and is represented by three semantic types: decausative, reflexive, and reciprocal. Grammatical lability provides for syntactic transformation of any transitive (non-reflexive) construction into intransitive one with passive meaning.

Lability competes with a morphological causative marker. The domain of the causative marker has lexical and grammatical restrictions, such as voice and tense.

Reflexive non-locutor pronouns and non-subject locutor pronouns (in the direct object position) are used for recessive diathetic transformations. A reflexive construction can express reflexive proper, possessive reflexive, autocausative, and anticausative meanings.

Keywords: lability, reflexive construction, argument derivations, decausative, autocausative, passive, causative

Daria Mishchenko. The pronominal system of Looma (Woi-Balagha dialect)

The pronominal system of Looma includes pronouns, pronominal markers and pronominal indexes. According to their function, pronominal markers can be divided into two groups. Group one includes predicative pronominal markers (PPM). There are 6 sets of PPMs in Woi-Balagha. They are involved in the expression of TAM and polarity meanings. PPMs are obligatory constituents of verbal sentences.

Group two includes possessive pronominal markers. They mark possessive constructions and cannot be omitted.

There are eight series of pronouns that are in complementary distribution with the corresponding NP. In some sentences, however, a plural subject NP is replicated, obligatorily or optionally, depending on the sentence type.

Pronominal indexes express DO and IO in the absence of a full object NP; they mark subjects in factative constructions and inalienable possession on the head noun. In the latter case, the use of pronominal indexes depends on several factors, such as the type of the head noun and the referential statuses of the participants.

Keywords: Looma, Mande languages, alienable possession, free noun, factative, inalienable possession, possessive pronominal marker, predicative pronominal marker (PPM), pronominal index (PI), pronominal marker (PM), pronoun, relative noun, South-Western Mande.

Denis Paperno. A sketch of Beng grammar

The sketch provides a description of the Beng language on all levels of grammar. Individual sections are dedicated to phonology, morphology,

and to key aspects of syntax, including simple and complex clauses. The paper is based on the author's field work.

Keywords: Beng language, Mande languages, syntax, morphology, phonology, field description, pronominal series, reduplication, aspect, argument structure, information structure

Alexandra Vydrina. Lability in Kakabe

The spread of lability in the verbal lexicon of Kakabe is determined by the spontaneity scale: verbs denoting more conceptually spontaneous events require the causative marker when used in transitive constructions and are therefore not labile, while verbs denoting more spontaneous events are labile. Lability in certain Kakabe dialects spreads over the lowermost part of spontaneity being an unmarked analogue of the passive.

Keywords: Kakabe language, Mokole languages, Mande languages, argument structure, lability, verbal lexicon, markedness, transitivity, causative, passive

Valentin Vydrin. An electronic annotated corpus of Bamana texts: The first stage

The electronic annotated corpus of Bamana texts consists of three components: an electronic dictionary, a morphological parser, and the analyzed texts. The article examines the organization of each of the components and the ways of resolving the difficulties arising before the working group.

Keywords: language corpus, Bamana language, Mande languages

Maria Khachaturyan. Verbal conjugation in Mano

This article considers the system of verbal conjugation in Mano, a South Mande language. The analysis is based on a description of the system of pronominal predicative markers, their morphology and usage. The analysis is done from the point of view of the typology of clasterisation of TAM-grams and from the point of view of the typology of negation. Apart from that, certain morphological peculiarities representing difficulties for the diachronic analysis are singled out.

Keywords: Mano language, South Mande languages, verb, conjugation, pronoun, clasterization, negation, typology of aspect

СОДЕРЖАНИЕ

Российская мандеистика в первом десятилетии XXI века 7

Исследования по отдельным языкам

Д. А. Паперно
Грамматический очерк языка бен 14

М. Б. Коношенко
Тональные системы диалектов языка кпелле 118

ГЛАГОЛЬНАЯ ЛАБИЛЬНОСТЬ

А. В. Выдрина
Лабильность в языке какабе 174

Н. В. Макеева
Актантная деривация и лабильность глагола в кла-дан 218

О. В. Кузнецова
Лабильность в языке гуро 263

ВРЕМЯ, ВИД, МОДАЛЬНОСТЬ, ПОЛЯРНОСТЬ

Д. Ф. Мищенко
Видо-временная система языка лоома (диалект вои-балага) 279

М. Л. Хачатурьян
Система глагольного спряжения языка мано 305

Корпусная лингвистика

В. Ф. Выдрин
Электронный глоссированный корпус текстов языка бамана: первый этап 343

А. В. Давыдов
Электронный корпус языка бамана: комплектование и принципы метатекстовой разметки 381

Лингвистическая реконструкция

К. В. Бабаев
Личное маркирование в юго-западных языках манде: опыт сравнения и реконструкции 394

Сведения об авторах, ключевые слова, аннотации. 450